

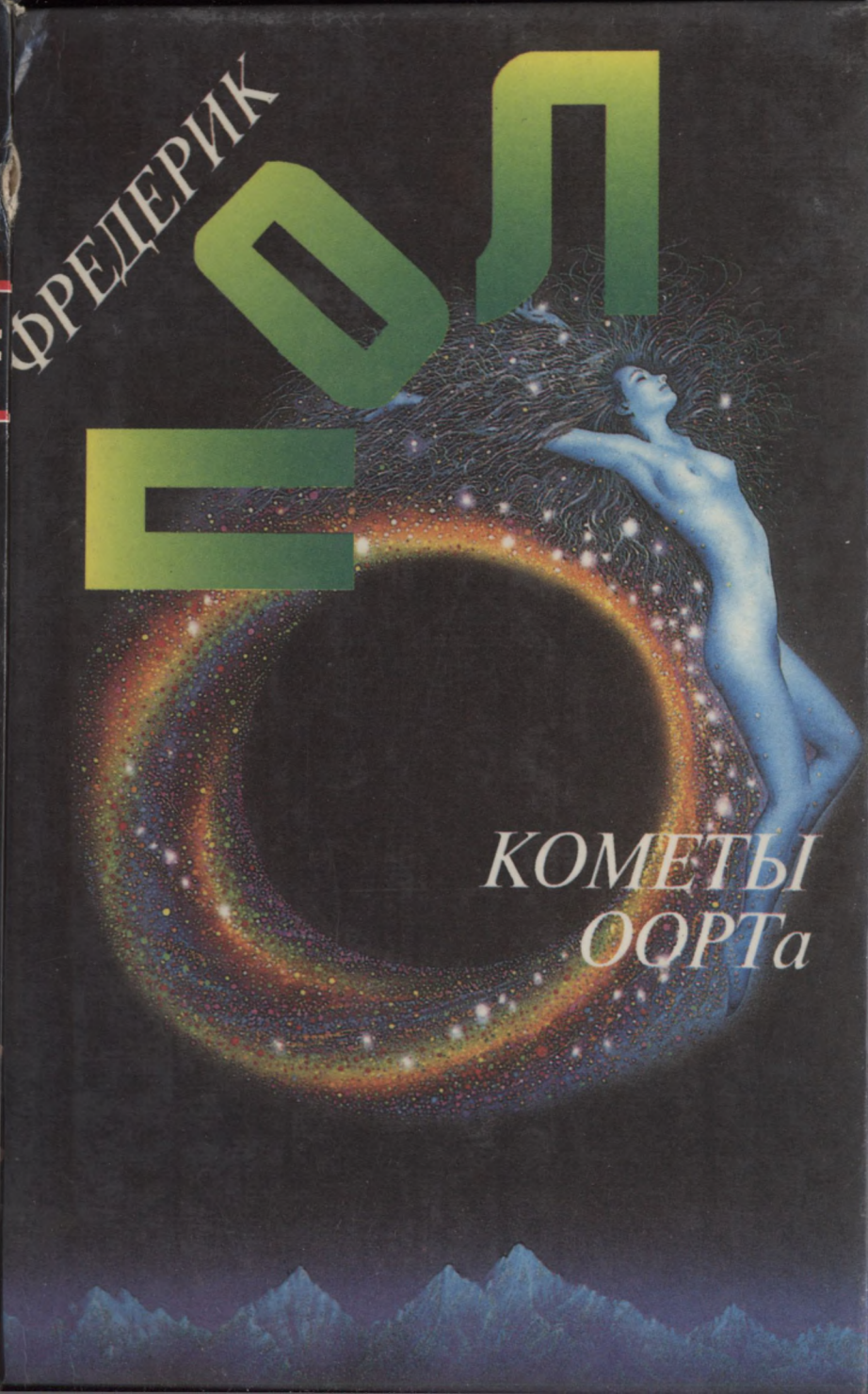
Фредерик Пол

КОМЕТЫ
ООРТа

ФРЕДЕРИК

ПОЛ

КОМЕТЫ
ООРТа

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ
ФАНТАСТИКА
XX века

Пол АНДЕРСОН
Кеннет БАЛМЕР
Джеймс БЛИШ
Джеймс БАЛЛАРД
Джон БРАННЕР
Мэрион Зиммер БРЭДЛИ
Альфред ВАН ВОГТ
Стэнли ВЕЙНБАУМ
Джин ВУЛФ
Джек ВЭНС
Гордон ДИКСОН
Абрахам МЕРРИТ
Ларри НАЙВЕН
Андрэ НОРТОН
Брайан ОЛДИСС
Эдгар ПАНГБОРН
Фредерик ПОЛ
Джерри ПУРНЕЛЛЬ
Джоанна РАСС
Фред САБЕРХАГЕН
Роберт СИЛЬВЕРБЕРГ
Джек УИЛЬЯМСОН
Филипп Хосе ФАРМЕР
Фрэнк ХЕРБЕРТ
Пирс ЭНТОНИ

Фредерик ПОЛ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

1. Операция «Венера»
Война торговцев космосом
2. Предпочтительный риск
Невольничий корабль
Волчья отрава
3. Походка пьяницы
Чума питонов
Рассказы
4. Рифы Космоса
Дитя Звезд
Блуждающая звезда
5. Эра осторожности (Кискин век)
Восход черной звезды
Рассказы
6. Врата
За синим горизонтом событий
7. Свидание с хичи
Анналы хичи
8. Путь на Врата
Нашествие Квантовых Котов
9. Гладиатор по закону
Путь домой
10. **Кометы Оорта**
Рассказы
11. Граница земли
Рассказы

Фредерик Пол

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

том десятый

Кометы Оорта

роман

Рассказы

«Сигма-пресс». Москва
1995

ББК 84.4.США
П 24

Издание выходит под общей редакцией
Вл. Гакова

Публикуется с разрешения автора. Перепечатка издания
без разрешения запрещена.

**Всякое коммерческое использование данного издания
возможно исключительно с ведома издателя.**

Ответственный за выпуск
Ильгар Гусейнов

Ф. Пол. Кометы Оорта

П24 Собрание сочинений. Том десятый. Кометы Оорта. Роман. Рассказы./Пер. с англ.: — М., «Сигма-пресс», 1995.—416 с.

П $\frac{4703010100 - 24}{\text{ОД4(03)-95}}$ без объявл.

ISBN 5-85949-042-9

MINING THE OORT

© By F. Poul, 1992 г.

© Перевод В. Городков, 1995 г.

© Издательство «Сигма-пресс». Оформление и составление. 1995

КОМЕТЫ ООРТА

1

На Марсе нет в сущности ничего дурного, что не могла бы исправить нормальная атмосфера. К сожалению, ее-то у планеты и нет. Если взглянуть на ситуацию на Марсе с общечеловеческой точки зрения - а как еще на это смотрели люди? - в скудной марсианской атмосфере многое не в порядке. А самое главное это то, что ее просто недостаточно. Давление воздуха на поверхности планеты - какие-то жалкие девять-десять миллибар. Это так мало, что люди на Земле скорее всего называли бы ее вакуумом, но это не так, по крайней мере, не совсем так.

Эти дурные новости - вести для инженеров экологов, как стали называть себя те, кто практикует еще неоперившуюся науку преобразования других планет в приемлемые имитации Земли. Тот факт, что на Марсе отчаянно не хватает атмосферных газов еще более усложняет их задачу, но для будущих иммигрантов на Марс есть и недурные новости. Хорошее в них то, что случайно есть в солнечной системе такое место, где все те летучие вещества, каких явно недостает Марсу, плавают в космосе совершенно впустую.

Место это не очень-то доступно, но все же оно есть. В космосе расстояния не играют большой роли, где, если вам уж удалось запустить что-то в нужном направлении, рано или поздно попадет куда вам надо. Источник этих потенциальных для Марса газов располагается далеко на окраине семейки спутников Солнца, гораздо дальше, чем

даже Плутон. Именно там кометы вечно плывут по своим медленным туманным орбитам, по крайней мере, до тех пор, пока одна или две из них не сбиваются случайно со своей траектории и не начинают скользить к Солнцу. Называется это место Скопление Оорт или в просторечии Оортово облако.

2

Когда Деккеру Де Во было восемь лет, конечно, по марсианскому исчислению, потому что Деккер был марсианином, а на Марсе не пользуются земным календарем, как и впрочем всем остальным с Земли, без чего удастся обойтись, - так вот, когда Деккеру было восемь лет, появилась первая комета, чтобы приземлиться тут в конце своего многотрудного путешествия из Оортова облака.

Это было чудесное время. Правда и полное тревоженье для маленького Деккера, поскольку в его жизни ничего подобного еще не случилось. Но по большей части, это все же было чудесно, потому, сколько Деккер себя помнил, все говорили это означает, что Марс вновь оживет. Как только эти кометы станут прибывать в больших количествах, так это и произойдет - когда-нибудь. В те дни однако приземление кометы было не только чудесно увлекательным, но и истрепало немало нервов. То есть, все стало с ног на голову, поскольку Деккеру предстояло упаковать вещи и убраться с дороги кометы.

Впрочем, сделать это пришлось не только Деккеру Де Во и его матери. Уезжало все население марсианского дема под названием Сагдаев, все сорок три человека: мужчины, женщины, дети - так что здесь безусловно было над чем призадуматься восьмилетнему парнишке. Конечно, Деккера комета не пугала. Мало что могло напугать Деккера Де Во. Он был в том возрасте, когда ребенка вообще нелегко напугать - по земным стандартам

ему было около пятнадцати - и уж во всяком случае он унаследовал храбрость от своих родителей-пионеров. Естественно, к некоторым вещам Деккер относился с соответствующим почтением, как скажем к утечке воздуха или к возможности потеряться, или к Бонам, а перемещение целого города, по его разумению, относилось к этой же категории.

Но переезжали они не навсегда. Мать говорила, что эвакуация лишь необходимая предосторожность. Приземление кометы, предположительно, произойдет в центре Плато Чрайс, в тысяче километров на северо-восток от подземного поселения шахтеров Сагдаев, но для осторожных людей такого расстояния недостаточно, чтобы чувствовать себя в безопасности. На Марсе долго не протянешь, если не разовьешь в себе привычку к осторожности. Таким образом марсиане из дема Сагдаев не собирались полагаться на случай.

- Не хотелось бы оказаться поблизости от нулевого уровня, - объясняла мать, лихорадочно соображая, что паковать, а что оставить из их и без того скудных пожитков. - Прицел может оказаться не так уж и точен.

- Ты хочешь сказать, что комета может ударить в Сагдаев? - спросил Деккер, широко распахивая глаза.

- О нет, - слегка коснувшись его плеча, ответила мать, - или по крайней мере, я так не думаю. В общем, я уверена, что нет. Просто дело в том, что если это произойдет сколько-нибудь близко, то основательно встряхнет город, может даже прорвать гравитационную защиту. - Она вздохнула, озадаченно оглядывая их единственную комнату. - Иногда мне думается, что не стоило строить Сагдаев так далеко на краю Кривой, но откуда нам было знать?

Деккер оставил этот риторический вопрос без ответа, ответив лишь на тот, что лежал за словами.

- Здесь есть медь, - указал он.

- Положу, - рассеянно отозвалась мать, увязывая узел. - Деккер, как насчет того, чтобы оставить здесь Храброго Мишку? Ты уже больше не играешь с ним.

Конечно же, Деккер признал, что не играет. Он испытывал почтение к тому, как безжалостно мать отказалась от своей лучшей пары туфель и запасного рабочего костюма давно отсутствующего отца - костюм хранили лишь из сентиментальности, воздушный насос в нем был слишком старым и слабым, и конечно Болдон Де Во никогда не вернется, чтобы вновь воспользоваться им. Она даже выбросила небольшую печку, на которой они раньше среди ночи подогревали какао, а иногда даже обогревали комнату, когда Деккер был еще совсем маленьким.

- За частью этих вещей мы сможем вернуться позднее, - объяснила мать. - Скорее всего, Деккер, думаю, с поселком все будет в порядке, но сейчас предполагается, что мы не возьмем больше двадцати килограммов каждый.

Люди оставляли не только личные вещи, но весь подземный город, с такими усилиями вырытый в твердой марсианской земле. Они закрыли небольшую ремонтную мастерскую и дополнительными люками укрыли вход в свою драгоценную медную шахту. Они даже бросили большую часть солнечных зеркал и фотовольтных генераторов, что обеспечивали энергией жизнедеятельность марсианских поселений. В аэропонных садах на самом нижнем уровне дема они собрали все, что успело или почти успело созреть, но не тронули еще не выросшие растения. Не стали утруждать себя возней с тремя гектарами кристаллоголовых грибов, которые делали все возможное, чтобы выжить на плантации под открытым небом на склоне давно потухшего вулкана. Они даже не взяли с собой центральные кухни и ванны - не было места. Из Санпойнт-Сити притащились три грузовых вездехода, плюс один для людей. То, что не могло войти в вездеходы, пришлось оставить.

Взрослые еще грузили вездеходы, когда мать Деккера велела ему отправляться в постель в их последнюю в Сагдаеве ночь. Деккер, конечно, не плакал. Восемилетние марсиане слишком взрослые, чтобы плакать. Но той

ночью ему снились дурные сны, и когда мать разбудила его задолго до рассвета, у него саднило глаза. Она поторопила его одеваться, устроила в металлическом с запором кресле в машине для пассажиров и там оставила. Герти Де Во была назначена сменным водителем, и потому ей выпало путешествовать в огромном тракторе, который тащил цепочку грузовиков, а не сидеть рядом с сыном.

Дорога до столицы Марса, Санпойнт-Сити, была долгой, более восьмисот километров по прямой, а они не могли двигаться по прямому тракту. Местность между пиком, названным Фарус Толус, где был построен Сагдаев, вблизи богатой залежи медной руды, и гораздо более внушительной горы возле Санпойнт-Сити. Павонис Монс была изломанной и неровной. Им бесконечно приходилось выбирать обходной путь и, даже в лучшем случае, они не передвигались слишком быстро. Тракторы на солнечных батареях по природе своей медлительны, даже со всеми фотовольтными аккумуляторами на грузовых платформах. И конечно же, когда солнце садилось, никакая энергия не аккумулировалась. После заката трактор продолжал ползти только до тех пор, пока хватало запаса энергии в батареях, оставляя лишь достаточное ее количество, чтобы поддерживать жизнь пассажиров до восхода на следующее утро.

В общем и целом, на дорогу ушло пять дней.

Это были долгие дни. Большую часть времени Деккеру было совершенно нечего делать, разве что сидеть и поглощать обеды, завтраки и ужины, - тарелки с едой передавали из рук в руки - и четыре-пять раз встать, чтобы в свою очередь посетить тесный туалет. В грузовик было встроено пять шлемов с виртуальными играми, и когда подошла его очередь, Деккер смог получить все развлечения, на какие хватило скудной библиотеки. Неплохо было смотреть, как перед глазами разворачиваются давно известные сказки или даже нагонять школьную программу. Но такое случалось лишь на час-другой в

день. В общем и целом, путешествие оказалось проверкой приобретенных умений для всех марсиан из Сагдаева. Если бы они с рождения не были натренированы в Манерах, Вдумчивости и Неагрессивном Поведении, могли бы возникнуть даже драки. Впрочем, до них едва не дошло, по крайней мере, раздавалось больше повышенных или гневных шипящих голосов, чем Деккер слышал за всю свою жизнь. Но сам он не был замешан ни в одну из раздраженных свар среди взрослых.

Деккер не был совершенно один. Три-четыре раза за день мать звонила ему по телефону из кабины трактора, просто чтобы поболтать, а между звонками с ним был один из друзей матери, поскольку он занял соседнее кресло. Естественно это был Тинкер Горшак. Деккеру он по-прежнему не нравился, но все же он был рад, что иногда можно заснуть на плече знакомого человека.

По дороге Деккер все больше молчал. Если бодрствовал, читал тексты из учебника. Спал, сколько мог. И, хотя на самом деле он был уже слишком взрослым для подобных вещей, он всегда сознавал успокаивающее присутствие безглазой, безухой, набитой опилками игрушки, которую засунул под скафандр в последнюю минуту, когда его мать отвернулась. Когда дошло до дела, почти выросший Деккер Де Во не захотел оставлять Храброго Мишку наедине с кометой.

3

Самым лучшим на Марсе - так, по крайней мере, полагали большинство марсиан - был Небесный Крюк в Санпойнт-Сити, и он не ограничивался исходным оборудованием планеты. Его пришлось построить, кстати, землянам. У Небесного Крюка довольно интересная предыстория. Это одно из критически важных изобретений человечества - другое двигатель на антиматерии Аугенштейна, который сделал возможным полеты космических кораблей. И в первую очередь Небесный Крюк, который

был изобретен задолго до того, как в нем возникла хоть какая-то необходимость. На самом деле, Небесный Крюк был изобретен задолго до того, как возникла сама возможность его построить. Человек, придумавший первый «космический подъемник», был инженер из Ленинграда Юрий Арцутанов, и было это в шестидесятых годах двадцатого века.

Довольно прозорливо со стороны этого Арцутанова. В 1960 году никому не удавалось достичь даже края космического пространства и тех материалов, из которых возможно было бы построить нечто подобное, тоже тогда еще не существовало. Но именно Арцутанов предположил, что если поместить спутник на геостатическую орбиту над экватором планеты и с нее спустить кабель длиной в тридцать шесть тысяч километров, это сооружение сойдет за «орбитальную башню». А тогда можно использовать подъемники для того, чтобы поднимать корабли, грузы и людей с поверхности планеты прямо на орбиту почти бесплатно - или по крайней мере, с гораздо меньшими затратами, чем если бы это делалось при помощи ракет.

Все случилось так, как предсказывал Арцутанов. Как только появился двигатель антиматерии Аугенштейна, что сделало быстрыми и достаточно дешевыми сами космические полеты. Осуществилась возможность перемещаться по всей Солнечной системе - надо только попасть на орбиту. Но этот первый шаг и был наиболее трудным, именно для этого и существовал Небесный Крюк.

Нельзя сказать, что Небесный Крюк сам по себе был очень дешевым. Тот, что находился на Земле, возвышался из Найроби до уровня геосинхронной орбиты, и его постройка обошлась приблизительно во столько же, во сколько обходилась средняя война. Но когда очередь дошла до Марса, стоимость уже значительно упала. Причиной этому стало то, что не было необходимости забрасывать все нужные материалы с поверхности планеты на орбиту в космосе. Небесный Крюк Марса начался в

космосе: руды с астероидов, перерабатываемые на орбите, пошли на изготовление оболочки, остальное завезли с Земли, а тогда от остальной вселенной марсиан стала отделять не более чем поездка на лифте. Эти первые решительные, целиком посвятившие себя своей цели колонисты Марса, которые нуждались во всем, могли теперь импортировать почти все, чего бы им ни захотелось. Все что им нужно было делать, это оплачивать счета за ввоз.

4

Санпойнт-Сити - поселение совсем иного рода, чем Сагдаев. Гора в Санпойнт-Сити была настоящая, впечатляющая Павонис Монс, возвышающаяся почти на двадцать километров и удивительная даже для родившегося на Марсе Деккера Де Во. Город расположился прямо на марсианском экваторе - именно поэтому его и называли Санпойнт - Солнцестояние. Следовательно это была та точка, где Небесный Крюк касался поверхности, и потому стала столицей планеты.

Другим впечатляющим обстоятельством в Санпойнт-Сити была его - по марсианским стандартам - огромность. Город насчитывал более девяти сотен жителей, проживавших в почти трех километрах подземных туннелей и камер, вырезанных в земле под серной поверхностью Марса и вдвойне защищенных, чтобы удержать внутри драгоценную атмосферу.

Деккер Де Во испытывал должное благоговение. Он никогда не видел столько чужих сразу. Некоторые из них были действительно странные - на самом деле, они вообще не были марсианами. Именно сюда прибывали все внепланетные посетители, тут впрочем, и оставались. Здесь проживали несколько дюжин немцев, американцев, украинцев, японцев, бразильцев - многие жили целыми семьями - люди с Земли!

Когда они все вместе шагали вниз по одному из

проходов, мать Деккера указала на группу землян - трое или четверо взрослых и пара детей.

- Посмотри хорошенько, - прошептала она. - Тебе нечасто доведется их видеть.

Деккер знал, почему. Земляне жили замкнуто, придерживаясь общества своих, в своих собственных роскошных помещениях.

- А нельзя посмотреть, где они живут? - спросил мальчик.

- Хорошо, мы можем пройти мимо их секций, - после короткого раздумья ответила мать. - Хотя нас туда и не приглашали.

Но когда они добрались до уровня, где жили земляне, - уровнем ниже опасной верхней секции Санпойнта, смотреть было не на что. Все в общем и целом выглядело так, как и в любой другой части города, просто еще один коридор, хотя с бросающейся в глаза надписью через всю стену ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ КВАРТАЛ. А кроме того оттуда лилась громкая музыка. Вот это уж действительно странно - нельзя ведь нарушать тишину на чьей-нибудь территории? Коридор выглядел ничуть не лучше того, где располагалась предоставленная Де Во спальня, - по крайней мере, у входа, хотя и тут Деккер заметил нечто необычное. С палочек по стенам свисало с дюжину цветных кусочков ткани.

- Хорошенькие, - сказал Деккер, чтобы быть вежливым.

- Это флаги, - объяснила мать. - Думаю, тот с красными полосами флаг Америки.

Пока они шли обратно к своей спальне, мать немало удивила его, рассказывая, что вниз по коридору находятся жилые комнаты землян, у каждого из которых есть своя личная комната, а также такая немислимая роскошь как личные ванны и даже домашние животные.

- Две семьи с Земли держат кошек, - оказавшись у себя в комнате, мать чихнула, - а Тинкер говорит, что раньше у кого-то был попугай, но он умер.

А когда Деккер спросил, почему земляне могут позво-

лить себе бросать на ветер такие огромные деньги, она серьезно ответила:

- Земляне могут позволить себе все, что угодно, Деккер. В особенности потому, знаешь ли, что платить за это будем мы.

- А верно, - он вдруг понял. - Бонны.

- Бонны, - прогремел от входа Тинкер Горшак, слегка ошарашив Деккера, который даже не подозревал о его присутствии. - Земляне и Боны, - сказал он, странно двигая губами, как будто хотел выплюнуть эти слова.

К тому же он пришел не один. Держась за его штанину на нем почти висел малыш, посасывая палец и разглядывая Деккера.

- Это мой внук Тсуми, - с гордостью сказал старик. - Мы зашли, чтобы посмотреть, не нужна ли вам помощь. А вы поиграете вместе, Дек.

Чувствуя на себе взгляд матери, Деккер протянул руку, чтобы пожать руку мальчика. И быстро отдернул ее. Тсуми протянул именно ту руку, которую до того держал во рту, и она была все еще влажной от слюны. Тинкер же, ничего не заметив, вернулся к теме разговора.

- Земляне говорят, что они здесь, чтобы присматривать за своими вложениями, но на самом деле это туристы. Они пришли посмотреть на шоу пожарной команды! А мы платим по тысяче куэс в день за каждого из них. Ты знаешь, что такое куэс, Деккер? Их деньги. Твердая валюта.

Мать Деккера покачала головой.

- Деккер знает, что такое денежные единицы, Тинкер.

- А знает ли он, что мы вынуждены занимать эти чертовы деньги у них, чтобы иметь возможность использовать фонды на оплату их счетов? Только, видите ли, потому что им не нравится то, что есть у нас здесь. То, что им нужно, должно быть с Земли, и платить за это надо в их валюте.

Герти Де Во вздохнула.

- Тинкер, - сказала она шутливо, - думается мне, что

ты нуждаешься в тренировках мягкости больше, чем кто-либо из ребят. И раз уж ты здесь, давай закончим работу. Помоги мне разложить все по местам.

У беженцев из Сагдаева ушло на это совсем немного времени - даже с надоедливym внуком Тинкера, вечно путающимся под ногами. У них было не так много пожитков. Самое забавное, как сказал им Тинкер, что по всему Санпойнту местные занимались тем же самым. Беглецы из Сагдаева находили довольно комичным то, что эти люди беспокоятся за последствия столкновения для самих себя. Без сомнения, комета упадет слишком далеко от Санпойнт-Сити, чтобы город испытал хоть какое-то сотрясение. Марс слишком стар, чтобы страдать от сколько-нибудь значительной сейсмической активности, даже если в его пустыню рухнет несколько миллионов тонн кометной массы. И тем не менее, поскольку беглецы были гостями города, хорошие манеры обязывали их помочь своим хозяевам. А потому все принялись снимать предметы на пол, укреплять стены, убирать все, что может разбиться, и помогать аварийным командам проверять системы контроля повреждений, на случай если во внешних стенах возникнет протечка.

Проблема с повальной занятостью взрослых заключалась в том, что Деккеру тоже пришлось потрудиться. Нет, ничего полезного в его усилиях не было. Ему предстояло нянчиться с ребенком. Это была идея Тинкера, но Гerti Де Во высказалась за нее целиком и полностью.

- Конечно, ты можешь приглядеть за Тсуми, - разумно сказала она. - Ты очень всем поможешь. У Тинкера забот полон рот, и у отца Тсуми тоже.

Равно как и у нее самой. Этого она не сказала, но ей и не пришлось это говорить, так что Деккер смирился с обществом сосунка.

Проблемой было то, что сосунку совсем не интересно было водить Деккера по Санпойнт-Сити, что могло бы быть интересным. Он хотел, чтобы Деккер с ним поиграл,

и Деккер порядком устал от детских игр. Тсуми даже не желал воспользоваться шлемами виртуальной реальности, по крайней мере, не теми, которые были позволены ребенку его возраста, хотя для детей это и было ниспосланной с неба возможностью. Учитывая то, что заняты все остальные, большую часть времени шлемы простаивали пустые. А сосунок к тому же не желал сидеть спокойно.

- А как насчет того, чтобы почитать книгу? - почти в отчаянии спросил Деккер.

- Книгу, - фыркнул Тсуми, - К чертям книги. Если тебе нужна книжка, можешь взять мою.

Порывшись в поясной сумке, он вытащил книгу-катридж.

- Вот тебе старозаветное представление о хорошей книге, - сказал он, бросая катриджем в Деккера. - Не нужен мне этот хлам. Я хотел книгу о войне.

Поймав книгу, Деккер вертел ее в руках. Называлась она «Приключения Геккельбери Финна», и, судя по обложке, написал ее некто по имени Марк Твен.

- Не будь дураком, - сказал он мальчишке, - Кому хочется читать книги о войне?

- Я хочу. Вы ведь смотрите войны? На занятиях по воспитанию мягкости для восьмилеток? Если это подходит для вас, почему во имя Христа, не могу читать о них я?

- Потому что ты еще слишком мал.

- Это нечестно, - со злостью выкрикнул Тсуми.

Ну ладно, Деккер думал, что, пожалуй, это и вправду так. Но это же не его вина, не он придумал правило, что детям до восьми лет нельзя смотреть клипы о войне, и в конце концов пришел к тому, что в равной мере нечестно оставлять его на весь день с этим ужасным созданием. Мать была не права, решил Деккер. Быть может, старому Тинкеру Горшаку и нужно сходить на занятия по воспитанию мягкости, но никто не нуждается в них больше, чем его внук.

Потом Деккеру стало полегче, поскольку действитель-

но внезапно наступило время отправлять Тсуми на занятия; ведь совершенно неважно, какое сейчас напряженное время и насколько у кого мало времени. Время для занятий по воспитанию мягкости находилось всегда, поскольку мир, миры давно перешли тот рубеж, до которого они способны были бы пережить свой собственный внутренний стресс без чего-либо подобного.

Деккеру, в его восемь лет, не было необходимости присутствовать на занятиях для малышей. Как только ему удалось доставить Тсуми в нужную комнату, он оказался свободен. Нашел тихое местечко. Вынул брошенную Тсуми книгу и нажал на кнопку старт, чтобы посмотреть на что это будет похоже.

На многое он не надеялся. Но когда по экрану потекли слова, он взглянул на них, потом прочел внимательнее и окунулся в книгу с головой.

Когда ему наконец позволили вернуть Тсуми деду, книгу Деккер оставил себе. Когда позволяло время он читал бегущие слова, удивляясь таким странным концепциям как «рабы» и «ружья» и, быть может, больше всего «реки». Когда он дошел до того места, где Финн разыгрывает собственное самоубийство - самоубийство! - чтобы сбежать от порки - порки! - пьяного отца, он вернулся назад и прочел его дважды, чтобы убедиться, что правильно понял то, что хотел сказать автор.

Так значит, Деккер не единственный мальчик в истории человечества, чей отец не особенно жаловал его.

Деккер попытался отнестись к этой мысли, как к чему-то успокаивающему, но у него ничего не получилось.

Каждую ночь на плоских экранах появлялись изображения приближающейся кометы, большого грязного снежного кома десяти километров в диаметре.

Ее температура уже не была больше температурой ледяного холода, как в месте ее рождения в практически межзвездном Оортовом облаке, потому что она уже

проплыла недалеко от Солнца, чтобы затормозить свой бег перед новым подъемом навстречу Марсу. Комета нагревалась. Некоторые ее газы превращались в великолепный хвост и даже ее оболочка становилась рыхлой.

Деккера не удовлетворяло просто смотреть за ее ростом на экранах новостей. Совсем другое дело было бы оказаться на самой поверхности в лицевой маске и термальном скафандре. А потому, когда матери Деккера предложили отправиться наружу помогать закреплять столь важные для города клетки солнечных батарей, Деккер сам пригласил себя присоединиться к партии рабочих. Уж сосунка-то там точно не будет. Забавно будет выйти вместе с рабочими, даже несмотря на то, что там будет и Тинкер Горшак.

5

Неправда, что на Марсе вообще нет воды. Но не совсем безводна и пустыня Сахара, если вы готовы приложить достаточно сил, чтобы достать кристаллизующуюся воду из песчинок и если вы удовлетворитесь скромным результатом. Большая часть приемлемой воды на Марсе пребывает в замороженном состоянии на полюсах планеты - большое преимущество для кого-либо. Существует также некоторое количество воды застывшей в грязях под самородной селитрой на поверхности планеты, но она остается там по той причине, что отдаленное Солнце неспособно нагреть поверхность настолько, чтобы выточить ее оттуда. Марс получает солнечного тепла приблизительно вдвое меньше чем Земля.

Некоторые части Марса отмечены свидетельствами того, что было время, когда там текла настоящая вода, а именно такие редкости, как затопленные когда-то равнины, и дендрические русла рек, называемые лахарами. Быть может, по лахарам бежали потоки, когда некая краткая ярость вулканов растопила часть этой замерзшей грязи и заставила ее выйти на поверхность, так что она

потекла вниз, пока не испарилась в пересушенном воздухе. Теперь ничего такого нет. Когда на Марс впервые попали люди, они поначалу пытались растопить ледяную грязь под раскаленной сковородкой поверхности. Если, думали они, удалось бы заставить подняться на поверхность хотя бы часть этих летучих веществ, то можно было бы повысить плотность атмосферы, которая согрела бы мир, что позволило бы выгнать еще больше летучих веществ. Или, говоря другими словами, если у вас есть яйца, можно сделать яичницу с ветчиной, если имеется ветчина.

6

Гротескный, будто покрытый ржавчиной ландшафт Марса - единственный ландшафт, какой знал родившийся на Марсе Деккер Де Во. Ему бы и в голову не пришло, рассказывать кому бы то ни было насколько он красив. Немногие подростки в течение обычной своей жизни думают о таких вещах, как красоты природы, а Марс для Деккера был совершенно обычен. В окружении, в котором ему приходилось жить, он не находил ничего удивительного, а даже напротив считал его вполне нормальным.

Возможность выйти вместе с партией рабочих на каменистую равнину представлялась приятной переменной туннелям Санпойнт-Сити, тем более что Тсуми Горшаку выйти наверх не позволяли. Впрочем дедушка Тсуми Тинкера не переставал действовать Деккеру на нервы. Каждый раз, когда Деккер поднимал один край огромных пластов защитной пленки, Горшак материализовывался рядом, чтобы помочь, молча усмехаясь сквозь лицевое окно скафандра. Деккер ненавидел его за это. Старик обращался с ним как с ребенком.

В основном, Деккер большую часть времени проводил в попытках держаться от Тинкера Горшака подальше и не из-за его невозможного внука. У Тинкера были свои недостатки. Начать с того, что он был старым, очень

старым человеком. Ему было под сорок марсианских лет, или около семидесяти - по земным стандартам - в конце концов, у него уже есть внуки. На самом деле, Тинкер был одним из первых поселенцев на Марсе. По этой причине Деккер испытывал к нему определенную долю уважения, но относился к нему с настороженностью, поскольку этот человек всегда пытался стать его другом. Горшак неустанно делал что-нибудь для мальчика - брал его с собой на обзорные экскурсии или посмотреть на медленный рост плантаций кристальных грибов; привозил ему мелкие подарки в виде яблок или клубники, когда в аэропонных теплицах созревал урожай; спрашивал, как у него дела в школе. Деккер отнюдь не был польщен. Он не нуждался в подарках Горшака и не думал, что Горшака действительно волнуют его дела. Чего на самом деле желал Горшак, так это жениться на Герти Де Во, а Деккеру совсем не хотелось, чтобы его мать снова выходила замуж - даже если бы его отец был на самом деле мертв, а не развелся с ней.

Что затрудняло отказ от предложений Горшака помочь был тот факт, что, хотя Деккер делал все что мог, сражаясь с фотовольтными клетками, работа на самом деле требовала силы взрослого. Требовалось натянуть на длинные зеркала и ряды фотоклеток, которые превращали солнечный свет в электричество, гигантские листы пленки. А кроме того, как перешептывались люди из Сагдаева, это была просто потеря времени. Правда, защищать свои собственные запасы - дело здравого смысла. Если что-нибудь случится с фотовольтными клетками, город Санпойнт ожидает катастрофа. Но что с ними может случиться? Ни один осколок кометы не долетит так далеко от места ее падения, чтобы разрушить зеркала Санпойнт-Сити. Могут, конечно, возникнуть гигантские песчаные бури, но они испокон веку представляли собой проблему марсиан, и фотовольтные сооружения каждого из демонов выдержали не один такой шторм.

Так что от Деккера потеющим мужчинам и женщинам в скафандрах разворачивающих огромные пласты плен-

ки, немного было помощи, и нелегче было и от того, что ему лишь с трудом удавалось смотреть себе под ноги, когда столько удивительного творилось в небесах. В-первых, там была сама комета, ее растущий молочный хвост простирался теперь почти от горизонта до горизонта даже в ярком свете полдня. Но еще более привлекательным мальчику с дальних холмов казалась паучья сеть тончайших кабелей, протянувшихся наверх в никуда, туда, где Небесный Крюк делал свое дело, поднимая капсулы с поверхности планеты на ее орбиту.

Правда и то, что жара марсианского дня высосала из Деккера большую часть тех сил, какие мальчик мог собрать для работы. Там, где Санпойнт раскинулся на экваторе Марса, в полдень этого летнего дня температура поднималась выше двадцати градусов по Цельсию. Когда Деккер в четвертый раз уронил свой конец пленки, Тинкер Горшак сердито просигналил ему рукой, и подошла его мать, чтобы прижать свою лицевую маску к его собственной.

- Лучше оставь это, Деккер, - посоветовала она, голос ее казался тонким и слабым. - Пойди поищи другой работы. Мы закончим здесь без тебя.

Деккер с удовольствием махнул рукой в знак согласия. И в самом деле было здесь нечто, что он предпочел бы делать с гораздо большим удовольствием, и он только ждал подходящего шанса.

Он начал было двигаться в направлении люка в город, оглядываясь через плечо, чтобы посмотреть, чем заняты рабочие. Когда он удостоверился, что они слишком заняты, чтобы обращать на него внимание, он сменил направление, пробежал мимо навесов над зеркалами, и направился в открытую равнину.

Открывшийся перед Деккером вид, оказался для него совершенно новым и неожиданным. А видел он, оглядываясь по сторонам, чернильные тени, розоватые или ржавые валуны, розовое небо с маленьким ярким солн-

цем над головой. Это не только не походило на землю, но и не напоминало ничего в собственной глухости Деккера. Почва вокруг Сагдаева была в это время года серой или коричневой, здесь же в Санпойнт селитру поверхности скрывали нанесенные ветром розовые пески. Землянин, быть может, не нашел бы никакой разницы, но для Деккера все было иначе.

Это, конечно, было только естественно. Все марсиане знают, что никто кроме них не знает, на что в действительности похож Марс. Грязевикам никогда этого не понять. Было такое шоу о Марсе, которое Деккер и другие детишки поселенцев иногда смотрели по телевизору, потому что очень уж оно было смешное. Нет, оно снималось не для того, чтобы развеселить. Предполагалось, что это что-то вроде мыльной оперы о страстях и отклонениях среди марсианских колонистов, но любому марсианину было видно, что это подделка. Все это были компьютерные съемки в студии где-нибудь на Земле. Неплохо, чтобы морочить головы грязевикам, но тем не менее очевидно жульничество.

Когда Деккера отделяло от партии рабочих около километра холмистых песков, он остановился. Было светло, как только может быть светло днем на Марсе, и Солнце было горячим. Деккер повернул рычаги охлаждения на скафандре, и посмотрел на небо.

Комета над ним раскинулась во всем своем величии.

Она была невероятно огромной. Хвост ее теперь разделился на два потока молочного света, едва-едва притушенного светом солнца. Он простирался от горизонта на востоке, полуденного солнца и черных черточек кабелей Небесного Крюка почти до горных вершин на востоке. Деккер едва-едва смог охватить его взглядом за один раз. Маска скафандра не предусматривала возможности пялиться в небо. И хотя она давала обзор почти на 360 градусов по горизонтали, она просто не была предназначена для того, чтобы смотреть вверх.

И потому, оказавшись вдали от во все вмешивающихся взрослых, Деккер сделал единственное, что он мог в

данной ситуации, чтобы посмотреть весь спектакль. Он лег на ржавую каменистую марсианскую землю. Мальчик прислонился спиной к небольшому валуну, на склоне которого поселилась горстка рыжеватой пыли, и взглянул вверх. Выпростав руку из рукава скафандра, он поискал в поясной сумки печенье и двумя пальцами просунул его в щель под воротником шлема, и задумчиво жуя печенье, стал восхищаться кометой.

Деккер чувствовал себя совершенно счастливым. Дело в том, что не только комету хотелось отыскать мальчику на голой равнине мертвой планеты. Здесь было для него и кое-что еще, и называлось оно «уединение».

Деккер не тратил много времени на размышления о том, нравится ему или нет жить в подземном городе, где все на виду друг у друга. Ему было не с чем сравнивать. С самого своего рождения он жил в деме Сагдаев. Каким бы оглушительно большим не казался ему Санпойнт, это был лишь большой Сагдаев. Для одиночества, в котором нуждается каждый мальчишка, на Марсе не было решительно никаких условий. Так что, как только он достаточно подрос, чтобы его отпускали бродить одного, Деккер большую часть своего свободного времени тратил на прогулки по дюнам, подальше от взрослых. Там на равнине он увидел комету в тот момент, как только ее можно было увидеть невооруженным глазом. Это было более года назад, когда этот гигантский шар, не более чем на минуту, светлой точкой показывался на ночном небе. Он следовал за ней взглядом вплоть до ее рандеву с Солнцем, пока она не потерялась в его свечении, и вновь нашел ее, когда она повернула обратно к орбите Марса. Теперь это было настоящее зрелище. Нет, конечно, это не были зеленые поля, потоки дождя, или облачные закаты, но это было то, что принесет все эти красоты, хотя Деккер, естественно, знал, что эта комета была лишь первой и не самой крупной в долгой цепи усилий оживить Марс.

А там в скоплении Оорт, где родилась и провела миллиард скучных лет своей жизни эта комета, пока один

взрыватель не сорвал ее с орбиты, установил на ней датчики и не отправил падать на Солнце, - там, в Оорте, в эту самую минуту какой-нибудь другой взрыватель подбирает для урожая новые кометы.

Точно так же, как когда-то отец Деккера Де Во.

Деккер заставил себя не думать на эту тему. Ему вообще не хотелось думать об отце. Он и без того провел слишком много часов, размышляя об этом человеке, - да, иногда плакал из-за него, когда был совсем маленьким, - в течение всех этих долгих марсианских лет, с тех пор, как Болдон Де Во подкинул его вверх, и, поймав, поцеловал на прощанье и подарил набитую плюшевую игрушку, чтобы было чему напоминать мальчику об отце, и отправился в Оорт... чтобы никогда больше не вернуться.

О, этот человек был без сомнения еще жив где-то на Земле - это рассказала мать в те немногие часы, когда она вообще говорила о своем бывшем муже. Но Болдон Де Во никогда больше не возвращался повидаться с сыном.

Деккеру хотелось найти лучшее употребление этим драгоценным часам одиночества, поэтому он вновь порылся в поясной сумке и выудил оттуда книгу о Геккель-бери Финне. Он пролистал до главы о распре между Грэнджерфордами и Шепердсонсами и вновь перечел ее. Какой позор! Ужасно. Люди причиняют друг другу смерть не в отчаянном порыве страсти, а намеренно, по причине какой-то дурацкой гордости... да, а остальные аплодируют им за это, как будто такое звериное поведение самое естественное и даже самое правильное из всего, что они могли бы сделать!

Он не понимал этого. Через какое-то время он впрочем оставил такие попытки и стал читать дальше. Он вернулся к Геку и сбежавшему рабу Джиму, пребывавшем в безопасности на плоту, когда что-то заставило его прервать чтение. Он захлопнул книгу и поморгал, оглядывая скафандр. А потом понял, что воспринимает легкие, скребущие вибрации почвы под ним. Деккер вскочил на ноги, чтобы оглядеться.

К нему двигался вездеход, направляясь в сторону Санпойнт-Сити.

Естественно, слышать его приближение он не мог. В скудной атмосфере Марса вообще мало что слышно, но ползущий вверх по склону вездеход был отчетливо виден на фоне розоватого неба. Очевидно, водитель тоже заметил мальчика. Машина помедлила, потом резко повернула. Ржавый гравий дождем летел из под тяжелых гусениц, потом все диски колес были заблокированы, и вездеход подкатил прямо к Деккеру. Остановился он так, что ближайшее колесо едва не коснулось мальчика, а из герметически закрытой кабины водителя сверху вниз на него взглянула девочка.

Деккер вдруг понял, что уже видел ее раньше. Она была одной из землян, на которых указала ему мать, и он даже слышал ее имя. Анна? Аннета? Что-то вроде этого. Во всяком случае, не было сомнения в том, что она с Земли. Чтобы понять это, Деккеру не нужно было даже узнавать ее в лицо, поскольку ни одному из марсианских детей не дали бы вездеход, просто для того, чтобы покататься по окрестностям.

Земная девочка жестом указала ему взобраться наверх, чтобы присоединиться к ней в кабине.

Деккер нахмурился. Не затем он выбрался на равнину, чтобы разговаривать с какой-то испорченной девчонкой с Земли! Но она и так уже нарушила его одиночество, и во всяком случае, ему было проще сделать так, как она хотела, чем пытаться поспорить на языке жестов. Сдавшись, он встал между огромных колес, каждое из которых было вдвое больше его самого, и по железной лесенке вскарабкался к люку вездехода.

Когда зашипел воздух и раздался щелчок открывающейся внутренней двери, Деккер открыл ее и снял шлем, чтобы лучше видеть.

- Ты потерялся? - спросила девочка. - Тебе не следовало уходить так далеко одному. Что бы случилось, если бы ты упал или что-нибудь еще? И твой отец устроит тебе такой нагоняй!

- Я не потерялся, - сказал ей Деккер.

Он не стал утруждать себя объяснениями во скольких пунктах она была не права. Если бы он упал! Он подумал, что она имела в виду сломанную ногу или что-то подобное - только представьте себе - сломать ногу здесь! Здесь не было ничего достаточно высокого, чтобы можно было упасть, а полет могла ускорить только мягкая марсианская гравитация. Даже если бы ему как-нибудь удалось удариться и потерять сознание, то радио скафандра тут же бы передало сигнал тревоги, и через несколько минут кто-нибудь уже спешил бы ему на помощь.

И еще кое в чем она ошибалась. Отца-то его, уж конечно, не было нигде поблизости, чтобы тот мог наказать его, но Деккер не был готов говорить об этом с маленькой грязевкой с Земли.

- Думаю, тебе просто хотелось посмотреть на комету, как и мне, - сказала она, изучая его лицо. - Меня зовут Аннета Каши.

Он пожал ей руку, в основном для того, чтобы показать, что знает земные обычаи.

- Я Деккер Де Во, - и чтобы показать, что узнал ее, добавил: - Ты дочь мистера Каши.

Она грациозно кивнула, как будто бы он сделал ей комплимент.

- Разве эта комета некрасивая? - сказала она, пытаясь завязать вежливую беседу.

- Пожалуй, да.

Она вновь кивнула, удовлетворенная его согласием, а потом сказала:

- Она должна тебе нравиться. Миллиард долларов стоило привести ее сюда, и мой папа - один из тех, кто за это платит. Он подписчик Боннов.

Хотя Деккер на какое-то мгновение попытался понять, что значит «подписчик», на эти слова он не ответил. Он уже слышал все, что хотел слышать о том, за что платят земляне и что они хотят взамен. Во всяком случае, она, казалось, не ожидала ответа. Она указывала в окно на кабели Небесного Крюка, по которым к посадочному

полю на противоположной стороне Санпойнт-Сити легко скользила капсула.

- Фирма моего отца помогала платить и за это, - сказала она. - Мило. Я спускалась на нем, когда приехала сюда с Земли с родителями. И когда мы поедем домой, я тоже буду по нему подниматься. А тебе бы хотелось когда-нибудь подняться в космос?

- Конечно. Я и поднимусь, - решительно ответил Деккер.

Девочка бросила на него скептический взгляд, но держалась вежливо. Вздыхнув, чтобы показать, что меняет тему разговора, но без предвзятости к своим собственным мнениям, она наморщила лобик и оглядела дальние горы.

- Скажи мне, Деккер, тебе не кажется, что все здесь как-то... жутковато? Выглядит так, как будто кто-то просто разбросал камни.

Деккер озадаченно оглядел ландшафт.

- А как еще это должно выглядеть?

- Но это же скучно. Это все никогда не меняется?

- Не знаю, как здесь, - защищаясь, ответил Деккер, - но вокруг Сагдаева зимой очень красиво.

- Ты хочешь сказать, там снег?

- Снег? - он уставился на девочку во все глаза, удивляясь ее невежеству. - Снега там нет, но иногда вокруг камней появляются морозные тени.

Казалось, ее это не убедило.

- Так я была права? Ты пришел посмотреть на комету?

- На самом деле, - ответил он, радуясь возможности показать ей, что она ошибается, - я читал книгу.

- Не стоит читать в скафандре. Это плохо для глаз.

Это он проигнорировал.

- Это - земная книга. Она называется «Геккельбери Финн». Ты когда-нибудь ее читала?

- Читала? Нет. Думаю, мы когда-то проходили ее в школе. Во всяком случае, - практично добавила она, - становится поздно. Думаю, будет лучше, если я отвезу тебя домой. Ты голоден?

- Нет, - ответил он.

Но увидев, как она достает глянцевою коробку с конфетами, чтобы предложить ему, передумал. Взял одну. Это были не более, чем хорошие манеры, но потом он вдруг обнаружил, что конфета на самом деле необычайно вкусна. Шоколад! А внутри у нее было что-то фруктовое, сладкое, ну просто чудесное. И поскольку она оставила коробку лежать на кресле, он взял еще одну. Деккер отнюдь не думал, что мать это бы одобрила, но он же знал, что у землян не такие понятия о приличиях, как на Марсе.

Девочка занялась панелью контроля.

- Снимай скафандр, - приказала она через плечо, перемещая рычаги скорости обоих наборов колес. Она не передвинула их мягко и осторожно, как сделал бы это настоящий водитель вездехода, а рванула прямо сразу на полную мощность. Естественно, колеса несколько раз провернулись, зря расходуя энергию.

- Так ты шины сотрешь, - проинформировал он девочку, причем ему хотелось добавить, что он вовсе не желает, чтобы его отвозили назад в Санпойнт, поскольку он вполне способен идти сам.

Но она оставила коробку шоколада и, казалось, ничего не имела против, когда он взял третью и четвертую конфеты.

7

Даже если удастся накачать атмосферу Марса до тысячи миллибар атмосферного давления, как на Земле, это не значит, что ею возможно будет дышать. Она просто не содержит того, что требуется людям для дыхания.

Конечно, прежде всего приходит в голову мысль о кислороде. Хорошо, если на самом деле воздух Марса содержит кислород. Более того, почти половина того, что есть в атмосфере Марса, - кислород, грубо говоря. Проблема в том, что этот кислород уже жестко связан с карбон диоксидом. Только пять процентов незначительного по

своему количеству воздуха, имеющегося на Марсе, нечто иное, чем этот бесполезный карбон диоксид, и более того, и эти пять процентов довольно бесполезны, как например аргон. Нет, это не в состоянии поддерживать жизнь человека. Что требуется для того, чтобы Марс вновь стал зеленым,- это водород. Чтобы он вступил в реакцию с имеющимся кислородом и создал воду, и азот, который в смеси с кислородом превратит воздух в нечто, чем смогут дышать люди, не сжигая себе легкие - и, так чтобы можно было питаться, поскольку без азота отказываются расти растения.

8

Когда они добрались до входа в Санпойнт, Деккер весьма критично отнесся к тому, как девочка при-страивала вездеход к люку города. В общем и целом она справилась вполне успешно, но у Деккера нашлось немного поводов для критики. Он последовал за ней внутрь, загерметизировал дверь сам, и повернулся, чтобы увидеть, как кто-то за ним наблюдает. Это был еще один грязевик, мужского пола, несколькими годами старше Деккера и такой же невысокий и кряжистый, как все земляне. Аннета тепло его приветствовала.

- Деккер, - сказала она, - я хочу познакомить тебя с моим другом Эваном.

- Привет, - вежливо отозвался Деккер, пожимая руку молодого человека. - Но мне пора идти, я еще кое-что должен сделать. Спасибо за конфеты.

Парень, по имени Эван, казалось, совсем был не против такого завершения знакомства. Он уже отвернулся от Деккера, обращаясь к девочке.

- Послушай, Нетти, по поводу этой вечеринки сегодня вечером... - начал он, но Деккер быстро уходил прочь.

То, что ему нужно было еще успеть кое-что сделать, было не совсем верно. Конечно, сам факт этого заявления

был достаточно точен. Раньше или позже, поскольку хотя они и были в чужом деле и, несмотря на то, что удара кометы ожидали в течение нескольких часов, и уж совсем невзирая на попытки защитить то в Санпойнте, что могло бы быть разрушено землетрясением, - несмотря на все это, жизненно существенно важные стороны марсианской жизни функционировали как и прежде. Для Деккера это было обязательное посещение ежедневного класса по мягкости.

Но до начала занятий оставалось еще около часа, и Деккер решил побродить по дему в благословенном одиночестве, поскольку Тсуми, без сомнения, сейчас ухаживает за своими солдатиками сам по себе.

Все здесь было иначе, чем в Сагдаеве. Подземный город был не только гораздо больше, но и заложен как-то странно. Главным образом то, что он был просто гигантским - шесть уровней в глубь почвы, тогда как Сагдаев насчитывал только три, - и Деккер провел весьма удовлетворительный час, просто бегая по коридорам, не забывая однако делать вид, что идет по какому-то важному поручению, так чтобы никто не приставал к нему с расспросами, почему он не занят ничем полезным.

Он точно рассчитал время. Но когда наступил тот момент, когда надо было отправляться на занятия, Деккер вдруг осознал, что не знает, куда идти. Он не раз спросил направление, но во всей этой суматохе перед столкновением, никто, казалось, не знал, где что происходит, и потому в классную комнату он прибыл как раз в ту минуту, когда начиналась Клятва Взаимопомощи.

Комната была переполнена. Здесь было по меньшей мере шестьдесят или даже семьдесят молодых мужчин и женщин, и Деккер был поражен увидев среди них Тсуми Горшака. Что делает ребенок на занятиях, предназначенных для людей старше восьми лет? И кстати, почему это Тсуми кивает проктору с таким удовлетворением, одновременно указывая на него, Деккера?

Деккер устроился на полу рядом с Тсуми и присоединился к декламации:

Я посвящаю свою жизнь
тем, кто ее разделяет,
безопасности и процветанию моей планеты,
и всем, кто живет на ней.
Мир,
со свободой и справедливостью для всех,
кто его разделяет.

Но все смотрели на Деккера, и как только декламация закончилась, Тсуми прошептал:

- Ты опоздал.

В этом Тсуми был не одинок. На него указывал и проктор.

- Пунктуальность, - начал молодой человек десяти лет с зачатками бороды на пухлом лице, - вежливость королей. Как тебя зовут?

Пришлось признаться:

- Деккер Де Во.

- Деккер Де Во. Хорошо, Деккер Де Во, опоздание крадет время других людей. Красть чужое время так же плохо, как красть чужую собственность.

- Я не хотел никого обидеть, - сказал Деккер, оглядывая комнату, чтобы выяснить, не оказалась ли здесь по какой-либо случайности эта Аннета Каши. Ее тут не было. В классе вообще не было детей с Земли. Быть может, этим детям нет необходимости учиться вести себя неагрессивно. Или скорее им просто все равно.

А проктор продолжал:

- Все это время твой маленький племянник за тебя волновался.

- Я не хотел... - снова автоматически начал Деккер, и тут вдруг осознал, что говорит этот человек.

Деккер с возмущением повернулся к Тсуми, но тот только пожал плечами.

- Я сказал, ты велел мне ждать тебя здесь, - прошептал он.

- У тебя нет такого права, - зашептал в ответ Деккер, но остановился, поскольку проктор обратился ко всей аудитории.

Деккеру пришлось замолчать.

- Давайте начнем. Я не встречался со всеми вами раньше, поэтому давайте вернемся к самому началу. Это тренировка уступчивости. Что мы подразумеваем под мягкостью или уступчивостью?

Он оглянулся по сторонам. Восьмилетка из Санпойнта в первом ряду уже тянула руку:

- Уступчивость - это наука задумываться над нуждами других людей и общества.

- Правильно. Но это не означает пассивности. Мы ведь не пассивны, не правда ли? Но мы мягки и уступчивы, то есть, мы - цивилизованные люди. И будучи цивилизованными людьми, мы только что принесли Клятву Взаимопомощи. Каждый ее приносит?

- Каждый на Марсе, - тут ж отозвалась все та же девочка.

Потом вмешалась еще одна:

- Все в космосе, даже Одиночки и другие. Но не земляне.

Проктор с удовлетворением кивнул.

- Верно. Когда вы видите здесь наших гостей с Земли, вам следует помнить, что они несколько отличаются от нас. Конечно, у них имеются собственные тренинги - должны же они быть, правда? Или у них как и раньше бушевали войны. Но в своих школах они приносят иного рода клятвы, они поклоняются «пресности». Что это такое?

Деккер знал, что это значит, и решил, что это удобный момент умиловить проктора.

- Это значит, они приносят клятву быть лояльными, то есть вы делаете то, что просит вас сделать кто-то другой.

- Совершенно верно, - сказал проктор, вид у него был удивленный. - Они клянутся в верности флагу. У нас есть флаг?

Класс мгновение сидел тихо. Молчал и Деккер, поскольку его тоже очень интересовал ответ. Наконец, де-

вочка, которой, судя по виду, было почти столько же лет, сколько самому проктору, подняла руку.

- Нет, потому что он нам не нужен. У нас есть мы.

Проктор кивнул.

- Правильно. Флаги необходимы для того, - продолжал он, переходя к сегодняшней лекции, - чтобы различать стороны в сражении. Так чтобы можно было понять, кого убивать.

Проктор подождал вздоха ужаса от аудитории, получил его и продолжил:

- Да, они убивали людей во имя своих флагов, и, самое ужасное в этом, друзья, то, что тем, кто убивал, это нравилось. О, им не нравилось, когда убивали их или жгли, или они оказывались парализованными, или ослепшими, - но они полагали, что сражения дают им шанс стать героями. Что есть «герой»? Знает кто-нибудь?

Рядом с Деккером вверх поднялась рука Тсуми. Он не стал ждать, пока его вызовут, а выкрикнул:

- Тот, кто смелый, кто творит великие дела!

Проктор окинул мальчика оценивающим взглядом.

- Можно сказать и так, - сказал он, но тон был таким, чтобы показать, что сам наставник полагает совсем иначе. - Но это ведь зависит от того, как понимать слово «великий», правда? Раньше у людей было совсем иное представление о героях. Они считали их подобными богам, а что они думали о богах в те дни, было то, что боги всегда делают, что пожелают. Они не сомневаются в себе, а двигают людьми как им заблагорассудится, и всегда считают себя правыми. Вот что написал однажды человек по имени Бернард Нокс. Он говорил, что герои подобны богам, а также говорил: «Герои могли быть, как правило жестокими, антисоциальными, деструктивными». Теперь скажите мне, друзья, назовем ли мы таких людей героями? И видим ли мы что-нибудь героическое в войне?

- Нет! - разом откликнулся класс.

Голос Деккера звучал в общем хоре, чего, как с удивлением заметил Деккер, никто не дождался от Тсуми.

Тсуми сидел рядом с ним, держа палец во рту, и на лице его было задумчивое выражение.

Урок они однако так и не закончили. Как раз в тот момент, когда проктор перешел к основной практической части по уступчивости и слаженности в работе, - это был совместный проект: постройка геодезической вышки из шнуров и распорок, что невозможно сделать одному, разве что каждый из членов группы будет в свою очередь тянуть, держать и поднимать именно в нужное время, - когда зазвонил сигнал, оповещающая об учебной тревоге на случай утечки.

Конечно, тревога была только учебной. Это всегда была не более, чем учеба - за исключением того, единственного раза, когда может быть все будет вполне реально, и именно к этому единственному разу все они и должны быть готовы. Так что никто и никогда в таких ситуациях не дурачился. Даже, если все были вполне уверены, что тревога не взаправду. В несколько минут люди по всему Санпойнт-Сити разошлись проверять автоматические печати коридоров, а также двери в вентиляционные отверстия комнат, удостоверяться, что все герметично закрыто. А потом еще несколько минут больше ничего не оставалось, как сидеть здесь в небольшой комнатке, где воздух неподвижен и почти уже скуден, пока вновь не мигнули трижды лампы и длинный зуммер проревел о том, что все в порядке.

На этом класс по уступчивости распался, проктор ушел на свой пост, который должен занимать во время тревоги.

Некоторое время Деккер еще искал Тсуми Горшака, но не особенно старался, а потом отправился назад в их с матерью комнату перекусить.

Совість его была совершенно спокойна, а надежды высоки: ему хотелось как можно дольше не ложиться спать этой ночью, так чтобы не пропустить ни минуты

приближения кометы к планете, прежде чем она ударится о ее поверхность.

Он проснулся, услышав, как кто-то подходит к двери, и поспешно сел в надежде, что это его мать. Но это был только Тинкер Горшак, хотя и выглядел он удивленным.

- Так вот ты где, сказал он. - Твоя мать спрашивала, где ты. Ей пришлось идти на собрание, но она сказала, что мы прекрасно можем поесть сегодня здесь, так чтобы вместе посмотреть на комету. Она чудесная женщина, Дек.

Деккер покорно кивнул, отмерив в таз воды ровно столько, сколько необходимо, чтобы ополоснуть лицо, и провел расческой по волосам.

- Так мы будем есть здесь?

- Мы сварим свой собственный обед, - сказал Тинкер, как будто преподнося хорошую новость в подарок. - Только мы и все. Хорошо бы Тсуми был с нами, но сегодня ему надо быть со своим отцом. А теперь подсобь-ка мне, пока я буду тушить козлятину для жаркого.

Деккер сделал, как ему было сказано, помогая готовить обед. Мясо убитого животного вкусно пахло, начав жариться, что заставило Деккера испытывать смешанные чувства. Для них с матерью это и в самом деле было большой роскошью, готовить вместе что-нибудь, вместо того, чтобы идти в столовую коммуны. Но необязательно в том случае, когда во все вмешивается Тинкер Горшак. Деккер был бы почти рад пойти в столовую. Их маленькая комната была несколько мрачноватой - сейчас повсюду в Санпойнте было мрачно, поскольку на каждую комнату позволялась лишь одна лампочка. Это было сделано ради экономии энергии на всякий случай, а кроме того, в ней было жарко из-за той же экономии. Климатические установки работали со столь малой мощностью, чтобы создавать максимально допустимый для жителя уровень. Но из-за торжественного события всем было позволено не выключать телевизор.

Естественно, экраны передавали наблюдения со следящих за кометой спутниковых станций. Поднимая глаза на экран, Деккер видел оболочку кометы; она была серовато-желтой, цвета бороды Тинкера Горшака, и шишковатой как иерусалимский артишок. Покачиваясь из стороны в сторону, она спускалась все ниже, в то время как ежеминутно врезающиеся в нее ракеты корректировали траекторию ее падения.

Деккер проверил время. Падать комете еще долго. По данным расчетов, удар должен последовать утром. То есть утром, согласно расчетам, комета окажется в предназначенной точке, хотя в Санпойнт-Сити, учитывая его местоположение, это будет полдень.

- То есть жара будет ужасающей, - проинформировал мальчика Тинкер Горшак, пока они готовили обед. - Они думают, что так выделится меньше кинетической энергии, и быть может, землетрясение будет меньшей силы. Как там лук?

- Почти нарезан, - буркнул Деккер, тыльной стороной ладони протирая слезящиеся глаза.

Горшак добавил нарезанный лук в жаркое, помешал его, понюхал с критическим видом и лишь затем накрыл крышкой.

- Через двадцать минут будет готово, - заявил он. - Герти придет даже раньше, а если нет, то чем больше оно тушится, тем будет вкуснее. Что скажешь, Деккер, выпьешь что-нибудь? Чай? Воды?

Деккер покачал головой и увидел, как старик тщательно отмеряет «хайболл» - чистый алкоголь, разбавленный водой один к трем и сдобренный для вкуса несколькими каплями мятного экстракта. Деккер поморщился. Это было еще одной причиной, почему ему не нравился Горшак. Отец Деккера, говорят, никогда не пил алкоголя, или по крайней мере, Деккер такого не помнил. И мать никогда не пила, пока отец был рядом.

- Итак, - сказал Горшак, проглотив половину налитого, - ты уже думал о том, что станешь делать, когда вырастешь?

- Не особенно, - признался Деккер.

- Я хочу сказать, - стал объяснять Горшак, - все теперь будет несколько иначе. Кристальные грибы, похоже, все же тупиковый путь.

На лице у него появилось то недовольное выражение, какое возникало каждый раз, когда речь заходила о выращивании полезных растений на Марсе.

- Я всегда надеялся...

Он остановился, не сказав, на что собственно он надеялся, но в этом и не было необходимости. Деккер знал то, что собирался сказать старик. Основная задача генетика Тинкера Горшака на Марсе заключалась в выращивании и скрещивании искусственно созданных фотосинтезирующих «растений» - ну хорошо, организмов: едва ли эти создания можно было назвать словом «растения», поскольку они, уж конечно, не походили ни на что, что когда-либо росло на Земле. Марсиане надеялись, что это даст им возможность выращивать на планете что-то вроде естественного урожая. Эти создания вырастали забавными небольшими грибами, с зонтиками прозрачных ультрафиолетовых кристаллов на вершине. Кристалл пропускал внутрь необходимый для фотосинтеза свет, но отражал смертельный ультрафиолет - крайне необходимая мера предосторожности на Марсе, где не существовало озонового слоя защиты. Самое удивительное в этих грибах было то, что они вообще росли.

И вот тут-то все чудо и кончалось. В качестве урожая кристаллоголовые грибы были совершенно безнадежны. Им не хватало достаточно мощной корневой системы, чтобы пробиться в те слои выжженной марсианской почвы, где скрывались те немногие количества замерзшей воды, и столько их метаболической энергии уходило на то, чтобы выпустить эти корни и построить солнечные экраны, что о том, что оставалось в качестве урожая, даже не имело смысла и говорить.

И коли таковы были мечты и фантазии Тинкера Горшака, Деккер никак на них не притязал. Насколько Деккер вообще задумывался о своей взрослой карьере, до

которой оставалось не так уж и много времени, он скорее склонялся к тому, чем занимался его отец, - быть может, даже отправиться в Оортово облако, - чем к тому, чтобы следовать карьере человека, желавшего узурпировать место его отца.

Тинкер поднял крышку кастрюли, потянул носом, а потом сел, вновь устремив взгляд на Деккера.

- Тсуми говорил, у тебя осталась его книга, - сказал он.

С минуту Деккер дискутировал с самим собой, но не нашел никакой причины отрицать очевидное.

- В общем, да.

Тинкер кивнул с видимым удовлетворением, а потом встал, чтобы вновь наполнить стакан.

- Мне действительно хотелось, чтобы Тсуми приобрел что-то из нее, но мальчишка не любитель читать. А ты ведь любишь читать, Дек, так?

Деккер осторожно кивнул.

- Скажи мне тогда, что ты думаешь о Законе Плота?

Деккер порылся в памяти.

- Законе?

- Вот именно, Плота. Что там говорит Гек об умении ладить друг с другом? Или ты еще не дочитал до той главы?

- Я не совсем уверен, какую главу вы имеете в виду.

- Ту, где Гек и Джим плывут на плоту вниз по Миссисипи, а вокруг происходят все эти ужасы - линчевания, воровство и так далее. И Гек думает о том, как люди уживаются друг с другом на плоту, и говорит, думается, я даже помню точные слова. Он говорит: «Чего тебе больше хочется на плоту, это того, чтобы все были довольны, и быть добрым к другим». Ты это помнишь?

- О, да, - воодушевился Деккер. - А потом они спускаются вниз по реке и попадают...

- Нет, это не совсем то, что я имею в виду, Дек. Я не собирался говорить о самой истории. Только о том, что сказал Гек. Понимаешь, вот для чего существуют все тренинги по уступчивости. Не для того, чтобы просто уживаться друг с другом, а для того, чтобы хотеть, чтобы

все были довольны, чтобы правильно чувствовать и быть добрыми к другим людям. И не только на плоту, а повсюду. И на нашей планете тоже. Вот что мы делаем здесь на Марсе, в то время как земляне хватают все, что попадется им под руку и соревнуются друг с другом...

Тинкер остановился, рассмеявшись собственным словом.

- Ладно, - сказал он, - думаю, я и сам иногда забываю о Законе Плоты. Полагаю, следует быть более милосердным по отношению к землянам. Хотя это и нелегко. Во всяком случае, мне хотелось, чтобы Тсуми усвоил именно это. Ты меня понимаешь?

- Думаю, да, - с сомнением проговорил Деккер.

- Хотелось бы, чтобы это понял Тсуми. Боюсь, мальчик болтается со всякими неподходящими людьми, а его отец - ну, мне не следует говорить ничего против его отца, - он взглянул на часы. - Во всяком случае, Деккер, я собираюсь закончить с готовкой. Если хочешь почитать, давай. Хорошая книжка, правда?

Деккер согласно кивнул и поступил, как ему было сказано. Но хотя, роман был интересен, как и прежде, мальчик очень обрадовался возвращению матери, которая одновременно выглядела веселой и озадаченной.

- У меня для тебя сообщение, Деккер, - сказала она сразу же своему сыну. - Ты приглашен на вечеринку.

Деккер удивленно уставился на мать. С кем в Санпойнте он может быть настолько хорошо знаком, чтобы этот человек куда-то пригласил его? Но удивление его возросло еще более, когда мать продолжила:

- Это девочка с Земли. Аннета Каши. Она сказала, что ее родители устраивают «предкометный» обед, и что она хочет, чтобы ты пришел.

Деккер широко распахнул глаза от изумления, но он и вполтину не был так удивлен, как Тинкер Горшак.

- Ты не терял времени даром, - фыркнул старик.

- Я очень рада, что ты так быстро находишь себе друзей, - сказала Герти.

Она подождала, не скажет ли что-нибудь ее сын, а потом продолжала:

- Ну так как? Хочешь пойти?

- Нет, черт побери, подождите минуту, - хмурясь сказал Горшак. - Я думал, мы собираемся устроить маленькую вечеринку прямо здесь. Только члены семьи.

Он потянулся, чтобы потрепать Деккера по коленке, и не заметил, что Деккер, который не считал Горшака частью своей семьи, чопорно отпрянул.

- Что толку ему общаться с этими людьми? - продолжал Горшак. - Все что им надо, это пить нашу кровь. Я думаю, ему следует сказать этой девочке, чтобы она подавилась своим приглашением.

- Тинкер, ему никак не повредит увидеть, как живет другая половина, - сказала Гертруда, - если он того хочет. Так как, Деккер?

Деккер решил.

- Пожалуй, мне следует пойти. Это ведь тоже имеет отношение к Закону Плота, не так ли?

Тинкер сначала нахмурился, а потом широко ухмыльнулся и, обращаясь к Герти, сказал:

- Это кое-что, о чем мы говорили до твоего прихода. Быть может, он прав.

- Хорошо, - отозвалась Герти, даже не пытаясь понять аллюзии. - Тогда как насчет подарка?

Еще один сюрприз. Деккер озадаченно уставился на мать.

- Подарок?

- Вот именно, подарок. Земляне всегда дарят друг другу подарки. Нельзя прийти на вечеринку и не принести чего-нибудь в подарок хозяйке.

- Но мне нечего подарить, - запротестовал Деккер.

Тинкер Горшак скорчил кислую мину.

- А у кого есть? Но это не остановит кровопийц от того, чтобы все равно все время чего-нибудь желать, - он с минуту подумал, а потом пожал плечами: - Ну ладно, если ты уверен, что ты этого хочешь... Вот что я тебе скажу, Дек. Давай-ка я сделаю пару звонков и посмотрим, что мне удастся сделать.

Хороших размеров комета может весить более сотни миллионов тон, а в богатейших кометах приблизительно четвертая часть может оказаться водой - не жидкой водой, конечно, но лед тоже неплохо.

Вода - это первое, что необходимо, чтобы вырастить урожай. Старые фермеры-земляне обычно рассчитывали, что на один дюйм требуется около семи миллионов тонн ирригационной воды, в современных измерениях, два с половиной сантиметра воды - воды на сотни квадратных миль («миль»!) сельскохозяйственных земель. Другая цифра, которую следует запомнить, даже с хитрой ирригацией, чтобы вырастить урожай, необходимо около десяти «дюймов» в год.

При исчислении получается приблизительно следующее: можно смочить почти полтора миллиона квадратных миль одной единственной приличных размеров кометой.

На практике все гораздо сложнее. Эти суммы сработают только в том случае, если вам удастся удержать воду на одном месте, что невозможно. А также, если бóльшая часть воды не взлетит обратно в атмосферу в момент столкновения, - что она непременно и сделает. И если это все, что вам нужно...

Но конечно, марсианам требовалось нечто гораздо большее. Им хотелось удержать воду, не только воду, но и воздух. Им требовалось много комет, так как мечтой их было вновь заставить расцвести старую планету.

Какая удача для них всех, что в Оорте буквально миллиард подобных комет.

10

Когда Деккер ДеВо с подарком в потной руке появился перед дверью апартаментов семьи Каши, первое, что его поразило, были стены.

Деккер знал, как должны выглядеть стены. Все марсиане всю свою жизнь проводили в четырех стенах, и все стены в Санпойнт-Сити, как и в любом другом марсианском поселении, делались из одного и того же материала. Видом он напоминал литой бетон, но, поскольку на Марсе, естественно не хватало воды для такого водоемкого технологического процесса, как отливание бетонных блоков, бетоном он, конечно же, не был. То, из чего были сделаны стены, представляло собой самый дешевый и распространенный материал на Марсе - камень. Камень было легко достать на этой планете, легко его было и обрабатывать, если у вас хватало жара Солнца. Требовалось просто вырыть какой-нибудь валун, множество которых лежало на поверхности, а потом измельчить, спрессовать и разогреть до тех пор, пока он не превратится в плоскую конструкционную панель.

Конечно, марсиане прилагали все силы к тому, чтобы разукрасить эти монотонные стены. По меньшей мере, их можно было раскрасить - «растереть» было бы более подходящим словом, поскольку пигмент содержался в восковых палочках и просто втирался в стену. Или, если у кого-нибудь имелись картинки, развешивали картинки. Или уставляли стены полками и шкафами, которые обычно, уж во всяком случае, являли собой предметы первой необходимости, поскольку жилое пространство, как правило, было очень невелико.

Вот практически и все, что мог позволить себе марсианин в том, что касалось декорации стен, а Деккеру никогда еще не доводилось видеть стены, увешанные драпировками. И это была не какая-нибудь имитация из того же камня. Это были настоящие матерчатые драпировки, сотканые из органических нитей, может быть, даже из настоящего хлопка, шелка или шерсти, настоящие ткани из органических волокон, которые пришлось завезти с далекой Земли. За счет марсиан, как конечно, не преминул бы указать Тинкер Горшак.

Утешением Деккеру послужило лишь то, что у него, по крайней мере, есть для хозяйки достойный подарок,

который добыл ему Тинкер Горшак. Старик не перестал ворчать на попытку Деккера подружиться с землянами, но тем не менее отложил свой собственный обед настолько, чтобы сопроводить Деккера в теплицу Санпойнт-Сити, где он выклянчил бутон настоящей розы у своего коллеги, милого мистера Чэнди. Когда Деккер вошел в апартаменты землян - судя по всему, они насчитывали более одной комнаты, поскольку в этой не было ни одной кровати, хотя она и была раза в три больше той, что он делил с матерью - глаза у него едва не выскочили из орбит.

Дело было не в одних только драпировках на стенах, но и во всем остальном тоже. Даже в освещении. Здесь не действовало правило держать зажженной только одну тусклую лампочку. Комната купалась в ослепительно ярком свете. И он никогда не видел людей, одетых подобным образом - прозрачные складки шелковых платьев женщин, просторные рубашки и шорты мужчин - ничего, что согрело или сделало бы вам удобным скафандр. И никогда ему не случалось видеть стола, большего, чем он сам, и каждый сантиметр этого стола был уставлен едой. Дюжинами разных блюд. Тарелки с сочными маленькими шариками горячего мяса. Свежий сырой сельдерей. Морковь, порезанная на ломтики, толщиной с карандаш (должно быть, они даже в лучших отношениях с местными генетиками, чем Тинкер Горшак). Миски с желтыми, зелеными или розовыми соусами, чтобы полить ими овощи.

- Я так рада, что ты пришел, Деккер, - сказала высокая блондинка, открывая ему дверь. - О, роза! Как мило с твоей стороны, - закончила она, понюхала цветок и передала его дочери: - Смотри, Аннета, Деккер принес нам розу.

- Я поставлю ее к остальным, - сказала девочка матери и взяла Деккера за руку. - Пойдем, Деккер, займем место за столом, ты, должно быть, умираешь с голоду.

Деккеру было неприятно, что девочка решила, что он может быть голоден. Еще более неприятным и даже

возмутительным показался ему тот факт, что на буфетном столе стояло с полдюжины ваз с цветами, цветами всех видов. И когда Аннета сунула его одинокий вклад в одну из ваз, Деккеру едва удалось отыскать свой цветок вновь.

Но дело в том, что как только она втокнула ему в руку тарелку, Деккер обнаружил, что девочка права. Он действительно был очень голоден, и от запаха и вида всей этой замечательной еды рот у него наполнился слюной. А Аннета целиком посвятила себя уходу за ним.

- Съешь омара, Деккер? Ты никогда не пробовал омара? Ну конечно, это только консервированный, здесь никогда не достанешь настоящего омара, но все же... И попробуй гуакамоле! Мама сама его готовила, даже вырастила собственные авокадо на аэропонике.

Блюдо под названием «гуакамоле» слишком походило на пасту из морских водорослей, которую повара добавляли во все супы и жаркие, и Деккер, уж конечно, не собирался прикасаться к забавному нечто в розовой раковине, которое Аннета называла омаром. Но здесь было немало и других блюд, из которых можно было выбирать. Он позволил положить себе салат и ножку убитой индейки под соусом барбекю, но, всмотревшись повнимательнее в выставку позади стола, остановился как вкопанный.

Через всю стену протянулся плакат с надписью: «Каши, Стернгласс и К. празднуют триумф экопоэзиса». А под ним располагался целый ряд картинок, поддельных трехмерных снимков, которые выглядели так, как будто в них есть глубина: роща фруктовых деревьев в цвету, люди с какими-то длинными досками, привязанными к ногам, катятся вниз по невероятной длины снежно-белому склону, обнаженные смеющиеся мужчины и женщины, все молодые, все красивые - и все отчетливо видно земляне по своим пропорциям - купающиеся и ныряющие на краю невероятно голубого озера. Удивительное в этом было то, что все они казались странно знакомыми, хотя, конечно, он не видел ничего подобного во плоти.

- Это - Земля? - спросил он.

Девочка в ответ только рассмеялась.

- Глупый. Это - Марс. Но каким он будет. Господи, разве ты не узнаешь Олимпус Монс. Эти картинки - то, что называется, «толкование». Они не обязательно должны быть реальными. Папина компания использует их для того, чтобы при подписке на новый выпуск побудить инвесторов.

- Выпуск? - переспросил было Деккер, а потом сообразил, о чем идет речь. - А, Боны.

- Конечно, Боны. Ты взял все, чего бы тебе хотелось? Я имею в виду, для начала? Тогда пойдем, я хочу познакомиться тебя со всеми людьми.

Это было не совсем то, чего бы хотелось Деккеру, но он решительно настроился вести себя как хороший гость. Сама Аннета была теперь уже не та девочка в коричневом защитном костюмчике, которую он встретил на склоне за городом.

За несколько прошедших часов она, казалось, каким-то образом выросла. Она была во всем белом, и то, что на ней было надето, было не шортами, и даже не брюками, а юбкой до колен, и такой же прозрачной, как и у ее матери. Вокруг шеи у нее обвилось ожерелье из блестящих камешков, из которых один, большой и красивый, лежал очень близко поверх ее, вполне значительной юной груди, а светлые волосы были подняты наверх, и в них сверкало что-то вроде золотой пыли.

Деккер был ошеломлен - едой, обстановкой, девочкой, но больше всего, пожалуй, собравшимся здесь обществом. Решительно все здесь были одеты наподобие героев видеофильмов. И все были земляне - ну, большинство из них. В престарелой чете марсиан он распознал высокого ранга чиновников администрации Санпойнт-Сити. Они, казалось, из всех сил стремились показать товар лицом, и Деккер видел, что земляне, чья, на самом деле, это была вечеринка, хотя и обращались с ними с крайней вежливостью, но без особого интереса. Деккер

также заметил с некоторым злорадством, что огромный американский «флаг» тихонько стоит на подставке в углу, а потом обнаружил, что не все здесь американцы. Когда его представляли, он не запомнил имен, но узнал, что есть здесь чета немцев, несколько японцев и с дюжину бразильцев. Национальность некоторых он так и не смог определить. В общем и целом в комнате было около тридцати человек, вероятно, вся колония землян в Сан-пойнт-Сити, подумал Деккер.

Детей тут было немного, Деккер был уверен, что он, пожалуй, самый молодой из всех здесь присутствующих.

Аннета, предположил он, ненамного его старше, и были тут еще одна девочка и мальчик чуть постарше - вот и все, остальные - взрослые. Аннета представляла его всем и каждому. Это само по себе было немалым испытанием, поскольку ему приходилось ставить тарелку с едой, а рот у него обычно в этот момент был полон, и едва ли одно имя запомнилось ему больше чем за те несколько минут, в которые он успевал сказать «привет». И тем не менее имена остальных детей он запомнил: Эван, ниже его ростом, но со стаканом вина в руке, и Ина, с большим количеством косметики на лице, чем даже у Аннеты. Деккер вспомнил, что Эван это тот, кого они встретили у впускного люка, и заметил, что Эван и Ина держатся за руки, и что, когда Аннета это тоже увидела, то прикусила губу.

- Сколько тебе лет, Деккер? - спросил мальчик с легкой насмешкой, оглядывая его с головы до ног.

- Восемь, - коротко ответил Деккер, глядя на землянина сверху вниз.

Эван телосложением напоминал бочонок. Деккеру подумалось, что у мальчика такой вид, будто он готов переломить Деккера пополам, - странное впечатление, одернул самого себя Деккер. Всего несколько минут с грязевиками, а он уже забывает все, чему научился на уроках неагрессивности.

- Но в земных годах почти пятнадцать, - быстро вставила Аннета.

- Да, правда, - вытянув губы, отозвался Эван, - тогда, я полагаю, ты достаточно взрослый, чтобы выпить с нами стакан вина?

Деккер знал что такое вино, и время от времени пробовал его из маминого стакана.

- Конечно, - заявил он. - Мы частенько пьем алкоголь.

Он получил невероятно хрупкий на ощупь бокал с кисловатой на вкус жидкостью. Проглотив ее, тем не менее, он выдавил из себя:

- Хорошее вино.

- Действительно, жаль Деккер, - тепло говорила ему Аннета, - что мы так редко видимся. Знаешь, отец собирается увезти нас домой, как только мы убедимся, что планета приземлилась успешно.

Эван снова наполнил стакан Деккера.

- Домой, это на Землю. Думаю, ты никогда там не бывал? Нет, конечно, нет. Но это стоит сделать, если тебе, конечно, это удастся. Париж, Рим, Сан-Франциско, Рио - Земля просто великолепна. Ландшафты! Культура! Женщины! Вот, позволь освежить твой стакан.

- Мне кажется, Деккер выпил бы чего-нибудь помягче, - обеспокоенно сказала Аннета.

- Почему ты так думаешь? - спросил Деккер. - Нет, мне очень хочется выпить этого вина.

И на самом деле он обнаружил, что хочет - не из-за вкуса, конечно, поскольку кому захочется глотать разведенный уксус? - но потому, что это приятно согревало его.

Но это было не только вино. Люди, гораздо старше, чем Деккер Де Во, искали и находили интоксикацию, вращаясь в обществе тех, кто выше их по положению.

Деккер с увлечением смотрел, как земляне общаются друг с другом - всегда улыбаются, но всегда, подумалось ему, при этом серьезные, и даже - как бы это назвать? - да, наказывают за маской улыбок. А что они говорили! Он улавливал обрывки фраз и дискуссий, понятные ему не более, чем древний этрусский. Что такое: «двойные в глубь гарантии?» Или «само-счастливые дебаты»? Или

«внепланетные беспощинные»? И все время поблизости находилась Аннета, встревоженно присматривающая за ним, в то время как Эван, сардонически усмехаясь, не переставал доливать в стакан Деккера, с покровительственным видом вновь и вновь вызывая его на разговор.

- Жаль, что ты никогда не бывал на космическом корабле. Это так расширяет горизонты. Три недели в пути, и вся вселенная раскинулась перед твоими глазами...

- Готов поспорить, - с вызовом сказал Деккер, заставляя себя проглотить вино, - ты никогда не был в воздухе.

- В чем? - переспросил терпимо землянин, подняв одну бровь.

- В аэролате. Мы используем их все время, - знаешь, для поднятия тяжестей. Они на горячем воздухе. Мы плаваем над Валес Маринерис, скажем, в поисках залежей, и ты смотришь вниз прямо в расселины...

Из ниоткуда возникла Аннета.

- Вот, дай я у тебя это заберу, - сказала она, вырывая у него из руки бокал, с сердитым взглядом в сторону Эвана. - Ты сказал, аэролаты? Звучит, действительно, интересно, Деккер.

- Действительно, - ответил Деккер и продолжал расписывать красоты полета на воздушных шарах над Марсом - ну, на самом деле, не на основе своего личного опыта, конечно, но им-то не обязательно это знать.

Он достаточно часто видел такие полеты в виртуалах, и это было в точности так, как описывала ему мать.

- Так у вас есть вирты, - сказала девочка Ина. - Виртуалы, - добавила она с готовностью помочь, когда увидела его удивленное лицо.

Деккер поморгал. Она была довольно милой девочкой, низенькой и кряжистой, но слишком милой для этого придурка, Эвана.

- Разве я сказал что-нибудь о виртуалах? - спросил он, пытаясь вспомнить.

- Конечно, у них есть виртуалы, Ина, - сказал Эван,

положив ей руку на плечо. - Конечно, только звук и видимость. На Земле, - сообщил он Деккеру, - о, у нас всечувственные виртуалы, - неожиданно он подмигнул Деккеру и ткнул его в ребра, - они не очень-то убедительны, если предварительно не поддать.

- Поддать? Ты имеешь в виду вино?

Эван рассмеялся.

- О знаю, - сказал Деккер, - я видел это в фильмах, но это противозаконно.

- Конечно, противозаконно. Но кого это когда-нибудь останавливало?

Деккер оглянулся по сторонам, чтобы узнать, что думает об этом Аннета Каши, но девушка куда-то исчезла. Он увидел свой почти пустой бокал на столе, где она его оставила. Подобрал стакан, выпил оставшуюся в нем жидкость и задумался, что это на самом деле значит намеренно нарушить закон. Это поразило его, как нечто совершенно идиотское. Зачем тогда законы, если их нарушают?

Но мальчик с Земли не отставал. Все виды игр. Ожидание денег, и Взрыв, и Желание

- Я имею в виду игры на состязание. Военные игры. Игры в преступления.

- Думаю, я никогда ничего такого не видел, - сознался Деккер.

- Я так и думал, - спокойно сообщил в ответ Эван, лениво и самоуверенно поглаживая спину Ины. - А что ты делаешь? Я хочу сказать, твой отец?

- Взрыватель в Оорте, - ответил Деккер, опуская глаголы во избежание необходимости говорить о том, с ним ли его отец.

- Взрыватель в Оорте, - эхом отозвался Эван, явно пытаясь сделать вид, что это произвело на него впечатление. - Как интересно, Деккер. А у меня нет ничего такого славного. Просто обыкновенный менеджер инвестиций, если ты знаешь, что это такое.

Деккеру уже порядком надоели люди, полагающие, что он не знает, что есть что. Особенно, когда он действительно не знал.

- Что-то, связанное с Бонами, - рискнул он, полагая, что все, кто здесь присутствует, так или иначе с ними связаны.

- Да, более или менее. Знаешь, кто-то ведь должен их покупать, я хочу сказать, за настоящие деньги. Мы - те, кто облегчает им эту покупку, и именно так продаются ваши Боны. Это означает, - скромно продолжал он, - что мы - те люди, кто делает это все для вас. Взрыватели в Оорте - это прекрасно, но это требует денег - привести сюда все эти кометы. Без нас эта планета навсегда останется бесполезной пустыней. Но, - подмигивая, добавил он, - не надо меня благодарить. Выпей еще вина.

- Думаю, ему стоит что-нибудь съесть, - сказала Аннета.

Деккер не заметил, как она вернулась.

- Что ты ел, Деккер?

Он попытался вспомнить.

- Что-то из убитого животного.

По все небольшой группе пронесся сдавленный вздох, а Эван рассмеялся.

- О Деккер! Ты излишне щепетилен. Почему ты говоришь «убитое мясо»? Ты думаешь, что мы стали бы есть его, пока оно еще бегало?

Деккер с минуту собирался с мыслями, пока не вспомнил ответ на это, - он происходил от бесчисленных уроков уступчивости так давно, что теперь жил в нем на уровне подсознания.

- Потому что мы всегда так говорим. Это, знаешь ли, для того, чтобы напоминать нам, что для того, чтобы мы ели уб... мясо, кого-то пришлось зарезать.

Эван широко распахнул глаза, прикидываясь удивленным.

- Но для того мы и существуем, мальчик. Нет, не волнуйся. Ну же, давай свой стакан.

Проблема с вином в том, что оно согревает вас, веселит, хотя и, кажется, заставляет вас чувствовать, что

кожа у вас на лице стягивается и пол не представляется столь прочным, как следовало бы.

Впрочем, Деккер решил, что держится он довольно неплохо. Эван, наконец, оставил его в покое... Деккер заметил его в дальнем углу с Аннетой Каши, причем выглядел он рассеянным, в то время как девочка за что-то отчитывала его - и Деккер просто стал бродить по комнате, разговаривая со всеми, кто, как ему казалось, разговаривал с ним. Некоторые, в особенности, смуглая женщина с прямыми, угольно-черными волосами, похоже, не очень-то хорошо его понимала, а когда она заговорила с ним, он был немало удивлен, что к нему обращаются на каком-то неизвестном языке.

Но остальные были вполне милы. Например, мать Аннеты. Он не совсем понял обеспокоенное выражение ее глаз, но, когда она спросила его о его деде, он был рад рассказать ей о дедке Сагдаев. Деккер описал ландшафт комнаты и медную шахту, рассказал, как они концентрируют жар солнца, так чтобы из медной руды тек чистый металл, и как обычно связанный кислород дополняет запасы деда. Он собирался уже объяснить некоторые различия между Сагдаевым и Санпойнт-Сити, когда обнаружил, что она его больше не слушает. Это его удивило, поскольку он не помнил, как она отвернулась. Не помнил он и то, откуда у него в руках снова появился полный стакан, но весело поднес его к губам. Удивительно, как улучшился вкус жидкости.

Он, Деккер чувствовал в этом уверенность, прекрасно держится на этой странной вечеринке, где одни люди пытаются произвести впечатление на других, вместо того, чтобы помочь им чувствовать себя счастливыми, как и полагается на вечеринке. Больше всего его удивлял установленный порядок уступок: богатым уступали не столь богатые, а к марсианской чете снисходительно относились все остальные. Это беспокоило Деккера. Однако даже марсиане улыбались так, как будто наслаждались всем этим изобилием и смехом.

А надоедливый землянин Эван, все наполнял и напол-

нял стакан Деккера, и все кругом казалось еще более ярким и прекрасным, и удивительным до того самого момента, как он почувствовал, что его подняли и понесли.

- Откуда ты? - прохрипел он, извернувшись, чтобы взглянуть в лицо Тинкера Горшака.

- Пришел забрать тебя, дурак, - прорычал Горшак. - Знал же я, что ты выставишь себя полным дураком. Заткнись. Что тебе сейчас нужно, так это хорошенько проспать.

11

Неважно, насколько отчаянно вам необходимы вода и воздух, но есть пределы. Вам в любом случае не хотелось бы, чтобы сотня миллионов тонн чего бы там ни было рухнула на вашу планету единым махом. Это затемнит небо таким количеством пыли, которое даже Марс не видел очень долгое время, не говоря уже о сотрясении всего вокруг.

Так что вам придется предпринять определенные меры предосторожности. Прежде, чем ваша приближающаяся комета подойдет так близко, вы всаживаете в ее оболочку разрывные заряды, чтобы разбить ее на возможно мелкие куски. (Мелкими они, конечно, не будут, но все же.) Большая часть фрагментов сгорит или превратится в пар от трения воздуха - для этого достаточно даже разреженного воздуха Марса, - вам остается надеяться, что остаточная активность в таком случае будет по крайней мере, терпимой.

Кроме того, не захочется же вам, чтобы эти обломки рухнули на поверхность на всей своей изначальной скорости. Поэтому вы так ведете свою комету, чтобы она подошла к планете сзади так, чтобы обе они шли в одном и том же орбитальном направлении вокруг Солнца, что свело бы суммарную скорость до минимума. Потом, в последний момент, вы выпускаете тормозящие ракеты из

двигателей Аугенштейна, которые вы предусмотрительно встроили в комету, чтобы еще больше затормозить ее, - так что скорость вашего столкновения немногим больше одного-двух километров в секунду. Тогда аварийно выбрасываете в космос свои Аугенштейны и молитесь всевозможным богам.

12

Выспаться Деккеру однако так и не удалось, или по крайней мере он ухватил сна гораздо меньше, чем ему бы хотелось. Казалось, прошло всего несколько минут, а мать уже трясла его.

- Деккер, с тобой все в порядке? - озабоченно спросила она. - Я подумала, тебе ведь не захочется пропустить падение кометы?

Деккер, поморщившись, отмахнулся. Кто-то забивал гвозди ему в голову. В изголовье его кровати высился Тинкер Горшак с чашкой чего-то горячего в руке.

- Крепкий чай, - проворчал Горшак. - Через полчаса все с тобой будет в порядке, от похмелья еще никто не умирал.

После нескольких обжигающих глотков и целой вечности стука в висках Деккеру понемногу стало казаться, что, быть может, Горшак все-таки прав. Когда биение за глазами стало спадать, Деккер завернулся в халат и, устроившись перед экраном, стал смотреть, что происходит. На экране ему было видно, как отделяются моторы кометы и крохотными яркими звездочками уносятся прочь, чтобы быть пойманными и обезвреженными рабочими на космических кораблях. После этого, дополнительного сжигания больше не проводили, теперь комета двигалась целиком по законам баллистики.

Попивая чай, Деккер начинал снова чувствовать себя почти человеком - настолько, чтобы проигрывать в уме сцены вчерашних событий.

- Знаете, - объявил он, изумленный своим открытием, - я ей на самом деле и не нравился. Она пригласила меня только для того, чтобы заставить ревновать другого парня.

- Земляне, - фыркнул Горшак, глядя на часы. - Теперь уже через две минуты...

- Я думаю, они даже друг другу не нравятся, - задумчиво продолжал Деккер. - Эван все время вышучивал японцев и бразильцев, и это были в основном злые шутки.

- Конечно, они друг друга не любят. Разве ты до сих пор не знал, что такое земляне? Они же воевали, - проинформировал его Горшак. - Возможно, воевали бы и по сю пору, однако никто теперь не решается этого делать. Теперь они всего лишь пытаются отобрать друг у друга деньги.

Деккер кое-что вспомнил.

- О да, деньги. Что такое «подписчик», Тинкер?

- Подписчик! Подписчик - это тот, кто сосет твою кровь и хочет, чтобы ты еще и поблагодарил его за это.

- Тинкер, - мягко упрекнула его Герти. - Дек, дела на Земле обстоят несколько иначе, чем у нас. Мы занимаем деньги, продавая Боны - ты знаешь, что такое Боны. Но мы не можем продавать их напрямую тем, кто готов вложить в них деньги. На это ушло бы слишком много времени, и, во всяком случае мы не знаем, как это делается. Потому некто «подписывается» на Боны. Он покупает у нас весь лот, а потом продает его по несколько штук за один раз тем, кому они на самом деле нужны.

- А заодно крадет часть денег, - вставил Тинкер Горшак.

- Ты же знаешь, что это не воровство, Тинкер, - раздраженно откликнулась Герти Де Во. - Это не противоречит земным законам. А кроме того, мы сами на это согласились. Если предполагается, что Бона будет продаваться, скажем, за сотню их куэ, то подписчик отдает нам, скажем, девяносто. Так что, каждый раз, когда он продает, он получает десятипроцентную прибыль.

Деккер озадаченно обдумывал сказанное не более минуты, а потом отыскал недостаток.

- А что если ему не удастся их продать?

Тут снова вмешался Тинкер.

- Тогда наши Боны у него остаются по ставке подписки. Но не волнуйся об этом, Дек. Им всегда удастся найти покупателя. Каким угодно способом.

Мальчик кивнул, размышляя о глянцевых картинках на стене в апартаментах Каши, и решил не упоминать о них Тинкеру. Тут ему в голову пришло еще кое-что.

- Ина сказала... говорила что-то Аннете. Это было действительно что-то крайне неприятное, о «разгрузке» их Бонов, если приземление кометы пройдет успешно...

- Если оно пройдет успешно! - возмутился Горшак. - Что за манеры! Если все пройдет успешно, сам знаешь, что произойдет: нас захлестнет поток иммигрантов с Земли.

- Все мы иммигранты с Земли, - напомнила ему Герти Де Во, - или наши родители были таковыми.

- Но наши корни здесь! Для нас дело не просто в деньгах! Это свобода.

Деккер отказался позволить вовлечь себя в привычный семейный спор.

- Но что они подразумевали под разгрузкой?

- Просто еще одна их уловка, Дек, - сказала мать. - У них есть поговорка: «Покупай при плохих новостях, продавай при хороших». Удачное приземление сегодня будет хорошей новостью, а это означает, что цена на Боны, может быть, немного возрастет.

- Но ведь каждый уже и так знает, что комета должна приземлиться. Почему простое созерцание этого события повысит Боны в цене?

- На самом деле, не повысит. Но может заставить людей думать, что Боны стоят больше, и именно так и ведут себя земляне. Они исходят из того, что они думают о стоимости вещей. Таким образом, если кто-нибудь из тех, кому принадлежат Боны, захочет соскочить - не знаю уж почему, быть может, потому что ему потребуются

деньги, чтобы вложить их во что-то другое, - думаю тогда, они все и начнут продавать.

- Глупо, - объявил Деккер.

- Вот тебе и земляне, - сказал Тинкер Горшак. - Эй, смотрите, началось!

Действительно, началось. На экране перед ними последовательные заряды в массе кометы делали свое дело. Из бока кометы вырвался сначала один обломок, потом другой. Основная масса разделилась на две половины, затем в каждой из частей все разом вспыхнули заряды уничтожения, и комета превратилась в огромную грудку щебня, тучей несущегося в сторону Чрисе Планитии. Изображения коротко сместились на пленке, снимаемые камерами с поверхности над Санпойнт-Сити. Яркая масса кометы видна была теперь невооруженным глазом, заметно смещаясь вниз и к востоку. Хвоста у кометы больше не было. Скорее, они сами теперь были внутри этого хвоста. Все, что им удавалось видеть, это невероятная яркость дневного света.

- Надеюсь, это сработает, - сказала Гертруда Де Во.

Тинкер Горшак хмыкнул.

- Надеюсь, мы сможем это оплатить. Эти грязевики с земли требуют от нас и так слишком много. Знаешь, сколько это стоило, Деккер? Я не говорю обо всем проекте в целом. Я имею в виду только вечеринку, на которую ты вчера ходил - как ты полагаешь, кто платит по счетам? Все, что они делают, это наблюдают за тем, как она падает - за тысячи куэс в день каждый - а нам приходится платить...

- Смотрите! - воскликнула мать Деккера.

Изображение вернулось к камерам на орбите. Весь этот миллиард камней, как только они коснулись разреженной марсианской атмосферы, засиял вдруг ярчайшим светом, жар трения создал тысячи ослепительных метеоров. Снова переключение, на этот раз на камеры, расположенные на значительном расстоянии на склоне Олимпус Монс...

Фрагменты планеты ударили в землю.

И маленькими они не были. Самый большой насчитывал десять миллионов тонн. Даже некоторые из наиболее маленьких, размерами превосходили небоскреб. Ударяя в поверхность, они поднимали фонтанами огромные облака пыли, которые вспыхивали красным, белым и желтым, учитывая всю кинетическую энергию движения планеты, которая разом превратилась в удар при столкновении.

Люди в Санпойнт-Сити так и не почувствовали сотрясения от столкновения - они были слишком далеко, но иглы сейсмографов прямо-таки соскочили с лент бумаги.

Когда Гerti Де Во подтыкала сыну одеяло, Деккер вдруг сонно сказал:

- Думаю, прямо сейчас мы никакой разницы не почувствуем?

Мать не рассмеялась в ответ на его слова. Она просто покачала головой.

- Прямо сейчас, нет. Пройдут еще годы, прежде чем вокруг Марса обнаружится сколько-нибудь сносная атмосфера. И даже тогда мы не сможем дышать этим воздухом напрямую, ты ведь и сам это знаешь. В ней будет слишком много углекислого газа, недостаточно свободного кислорода, и совсем не будет азота. Придется искать азот где-нибудь еще. А потом нам еще придется высеять сине-зеленые водоросли, и какие-нибудь бактерии для того, чтобы начался фотосинтез, и у нас появился свободный кислород, а тогда, о Деккер! - воскликнула она, причем выглядела гораздо более молодой и возбужденной, чем Деккер когда-либо ее видел. - Что это значит для нас! Можешь себе представить, как под открытым небом вырастает урожай? И как климат становится по-настоящему теплым?

- Как на Земле; - горько ответил мальчик.

- Лучше, чем на Земле! Нас здесь не так много, и мы гораздо лучше ладим друг с другом!

- Знаю.

Деккер действительно это знал. Каждому на Марсе раз за разом объясняли, зачем им нужно занимать все эти деньги, чтобы получить все эти кометы. Вода для посевов, вода, чтобы создать кислород для животных и самих людей. Озера. Быть может, даже дождь. Согревающий парниковый эффект, который обеспечат водяные пары. Кинетическая энергия каждой ударяющей в планету кометы трансформировалась в жар, внося свой вклад в повышение температуры на планете.

Подумав немного, мальчик спросил:

- Как ты думаешь, мы доживем, чтобы это увидеть?

Мать помедлила.

- Ну, пожалуй, нет, Деккер. По крайней мере, я всего этого или лучшей его части не увижу, поскольку на это потребуются многие годы. Но может быть, увидишь ты или твои дети, или дети твоих детей...

- Черт, - разочарованно протянул Деккер. - Я не хочу так долго ждать!

- Ну тогда, - с доброй улыбкой сказала мать, - когда ты вырастешь, то тебе лучше отправиться туда помогать этому свершиться скорее!

- Знаешь, - начиная зевать, отозвался Деккер, - думаю, я так и сделаю.

13

Самое забавное было то, что Деккер Де Во говорил совершенно серьезно. Он сделал то, что говорил - в некотором роде - хотя это и не сработало в точности так, как он планировал, и пожалуй даже казалось, что план его вообще не сработает, по крайней мере, в ближайшем будущем.

Начал он неплохо. На той же неделе, перед тем, как люди из Сагдаева собрались назад к своим совершенно невредимым домам, Деккер сделал первый шаг. Совершенно самостоятельно он совершил путешествие в штаб-

квартиру проекта Оорт в Санпойнт-Сити. Но когда он заявил клерку, что хочет заполнить формуляр заявления для поступления в академию на Земле, она естественно ответила:

- Ты еще слишком мал.

- Но это же не всегда так будет, - резонно возразил он.

Женщина только покачала головой.

- Но сейчас это именно так. Пока это бессмысленно. Приходи, когда тебе будет - сколько это?

Поскольку, конечно, клерк, была с Земли, и поэтому ей пришлось вычислять.

- Ну когда тебе будет двенадцать или тринадцать.

- Приду. Но заявление мне хотелось бы заполнить сейчас.

- Предполагается, что ты сделаешь это, когда достигнешь соответствующего возраста.

В конце каждого предложения она поджимала губы, как будто закрывала тем самым тему разговора. Но разговор был неокончен. Деккер не сдавался. Он остался в офисе, разумно уговаривая женщину и наконец, быть может, потому, что она была в хорошем настроении, или потому, что даже женщина с Земли где-то да обнаружит слабость к решительному парнишке, она спросила его имя и занесла его в «запасной» файл. Она даже дала ему список предметов - всех предметов, которые понадобятся ему, чтобы пройти тест на вступление в академию. Более того, не смотря на то, что она несколько раз повторила, что его шансы пройти этот тест, крайне невелики, она даже пожелала ему удачи.

Это его удивило.

- К чему мне удача? - спросил он. - Если я пройду тест, они должны меня принять.

- Но я думала, ты знаешь. Приемные испытания проводятся в самой академии, там, на Земле.

- Вот как?

Она рассмеялась почти дружески.

- Так как же ты собираешься попасть туда, чтобы пройти испытания, Деккер Де Во? Неужто ты сам заплаатишь за проезд?

В том-то, конечно, и было дело. Деккер размышлял над этим всю дорогу назад до своей комнаты и, как только ее увидел, обсудил это со своей матерью.

Корень проблемы - как впрочем корень всех проблем Марса - заключался в деньгах. У марсиан их не было. У них не было земной валюты, чтобы оплатить проезд абитуриента на землю, разве что изъять стоимость этого проезда - значительно завышенную стоимость, которая была значительно выше, чем оправдывал бы износ космических средств - из иных вещей, в которых планета нуждалась гораздо больше.

Не в том дело, что Герти Де Во - да и сам Деккер, когда он достаточно вырос, чтобы попытаться сделать что-нибудь - не могла бы сэкономить деньги, дело было в том, что сэкономленные деньги нисколько для этой цели негодились. Их деньги были не в земной валюте. Если бы им позволили покупать куэс по официальному курсу обмена, им бы может быть это и удалось, но у Марса имелось значительное количество проблем, требующих каждого свободного куэ и гораздо более важных для его населения, чем послать еще одного молодого человека работать в Скоплении Оорт.

- Но оказавшись там, я же смогу оплатить проезд! - жаловался Деккер. - Они ведь платят взрывателям в Оорте в куэс. Они даже платят стипендию в академии. Я мог бы даже посылать деньги домой!

- Да платят, - соглашалась мать. - Мог бы. Доставить тебя туда, вот что сложно, Дек.

- Хорошо, проезд. Но я не понимаю. Смотри, предполагается, что мы выплачиваем Боны, отправляя на Землю продукты питания, так? Так почему же отправить на Землю, ну не знаю, пять, десять тонн пшеницы дешевле, чем отправить меня?

- Очень просто, - трезво отозвалась мать. - Землянам нужна пшеница, Дек. Им не особенно-то нужен ты.

Единственной лазейкой в этом непроницаемом барьере оставалось то, что самому Марсу требовались марсиане в Оорте, и не только по причине того, что их заработки помогут сбалансировать выплаты. Так что учебные места существовали. Их было немного, но вполне достаточно для того, кто был достаточно умен и готов работать достаточно много.

Таким образом Деккер учился вдвое упорнее остальных, что и показывали его оценки. Учеба означала, что Оорт выглядел вполне возможным, а тем временем у Деккера появилась работа - поскольку даже будущему взрывателю в Оорт необходимо прокладывать свой путь на Марс.

Профессией Деккера стала работа третьего пилота на межпланетном малом дирижабле, хотя на этой стадии Деккеру нечасто удавалось поддерживать в руках штурвал. «Бортпроводник» было более точным описанием его занятия, поскольку главной его задачей было удостовериться, что все пассажиры в порядке и не причиняют неприятностей. Однако он получил квалификацию, чтобы взять в свои руки контроль за дирижаблем, если по чистой случайности первый и второй пилоты посреди полета упадут замертво. И тем не менее это была достаточно ценная работа: она хорошо оплачивалась, даже если и платили за нее в марсианской валюте; она позволила ему объездить - или точнее облететь - весь Марс от Северного Полюса до самых дальних дефов на замерзающих южных плато; и она позволяла ему встречать значительное количество интересных людей, многие из них были молодыми женщинами, которые были счастливы познакомиться с ним поближе.

Этим преимуществом Деккер наслаждался. Нельзя сказать, что у него была девушка в каждом порту, но портов он посещал немало. Кроме того, эта работа давала

ему неплохой начальный опыт по пилотированию корабля-корректировщика в Оорте.

А потом шанс его сократился почти что до невидимости.

Случилось так, что на земном рынке произошла мелкая паника. Ничего серьезного, по крайней мере, для большинства землян. Несколько спекулянтов разорилось, несколько других внезапно сильно разбогатели, но подобные вещи случаются сплошь и рядом.

Однако, когда Земля чихает, у Марса начинается воспаление легких. Паника пришлась на неудачное время. Как раз должен был выйти новый выпуск Бонов, и на временно нестабильный земной рынок они попали по заниженной подписной цене. Земные куэс всегда были скудны, а теперь поток их почти совсем иссяк. Импорт был резко урезан, с собственного рынка Марса исчезли любые предметы роскоши - хотя колония землян процветала, как и прежде, а от одного из самых ценных излишеств, программы обучения, пришлось просто отказаться.

В чем Деккер действительно мог считаться мастером, в чем еще могут быть мастерами все марсиане, иначе как бы они выжили на такой планете? - было умение извлекать лучшее из того, что у него есть, и не тратить времени оплакивать то, чего у него нет.

Потеря надежды на Оорт естественно оказалась ударом, но у Деккера была совсем иная жизнь, чтобы ее прожить, и все силы он на это и тратил. К тому времени, как ему исполнилось одиннадцать - девятнадцать или что-то около того по земным стандартам - он не только продвинулся до второго пилота, но и заслужил медаль. По крайней мере, то, что марсиане давали друг другу в качестве медалей. Это была небольшая зеленая розетка, и присуждалась она за храбрость.

На Марсе немного можно было найти обладателей медали за храбрость по двум причинам. Во-первых, для того, чтобы жить здесь, требовалось столько мужества, что казалось бессмысленным суетиться еще и из-за до-

полнительной храбрости. Другой причиной было то, что каждый раз, когда кому-то приходилось проявлять это небольшое количество дополнительной храбрости, происходило вследствие того, что кто-то другой делал что-то особенно глупое и опасное. Как например, забыть закрепить перед полетом клапан бака с кислородом на дирижабле Деккера. Так вот они и парили на высоте трехсот тысяч метров над Валлес Маринерис, а их драгоценный водород пузырьками улетал прочь. Кроме возможной опасности для самого корабля, проблема заключалась и в самом водороде. Слишком трудно он доставался марсианам, чтобы позволить ему так испаряться впустую.

Так что оставалось делать амбициозному третьему пилоту, стремящемуся подняться на ступеньку повыше? Это стоило ему уха, потому что пришлось прижиматься к наружному баку и проклятая, обжигающе-холодная субстанция летела мимо его ранимой головы, но ухо в конце концов можно заменить. Это принесло ему повышение и розетку - разумно удачный обмен.

Но до Оорта все же было невероятно далеко.

Иногда во время ночных полетов, когда пассажиры спокойно спали и капитан позволял другому пилоту заступить на вахту у штурвала, Деккер забирался в купол дирижабля и просто смотрел на кометы, дюжины и дюжины комет, которые начинали заполнять небеса и светиться меж звезд. Он не испытывал жалости к себе, не углублялся в жалобы на упущенные возможности, а просто смотрел на кометы и думал о том, как интересно должно быть там в Оорт ловить ценные кометы и отправлять их падать по направлению к Марсу.

На Марс теперь еженедельно приземлялось по несколько комет, иногда даже по две в день. Об атмосфере планеты говорить пока еще не стоило, хотя пыльные бури становились гораздо плотнее и чаще, но каждый раз, когда дирижабль Деккера проходил над тем местом, куда незадолго до того упала комета, он видел огромные кратеры, возникшие при ее ударе о землю. И иногда ему даже удавалось уговорить себя, что да, действительно

видится что-то вроде тончайшей дымки на дне этих кратеров. И пилоты в такие дни утверждали, что дирижабль плывет чуть выше обычного. Атмосферное давление, уж конечно, должно было повыситься на миллибар-другой.

А потом однажды, когда Деккер болтал с хорошенькой пассажиркой в холле небольшого дема в Улис Патера под названием Коллинс, ему позвонила мать.

- Мне нужно поговорить с тобой, - сказала она. - Возвращайся домой.

И ничего больше не добавила.

Таким образом Деккер взял пятидневный отпуск и направился в Сагдаев. В последнее время он нечасто виделся с матерью, поскольку ее выбрали представлять Сагдаев в Ассамблее - скучная и при этом тяжелая работа, заключающаяся в попытках заставить дела планеты течь плавно - а это означало, что она никогда не бывала дома. Он надеялся, что она его встретит, но первый, кого увидел Деккер у выхода из шлюза для пассажиров, был Тинкер Горшак. Тинкер казался обеспокоенным и, только завидев Деккера, расплылся в приветственной улыбке.

- Привет, парень, - сказал он. - Мать хотела бы поговорить с тобой.

- Это я знаю. О чем?

Тинкер напустил на себя загадочность.

- У нее есть право самой рассказать тебе об этом. Слушай, я хотел спросить, Тсуми прилетел ведь не на твоём корабле?

- Тсуми? Нет. Я не видел его уже несколько месяцев. Разве он здесь?

- Будь он здесь, разве я бы тебя спрашивал? Считалось, что маленький негодяй в школе в Санпойнте, но они позвонили позавчера, чтобы сказать, что он пропускает занятия. Он водится с компанией, которая мне не нравится, Деккер. Я позвонил всем его друзьям - всем, о ком я знал, - и просил их сказать ему, чтобы он немедленно приехал, так чтобы я его выпорол, но...

Старик вздохнул, но потом вновь повеселел.

- Но иди к матери, Дек. Она тебя ждет.

Так Деккер и сделал. К тому времени, когда он добрался до небольшой комнатки Герти Де Во, Тинкер уже позвонил ей, чтобы сказать, что он в пути, и мать уже ждала его. На плитке даже стоял кофейник с какао.

Деккер обнял, ставшую вдруг такой маленькой мать за плечи, а она потянулась, чтобы поцеловать его, но потом оттолкнула, чтобы посмотреть ему в глаза.

- У меня для тебя новости, Дек. Ты все еще хочешь работать в Оорте?

- Да, - ответил он, - конечно. - Тут до него дошло: - А что появился шанс? Они снова разрешили учебу?

- Не стоит надеяться, - покачала головой мать. - Разве ты не смотрел новости? Земляне снова что-то крутят... забастовки, крушение банков и... - на самом деле, нам снова придется искать какие-то обходные пути, нет, нечто совсем иное.

Она помедлила и посмотрела на него с почти извиняющимся видом.

- Дело в том, что я связалась с твоим отцом.

Деккер изумленно воззрился на мать.

- Моим отцом?

- А почему бы и нет? - спросила она, как бы защищаясь. - Я уже давно дала ему знать о твоих планах, как только они закрыли эту программу обучения. Деккер, я ни о чем его не просила, просто не могла. Он живет на свою пенсию по инвалидности, и у него не так уж много лишних денег. Но он сказал, что попытается. У него ушло на это немало времени, но все же...

Деккер почувствовал, что сердце вдруг забилося прямо у него в горле.

- Ты ведь не собираешься мне сказать, что он оплатит мою дорогу до академии?

- Именно это я и собиралась тебе сказать, Дек. Деньги на твой проезд до Земли здесь, и ты проживешь у него, пока будешь проходить подготовительные курсы, прежде чем подашь на экзамен в академию и... ладно, Деккер. Вот как обстоят дела. Остальное за тобой.

Первое, что обнаруживает гость на Земле, - это то, что на Земле не один Небесный Крюк, как на Марсе. На Земле их было три. Причиной этому была гораздо большая напряженность движения с поверхности планеты на орбиту и обратно на Земле, чем на любой другой планете, и все три Небесных Крюка были постоянно заняты.

Всем им, естественно, приходилось касаться поверхности планеты в районе экватора, поскольку именно над экватором могут оставаться на месте геостанционные спутники. Самым занятым считался тот, что находился в Эквадоре, хотя горы в окрестностях Киото создавали определенные проблемы для перевозки товаров. Тот, что располагался в Понтиаке, был самым новым, и, быть может, однажды станет самым лучшим, поскольку его расположение прямо на побережье оказывалось наиболее выгодным с точки зрения перевозок - или по меньшей мере, сойдет и он, в том случае, если марсианам удастся выращивать достаточно продукции, чтобы возить ее морем в Борнео. А до тех пор, движения в Понтиаке было настолько мало, что там до сих пор задействовали только один кабель. Но в некоторых отношениях наилучшим все же был кенийский, и не в последнюю очередь, потому что был наиболее удобен для всех бизнесменов и промышленных предприятий крупнейшего города Африки под названием Найроби.

Найроби был настолько велик, что люди давным-давно уже забыли о том, что и городом-то он стал чисто случайно. В нем отсутствовало почти все, вокруг чего может вырасти город. Здесь не было ни реки, ни порта ничего другого, что отличало бы это место от окружающей его саванны. Существовал он только потому, что случайно это место оказалось удобным для временной стоянки естествоиспытателей, потом, тоже давным-давно из сердца Африки к побережью построили железную дорогу. В настоящее время это место все так же оставалось стоянкой или станцией - правда, на этот раз космической - и оттого процветало.

Путешествие на Землю произвело на Деккера Де Во огромное впечатление. Сбывалась мечта.

Сначала, маленькая капсула, поднимающаяся с поверхности Марса вверх по кабелю к пересадочной станции, и весь Санпойнт-Сити проваливается куда-то назад, и сердце опускается куда-то в желудок, но так же и радостная легкость: он ведь уже в пути. Потом сам корабль и отдельная кабина, которую отвели ему одному, размерами, быть может, не больше стационарного душа, но на космическом корабле, и все чудеса космоса, будто созданные для того, чтобы покорить вполне зрелого двенадцатилетку. Нет! Теперь возраст его исчисляется земными годами! Ему двадцать лет.

И как будто для того, чтобы сделать путешествие еще более увлекательным, - даже тревога солнечного излучения все одиннадцать дней в космосе. Извергся солнечный шар, и яростный поток радиоактивных частиц Солнца, что для каждого на корабле означало необходимость провести двадцать два часа во вдвойне защищенных камерах, до тех пор, пока сияющий шар не сжался до обычных своих размеров и не улеглась солнечная радиация. Происшедшее не несло в себе опасности, но безусловно представляло из себя нечто, о чем можно будет порассказать внуку Тинкера, да и другим ребятам в Сагдаеве - если он когда-нибудь в Сагдаев вернется и если, что бы там ни было, дети останутся еще детьми.

Конечно, и сам Деккер больше не ребенок. Но даже у молодого человека, вроде Деккера Де Во, может сладко сжаться сердце, когда он взойдет на космический корабль, отправляющийся в полет на добрую сотню миллионов километров, на Землю. Как ни суди, это - и вправду нечто особенное.

Но на преодоление этих миллионов километров ушло двадцать дней, и учитывая то, что на корабле совершенно некуда было податься, и общество одних и тех же восемнадцати человек - пассажиров и команды - полет быстро потерял свою привлекательность.

А вот пребывание на Земле - это совсем другое дело.

Как только Деккер спустился вниз по кабелю гигантского Небесного Крюка и впервые ступил на космодром Земли, ему не понадобилось много времени на то, чтобы понять, насколько здесь все отличается от того, к чему он привык. И не все здесь будет приносить ему удовольствие. Земля причиняла боль. При каждом шаге на Земле с ее жестким притяжением болели все кости в его теле. Земля была грязной. Земля была неприветливой, или таковыми были ее люди, или так просто показалось худощавому марсианскому парнишке, который не мог ни хорошо бегать, ни хорошо прыгать, и к тому же в качестве отца получил неудачника. Никакие советы и предостережения, никакие молочно-кальциевые болтушки и инъекции полистероида, никакие полученные на борту инструкции не подготовили Деккера к тому, что Земля во многих отношениях может оказаться гораздо враждебнее Марса, но меньше всего он был подготовлен к встрече с человеком, который был его отцом.

Когда Деккер, прихрамывая и волоча за собой сумку на колесиках, как какого-нибудь игрушечного зверя на поводке, вышел из зала таможни в основании Крюка Найроби и оглянулся в поисках отца, то он не нашел его. Вместо этого он увидел, как навстречу ему медленно ковыляет сутулый старик и еще прежде, чем тот заговорил, но всего лишь за секунду до этого, понял, что эта развалина и в самом деле Болдон Де Во.

В полуметре от него старик остановился, чтобы оглядеть Деккера с головы до ног. Присмотревшись к нему поближе, Деккер смог различить в нем марсианина. Но теперь он ссутулился до почти земного роста, а кроме того опирался на толстую палку. Старик не выглядел особенно здоровым. Его плечи выдвинулись вперед, а голова была отклонена назад, что вздымало вверх подбородок старика, пока он шурился на своего сына. Они не стали целовать или обнимать друг друга, даже не пожали друг

другу руки. Болдон Де Во кивнул, как будто увидел именно то, что ожидал увидеть, а много он и не ожидал, и сказал:

- Хорошо. Ты здесь. Что у тебя с ухом?

Деккер не видел никаких причин углубляться в запутанную историю утечки водорода на дирижабле и боли при трансплантации, а потому просто ответил:

- Отморозил.

Отец ничего на это не сказал.

- Это весь твой багаж? - спросил он. - Тогда пойдем. Нам нужно успеть на поезд.

Он уже отворачивался, чтобы захромать вниз по лестнице, когда через плечо добавил:

- Сын.

Волоча за собой тележку, Деккер последовал за ним, двигаясь не намного быстрее старика. Наверное, им следовало бы поцеловать друг друга, думал Деккер, но он был не готов сделать первый шаг.

По движущейся лестнице они спустились на платформу, где ожидали восемнадцать или двадцать не соединенных друг с другом в поезд вагонов, Болдон Де Во проследовал к первому в ряду вагону. Дохромав до него, старик набрал какой-то код на пульте управления и вставил что-то блестящее толщиной с карандаш, что носил на цепочке на шее. Потом взглянул на сына.

- Вот как здесь оплачивают что-то, кредитным амулетом. Здесь за все надо платить.

- Мы на Марсе тоже платим, - возразил Деккер, - хотя, наверное, ты не помнишь.

На это отец ничего не ответил. Опустившись на сиденье, старик посмотрел на Деккера и сказал:

- Почему у тебя лицо такое красное?

- Перед посадкой они делают переливание крови, чтобы помочь организму быстрее строить красные кровяные тельца. Это плюс другие инъекции и, - он поднял ногу, - укрепляющие ремни.

- Тогда держись, - сказал отец, и как раз вовремя.

В ту же минуту к их вагону с чмоканьем присоедини-

лись два других, выстраиваясь наконец в поезд. Когда последний двинулся с места, ускорение оказалось значительно сильнее, чем ожидал Деккер. В какое-то отчаянное мгновение он было подумал, что его может стошнить, но все обошлось. В вагоне было кроме них всего лишь четыре человека, - судя по их внешнему виду земляне, - и когда поезд остановился трое из них вышли.

Остальные вагоны отделились, а их вагон снова рванулся вперед. Через пять минут остановился и он, и Болдон Де Во вышел.

- Наш район, - бросил он через плечо.

Нельзя сказать, что это был жилой район: по улицам сновали большие и маленькие грузовики, за которыми тянулись клубы дыма из выхлопных труб; жители, в основном черные, запрудили тротуары; здания приводили в изумление своей высотой, по марсианским установкам Деккера - некоторые были даже в восемь или десять этажей - но казались старыми и не особенно ухоженными. Даже в воздухе пахло чем-то странным - чем-то дымным или, может быть, гнилым. Деккер чихнул, в то время как его отец уже повернулся и стал взбираться по каменной лестнице.

На крыльце, прислонившись к перилам, расположились пятеро высоких мужчин с пивом. Одеты они были в шорты и ярко - или когда-то ярко - раскрашенные рубашки, распахнутые на груди. Одежда некоторых поблекла или даже пропиталась потом. Впрочем сами они казались вполне дружелюбными: они слегка раздвинулись, уступая дорогу, и по-приятельски закивали подходящему Болдону.

Это, все происходящее, оказалось совсем не тем, чего ожидал Деккер, и старик, бывший его отцом, был совсем не таким, как он его помнил. А помнил Деккер высокого, стройного, всегда улыбающегося мужчину, очень высокого и худощавого, даже по марсианским стандартам. А вот этот скрюченный, опустившийся старик, сгорбленный настолько, что казался одного роста с мужчинами на крыльце, был совсем ему чужим. Но

когда Болдон Де Во каждому из них представлял Деккера, он говорил:

- Это мой сын.

И тут Деккер даже несколько повеселел, поскольку в словах отца действительно звучала гордость за такого сына.

А потом они стояли в лифте, который поубавил у Деккера оптимизма, поскольку в нем не только пахло потом и чем-то похуже, но резкий толчок при подъеме так ударил по и без того измученным ногам марсианина, что тот едва не упал. Но Деккер был рад, что в доме есть лифт, поскольку альтернатива представлялась еще более неприятной, квартира отца находилась на самом верху.

А потом он увидел то место, где жил его отец и где теперь придется жить ему. Не в том дело, что комната была мала - к этому Деккер привык - но она также была очень грязна.

- Устроись на кушетке, - сказал отец, прохромав к холодильнику и вытаскивая оттуда бутылку. - Она, конечно, коротка, но ты молод. Я собираюсь выпить.

- Нет, спасибо, - сказал Деккер, хотя ему никто ничего не предлагал.

Прежде чем поставить вещи на кушетку, ему пришлось снять с нее полупустую упаковку бутылок и встряхнуть подушки. А потом он стал собирать грязные тарелки, валяющиеся по всей комнате.

- Оставь, - приказал отец, со стаканом в руке тяжело опускаясь в продавленное кресло. - Я хочу выяснить, что ты знаешь? Что такое Аугенштейн?

Деккер моргнул.

- Что?

- Двигатель Аугенштейна. Что это такое, как он работает?

Отец, судя по всему, был совершенно серьезен.

Деккер поставил свою коллекцию посуды на стол, предварительно подвинув стопку чистого, но не рассортированного белья, и сел.

- Ну, - начал он, - Аугенштейн - это то, что заставляет

двигаться космические корабли. В основе своей, его силовая камера представляет собой пористый вольфрамовый блок, погруженный в водород. Через блок проходит пробирка, пропускающая в центральную камеру антипротоны. Антипротоны взаимодействуют с водородом, и жар выбрасывает рабочую жидкость из сопла ракеты. Для рабочей жидкости они используют, в основном, истолченный камень, но возможно...

Отец подался вперед.

- Не говори «они», Деккер. «Мы». Говори «мы».

- Прости.

- Привыкни говорить «мы». Я хочу, чтобы ты стал думать как взрыватель в Оорт, чтобы ты соответствующим образом вел себя. Мы используем превращенный в пыль камень как рабочую жидкость, только, конечно, не в Оортовом облаке. А что мы делаем там?

- Используем массу кометы.

Отец кивнул, отпив из стакана глоток.

- Правильно, массу кометы. Мы заправляемся замерзшими газами с кометы. А как насчет антипротонов, которые кормят Аугеншейн?

- Антипротонов?

- Откуда они берутся? Как они их делают?

Деккеру хотелось указать отцу, что и он тоже говорит «они», но потом он решил, что это не такая уж хорошая идея. Внезапный опрос, казалось, имел для старика очень большое значение. А потому Деккер, будто вызванный на занятие, сказал:

- Антиматерия производится на Луне из-за присутствующего там вакуума, значительного количества электроэнергии и возможности несчастного случая. Солнечная энергия фотовольтных батарей используется для управления кольцевым акселератором с диаметром сорок километров внутри огромного кратера. Акселератор производит античастицы. Хочешь, чтобы я написал реакцию?

- Хочу, - сказал Болдон Де Во и указал на лоп-топ под стопкой одежды на полке.

Когда Деккер вынул его, отец стал внимательно смотреть на Деккера, покрывающего строками формул небольшой экран. Когда с этим было покончено, он захотел узнать, как сможет Деккер определить дельты для орбиты от Меркурия до Марса, какие виды комет наиболее ценны и как контролировать их орбиты. Все ответы он оставил без комментария.

- Ну ладно, а на каком ты уровне? - спросил он.

Болдона не удовлетворили просто ответы, он заставил Деккера вытащить картридж с оценками и высветить на экране результаты тестов его физических параметров: быстроту реакции, восприятие глубины, фактор концентрации и тому подобное. Затем Болдон Де Во задумчиво откинулся на спинку кресла, с минуту смотрел в потолок и вздохнул. Заставив себя встать, он побрел к холодильнику.

- Хочешь пива? - спросил он, не оборачиваясь.

На самом деле, пива Деккеру не хотелось, он никогда не получал удовольствия от алкоголя со времен вечеринки у Аннеты Каши столько лет назад... И тем не менее он все равно сказал «да», поскольку совместное пиво с отцом создавало между ними какую-то связь. Деккер чувствовал, как в нос ему ударяют пузырьки. Тут отец сказал:

- Думаю, ты устал.

Деккер кивнул, когда ему об этом напомнили, он понял вдруг, насколько устал.

- Так давай соснем. Тебе понадобится весь отдых, какой ты сможешь урвать, Дек. Здесь в Найроби есть хорошие подготовительные курсы. Я знаю некоторых тамошних учителей. Школа направлена не именно на Оорт, но они подчистят тебе теорию, - он остановился, чтобы отхлебнуть пива. - Школа недешевая, а у меня не так много денег. У тебя есть куэс?

- Земные деньги? Нет. Ты послал мне денег на проезд, но от них ничего не осталось.

- Я и не думал, что что-то останется. Я дам тебе амулет - он нужен тебе для того, чтобы расплачиваться -

и переведу на счет около сотни куэс просто на карманные расходы. Правда, это немного, и я не могу себе позволить держать тебя в школе вечно. Но в любом случае, этой вечности у тебя нет. Примерно через семь недель тебе необходимо пройти тесты для обучения по проекту, а это не так просто.

- Я уже закончил все подготовительные курсы, - с гордостью возразил Деккер.

- Естественно. На Марсе, и давно. В любом случае, здесь это будет гораздо тяжелее, ведь чисто физически ты не привык к гравитации. Это тебя будет изматывать. Я слышал, когда ты хочешь, ты можешь работать упорно, правда?

- Думаю, да.

- Тогда захоти, Деккер. Это важно. Все, что я могу дать тебе, это один только шанс.

Через неделю Деккер пришел к выводу, что занятия в школе, как и предсказывал Болдон Де Во, даются ему тяжело, и что это оказалось для него неприятным сюрпризом. Несмотря на слова отца такого он не ожидал. Он при-держивался утешительного общемарсианского, что поскольку все на Марсе, естественно, лучше, чем на Земле - не исключая физических проблем и проблем окружающей среды, каждый, кто успевал в школе дема, естественно окажется на первом месте в любом классе Земли.

Оказалось, не совсем так. Выяснилось, что другие студенты чертовски быстро все схватывают и умны. Почти все они были черными, обстоятельство поначалу удивившее Деккера. Безусловно, существование чернокожих людей не являлось для него новостью, на Марсе было немного чернокожих. Но нигде на Марсе они не представляли собой такое подавляющее большинство, как впрочем не было и подавляющего большинства белых.

Основным видимым исключением был преподаватель, мистер Каммингс. Он был гораздо светлее, чем все остальные в комнате для занятий, но его кожа при этом

была если не цвета какао, то цвета молочного шоколада, на несколько оттенков темнее кожи Деккера. Так что Деккер выделялся. Не только своей кожей. И не только своим ростом, хотя он и возвышался надо всеми в классе. Другим заметным отличием являлась манера одеваться. И мужчины и женщины носили сшитые на заказ яркие рубашки и шорты, которые оставались великолепно отутюженными, чем бы ни занимался их владелец. И это по сравнению с мятыми синтетическими джинсами Деккера. Обувь они носили, как к изумлению своему обнаружил марсианин, из кожи. К тому же это не были просто какие-нибудь шкуры убитых животных, поскольку одни носили на ногах свиную кожу, другие кожу коров, а у пары студентов обувь была сшита из страусиной шкуры. Деккеру никогда не приходило в голову, что кто-нибудь может согласиться носить что-то, снятое с убитого животного.

Были и другие неожиданности. Не столько в плане обучения, хотя Деккера раздражала необходимость запоминать огромное количество дат из истории разных стран, которой никогда не уделялось особого внимания в Сагдаеве. И все же большая часть курсов давалась Деккеру сравнительно легко. Математика остается математикой, неважно, на какой ты планете, а так же физика, химия и астрономия. Самым большим сюрпризом оказалось то, что у студентов Найроби не было обязательных занятий по уступчивости. А вместо этого имелись дважды в неделю сбивающие с толку занятия, которые студенты называли «толкай-ворчи». Они, как объяснил преподаватель, увидев ошеломление на лице Деккера, созданы для снятия напряжения, так чтобы люди могли лучше ладить друг с другом, а толкание и ворчание были вполне реальны и очень физичны.

И даже небезопасны для недавно прибывшего на Землю марсианина, чьим костям еще предстояло приспособиться к земному тяготению. Первое упражнение, какое им предстояло, звалось «прорыв». Все, кроме одного студента, становились в плотный круг, обняв друг

друга за плечи, в то время как задачей оставшегося студента было проникнуть внутрь этого круга. Поначалу Деккер решил, что может быть, даже получит удовольствие от этого упражнения, поскольку рядом с ним оказалась необычайно высокая для земных женщин студентка по имени Сэлли Мой. Прижать ее теплое тело к себе казалось интересным во многих отношениях и отнюдь не неприятным. Но когда мистер Каммингс дал сигнал начинать, оставшийся студент слабым звеном выбрал Деккера. Опустив голову, и с разбегу на полном серьезе врезался ею Деккеру в живот. С резким «ух» из Деккера вышел весь воздух.

Мистеру Каммингсу хватило и этого. Он освободил марсианина от занятий и на следующем занятии, что-то вроде борьбы, поставил его в паре с молодым человеком по имени Уолтер Нгемба, который пообещал, что будет осторожен. Как бы он ни обещал, что все будет полегче, этого явно было недостаточно, хотя он был осторожен. Но когда Нгемба перебросил его через спину и придавил его плечи к мату, Деккер поморщился от сотрясения. Вновь вмешался мистер Каммингс. Деккер удалился к стене, счастливый тем, что может сохранить свои марсианские кости в целости, впрочем ему было жаль, что его призвали негодным принять участие - равно как сожалел он и о том, что не удалось побороться с Сэлли Мой. Женщины не играли особой роли в его планах на ближайшее будущее, особенно, если они не препятствовали шансу попасть в академию, но удивительно приятно было ощущать в руках ее теплое тело.

Его размышления прервал свисток мистера Каммингса. Бросив на Деккера дружелюбный взгляд, преподаватель сказал:

- Думаю, сегодня мы чуть пораньше перейдем к вербальной фазе. Деккер, так как ты не извлек ничего из первой части нашего занятия, вот - твой шанс отыграться на Уолтере. Быть может, тебе захочется начать с ругательства в его адрес?

- Почему? - спросил Деккер.

- Как, для того, чтобы оскорбить его. Разве у вас на Марсе нет управления враждебностью? Все дурные мысли, какие когда-либо приходят в голову, рано или поздно выливаются в общественную систему. Оскорби его расу. Скажи, например, что-нибудь вроде: «Вы тупые кафры, вообще, не люди».

Деккер посмотрел на Уолтера Нгемба, который ответил ему исполненной ожидания улыбкой, а потом снова на преподавателя.

- А что такое кафр? - спросил он.

- Ну можешь назвать его обезьяной из джунглей, если так больше нравится. Давай же, Деккер, не мог же ты за всю свою жизнь ни разу не слышать этнических оскорблений?

Деккер с несколько секунд думал, потом вспомнил:

- Пожиратель грязи, - сказал он ради эксперимента. - Уолтер, ты ведь пожиратель грязи, не правда ли?

И был изумлен, когда весь класс, включая Уолтера Нгембу, разразился смехом, и еще более изумлен, когда мистер Каммингс, чтобы показать Деккеру, как работает этот механизм, позволил целому классу разом оскорблять самого Деккера. Марсианин выяснил для себя, сколь много, на самом деле, есть у землян непристойных терминов для выражения такого простого понятия как «марсианин».

Деккеру подумалось, что они далеко продвинулись со времен Закона Плота.

Через две полных недели на Земле тело Деккера стало понемногу принимать тот факт, что от него на этой планете требуются дополнительные усилия. По-прежнему было больно ходить или даже стоять; просто боль стала немного меньше. Земля, решил Деккер Де Во, - не такое уж дурное место. Может быть, даже хорошее, если бы не было таким шумным и переполненным... и если бы только земляне наконец осознали Закон Плота.

Но, заключил он, они не поняли. Земляне не прилага-

ли усилий к тому, чтобы облегчить жизнь друг другу, сделать друг друга счастливыми и довольными своим миром. Они даже не нравились друг другу, и лучшее, на что они были способны на своих занятиях по управлению враждебностью - это находить пути не проявлять ее. Что было, по мнению Деккера, по-детски с их стороны.

Деккеру казалось, что его однокурсники ведут себя как дети, поскольку с ними обращаются как с детьми. Хуже всего было то, что он чувствовал, как это происходит с ним самим. Например, каждый вечер, когда Деккер выходил из школы, отец ждал его в этой своей дурацкой трехколесной машине, чтобы отвезти домой. Остальные студенты разбегались по своим дворам со школьного двора, где на углу стояла пожилая женщина Миротворец, безуспешно пытающаяся не позволить им помешать дорожному движению, когда они переходили шумную улицу. А Деккера встречают как какого-нибудь пятилетнего ребенка. Впрочем, такой он был не единственный. Уолтера Нгембу тоже каждый день забирали из школы - только вместо трехколесника - это был бледно-голубой лимузин шести метров в длину, но Деккер Де Во, взрослый человек с медалью за героизм, этим возмущался.

Когда Деккер вполз - по причине ременных браслетов-опор на ногах - в маленькую шаткую машину, отец перегнулся через него, чтобы захлопнуть дверцу, и с минуту смотрел на него, прежде, чем завести мотор,

- Разве твоя мать не учила тебя говорить «спасибо»? - спросил он.

От него пахло виски.

- Спасибо, - сказал Деккер, чтобы сэкономить время, но не удержался и добавил, - хотелось бы, чтобы ты не приезжал за мной.

- Дерьмо. Сегодня четверг, ты не забыл? В любом случае, ты еще недостаточно окреп, чтобы весь путь домой пройти пешком.

- Я хочу окрепнуть, - сказал Деккер и кивнул на Миротворицу, которая махала им из-под зонта от солнца. - Она хочет, чтобы ты проехал.

- А пошла она.

Но старик все же надавил на педаль газа, и трехколесник покатил прочь. На лице Миротворицы, Деккер видел это, когда они проезжали через перекресток, возникло странное смешанное выражение. Отчасти это была улыбка для самого Деккера - у нее всегда было для него веселое «хелло» наготове, - а отчасти это было нечто совсем иное. Деккер мог бы с уверенностью сказать, что это относилось к его отцу, что почти все земляне едва ли испытывают к нему особое восхищение, даже соседи, что так тепло приветствовали его с крыльца - так как никто не проводил всего своего времени, попивая пиво и посиживая на крыльце, поскольку всем им было необходимо ходить на работу.

У Болдона никакой работы не было и не будет.

Поскольку действительно был четверг, день инъекций и упражнений на тренажерах, отец Деккера свернул не направо в сторону дома, а пролетел прямо через перекресток, причем гораздо скорее, чем хотелось бы Миротворице, и направился в клинику. Деккер не любил уколов, даже инъекции довольно безболезненных полистероидов, но просто ненавидел кальциевые вливания, от которых на ляжках оставались синяки и весь день болело все тело. Когда с этим кошмаром было покончено, оба они прошагали к элеватору, чтобы перенести вторую попытку в зале физиотерапии на верхнем этаже. Там Болдон Де Во подсоединил текстовый экран, а сам Деккер втиснулся в массажер. Старик отмахнулся от ассистента, поскольку не доверял никому, кроме себя, запустить механизм с необходимой его сыну малой скоростью. И пока массажер разминал мускулы Деккера, отец, держа одну руку на контроле скорости, читал сыну вслух пособия к домашним заданиям на следующие занятия.

- Завтра, - сказал он, - будет зачет по истории. Тебе

необходимо знать все о войне Красной и Белой Розы, так что давай освежим ее в памяти.

- Ох, - отозвался Деккер, когда массажер надавил ему на колено. - Пап! Откуда ты знаешь, что случится завтра?

- У меня есть друзья, а ты как думаешь? - спросил отец, отводя на волосок назад рычаг контроля. - Вот, так лучше?

Деккер не ответил в основном потому, что медленная скорость была ничуть не «лучше» - только чуть уменьшилась вероятность того, что она сломает его хрупкие марсианские кости, а отчасти и потому, что не хотелось признавать, что ему требуется особая забота.

- Какие друзья?

- Хорошие. А теперь помолчи. Давай лучше послушаем, что ты помнишь о войне Красной и Белой Розы. Это были Йорки против Ланкастеров?..

Деккер возмутился.

- Все это - никому ненужный хлам о бредовых временах, папа. Почему я должен учить даты этой войны?

- Потому что этого требует школа, и это все причины, какие должны тебя беспокоить. Ну так как?

Деккер покорился логике.

- Это было в Англии, - тяжело дыша, начал он. - Обе стороны хотели посадить на трон короля своей династии, и причина, по которой война называлась именно так, заключалась в том, что эмблемами обеих сторон были розы, белая на одной стороне, и красная - на другой. Они воевали около ста лет или около того...

И так далее и тому подобное, пока они не дошли до битвы, в которой погиб король Ричард, и поднялась династия Тюдоров.

Тогда удовлетворенный или почти удовлетворенный, как вообще может быть удовлетворен Болдон Де Во, выключил текстовый экран, и на лице у него появилось то отстраненное, рассеянное, жаждающее выражение, какое уже начал распознавать Деккер. Впрочем, череду упражнений это не сокращало. Он дотянул до того, как ударила

шестнадцатая секунда шестнадцатой минуты часа, и лишь тогда выпустил хромающего и потирающего руки и ноги Деккера из массажера и стал погонять его вниз и снова в трайк.

Деккер заметил, что по дороге домой, отец вел машину даже быстрее, чем обычно, но ничего не сказал по этому поводу. Он вообще всю дорогу молчал, пока они вновь не оказались в квартире. Отец тут же достал из холодильника бутылку пива и, глянув на часы, устроился перед древним двухпространственным видеоэкраном.

Деккер к тому времени уже знал распорядок дня. До того как отец начнет собирать обед, оставался еще час учебы, так что Деккер сказал:

- Я позанимаюсь, - и стал устраиваться за своим собственным экраном, не дожидаясь дальнейших понуканий отца.

- Нет, не на этот раз, - ответил отец. - Ты можешь сделать это потом, Дек. Через пару минут начинается специальная программа, посвященная Марсу. Тебе, наверное, захочется посмотреть ее.

- Хорошо, - согласился Деккер.

Ему пришлось встать за креслом отца, но, пока по экрану бежали титры, он занялся тем, что стал подбирать разбросанные по комнате вещи. Это была добровольно взятая Деккером на себя обязанность. Жертвуя сном, чтобы выкроить на это время, он давно уже убрал все, чему смог отыскать место, и отскоблил все, что можно было отскоблить. Конечно, комнату даже и сейчас нельзя было сравнить с марсианскими стандартами, но по крайней мере, это стало не так оскорбительно. Отец, казалось, этого не замечал, что каждый день на стуле оказывалась новая пара носок, или когда он приходил домой его не встречали новые бутылки или грязная посуда.

Потом, когда началась программа, Деккер оставил работу по дому и сконцентрировал свое внимание на программе.

Большую часть того, что говорилось в репортаже, он и без того знал. И все же приятно было слышать, что контроллеры Оорта более 90 процентов фрагментов мо-

гут вести теперь по узкому эллипсу, не более шестисот или семисот километров, что исчезла необходимость эвакуировать целые думы. Конечно, остающийся один процент мог нанести немало вреда там, куда упадет этот фрагмент. Но если Марс и богат чем-то, так это большими территориями голой земли, где настоящего ущерба нанести просто нечему. Ни разу, указал комментатор, пока за все шестьсот или около того падений комет, никто не был убит и не было причинено никакого сколько-нибудь значительного ущерба. В одной из впадин Валлес Мариннерис были действительно получены измерения давления в сорок миллибар.

И тут Деккер совершил открытие. Когда экран показывал гигантские кратеры, оставленные приземлившимися кометами, а потом переключился на новые думы с их ветряными мельницами и мыльными пузырями ферм на самой поверхности планеты, то есть когда экран показывал сам Марс, лицо отца стало усталым и тоскливым.

Деккер задумался над этим, но вывод напрашивался только один. Его отец тосковал по дому.

Деккер прокашлялся и собрался было заговорить, но отец шикнул на него.

- Подожди, - сказал старик. - Они как раз дошли до самого важного.

- Но все уже кончилось.

- Представление кончилось. Теперь его будут комментировать эксперты. Вот, что я хотел, чтобы ты посмотрел.

Деккер пожал плечами.

- Хорошо.

Но ноги его протестовали против долгого стояния, а потому он пересек комнату, чтобы взять стул, а пока был там, налил себе стакан воды, нашел пару тарелок, которые он просмотрел и которые следовало вымыть, и вернулся к экрану как раз вовремя, чтобы услышать, как женщина средних лет с пучком золотистых волос говорит:

- Это просто не сходится. Очень мило - превратить

Марс в что-то вроде национального парка, но для этого просто нет денег. Фермы-обитанты поставляют продукты питания гораздо быстрее и в результате дешевле.

- О чем это она? - встревожившись, воскликнул Деккер.

- Если ты слушал, - мрачно ответил отец, - то и сам слышал.

Итак, Деккер стал внимательно вслушиваться, сначала с тревогой, потом с недоверием, и в конце концов с гневом. Бледный молодой человек в бледно-розовом свитере заявлял, что если предназначение человечества заключается в том, чтобы заселить всю для того пригодную территорию, то почему не Марс? Потом человек постарше и с бородой бормотал себе под нос:

- Это было форменным легкомыслием вообще запускать проект Оорт.

А Болдон Де Во недоуменно хмыкая про себя, отключил монитор и похромал к холодильнику за очередным пивом.

Деккер последовал за ним.

- Что, черт побери, все это значит? - осведомился он.

Отец пожал плечами.

- Ты сам слышал. Это то, что я пытаюсь объяснить тебе. Если ты собираешься поступать в академию, тебе лучше сделать это сейчас, потому что существует немало людей, которые хотели бы уничтожить весь этот проект.

- Они не могут этого сделать!

Болдон Де Во раздумывал над этим заявлением ровно столько, сколько ему потребовалось для того, чтобы добраться до кресла и вновь усесться в него.

- Нет, - наконец сказал он. - Вероятно, не могут. По крайней мере, я думаю, что не могут. Но не по той причине, как ты думаешь, Дек? Я полагаю, что они будут поддерживать его, поскольку уже вложили в него слишком много, и не могут просто так списать эти инвестиции. Но они могут урезать его, затормозить...

- Это глупо! - взорвался Деккер.

- Конечно, мой мальчик. Разве я не говорил, что

земляне глупы? Но это реальная возможность, потому тебе не стоит бить баклуши. Через несколько недель тебе предстоит пройти психологический тест, а это в Денвере, так что тебе придется вытянуть все возможное из здешней школы, как можно быстрее. Что это значит, Деккер?

- Это значит, что мне надо заниматься?

- Правильно. А я теперь посмотрю баскетбол.

Он снова включил монитор и стал уже одевать наушники, чтобы не включать звук, но Деккер все медлил. Он вспоминал выражение на лице отца, когда тот смотрел на ландшафты Марса.

- Пап? - решился он.

Отец снял один из наушников, чтобы слышать сына.

- Есть что-то, чего ты не понимаешь?

- Нет, я просто хотел спросить тебя. Почему ты не вернулся на Марс после...

Отец взглянул на него в упор.

- После увечья, ты это имел в виду?

- Почему ты не вернулся? - настаивал Деккер.

Отец раздраженно отмахнулся.

- Черт, Дек. Что мне было делать на Марсе?

- А что ты делаешь здесь? - хватаясь за возможность, спросил Деккер.

На этот раз Болдон Де Во действительно рассердился. Потом злость растворилась в усмешке, когда он решил, что это честный вопрос.

- Поскольку ты спрашиваешь, я скажу тебе. Мне приходится быть здесь, на Земле. Это здесь я получаю пенсию...

- Но они платили бы тебе ее и на Марсе, разве нет?

- Там они платили бы мне ее Марсианскими деньгами. Здесь я получаю ее в куэс. Знаешь разницу?

- Конечно.

- Тогда не задавай идиотских вопросов, - помедлив, отец добавил. - Есть еще одна причина. Здесь ремонтные мастерские под рукой.

- Ремонтные мастерские?

- Они называют их больницами, но ... - он ударил себя по колену. - Все здесь - электронный протез, Дек, а когда система выходит из строя, необходимо вскрыть его и наладить вновь. Да, на Марсе есть ремонтные мастерские, но им приходится импортировать компоненты с Земли. А это означает, что оплачивать их необходимо в куэс. Вероятно, от меня теперь немного пользы, Дек, но я не хочу быть обузой. И во всяком случае здесь мои друзья.

Он решительно вставил наушник обратно в ухо, показывая, что разговор окончен.

Однако Деккер еще не кончил.

- Когда ты говоришь «друзья», - упрямо спросил он, - ты имеешь в виду собутыльников, да?

Отец вновь снял наушник и внимательно посмотрел на сына.

- Ты думаешь, я остался здесь, чтобы пропивать пенсию на свободе?

Он вежливо подождал ответа, но Деккер будто онемел.

- Когда я говорю «друзья», - сказал тогда отец, - я имею в виду людей, которые могут помочь нам. Да, я пью, это правда. Но, когда у тебя нет будущего, собутыльники лучше, чем вообще никаких друзей.

- Но у тебя могло бы быть будущее!

Отец покачал головой.

- Боюсь, нет, Дек. Тебе придется прожить его за нас обоих.

16

Физические характеристики высоких худощавых марсиан как нельзя лучше подходят к условиям этой планеты. Причина различия в гравитации. Марсианин, прибывший на Землю, внезапно обнаруживает, что на себе приходится носить килограммов сорок лишнего

веса, причем все время, а мускулатура его тела совсем к этому не приспособлена.

А потому мускулы строят из полистероидов. Это довольно просто. Но затем мускулы могут произвести гораздо большее усилие, чем в состоянии выдержать кости, на которые они крепятся. Поэтому для того, чтобы не рассыпался скелет, кости укрепляют большим количеством кальция. Это тоже срабатывает, но гораздо медленнее. Таким образом, пока скелет становится плотнее и жестче, длинные кости, в особенности кости ног, нуждаются в укреплении извне: отсюда ременные браслеты-опоры. А кроме этого возникает еще немало проблем. Эти новые мускулы требуют большего количества кислорода, так что пока костный мозг создает новые кровяные тельца, чтобы омыwać их, все равно требуются дополнительные пара литров цельной крови, которая поступает путем инъекций. А потом сердце. Ему необходимо работать больше, чтобы перекачивать всю эту кровь. Чтобы помочь сердцу справляться с этой дополнительной работой, требуется целый арсенал стимуляторов.

А затем, когда сделано все это, результатом оказывается укрепленное тело, которое помнит условия того места, где родился человек. Оно устает. Оно замедляется. Правда пословица: Просто забрать мальчика с Марса, но никогда не удастся освободить мальчика от Марса.

17

Что Деккер действительно умел делать хорошо, так это не волноваться. Дело было за работой, и он работал. Он грыз курсы, которые с его точки зрения не имели никакого смысла; даже историю Англии и «политологию», что бы там ни было. Шокирующую мысль о возможном закрытии проекта «Оорт» он временно выбросил из головы и, когда на тестовом мониторе в апартаментах отца появились первые его отметки, он был

доволен и даже слегка поражен, узнав, что занял третье место на своем курсе.

Отец, с другой стороны, только кивнул.

- Ты много работал и много учился, - заявил он. - Чего же еще ты ожидал? Только приналяг еще на математику, поскольку это должно хорошо выглядеть.

- Что должно хорошо выглядеть? - переспросил Деккер.

Но отец уже, одев наушники, углубился в матч Найроби-Йоганесбург по футболу. Деккер вернулся к занятиям.

Единственно, за что он действительно волновался, было то, как отнесутся его соученики к этому марсианскому новичку, белому марсианскому новичку, поднявшемуся над двадцатидевятью из тридцати двух человек класса. Как выяснилось, они вовсе не казались недружелюбными. Афира Кантадо, молодая женщина, оказавшаяся в классе четвертой - то есть, она была бы третьей, не займи ее место Деккер, - лишь бросила на него при объявлении результатов краткий кислый взгляд. Но остальные поздравляли его, шутили вместе с ним или вообще об этом не упоминали, что его больше всего устраивало.

Шутки относились, в основном, к его акценту, но Деккера давно уже это не волновало. Он был не единственный, кто говорил смешно. Это они говорили странно, потому что - сказал ему мистер Каммингс, когда они болтали перед началом занятий - у него совершенно естественный английский для человека из семьи, родители которой окончили хорошие школы. Число «хороших школ», как выяснил для себя Деккер, ограничивалось двумя: парой университетов под названием «Оксфорд» и «Кембридж». Причина того, что эти молодые люди посещали подготовительную школу, заключалась в том, что как только они получают свои аттестаты, большинство из них отправятся заканчивать свое образование в ту самую «Англию», где находятся эти самые «хорошие школы».

Узнав об этом, Деккер почувствовал себя значительно лучше. А когда он обнаружил, что эти студенты представляют собой цвет молодежи Найроби, он не стал так волноваться о сравнении с марсианскими студентами.

Другим, что стал постепенно познавать Деккер, было то, что не все черные были одинаково черными. В его изначально ограниченном представлении, все земляне были просто землянами. От отца он узнал, что конкретно этих землян называют кенийцами, а теперь обнаружил, что даже кенийцы воспринимают себя еще более раздробленными. Почти половина всех юношей и почти все девушки называли себя «кикуйу», в то время как дюжину высоких, тощих, почти с марсианской внешностью людей называли «масай». Но и это было еще не все, поскольку было еще десяток тех, кто происходил из других «племен».

Деккеру пришлось все это объяснять, причем не один раз. Оказывается, племя - это совсем не, как выяснил Деккер, одно и то же, что дем. Племена различались в наборе генов, не в местоположении. И что удивительно, человек продолжал оставаться частью своего племени, даже если переезжал в дем другого племени.

Это Деккера просто изумляло. Какое имеет значение, кто твоя родня?

Но судя по всему, это имело значение; хотя за исключением того факта, что масай были по сравнению с кикуйу высоки и вытянуты в пропорциях тела, чем приятно напоминали марсиан. Деккер не мог бы отличить людей одного племени от людей другого. Впрочем, кикуйу это удавалось. Без промаха. Честная пропорция «гражданских» классов, как правильно назывались «тол-кай-хмыкай»-занятия, были посвящены этой теме. Мистер на упускал тогда случая напомнить своим студентам, что не имеет значения, из какого племени происходят их предки, они не только равны, но и на самом деле одинаковы.

Тут-то и возник вопрос о Деккере. Подняв руку, Афира Кантадо, указала на марсианина.

- Он не такой, как мы.

- Конечно, такой же, Кантадо, - терпеливо ответил Каммингс, - или по меньшей мере, вам следует вести себя так, как будто он такой же, как и вы.

Это девушку явно не убедило, и учителю пришлось объяснять дальше.

- Ты знаешь, что есть основы хорошего гражданского сознания. Тебе нет необходимости любить ближнего. Нет ничего страшного в том, что кто-то вызывает у тебя неприятие. Совершенно естественно - испытывать неприязнь к кому-то. Важно - то, что всегда тебе следует держать свою неприязнь при себе - за исключением занятий, конечно. Если ты позволишь неприязни и агрессии вылиться в окружающий мир - вот тут-то и начинаются все конфликты, жестокость и в конце концов, это может привести к войне. А мы ведь этого не хотим, так? Так что нам необходимо, Де Во, ты хочешь что-то сказать?

Дело в том, что Деккер уже с минуту назад поднял руку.

- Мы на Марсе ведем себя иначе, - указал он.

По классу пронесся тихий шорох, едва ли не хихиканье. Мистер Каммингс обвел студентов предупреждающим взглядом.

- Нет, конечно, нет, Де Во, - согласился он. - В разных местах различные обычаи. Насколько я понимаю, на Марсе смысл подобных занятий заключается в том, чтобы научиться любить друг друга, правильно?

Деккер нахмурился.

- Не совсем так. Но именно «любить». Там было значительное количество людей, которые мне не особенно нравились. Но нам необходимо доверять друг другу и заботиться друг о друге - нам необходима гарантия того, что к каждому отнесутся по справедливости...

Деккер собирался уже сказать «как по Закону Плота», но посреди фразы передумал.

- ... как в семье.

Мистер Каммингс терпимо кивнул.

- Полагаю, это имеет большое значение для Марса, где условия гораздо более... трудные. И конечно, было бы еще более важно в условиях еще более тяжелых? Например, Де Во, ты собираешься отправиться на работу в Оортово облако. Почему бы тебе не рассказать классу, каково это там будет?

- Но я же никогда там не бывал, - возразил Деккер.

- Был твой отец. Он, должно быть, рассказывал тебе всякие истории.

На самом деле, нет. Но Деккер не готов был признать это публично, и потому сделал все, что было в его силах.

- Там в Оорте, - сказал он, - все очень похоже на Марс, только дается гораздо тяжелее. Невозможно переносить свой вес. Нельзя позволить себе завидовать кому бы то ни было или использовать его. Необходимо попытаться понять, что чувствует другой человек.

- Звучит неплохо, на мой взгляд, - вмешался Уолтер Нгемба, не затрудняя себя поднятием руки.

- Глупо звучит, - откомментировала Афира Кантадо. - А как насчет секса?

- Секса? - повторил Деккер, пытаясь понять, какое отношение секс имеет к уступчивости... или «гражданственности».

- Ты постоянно говоришь «его». А как насчет мужчин и женщин? Разве у них не случается так, что двое мужчин любят одну и ту же женщину?

- О, - с облегчением сказал Деккер, - в этом нет проблемы. Мужчина берет себе временную жену - или женщина берет себе временно мужа - и они живут вместе, пока оба желают этого. А потом перестают.

Один из масаи, ухмыляясь, поднял руку.

- Когда твой старик был в Оорте, у него была временная жена?

- У моего отца есть жена, - горячо возразил Деккер. - Моя мать. Зачем еще ему другая жена?

Над улыбающимися лицами поднялось с дюжину рук. Мистер Каммингс покачал головой.

- Это - весьма интересная дискуссия, - заявил он, - но наше время истекло. Если захотите, мы начнем с этого на следующем занятии, а сейчас, всего доброго.

Когда все сгрудились у двери, Уолтер Нгемба, коснувшись руки Деккера, сказал с утешением:

- Прости, что этот Мерад задал такой вопрос. Просто, знаешь ли, он - масаи.

Деккер посмотрел на него с удивлением.

- Я думал, что считается, что все одинаковы.

- Так оно и есть. Даже масаи. Просто они иногда бывают такими, ну, «нецивилизованными». Но, знаешь, мне кое-что пришло в голову. У тебя есть какие-нибудь планы на уик-энд? Потому что мой отец сказал, что был бы рад, если бы ты приехал взглянуть на нашу ферму.

- Ферму?

- Семейное гнездо. Это вниз по реке, в Рифт Вэлли. Сможешь приехать?

Это было неожиданностью и весьма приятной.

- Да, конечно. Спасибо, - начал Деккер. Потом ему пришло в голову: - Мне еще многое нужно выучить...

- Мы можем заниматься вместе, знаешь, у нас много общих предметов. Тебе нужно спросить разрешение отца?

- Не совсем, - ответил Деккер.

- Ну, поговори с ним об этом. Я думаю, он ждет тебя за воротами, так ведь?

Но, как выяснилось, именно в этот вечер, Болдон Де Во его не ждал. И маленького трайка тоже поблизости нигде не было. Пока Деккер в нерешительности стоял на тротуаре, оглядываясь по сторонам, к нему с обеспокоенным видом подбежала женщина Миротворец, убирая в сумку радиотелефон.

- Вы - ведь Деккер Де Во? Хорошо, у меня для вас сообщение. Вам необходимо забрать своего отца из «Солнечного Харбина».

- А что это такое?

- Бар, - объяснила она. - Вы знаете, где он? Неважно. Вам в любом случае придется взять такси, а водитель точно знает. Все водители знают «Солнечный Харбин».

Она повернулась издать свисток вызова, и прежде, чем Деккер успел задать хоть какой-нибудь вопрос, из потока машин возникло такси. Да, водитель точно знал, где находится «Солнечный Харбин». А потом все, что Деккеру оставалось, это волноваться хватит ли немногих куэс, имеющих на его амулете, на оплату счета.

Не хватило. Деккеру пришлось порыться в карманах отца в поисках денег, чтобы заплатить водителю, а потом еще столько же, чтобы такси доставило их с отцом домой. От отца не было никакого толку. Отец пьяно храпел, и разбудить его оказалось практически невозможно. Как, впрочем, и сдвинуть с места, и одному Деккеру эта задача была, уж конечно, не под силу.

К счастью, на тротуаре возле бара ожидали чего-то два крижистых Миротворца и, только взглянув на высокого неловкого марсианина, они все сделали за него сами.

Удивило Деккера то, что на этом их помощь и закончилась. Как только они переместили Болдона Де Во в ожидающую машину, старший из Миротворцев пожелал ему удачи. Они отвернулись, хотя в их праве было сделать нечто гораздо более неприятное. Когда Деккер увидел запекушуюся кровь и синяк у отца возле носа, у него не осталось сомнений, что поведение старика было более чем антисоциальным.

И все же Миротворцы его не арестовали.

Это представляло собой некую загадку, но у Деккера и без этого было над чем поразмыслить. К сожалению возле их дома не оказалось под рукой никаких Миротворцев, но хмурый водитель не сделал никаких попыток предложить свою помощь. Еще более неприятно было то, что мелкий дожидчик загнал праздных зевак внутрь здания, а дотащить Болдона Де Во, каким

бы он ни был усохшим, одному все же было Деккеру не под силу.

Тут сверху до него донесся голос:

- Эй, там внизу?

Подняв глаза вверх, он увидел, что из окна высовывается их соседка, миссис Гейрун.

- Подожди секундочку, ладно. Я подниму Джефри и Мэхина, чтобы они тебе помогли.

Джефри и Мэхин действительно появились через несколько секунд, огромные и доброжелательные, чтобы поднять Болдона Де Во, быстро доставить его наверх в квартиру и даже уложить в постель.

- Все будет в порядке, парень. Просто прикрой его, и пусть проспится, - посоветовал один из них перед уходом.

Деккер сделал, как ему было сказано. Ясно было, что у Джефри и Мэхина было в таких делах гораздо больше опыта, чем у него, и во всяком случае, казалось, нет необходимости предпринимать что-либо еще. Обдумав это со всех сторон, Деккер задумчиво посмотрел на холодильник, потом оставил мысль о том, чтобы приготовить еду. Вместо этого он вынул катриджи с домашним заданием и начал заниматься.

Он делал упражнения на вычисление - хотя он так никогда и не мог понять, к чему арифметика, если у всех есть карманные калькуляторы - когда услышал стук в дверь.

Это вновь была миссис Гейрун, на этот раз с прикрытой крышкой миской супа.

- Я думала, тебе захочется что-нибудь поесть, - извиняющимся тоном сказала она. - И отец твой тоже, когда проснется. Ребята сказали, что он проспит, скорее всего, ночь напролет, но если он проснется, все, что тебе надо будет сделать, это разогреть суп.

- Спасибо, - сказал Деккер, поднимая крышку и вдыхая ароматный запах. Это было что-то вроде мяса убитого животного с овощами, и, действительно, великолепно пахло.

Миссис Гейрун на минуту задержалась.

- Он - хороший человек, твой отец, - сказала она, вытирая руки передником. - Просто стыд, что он получил такое увечье в Оорте.

- Спасибо, - снова сказал Деккер, не найдя более подходящего ответа, но женщина еще не кончила.

Она помедлила, а потом конфиденциально сказала:

- Знаешь, Деккер, когда-то я думала, что, может быть, сама туда отправлюсь.

Это Деккера удивило, и выражение его лица заставило женщину рассмеяться.

- О, - доброжелательно сказала она, - я не всегда работала в инспекционном отделении телефонной компании. Когда я была молода, знаешь, у меня были большие надежды. Я изучала инженерное дело в Ньюкастле-на-Тайне, и думала, что освоение Марса путем поставки на него комет - лучшая из всех когда-либо существовавших идей - только, конечно, потом я вышла замуж за мистера Гейруна, а он не хотел, чтобы я отправлялась без него. Так что я сделала самое лучшее, что могла.

Она выжидательно посмотрела на Деккера, который наугад сказал:

- Вы стали работать на телефонную компанию?

- О нет, не это. Я имею в виду Оорт. Я решила посвоему помочь проекту. Так что, когда мистер Гейрун умер, деньги, полученные по страховке, я вложила в Боны Оорта.

Она задумчиво завязывала и развязывала завязки фартука.

- Только в последнее время они несколько падают.

- Я на самом деле мало что смыслю в финансовых делах, - извинился Деккер. - У нас на Марсе ничего подобного нет.

- Ладно, я знаю, что ты не знаешь. Только... все равно приходится волноваться, правда ведь? Мне не хотелось бы продавать и терпеть убытки. С другой стороны, кто знает, каким будет будущее? Мне бы не хотелось однажды утром проснуться, чтобы узнать, что у меня не осталось ни пенни.

Тут она улыбулась.

- Что меня поддерживает, так это существование таких людей, как ты, Деккер, которые готовы отдать все, чтобы отправиться в Оорт и работать над проектом. Благослови тебя Господь. И пожалуйста, если тебе что-нибудь понадобится, просто постучи в мою дверь.

Когда миссис Гейрун наконец ушла к себе, Деккер в задумчивости съел суп. Суп и в самом деле был очень вкусен, хотя Деккер не смог распознать точно, какие виды убитых животных пошли на его приготовление, но сознавал, что где-то на дальней части неба от него остался дурной привкус. Привкус остался не от супа. Это было нечто иное, и гораздо худшее.

Он удостоверился в том, что отец по-прежнему спит. Помыл тарелки и вынул пленку с последним разговором с матерью, чтобы найти кое-что из того, что она говорила.

Герти Де Во не пропускала недели, как бы ни была дорога связь с Марсом; она появлялась на экране каждый четверг. Мать всегда выглядела усталой и настороженной, всегда из беседы с ней удавалось выудить некие клочки информации. Тинкер заболел; Тинкеру лучше; на склоне Сагдаева попробовали поставить новые ветряные мельницы, и это хорошо, потому что песчаные бури в последнее время особенно сильны, и фотовольтные рамы постоянно забрасывает песком; и ее снова просили представлять Сагдаев во вседемном парламенте в Санпойнт-Сити. Деккер покачал удивленно головой: его мать и политик? Тсуми Горшак получил официальное предупреждение о недопустимости пропусков занятий по уступчивости. И бюджет на импорт вновь урезали.

Вот это он и искал. Он дважды проиграл этот отрезок пленки. Причина, почему не хватает куэс, говорила мать, заключается в том, что пришлось отложить новый выпуск Бонов, поскольку финансисты с Земли проинформировали их, что рынок временно слишком «раскатан».

Деккер нахмурился. Почему эти земляне вечно создают проблемы с Бонами? Сделка есть сделка, так ведь? С самого начала все знали, что выплат по Бонам не будет до тех пор, пока не будет завершен «Проект Оорт» - или по крайней мере завершен до такой степени, что на Марсе начнут выращивать достаточное количество продукции, чтобы она дала необходимые суммы для выплат. Так почему они заставляют колебаться цену - или, если говорить честно, не колебаться, а падать?

Он не видел в этом никакого смысла. И эти финансовые трюки наносили ущерб не одному только Марсу, они наносили чувствительный удар и по порядочным землянам, вроде миссис Гейрун.

Деккер зевнул и попытался выбросить из головы эти немыслимые вопросы. Выключив экран, он забрался в кровать, бросив одежду на пол. Храп отца перестал быть таким хриплым, как прежде, но Деккера все же беспокоил иногда примешивающийся к нему низкий скрежещущий звук, который определенно исходил не от Болдона Де Во. Лежа с открытыми глазами, Деккер размышлял о миссис Гейрун, своей матери - потом, почти погружаясь в сон обоих родителях, пытался поймать ускользающее воспоминание о том, как это было, когда они жили вместе, до того, как отец отправился в Оорт. Деккер был почти уверен, что его родители были счастливы. Подобный вопрос, похоже, никогда не возникал, но они вели себя как счастливые люди, и мать определенно плакала, когда Болдон Де Во уехал. Так что же случилось?

Его мысли прервал громкий хлопок снаружи. Не одеваясь, Деккер прохромал к окну и выглянул наружу.

Мягкий дождик превратился в настоящую бурю, яростную и полную электрических разрядов. Огромные вспышки ярко-белого света прорезали черное небо, черными силуэтами высвечивая окрестные здания. Отдаленный грохот превратился в резкие раскаты грома, которые катились и скрежетали, и землю неумолимо хлестали потоки дождя. Это был не просто дождь. Ударяясь об окно, некоторые капли отскакивали от стекла, и Деккер вдруг к изумлению

своему осознал, что он видит то, что здесь называют «градом».

И все, что он видел из окна, странно поблескивало: улицы, двухсотметровые башни города, ползущая по улице машина - поблескивало потому, что было мокрым.

Чудо! Все мокрое. Мокрое от безрассудно расходимой воды, воды, падающей с неба. Вода, которая льет назапланированно и сама по себе, может быть даже против чьих-то желаний. Потоки воды, заставляющие все вокруг поблескивать, отражая свет.

Вот в этом, с удивлением думал Деккер, все и дело. Вот каким когда-нибудь станет Марс, когда последняя комета из Оорта принесет окончательное благословение воды и газов на старую планету и вернут ей юность. Значит, любые усилия стоят того. Деккер пообещал себе, что стоят: все жертвы, даже таких людей, как миссис Гейрун; вся боль, как боль его отца; вся работа, как его собственная...

Особенно громкий удар заставил его подпрыгнуть, а в следующее мгновение он увидел в стекле еще одно отражение и обернулся.

Отец стоял, опираясь на спинку кресла, придерживая простыню.

- С тобой все в порядке? - спросил Деккер.

Отец с минуту помолчал, как будто искал ответа, а потом сказал:

- Конечно. Это ты привез меня домой?

Деккер кивнул.

- Тогда хорошо, - сказал отец.

В его голосе не было ни сожаления, что кому-то пришлось нести его домой, и уж конечно не было ни следа извинения. Но это было все, что собирался сказать по данному поводу Болдон Де Во. Молча, старик продолжал смотреть в окно на дождь.

Деккеру вспомнился совет миссис Гейрун.

- Поешь супу?

- Господи, нет. Здесь была старая Гейрун? Мило с ее стороны, но нет.

Это был лучший из возможных шансов для Деккера поговорить с отцом, и ведь у него накопилось немало вопросов. Деккер прочистил горло:

- Отец, - сказал он, начиная с наименее важного, - Уолтер Нгемба пригласил меня приехать на ферму его отца на уик-энд.

Отец с трудом повернулся, чтобы взглянуть на сына.

- Нгемба, - задумчиво повторил он, - Его отцу принадлежит целая плантация, там в Маре?

- Я сказал, что поеду.

Болдон Де Во пожал плечами.

- Почему бы и нет, Деккер. В последнее время ты выглядишь усталым, отдых пойдет тебе на пользу. Во всяком случае семья Нгемба может оказаться тебе полезной.

Деккер вдохнул поглубже и перешел к более важному.

- О тебе сегодня спрашивали в школе.

Отец насторожился.

- Ты рассказывал обо мне?

- Ну, более или менее. Говорили о жизни в Оорте, временных женах и тому подобном... и ну, я хочу кое о чем спросить, - сказал Деккер. - О тебе и ма. Ты так и не вернулся домой после этого несчастного случая, папа. Ты не скучаешь по своей жене?

Отец смотрел на него безо всякого выражения.

- Знаешь, насколько сильно я покалечен?

- Ну... не совсем. Довольно серьезно, я думаю.

- Довольно серьезно, - некоторое время отец молчал, глядя на дождь. - Полагаю, твоей матери не хотелось говорить об этом, - сказал он наконец. - Это был допинг, Дек. Невозможно пришвартовать корректировщик, принимая наркотики, потому произошло столкновение. Знаешь, каково это в корабле-корректировщике? Ты - практически часть корабля. Твой скафандр заполняет все внутреннее пространство целиком, и из скафандра не выбраться, пока не вернешься на корабль. Так что, когда нос корабля смяло, мне смяло ноги и нижнюю часть

туловища, и я почти что умер. Ну, я на самом деле умер. К тому времени, когда меня вытащили, у меня уже остановилось сердце, и им чертовски пришлось потрудиться, чтобы меня вытащить. Эта история могла бы стоить мне пенсии, но, похоже, они посчитали, что я итак свое отработал. О, - сказал он, видя ошеломленное выражение на лице сына, - да, Дек, это был я. Это я был тот пилот, который принимал наркотики.

- Но мы же этого не делаем!

Вид у отца внезапно стал очень усталый.

- Нет, не делаем, - согласился он. - Не дома. Я сам никогда до того этого не делал, но в Оорте все иначе. Тебя носит в космосе, пока ты корректируешь курс кометы, иногда неделями, и ты совершенно один. Наркотики принимают многие. И здесь на Земле таких людей немало, и некоторые берут их с собой, куда бы они не отправлялись.

- Но...

Деккер проглотил окончание конкретно этого «но». Он покачал головой - не в осуждение, не именно в осуждение, а в принципе от жалости и шока. Несколько секунд у него ушло на то, чтобы вспомнить, что собственно он хотел узнать.

- Но ты мог вернуться, сказал он.

- Я так не думал, Дек.

- Потому что ты.. ну был смущен, да, это я понимаю. Но разве ты тем не менее не скучал по своей ... - Деккеру хотелось сказать «семье», но ему помешала гордость, - жене?

Прежде, чем заговорить, отец с минуту молча глядел на него:

- А на что мне теперь жена?

К пятнице буря совсем улеглась, небо стало безоблачным, а африканское солнце как никогда жарким. На окраине города Уолтера Нгембу ждал частный самолет. На взлетное поле они прибыли на длинном синем лимузине,

и пилот притронулся к кепи, когда они взбирались в кабину. Взлетная полоса, с которой они поднялись вверх, располагалась на склоне горы и совсем не походила на взлетную полосу. В сущности это и не было аэродромом. Просто в скудном кустарнике была вычищена прямая полоса в пару сотен метров длиной, и на ветру без устали метался вымпел - вот и все. Не было даже навеса, который защитил бы ожидающих пассажиров от палящих лучей летнего солнца. Впрочем, ожидающих посадки пассажиров здесь тоже не было. Не было ничего, кроме комковатой, голой и сухой земли. После шумных улиц Найроби, с их толпами человеческих существ это место показалось Деккеру Де Во почти домашним. Даже чуть ли не марсианским.

- Взгляни туда, - сказал Уолтер Нгемба.

Для этого ему пришлось перегнуться через плечо Деккера - он вежливо уступил своему гостю сиденье рядом с пилотом, поскольку никакого сопилота в таком маленьком самолете быть не могло. Нгемба указывал на что-то, напоминающее огромного жука, скользящего сквозь кустарник в их сторону. На самом деле, это катилось облако пыли.

- Это идет наш табун. А вон там, видишь, на холме за артезианским колодцем наша деревня.

Деккер не смог разглядеть ничего, что можно было бы назвать деревней. Ему вообще мало что было видно, поскольку самолет без конца кренился или задира нос вверх, если только проблеск ярко-красных прямоугольников посреди серого в кляксах ландшафта не был на самом деле крышами зданий. Деккер не особенно и старался рассмотреть что-либо. Он был занят тем, что судорожно цеплялся за сиденье, поскольку этот самолетик ничем не походил на громоздкий марсианский дирижабль. Самолетик то проваливался в воздушные ямы, то резко бросался вперед. Пилот провел его над посадочной полосой, очевидно, чтобы отогнать какого-то зверя, что кружил поблизости, и завел самолет на посадку.

К тому времени, когда самолет затормозил у конца

полосы, к ней подъехал автомобиль, отдаленно напоминающий марсианский вездеход. Оказалось, что это джип на воздушной подушке, и из него выпрыгнула, чтобы открыть им дверь, высокая худая женщина масаи.

И тут на них впервые обрушилась жара.

Это был отнюдь не сырой зной Найроби, этот был пересушен и поджаривал. Деккер решил, что если бы ему пришлось остаться на открытом воздухе не больше, чем несколько минут, его мозги бы коагулировали, как сваренное яйцо. Впрочем, делать этого ему не пришлось. Внутри вездехода температуру контролировала система охлаждения. И едва-едва захлопнув за ними дверь, женщина поспешила к самолету, чтобы помочь пилоту перенести сумки в багажное отделение грузовичка.

Уолтер не обращал на нее никакого внимания. Порывшись в морозильной камере грузовичка, он вытащил оттуда пару банок пива.

- Добро пожаловать на землю Нгемба, - сказал он, в шутовском тосте поднимая свою банку, - надеюсь ты не против, если я сяду в вертушку? Боюсь, он поднимает гораздо больше пыли, а один бог знает, сколько мы ее сегодня уже нахлебались, но нам не придется трястись, если мы поедем напрямик. Видел львов?

Львов. Деккер задумчиво глотнул пива, пытаясь вспомнить, какие именно странные создания уже успел повидать. С самого начала их поездки из Найроби Уолтер не успевал толкать его в бок каждые несколько минут, чтобы указать в окно на слонов, жирафов и еще с дюжину различных пасущихся животных, которых Деккер видел до сих пор только на картинках. Но львы?

- Думаю нет, - сказал он наконец. - Когда это было?

- Да только что, - сказал Уолтер, указывая куда-то вправо. - Они вон там. Разве ты их не видишь?

Не более чем в десяти метрах из зарослей на них настороженно смотрели песочного цвета кошки.

- О господи, - только и сумел сказать Деккер.

...И повторял это еще не раз, хотя в основном про себя, в течение следующих нескольких часов или около

того. Первые впечатления оказались более чем обманчивыми. «Ферма» Нгемба была очень немарсианским местом.

Для Деккера оказалось немалым испытанием просто физическое на ней пребывание. Жара на открытом воздухе ослепляла, а системы кондиционирования едва ли не замораживали внутри. И что еще хуже, сам дом был до раздражения полон лестниц, по которым приходилось подниматься или спускаться. Психологически пребывание здесь давалось еще труднее. Представления Деккера о жилом пространстве, уже пересмотренные по сравнению со стандартами Марса, вновь изменились, когда он начал сознавать размеры дома Нгемба. Тут была столовая, комната для завтраков, «утренняя» комната, а также библиотека. Деккер не смог скрыть своего удивления, когда они пришли туда. Повсюду были катриджи книг, с которыми привык иметь дело Деккер во время своих занятий. Настоящие книги, напечатанные на бумаге и переплетенные в кожу или материю, огромные тяжелые тома занимали все четыре стены этой очень большой комнаты.

- Да, старик охотник до чтения, - как бы извиняясь, сказал Уолтер. - Немного старомодно, правда? Конечно, у него не все время уходит на чтение, отсюда он и управляет своими инвестициями.

Деккер с удивлением оглянулся по сторонам.

- Но как?

Ухмыльнувшись, Уолтер набрал комбинацию клавиш. Целый ряд книжных полок отъехал в сторону, открывая пустой экран.

- Прямая связь со всеми его брокерами, - с гордостью сказал он. - Правда, включать ее я не буду. Он до потолка подпрыгнет, если застанет меня за игрой с ними. Он продает и покупает ценные бумаги.

Тут он увидел выражение лица Деккера.

- Ты знаешь, что такое ценные бумаги?

- Что-то вроде Бонов?

- Ты имеешь в виду Боны Оорта? Ну, в общем и так,

они тоже ценные бумаги, ценные бумаги бывают разного рода. Обычные акции, предпочтительные акции, самоликвидирующиеся облигации - о Господи, даже я не знаю, что это такое. В основном отец сейчас занимается фьючерсами, - Уолтер вздохнул. - Ах ты ведь не знаешь, что такое фьючерсы. Ну, ты подписываешь контракт. В нем сказано, что, скажем, через шесть месяцев ты продашь ценные бумаги по такой-то цене, а другой человек подписывает с тобой контракт, что по этой цене их у тебя купит.

- А как узнать, какова эта цена будет через полгода?

- Ну вот это самый скользкий момент. Возможно, ты и не знаешь. Возможно, ты угадал неверно, и тогда ты несешь убытки. Те, кто угадывает удачно, как мой отец, делают хорошие деньги.

- Звучит, - Деккер уже собирался было сказать «глупо», но изменил намерение - «запутано», - закончил он.

Уолтер рассмеялся.

- Никаких обид, Деккер, - сказал он, - но марсиане просто не понимают рынка, разве не так? Но пойдем, я еще не показал тебе комнату игр.

В общем и целом, в беспорядочном основном доме, должно быть, насчитывалось тридцать комнат, в которых жили только Уолтер, его младшая жена Доррис и его родители - отец и мачеха. На самом деле, худощавая и моложавая Глория Нгемба была второй женой его школьного приятеля. И конечно, здесь были их многочисленные слуги, каждый из которых носил ту или иную забавную униформу. Деккеру так и не удалось сосчитать слуг. Однако их было очень много, число впрочем не особенно значило по сравнению с квотой занимаемого пространства, а кроме того, Деккер обнаружил, что слуги занимали свои собственные - и по марсианским стандартам - просторные апартаменты. Находились они за помещением для автомобилей и ремонтными мастерскими.

Деккеру нелегко было решить, какая из этих категорий живых существ более гротескна: дикие звери, на

свободе разгуливающие вокруг Мары, или слуги, населяющие деревню Нгембы. А также он оказался не готов к такой проблеме, как «необходимость переодеваться к обеду» - зачем кому-то одевать особое платье, просто чтобы поесть? - или для мистера Теодора Нгембы.

С мистером Теодором Нгембой он встретился не сразу. Мистера Нгембу неизменно задерживали дела, и таким образом в поместье Деккера встретили две женщины, прекрасная Глория и юная Доррис, обе в костюмах для верховой езды. От обоих слегка пахло лошадьми, с которых они только что сошли. Его проводил в комнаты - комнаты! - слуга, а потом Уолтер сразу повел его на прогулку по поместью.

Деккер оценил подобную вежливость. Однако не оценил затрачиваемых усилий. Большую часть пути приходилось подниматься или опускаться по лестницам, поскольку деревня располагалась на вершине небольшого холма.

- Это для того, чтобы держать подальше животных, - объяснил Уолтер. - Большинство из них, правда, и близко к нам не подходит, но некоторые буффало просто ужасающе глупы.

Впрочем отвадить пытались не всех животных. В розарии трое садовников устраняли ущерб, нанесенный незваными гостями. Их Уолтер называл бабуинами, а с ветки на ветку над ними скакали маленькие волосатые существа с длинными руками, про которых Уолтер сказал, что это макаки. Возле плавательного бассейна высокий масаи в чем-то, похожем на длинную белую ночную рубашку, патрулировал местность с рогаткой: его задачей было не подпускать обезьян к воде.

- О черт, - выругался Уолтер, когда они подошли к бассейну. - Дитя здесь, вот неудача.

Под дитем имелась в виду его сестра, заплетавшая волосы на бортике бассейна. Она внимательно осмотрела Деккера с головы до ног.

- Ты любишь плавать? - спросила она.

Деккер обдумал вопрос. Вероятно, существовала такая

возможность, что где-то существует марсианин, обладающий умением поддерживать на воде свое тело, но Деккеру подобный человек никогда не встречался. Этого он однако не сказал.

- Нет, не умею.

- Я тебя научу, если хочешь. Это так просто, смотри.

Он стал смотреть и обнаружил, что дитя, Доррис Нгемба, на самом деле давно уже не ребенок. Когда она скинула купальный халат, чтобы нырнуть в воду, оказалось, что под ним почти что ничего нет. Взгляд Деккера не отрываясь следил за каждым ее движением. И взгляд не только Деккера. Масаи с рогаткой тоже жадно наблюдал за ней, пока не заметил, что Уолтер смотрит на него в упор. Тогда масаи смущенно улыбнулся, повернул прочь и прежде, чем уйти, наугад выстрелил куда-то из своей рогатки.

Доррис переплыла весь бассейн и вернулась, теперь она вылезала на бортик и улыбалась Деккеру.

- Ну как? - спросила она.

- А как насчет того, чтобы не показывать грудь перед этими масаи? - сердито спросил ее брат.

- А, масаи, - сказала она, одним словом отмахиваясь от целого племени. Во всяком случае, я не с тобой разговариваю, Уолли, милый. Я говорила с Деккером. Как насчет урока плавания?

- Завтра, может быть, - за своего гостя ответил ей брат. - Деккеру теперь надо принять душ и переодеться к обеду. И тебе тоже лучше поспешить, потому что отец не любит, когда его заставляют ждать.

Обед мистера Нгемба никто не задержал. Впрочем, этого едва не произошло, потому что, когда Уолтер обнаружил, что у его гостя нет смокинга, ему пришлось перерыть гардеробные в помещении для слуг, чтобы найти смокинг какого-то бывшего дворецкого масаи, чтобы он подошел Деккеру. По крайней мере, подошел настолько, чтобы это сошло за обедом, хотя бывший

дворецкий масаи, был гораздо толще Деккера, и смокинг болтался на его худых плечах.

За обеденным столом их сидело шестеро: супруги Нгемба, Уолтер и Доррис, Деккер и средних лет дама в жемчугах - шестеро за столом и, Деккер видел, восемь человек слуг, присматривающих за тем, чтобы на столе появлялась еда. По слуге за спиной каждого из обедающих, и еще пара, чтобы вносить и выносить блюда. Дорогие побрякушки украшали не только пожилую женщину, у Глории и Доррис в волосах и на коже блестели яркие минералы, и даже на мистере Нгемба толстая золотая цепь поддерживала на шее какой-то золотой медальон. Такой выставки драгоценностей Деккер не видел со времен той давней вечеринки семьи Аннеты Каши в ночь приземления первой кометы.

Чувствуя себя неудобно в разношенном смокинге, Деккер обнаружил, что сидит между миссис Нгемба и пожилой женщиной, которая оказалась компаньоном мистера Теодора Нгембы. Ее звали миссис Кураи. Она много ела, внимательно прислушиваясь к тому, о чем говорили другие - небольшая удача, как решил про себя Деккер, поскольку понятия не имел, какую именно беседу следует вести за обедом.

Уолтер заполнял неизбежно возникающие паузы в разговоре. Он слегка наклонился, чтобы обратиться к отцу.

- Деккера очень заинтересовала библиотека, сэр.

Мистер Теодор Нгемба снисходительно посмотрел на гостя сына.

- Так значит, вы любитель чтения, мистер Де Во?

- Да, сэр, - ответил Деккер, бросив взгляд на Уолтера, чтобы удостовериться в том, что говорит то, что нужно.

- Вот как. И что же вы недавно читали?

Все взгляды обратились на молодого марсианина, а тот задумался. На самом деле, чертовски мало, если не считать, конечно, учебных текстов. А потом он вспомнил подходящую книгу.

- Я читал книгу автора с Земли по имени Марк Твен. Она называлась «Геккельбери Финн». Гек Финн плыл вниз по реке Миссисипи с человеком по имени Джим, сбежавшим рабом, и они говорили о Законе...

С запозданием он заметил, что мистер Нгемба хмурится, и умолк.

- Это, - тяжело проговорил его хозяин, - оскорбительная книга. Я не допускаю ее в свою библиотеку. В ней содержатся такие слова, которые непозволительно произносить в порядочном обществе.

- Простите, сэр, - сказал Деккер, желая оказаться за тысячу миль отсюда.

Спасла его миссис Кураи. Когда личный ее слуга поставил перед ней тарелку с супом, она довольно дружелюбно сказала:

- Насколько я понимаю, вы собираетесь отправиться работать в Скопление Оорт.

- Надеюсь, - вежливо ответил Деккер, ожидая, какую ложку она возьмет. - Вы владеете Бонами?

Женщину это, казалось, позабавило.

- Несколькими. Конечно, раньше у меня было больше. Думаю, вначале, со всеми так было.

Деккер взглянул на нее с любопытством.

- Но сейчас еще только начало. До окончания проекта еще около двадцати лет.

- Сорока, - вставила Доррис Нгемба, но брат одернул ее.

- Он считает в марсианских годах, детка, - сказал он.

- Так вы полагаете, что проект будет продолжаться, - со своего места во главе стола сказал мистер Теодор Нгемба, отмахиваясь от слуги с блюдом мяса убитого животного. - Но он влетает в неплохую копеечку, так?

Деккер нахмурился.

- Моя мать работает в совете вседемного планирования, - сказал он, - и она ни разу не упоминала о дополнительных затратах.

- Пожалуй, пожалуй. Но конечно, речь идет не только о физических затратах, не правда ли? Существуют еще

также затраты денежные... амортизация и вклад. И похоже, существуют иные альтернативы, мистер Де Во. Правда то, что наши фермы не справляются с производством питания, которого бы было достаточно для населения всей планеты, особенно здесь, где все эти охраняемые животные постоянно врываются на возделанные поля...

- Государство оплачивает нам наносимый ими ущерб, - указала его дочь.

- Принято, Доррис. Мы получаем возмещение так, чтобы люди в Найроби смогли живыми сохранить своих драгоценных животных, чтобы показывать их туристам, но не в этом дело. Я говорю о том, что пища, которую мы выращиваем, отправляется в желудки слонов и гиппопотамов, а не людей, - воодушевившись, он оглядел стол. - Ну, мы-то, думаю, здесь не бедствуем. Что не съедаем мы, подбирают слуги. А то, что они сами не способны заглотить, они крадут для своих семей. Полагаю, время от времени нашей кухни пробуют четверпяты сотен человек. И все же население растёт быстрее, чем ресурсы продуктов питания, ведь так? А потому нам необходимо заботиться о будущем.

- Я полагаю, мистер Де Во, - он милостиво обратился к Деккеру, - идея выращивать продовольствие на Марсе поначалу казалась очень привлекательной. Мой отец, боюсь, слишком поддался ее влиянию. Вот почему столь значительную часть нашего капитала он вложил в Боны. Но теперь... - он пожал плечами.

А потом Доррис потребовала, чтобы Деккер рассказал о том, какова жизнь на Марсе, на настоящем Марсе, и у Деккера так и не появилось возможности спросить, к чему относилось это «но теперь».

К полудню следующего дня Деккер узнал много всего, но только не это. Он выяснил, какое именно слово считал столь оскорбительным мистер Нгемба.

- Это нехорошее слово, - оглядываясь по сторонам,

украдкой сказал ему Уолтер за завтраком. - Мне не хотелось бы произносить его, если его могут услышать слуги, поэтому я произнесу его по буквам. Н-И-Г-Е-Р. Пожалуйста, никогда не употребляй его.

- Я никогда этого и не делал, - сказал Деккер. - И не думаю даже, что кто-нибудь еще говорил нечто подобное, даже на этих уроках гражданственности. В конце концов, в этой истории речь идет о давно прошедших временах. У людей были тогда совсем иные понятия.

- Ну, пожалуйста, Деккер, у нас здесь такого совсем нет.

- Конечно, - отозвался Деккер.

И стал рассматривать поданные блюда. В числе прочего он узнал также, что такое настоящий английский завтрак. Он включал в себя накрытые крышками блюда, содержащие мясо убитых животных, такие как «почки» и «копченая рыба», равно как и огромные количества поджаренного хлеба и чая. Под внимательным надзором Доррис он научился - ну почти научился - плавать, не то чтобы очень хорошо, поскольку на длинном марсианском скелете для плавучести было слишком мало жира. Просто оставаться на плаву уже требовало от него огромных усилий. Он вкусил, хотя и очень ненадолго, «игровой комнаты», где Уолтер показал, чем среди прочего владеют богатые земляне в отношении виртуалов. Он узнал, что такое «теннис», хотя от игры на корте был освобожден по причине неподготовленности, в то время как миссис Нгемба и ее приемные дети гоняли друг друга по корту. Однако, от гольфа его никто не освободил. Оказалось, что это - тот вид игры, в какую вполне мог бы играть марсианин - здесь требовались не грубая сила, а умение и точность - и броском в последние воротца ему удалось обыграть Доррис и ее брата.

Ленч подали на террасе, приятно было и то, что взрослые на нем не присутствовали. После того, как они встали из-за стола, Уолтер сказал:

- Я обещал, что мы будем заниматься, Деккер. Поднимемся наверх?

Что удивительно, Уолтер говорил совершенно серьезно, и Деккер обнаружил, что заниматься с другом гораздо более полезно, чем в одиночестве сидеть за экраном в квартире отца. Деккер лучше Уолтера знал математику, но кикуйу взял свое, когда дело дошло до планетарной астрономии. Деккер был удивлен узнав, сколько тот знает о лунах, газовых гигантах, орбитах астероидов и в особенности о размерах и характеристиках самих планет. Это не относилось к тем предметам, которым уделял особое внимание сам Деккер. Это казалось ему бесполезным. Деккер готов был признать, что это может быть любопытным с точки зрения академического интереса, но не имел ни малейшего желания отходить в своих занятиях от того, что относилось к менее благоприятным планетам.

У Уолтера не было никаких подобных предубеждений. Он знал о газовых гигантах столько же, сколько о землеподобных. Перечислял объемы, массы, орбитальные периоды и химические составы всего от Сатурна до Плутона столь же легко, как если бы они имели какое-то отношение к хозяйству отцовской фермы.

Учеба шла столь успешно, что они не стали прерываться на обед, который по предложению Уолтера им принесли в его кабинет. Деккеру никогда не приходило в голову, что такое тоже возможно, и он был только рад обойтись без общества старших.

- Ты, похоже, действительно любишь астрономию, - сказал Деккер, приканчивая омлет.

Он ничего такого не имел в виду, но Уолтер покраснел.

- А ты разве нет? - спросил он.

- Ну, конечно. Вроде того. Когда я был маленьким я обычно много времени проводил на равнинах ночью, глядя на звезды.

- Я тоже. О черт, Деккер, я до сих пор это делаю. Послушай, уже стемнело. Допивай свой кофе - или бери его с собой - и пойдем на террасу.

Еще не стемнело окончательно, над западным краем

неба висела полоса тускло-пурпурного цвета. Но звезды уже показались, а с ними и кометы, их было больше, чем когда бы то ни было, и Деккер рассматривал каждую из них с почти собственническим удовольствием.

- Великолепное небо. Почти такое же ясное, как в Сагдаеве, - прокомментировал он.

- Мне бы хотелось увидеть Сагдаев когда-нибудь, - мечтательно сказал Уолтер.

- Деккер ничего на это не ответил. Конечно, богатый землянин может отправиться на Марс, когда пожелает - быть может, сможет даже заставить оказавшуюся под тяжелым давлением марсианскую экономику оплатить его счета, если он того захочет и если мистеру Теодору Нгемба принадлежит еще хоть какое-то количество Боннов. Но Деккеру показалось, что говорить подобные вещи другу, просто невежливо.

Он оперся о перила, вглядываясь в темную равнину. Ничего там не шевелилось, хотя по памяти он мог восстановить картину скользящего по саванне охотящегося льва, которого он видел из аэроплана. Из саванны дул теплый ветер, но ночь была тихой, лишь негромкие обрывки фраз доносились до Деккера из гостиной внизу, где Доррис играла с мачехой в канасту, и отдаленное жужжание насекомых, попадающих в расставленные по участку ловушки.

- Вон он, Марс, - указал Уолтер куда-то в небо.

Деккер удивился.

- Где?

А когда он обнаружил его - достаточно яркий, но скорее бледно-желтый, чем красный, Марс висел сразу под более яркой белой точкой Сатурна - то уставился на него в удивлении. Такой маленький и далекий, но все же целый его собственный мир.

- Расскажи мне о Марсе, - попросил Уолтер.

И потому Деккер попытался описать своему другу Сагдаев, а потом Уолтер Нгемба стал рассказывать о своей собственной жизни. Деккер с удивлением узнал, что те люди, которых он здесь встретил, не вся семья Уолтера.

У того еще были две младшие сестры. Обе они жили с матерью. Первая жена Теодора Нгембы проживала на вилле на одном из модных курортов Сейшельских островов. В течение школьной недели Уолтер жил у тетушки в Найроби - это ей принадлежал светло-голубой лимузин. У него привилегированная жизнь, признал он. И все же ему хотелось большего.

Он не сказал, чего «большого», и Деккер не спрашивал. Некоторое время они молчали, и Деккер уже повернулся было, чтобы сказать, что пора ложиться спать.

Уолтер жадно смотрел на кометы. Деккер собирался было что-нибудь ему сказать, но его остановило тоскливое выражение лица кикуйу. Но к чему стремиться богатому мальчику с Земли?

Воскресный завтрак прошел лениво, взрослые пили шампанское, мистер Теодор Нгемба произносил речи. С утра он посмотрел ранние новости, и они его совсем не удовлетворили.

- Тренинги гражданственности, - заявил он, - ничего не дают. Вы видели эти истории? Насилие порождает насилие, и так по всему миру. Прямо сейчас идет забастовка в местечке под названием Халистан, где бы оно ни было.

- Это в Индии, - информировала его дочь. - Они бастуют потому, что хотят независимости... как Мара.

- Мара, - с презрением бросил мистер Нгемба. - Какая глупость.

Уолтер, заметив замешательство Деккера, пояснил:

- Мара - это то, чего, по их словам, желают масаи. Это - Мара. Масаи хотят иметь свою собственную страну, независимую от Кении и называют ее Мара.

- Да, - отозвался его отец. - А что они станут делать с этой Марой, если ее получают? У Масаи нет ни промышленности, ни университетов, ни настоящей культуры. Они даже с фермой сами по себе не справляются.

- Те, что учатся в нашей школе, производят впечатление неглупых, - сказал Деккер.

- Может быть, это не многочисленная элита, - щедро согласился мистер Нгемба, явно довольный собственной терпимостью. - Но сколько их?

Миссис Курай хмыкнула.

- Достаточно, чтобы выкинуть тебя отсюда, Теодор, если они соберутся все вместе, - сказала она. - Точно так же, как твои прапрадеды выбросили отсюда англичан.

Мистер Нгемба улыбнулся ей в ответ.

- Но видишь ли, дорогая моя Долорес, они не могут. У масаи нет мао-мао, которые бы сделали все за них, а если кто-нибудь из них попробовал бы затеять что-либо подобное, мы сажаем этих мерзавцев в клиники, где они и сидят, пока у них из головы не выветрятся подобные мысли.

У Деккера накопилось гораздо больше вопросов, чем он мог бы задать в этом обществе. Но он решил потерпеть до того времени, пока они с Уолтером не останутся одни, и лишь тогда попросить объяснений. Уолтер выглядел несколько смущенным.

- О мао-мао. Да, некоторые из наших предков были мао-мао - им пришлось, или наша семья немного бы добилась впоследствии. Это была политическая заварушка. Видишь ли, Кения была раньше английской колонией. Так было до тех пор, пока один человек по имени Йомо Кенифтта не собрал кикуйу в организацию, которую назвал мао-мао, чтобы выгнать англичан.

- Объявив забастовку, как эти люди в Халистане?

Уолтер поглядел на него с легким изумлением.

- Черт, нет, Деккер. Убив столько англичан, чтобы заставить их решить, что потери слишком велики, чтобы дольше тут оставаться. Я думал, ты это знаешь. Мао-мао просто собирались однажды тихой ночью вокруг английской фермы, резали всех, кого находили, и исчезали прежде, чем успевали подойти войска. Кровавая история, да, но это сработало. После нескольких лет попыток

поймать этих ребят, англичане намек усвоили и упаковали вещи.

Деккер потерял дар речи. Увидев выражение его лица, Уолтер быстро добавил:

- Конечно, это было очень давно. Теперь все иначе.

- Надеюсь, - отозвался Деккер.

- Ну конечно, теперь все не так. Послушай, - сказал Уолтер, резко меняя тему разговора, - думаю, мы достаточно позанимались для одного уик-энда, и мне не хотелось бы подвергать тебя дискуссиям с отцом больше чем это крайне необходимо. Что если нам взять джип и отправиться посмотреть на дичь?

Так они и сделали, и ехать в машине, за рулем которой сидел Уолтер, было настоящим приключением. Подпрыгивая на рытвинах антилопных троп, Деккер размышлял, удастся ли ему съесть завтрак, но то, что он мельком видел из окна машины, заставило его забыть обо всех неудобствах. Деккер заметил труп небольшой антилопы в ветвях дерева, и в ответ на его вопрос Уолтер прокричал:

- Леопардова заимка. Они уносят убитых животных наверх для сохранности. Но сегодня мы едва ли увидим леопарда живьем.

Не увидели. Однако им встретились слоны, тридцать или сорок за один раз, которые медленно брели через кустарник, на ходу обгладывая растительность. В излучине реки они видели бегемотов, а с берега за ними следило длинное, бревно-образное существо, которое лежало так тихо, будто и не было живым.

- Крокодил, - сказал Уолтер. - Надеется утащить детеныша бегемота.

Видели несколько видов антилоп, и даже жирафов, которые теперь с земли казались гораздо более длиннее, чем в тот день, когда они смотрели на них из аэроплана.

Если не считать животных и жары - и, конечно, воздух, - думал Деккер, вполне можно представить себе,

что находишься на Марсе. Равнина во многом напоминала ржаво-розовые склоны вокруг Сагдаева, если закрыть глаза на колючую растительность повсюду вокруг. Он почти почувствовал тоску по дому. А потом Уолтер остановил джип и взглянул на часы.

- Я думал, - сказал он и замолчал.

Деккер воспользовался возможностью.

- Я тоже, - сказал он. - Уолтер? Что твой отец и миссис Кураи имели в виду, говоря о проекте Оорт?

Уолтер смутился.

- Я задавался вопросом, когда же ты спросишь об этом. Думаю, они продавали свою долю в проекте. Ну, нет. Я хотел сказать, действительно продали. Их не удовлетворяют финансовые перспективы. Это как-то связано с этими новыми «обитатами».

Деккер удивленно уставился на него. Конечно, как и все, он слышал об «обитатах». Это были крохотные полые астероиды в пространстве,двигающиеся по орбите вокруг Земли, а иногда летящие в пространстве безо всякой орбиты, существующие на полном самообеспечении.

- Поговаривают о том, чтобы выращивать пищу на обитатах, - объяснил Уолтер. Думаю, в последнее время отец вкладывал в них немало денег. Предполагается, что этот проект более экономичен, чем затея с кометами и Марсом, и конечно, обитаты гораздо скорее дадут прибыль.

- Но не в том дело, - разумно сказал Деккер. - Марс - это целая планета. Я знаю, что предполагается, что мы будем выплачивать Боны продукцией - и мы будем, и проценты тоже, не забывай об этом! - но это еще не все. У нас есть целый новый мир!

- Конечно, - отозвался Уолтер, - я просто передаю тебе слова отца, - и помедлив, сменил тему.

- Ты ведь вскоре уйдешь из школы, правда? - спросил он.

- Да?

- Ну, так сказал мистер Каммингс. Я хочу сказать, чтобы начать подготовку к Оорту.

- Думаю, да, - медленно произнес Деккер, удивляясь, откуда этому мальчику известно о его планах столько же, сколько ему самому.

Уолтер кивнул.

- Знаешь, - начал он, - я не собирался никому говорить... и во имя Господа, ни слова об этом дома - но, есть, быть может, шанс, что мы там встретимся. Дело в том, что я надеялся самому попасть в академию.

- А что об этом думает твой отец?

Вид у Уолтера стал мрачный.

- Он пока еще не знает. Едва ли ему понравится эта идея. Но этой весной я уже буду совершеннолетним и тогда подам заявление.

Деккер внимательно посмотрел на кикуйу.

- Тогда удачи, - сказал он. Так ты об этом раздумывал?

- Что?

- Ты сказал: «Я думал».

- О, - Уолтер ухмыльнулся и вновь посмотрел на часы, - нет, я думал кое о чем ином. Послушай, Деккер, я видел, какими глазами ты смотрел на Доррис. Она - ужасная кокетка, но конечно она слишком молода для... ну для всего... не говоря уже о том, как отнесется к этому отец. Но есть и другие возможности.

Деккер был сбит с толку и даже несколько возмущен, поскольку в его намерения относительно Доррис ничего кроме взглядов не входило.

- Что за возможности?

- Я тебе покажу, - со счастливо-виноватым видом ответил Уолтер, и завел мотор.

Через десять минут они уже въезжали в поселок крытых соломенными крышами хижин, полукругом стоящих вокруг площадки утоптанной земли. Вокруг домов лениво слонялись мужчины масаи и хлопотали масаи-женщины. Надо всем этим летали мухи и стоял отвратительный запах.

- Коровий навоз, - ухмыляясь, пояснил Уолтер. - Они используют его для того, чтобы скреплять солому на крышах.

Уолтер выключил мотор и вышел из джипа, Деккер выбрался следом.

Оглянувшись по сторонам Уолтер указал на одну из хижин.

- Они там о тебе позаботятся, - сказал он.

Мужчина у входа в хижину с трудом встал на ноги и кивнул Уолтеру.

- Это - хижина Шилы. Она тебе понравится, а я возьму себе ее соседку.

- Возьму? - переспросил Деккер, начиная понимать, но отказываясь в этом признаваться, пока не будет до конца уверен.

- Этим они зарабатывают себе на жизнь, - нетерпеливо бросил Уолтер. А что им еще продавать, кроме секса? Если тебя заботят деньги, не думай об этом - ты же мой гость. Но, скажи, у тебя же есть хай-вак?

- Хай-вак?

- ХИВ-вакцина. О черт. Значит, нет. Ладно, подожди минутку

Он отошел к хижине, с минуту пошептался о чем-то с мужичиной у ее дверей и вернулся с упаковкой презервативов.

- Используй один из них, Деккер. Просто не целуй ее, и все будет в порядке, - он остановился подумать. - О слушай, ты, марсианин, эти штуки растягиваются, они безразмерны. Тебе ведь подойдет?

Таким образом этой ночью он вернулся в квартиру отца, сознавая, что приобрел дополнительную сноровку, не только умение играть в крокет, плавать и искусство выбрать нужную вилку на официальном обеде, но и то, как покровительствовать проститутке. Очень познавательный был уик-энд.

Впрочем, образование его было еще не закончено. У него оставались еще вопросы к отцу, и он был рад увидеть, что хотя рядом с отцом на столе стоит бутылка, Болдон Де Во почти что трезв.

Первый вопрос был в сущности риторическим:

- Правда, что они продвигают идею выращивать пищу для Земли на обитантах?

Отец сначала удивился, но потом вид у него стал подавленный.

- Говорят. По слухам, японцы уже начали разрабатывать этот проект, но мне все равно кажется, что пока это одни только разговоры. Ты видел программу на экране. Во всяком случае, я все еще думаю, что они слишком много вложили в марсианский проект, чтобы так легко остановить его.

- Ты в школе сказал, что я уезжаю?

Выражение лица отца несколько изменилось - немного чувства вины, немного возмущения.

- Что, кто-то распускает слухи? Нет. В школе я не говорил. Я об этом сказал Брайану Каммингсу, поскольку мне нужно было его содействие.

- Какое такое содействие? - осведомился Деккер.

Отец пожал плечами.

- Просто содействие. Во всяком случае, это правда. Ты сделал здесь, все что мог. Мы едем в Денвер.

- Денвер?

- Это в Колорадо, - отрезал отец. - В Америке. Там, где находится штаб-квартира проекта.

- Я знаю, где находится штаб-квартира, - сердито ответил Деккер.

- Надеюсь, что да, - ответил отец. - туда тебе необходимо отправиться, чтобы пройти психологический тест и сдать вступительные экзамены. И лучше бы тебе пройти и то, и другое, Дек, поскольку наш проезд туда, будет стоить прорву денег.

- Ты можешь себе это позволить?

- Это - почти единственное, что я могу себе позволить, - кисло ответил Болдон Де Во, жадно взглянув на бутылку, однако пить не стал.

Предположим, вы оказались под опекой огромной корпорации, которая предлагает вырывать кометы из Оортова облака и уводить их на несколько миллиардов километров, чтобы принести на Марс воздух и воду. Это гигантский проект. Сложите вместе все его раскинувшиеся аспекты, и они едва-едва влезут в рамки всей солнечной системы, однако все же ему требуется какое-то место, которое можно было бы назвать домом. Ему необходима штаб-квартира.

Если бы вам пришлось выбирать, где должна находиться эта штаб-квартира, куда во всей этой необъятной вселенной вы бы ее поместили?

Сразу на ум приходит несколько конкурирующих друг с другом предложений, и все они по-своему хороши. Во-первых, можно поместить штаб-квартиру в космосе, прямо в самом Оортовом облаке. Туда, где взрыватели отлавливают наиболее ценные кометы, а «заклинатели змей» с помощью инструментов и двигателей Аугеншейна отправляют их к месту назначения на Марс. Несколько неудобно добираться, правда, но тогда она будет находиться в том же месте, где и сырье.

Или можно поместить штаб-квартиру поблизости от одного из двух «Со-Марс» спутников, пары контрольных станций, расположившихся на троянских точках орбиты самого Марса, на расстоянии ста двадцати градусов друг от друга и шестидесяти градусов от Марса. Тут то и возьмется с новоприбывающими кометами от самого Оортова облака весь путь мимо Солнца и назад по направлению к Марсу.

Или, наконец, можно поместить штаб-квартиру на орбиту самого Марса, где перед каждым падением кометы, происходит финальная корректировка курса и дробление кометы.

Все это - неплохие места.... но ни одно из них не удостоилось конечного выбора проекта Оорт. Корпорация избрала вершину горы на окраине Денвера, США,

Земля. Прямо на дне гравитационного колодца Земли. Прямо на поверхности самой вздымающейся Земли, так что половину каждого дня планета, на которой находилась корпорация, заслоняла траектории прямой связи с половиной солнечной системы и связываться со своими спутниками им приходилось посредством реле.

О, конечно, у этого местоположения были свои недостатки. Но имелось и одно немалое преимущество, отсутствовавшее у любой из возможных орбитальных альтернатив:

Штаб-квартира «Корпорации Оорт» крепко сидела на своей собственной планете, откуда только ее руководители могли руководить проектом и где никто не мог усомниться, кому он принадлежит.

19

Денвер ничуть не походил на Найроби - здесь было гораздо более холодно и влажно, и гораздо больше было белых - но у Деккера Де Во не было времени на осмотр достопримечательностей. У них с отцом не так много оставалось денег, а потому они вместо суперсонического аэролайнера с фиксированными крыльями купили билеты на небольшой дирижабль и прибыли в Денвер ровно в тот день, чтобы успеть отыскать свою меблированную комнату и дать Деккеру подготовиться к первому препятствию, какое ему предстояло преодолеть.

Это был психологический тест, и «подготовиться» было свыше его сил. Чтобы пройти этот тест, Деккеру пришлось выбраться из постели после четырех часов сна, на автобусе подняться в гору, а затем женщина, проводившая тест - она сказала, что зовут ее доктор Роза МакКьюн - начала с того, что приказала ему раздеться.

- Именно. Снимайте все, Де Во. В чем дело? Вы стыдитесь своего тела?

Конечно, подобное никогда не приходило в голову Деккеру, который думал о том, что в комнате холодно

даже по марсианским стандартам. Однако, поскольку он не придумал подходящего повода сказать об этом, как впрочем и разумных причин протестовать, он просто последовал ее указаниям. Пока он раздевался, женщина внимательно изучала его и произнесла небольшую речь.

- Деккер Де Во, - сказала она, - предположим, ты получишь доступ к тренировкам и, предположим, ты не вылетишь посреди обучения - а вероятность того, что с тобой случится не одно, так другое, очень велика, так что не надейся на многое - тебе часто придется проходить подобные тесты. Не регулярно. Я этого не говорила, в них никогда не будет ничего упорядоченного. Но они будут достаточно часто. Причина тому, естественно, заключается в том, что карьера, на которую ты решился, требует многого. Нам не нужны слабаки, и если мы находим слабых людей, то вышвыриваем их. Ты это понял?

- Конечно, - ухмыляясь, ответил Деккер.

Она сделала какую-то помету в блокноте о том, решил Деккер, что он улыбается, а потому улыбаться перестал. Женщина продолжала:

- Однако, должна указать на то, что данный тест отличается ото всех остальных. Хочешь знать, почему?

- Думаю, да, - согласился Деккер.

Он вновь попытался подавить улыбку, хотя и в самом деле забавно было то, что женщина не только заставила его снять с себя все, вплоть до поддерживающих браслетов с ног, но и не предложила ему сесть.

- Отличие, - отчетливо выговаривала женщина, - заключается в том, что на этот раз ты заранее знал, что подвергнешься тестированию, так что у тебя была возможность подготовиться. Больше предупреждений ты не получишь. А теперь, видишь экран на стене? Возьми в руки контроллер. Когда я скажу тебе начинать, нажми на переключатель, а затем держи курсор в кругу мишени, пока я не дам сигнал закончить.

Деккер взглянул на отключенный экран.

- Какой курсор?... - начал было он, но женщина уже крикнула:

- Начать!

Экран тут же ожил, Деккер сморгнул. Большую часть экрана заполняла путаная мешанина сочетаний меняющихся контуров и прямых линий, но ему удалось различить движущийся бледно-зеленый кружок - единственный круг на экране - и яркую золотистую точку, очевидно, курсор. Ручной контроллер был незнакомой Деккеру конструкции, но марсианин быстро приспособился к нему, и загнал курсор в мишень...и держал его там довольно неплохо, хотя и не без труда. Сложность состояла не только в том, что мишень перемещалась совершенно непредсказуемо, но и в том, что психолог не обращала на него никакого внимания. Она даже зевнула и перешла к окну, потом стала переодеваться в присутствии Деккера. На секунду его отвлек громкий хлопок за спиной. Когда он решил, что это намеренная попытка нарушить его сосредоточенность, сам экран мигнул, на минуту погас, а когда он вспыхнул вновь конфигурация его оказалась совершенно иной. Потом открылась дверь, и появился какой-то мужчина, протолкался между экраном и Деккером и затеял с психологом громкий разговор, на женщине не было уже ничего, кроме белья....

И так далее. До бесконечности. А потом внезапно все кончилось. Без малейшей паузы доктор Роза Мак-Кьюн стала диктовать ему письменный тест, который оказался еще скучнее и длиннее, а ему приходилось обнаженным все это время стоять на уставших ногах.

- Конечно, - сказал Деккер отцу, вернувшись в меблированную комнату, которую они сняли на время экзаменов, - они пытались меня отвлечь, я это знаю. Заставляли меня раздеться, да еще стоять без браслетов.

- Они придираются к марсианам, - ответил отец, - придется тебе к этому привыкнуть.

- Привыкну. Впрочем, я уже привык. Во всяком случае, я думаю, что теперь могу большую часть времени обходиться без браслетов. И еще, все это очень забавно. Скажем, вопросы теста: «Когда вы в последний раз

говорили с Господом Богом?» Или «Ваш кал плотный и темный?» По крайней мере, у них есть чувство юмора.

- Все психологические тесты странные. Психология - вообще довольно забавная наука, - сказал отец и замолчал, откашливаясь.

Прочистив горло, он вновь наполнил свой стакан, и добавил:

- Главное - ты прошел.

- Этого я еще не знаю наверняка. Она ничего не сказала.

- Если она не сказала, что ты провалился, значит, ты прошел. ты ведь - марсианин, естественно, ты умеешь справляться со стрессом.

Болдон Де Во встал, прохромал к крохотному холодильнику, чтобы добыть из него еще несколько кубиков льда. Деккер осознал, что выглядит он еще более слабым и больным, чем когда бы то ни было. Этот климат был ему вреден.

- Сколько ты собираешься здесь оставаться? - спросил он.

- Пока ты не поступишь в академию. А теперь послушай, я нанял для тебя преподавателя. Зовут его Маркус Хэглэнд. Он сам прошел все курсы, но прежде чем он успел получить назначение, его под каким-то предлогом выгнали. Тебе придется продолжать занятия, Дек.

- Я знаю.

- Я знаю, что ты знаешь, - сказал отец, вновь усаживаясь в кресло. - Ты когда-нибудь слышал, как марсиане называют это место?

- Я даже не знал, что здесь есть марсиане?

- Смышленных нет, они давно уже покинули Денвер, но те, что остались, зовут это место «Болотным городом». Таков он и есть, холодный, сырой и жалкий. В мое время в академии я ненавидел его, и еще больше ненавижу сейчас. Слава богу, что, по крайней мере, нет снега.

- А я был бы не против посмотреть на снег, - сказал Деккер.

Отец кивнул.

- Я тоже когда-то так думал, - сказал он, - когда впервые сюда приехал, - он помолчал, взглянул на сына и улыбнулся. - Дек, помнишь, что я подарил тебе перед отъездом? Маленького набитого зверя?

- Я зову его Храбрым Мишкой, - ответил Деккер, внезапно почувствовав себя неуютно: он не привык к сентиментальным воспоминаниям своего давно потерянного отца.

- Не думаю, что он у тебя сохранился, - сказал отец, почти тоскливо.

- Но я сохранил, хотя здесь его нет. Но я никому его не отдал.

Отец кивнул. Деккер не мог бы сказать, доволен старик или нет. Отец отхлебнул из стакана, а потом сказал:

- Что касается этих марсиан в Денвере. Они не принесут нам ничего хорошего, Дек, и у нас нет времени на визиты. Маркус появится здесь рано утром, и тогда все, что ты сможешь себе позволить с данного момента и до экзамена, - это заниматься.

Как выяснилось, это было чистой правдой. Наставник прибыл и пробыл у них весь день, и весь день ушел на занятия. Деккер не был уверен, нравится ли ему этот наставник. Маркус Хэгланд, конечно, был марсианином, но необычно мрачным, иногда даже враждебным. Его терзал кашель, почти такой же жестокий, как Болдона Де Во, и когда Деккер воспользовался паузой, чтобы спросить его, почему он остался в Денвере, тот в ответ только сказал:

- Все изменится.

- Изменится как? - спросил Деккер, но Маркус лишь покачал головой.

- Единственно возможным образом, - ответил он. - А теперь, давай вернемся к нашим кривым траекторий. При первой приблизительной оценке ты можешь игнорировать все, кроме крупных планет на расстоянии сотни

миллионов километров или около того от твоей траектории и само Солнце, но потом, когда тебе понадобится расписать детали корректировочных взрывов...

И так далее, и так далее. После первых нескольких дней Деккер уже стал удивляться, действительно ли за стенами мебелированной комнаты существует какой-то город. Сама комната была не намного меньше их квартиры в Найроби, но пахло здесь хуже и к тому же было холоднее.

Холод был определенным преимуществом. Деккер так и не смог привыкнуть к кенийской жаре. Другим большим плюсом было то, что если Деккер выползал на запасной выход и как можно дальше перегибался через ржавые перила, он мог разглядеть далекую гору, как шапкой накрытую комплексом зданий штаб-квартиры проекта Оорт. Самих зданий он, естественно, различить не мог, просто случайный отблеск окна, когда солнце падало в стекло под определенным углом. Но штаб-квартира была рядом. Именно там он проходил психологический тест, именно туда он попадет - если сдаст экзамен.

На этом он каждый раз заставлял себя вернуться к своему экрану и занятиям. Как бы он ни был занят, у Деккера хватало времени, чтобы заметить, что отец не только больше кашляет, но и тяжело пьет. Наблюдения эти не носили личного характера, поскольку в комнате, которую он делил с сыном, Болдон Де Вопил на удивление мало. Так что он уходил сам по себе - «Так чтобы я не отрывал тебя от работы» - и возвращался, кашляя и пошатываясь.

Единственное, что было хорошего в данной ситуации, было то, что нрав его чуть смягчился, смягчился настолько, чтобы возвращаясь домой окруженный запахом самого дешевого, какого ему удавалось найти ликера, соглашался разговаривать с сыном.

Деккеру это нравилось. Ему нравилось слушать рассказы отца об Оорте - не о наркотиках и несчастном

случае, но о чувстве товарищества, нужности своего дела, возбуждении.

- Иногда мне кажется, что тебе хотелось бы вернуться, - сказал Деккер.

Отец уставился на него в упор.

- Черт побери, мальчик, какой смысл в пустых желаниях?

Но потом он смягчился.

- Если бы я чего-нибудь и пожелал, то мне бы хотелось, чтобы ты был бы уже в академии, так чтобы я мог убраться отсюда и вернуться в Кению. Быть может, познакомлюсь с твоими расфуфыренными друзьями мао-мао и получу приглашение на их ферму.

Деккер впервые услышал, как его отец употребляет термин «мао-мао».

- Я не знал, что ты знаешь о мао-мао, - сказал он.

- Как можно жить в Найроби и не знать об этом? Большинство никогда больше не упоминает о мао-мао. Им не хочется никому напоминать, что их предки напропалую насиловали маленьких девочек и резали младенцев. Но их нельзя за это винить. Это было очень давно. Вся планета была тогда иной. Все тогда вели здесь войны, и некоторые из них были гораздо хуже того, что творили мао-мао.

Деккер покачал головой.

- Учитывая то, как они друг к другу относятся, я вообще не понимаю, как им удалось остановить войну.

- Ну, у них не было выбора, Дек, - сказал отец, останавливаясь, чтобы высморкаться. - Войны стали плохо сказываться на бизнесе. Раньше было иначе. Войны способствовали бизнесу, или они, по крайней мере, так думали, но потом войны стали слишком большими и разрушения оказались просто слишком велики. Так что они начали проект Миротворцев. Если люди становятся неуправляемыми, их просто отправляют в реабилитационные центры, пока они не успокоятся.

- Но... - начал Деккер, но ему пришлось подождать, пока отец отдышится после приступа кашля.

- Но, что? - Болдон Де Во потянул носом, глаза у него слезились.

Если у Деккера и был какой-то вопрос, то он совсем позабыл о нем, охваченный беспокойством за отца:

- С тобой все в порядке?

- О боже, нет. Как я могу быть в порядке в этом проклятом климате? - осведомился отец. - Дек, послушай, я думаю мне стоит на время прилечь, но сначала у меня есть для тебя кое-что.

С трудом прохромав к шкафу, он достал оттуда сумку, повернул замок. Он был весь в поту, и руки у него дрожали. Трижды ему пришлось набирать комбинацию замка, пока он не набрал ее правильно, и набрав, он достал катридж в запечатанном пакете.

- Вот, над чем ты будешь работать, - приказал он. - Скажи Маркусу, чтобы завтра он проработал с тобой все упражнения. Он сможет объяснить тебе все, что ты не поймешь.

Деккер вставил катридж в свою машину и с сомнением поглядел на экран.

- Что это такое?

- А на что это похоже?

А больше всего это похоже, подумал Деккер, на копию задания вступительного экзамена по программе Оорт. По экрану развернулся список из пятидесяти вопросов, и это не были простые вопросы, на выбор одного ответа из нескольких возможных. Большинство из них требовали сложных вычислений или эссе, и все они были непростыми.

Деккер бросил на отца подозрительный взгляд.

- Откуда это у тебя?

Старик дышал с трудом, но выдал из себя кривую усмешку.

- Я бы сказал, что тебе не стоит об этом волноваться, Дек. Я получил это от друга. От дамы, - он уже было отвернулся, но потом вновь посмотрел на сына. - Но знаешь? Дама эта не так уж плохо выглядит. Возможно, ты упустил здесь недурной шанс.

- Кто? Какой шанс? - потребовал ответа Деккер, но его отец снова закашлялся.

- Неважно, - выдохнул Болдон. - Дек, я не могу говорить сейчас. Просто поработай над этим, ладно? А я прилягу.

И Деккер действительно принялся за работу, в то время как отец сморкался и кашлял, лежа лицом к стене на кровати в дальнем углу комнаты, Деккер твердо решил, что выяснит все до конца, как только отец будет в состоянии ответить. А тем временем он работал над вопросами, пока не перестал что-либо соображать от усталости.

Отец, казалось, крепко спал. Деккер натянул на него одеяло, потом лег на собственную кровать, закрыл глаза... и проснулся среди ночи. Ему показалось, что он слышит какие-то странные звуки.

В комнате было очень тихо. Встревоженный Деккер подбежал к постели отца.

Она была пуста.

Пока он спал, отец встал и снова ушел, и утром его все еще не было... и в течение дня Болдон Де Во тоже не показывался.

Появившийся под конец дня Маркус Хэглэнд тоже ничего не знал о местонахождении Болдона Де Во.

- О чем вы меня просите, Де Во? Ваш старик и я никогда не были близкими друзьями. Просто деловые отношения. Вы уже заявили о его исчезновении?

- А кому я мог заявить?

- О господи, Миротворцам. Кому же еще. И все же, - успокаивающе добавил Хэглэнд, - на вашем месте я бы не торопился волноваться. Он наверное уснул у стойки в каком-нибудь баре и появится, как только проспится.

Это было все, что он мог сказать по вопросу Болдона Де Во, и обратился к катриджу, который Де Во дал своему сыну.

- Выглядит так, как будто у него неплохие друзья, - сказал он. Сколько он за это заплатил?

- Не знаю.

И это была простая правда, подумал Деккер, а еще ему пришло в голову, правда будет неприятно далека от простоты, если он когда-нибудь эту правду узнает.

Хэглэнд кивнул, изобразив на лице слабую улыбку терпимого сообщника.

- Быть может, вы просто не задаете подобных вопросов? Или, - вид у него стал задумчивый, да и тон тоже изменился, - или я недооценил и вас, и вашего старика. Сдается мне, что оба вы готовы ради благой цели обойти кое-какие правила. Вы пошли в него, Де Во?

- Мой отец не стал бы нарушать никаких законов!

- Нет? Как скажете, а как на счет вас самого?

- Я не понимаю, что вы пытаетесь сказать.

Маркус не спешил с ответом, изучая Деккера.

- Все очень просто, - сказал он наконец. - Вы могли бы кое-чего добиться, если бы захотели. Вы знаете, что земляне что-то там темнят с проектом. Предположим, вы смогли бы сделать что-нибудь, чтобы исправить ситуацию - скажем, что-нибудь, что может оказаться противозаконным. Вы бы решились на такое?

- Нарушить закон? Нет. И, - с неприязнью добавил Деккер, - если бы кто-нибудь всерьез предложил мне нарушить закон, думаю, вот тогда бы я и задумался, не обратиться ли мне к Миротворцам.

Наставник поглядел на него с кислым презрением, потом пожал плечами:

- О'кей, - сказал он, - забудьте о моем вопросе. Давайте вернемся к работе. Он перелистнул экран к первому вопросу: - Так вот. «Спектральный анализ показывает следующие концентрации в целевой комете. Оцените на стабильность». Покажите, с чего вы начнете свою оценку.

И так началось занятие, и по мере работы неприязнь Деккера к этому человеку уменьшалась, а на ее месте все росла тревога за отца. И лишь поздно вечером, когда

Маркус ушел, а Деккер приготовил себе поесть, ему пришло в голову, что, быть может, стоит последовать рассеянному совету этого человека, и заявить о пропаже отца Миротворцев, которые, как выяснилось, все прекрасно о нем знали.

Их отчеты находились прямо у ночного клерка их отделения. Болдону Де Во удалось зайти дальше, чем позволяла терпимость к отравленным алкоголем. Он был арестован за то, что затеял кулачную драку в баре - кулачную драку! Суд уже закончился; Болдон Де Во был признан виновным и приговорен к реабилитации, и уже начал отрабатывать свое время на Реабилитационной Фабрике Колорадо, в местечке под названием Пуэбло.

Пуэбло находилось не так уж далеко от Денвера, но стоимость билета на проезд пробила огромную брешь в немногих оставшихся у Деккера кредитках. Но он ничего не мог с собой поделать. Деккер не медлил, он с самого начала знал, что ему надо ехать, и с первыми лучами рассвета уже тронулся в путь. Это же был его отец.

Деккер Де Во никогда до того не бывал в маглевом поезде. Вагон вез его по туннелям и мостам, через глубокие, покрытые лесами долины, и, как заметил марсианин, не получая от этого особого удовольствия - вид был величественный. Поездка могла бы принести Деккеру Де Во новые и радостные впечатления... если бы только в его жизни хватало дополнительных радостей, чтобы позволить ему насладиться ею.

Однако все было иначе. О чем бы не задумывался Деккер, его окружали сплошные проблемы, и тревога за отца была лишь наиболее новой и острой из всех поводов для беспокойства. Совесть заставила его попытаться позаниматься с карманным экраном по дороге, но ему никак не удавалось сконцентрироваться. Он сдался, убрал экран обратно в карман и закрыл глаза.

Последние пятьдесят километров дороги он продремал, и когда он выходил у терминала Пуэбло, все тело у

него затекло и ныло. Городок Пуэбло оказался уменьшенной и не столь грязной версией Денвера, и около получаса ушло у Деккера на то, чтобы выяснить, где именно находится реабилитационное заведение, и самый дешевый способ туда добраться. Люди на улицах Пуэбло не стремились ему помочь. Очевидно, никто из них ничего не слышал о Клятве Поддержки, а когда ему удалось разговорить одного из них настолько, чтобы успеть обнаружить, что от выхода с терминала идет автобус как раз до дверей заведения, то он прибыл на место как раз в тот момент, чтобы увидеть, как этот автобус отъезжает.

До следующего был целый час, и Деккер едва не пропустил и этот автобус тоже, поскольку заснул в жарком переполненном зале ожидания. Лишь через полчаса и еще добрый десяток остановок раскаленный переполненный автобус остановился у дверей заведения.

Деккер оказался единственным, кто вышел на этой остановке. Перед голыми воротами стоял Миротворец, с неприязнью посмотревший на Деккера. Браслеты на ногах казались как никогда тяжелыми, и Деккер с трудом дохромал до него, но тот на приветствие марсианина не ответил. Миротворец просто кивнул, и прежде, чем Деккер успел снять и протянуть его, потянул за амулет у него на шее. Запихнув амулет в ручной контроллер, Миротворец занялся изучением результатов.

- Деккер Де Во, - прочел он с экрана, - Вы - марсианин, не так ли? У нас здесь не так много марсиан.

- Надеюсь, что нет, - ответил Деккер.

Человек его однако не слушал. Выпустив амулет, он проговорил:

- Можете проходить. Идите прямо к главному входу и не покидайте дорожки. Кругом установки сигнализации и не стоит их активировать.

К кремовому безликому зданию вела длинная посыпанная гравием тропинка. Очевидно, в Колорадо немало людей нуждались в реабилитации, поскольку здание было поистине огромным. По меньшей мере, шесть

этажей, подумал Деккер, хотя в этом трудно было быть уверенным, поскольку в стенах заведения Деккер не различил ни одного окна. Когда его впустили, ему пришлось еще ждать около часа, прежде чем клерк снизошла до того, чтобы принять его.

- Ну, - кивнув, проговорила женщина, - он здесь. Болдон Де Во. Вы его сын?

- Да.

- Ну, будем надеяться, что дела у вас пойдут лучше, чем у вашего отца. Он был арестован, поскольку совершил акт насилия в баре под названием «Гриль бар у Розы» в Денвере. Осужден Пятым Муниципальным судом, судья Хармон; получил обычный неопределенный приговор.

Деккер нахмурился.

- Неопределенный? Что это значит?

Женщина пожала плечами.

- Это означает, что он останется здесь, пока не будет реабилитирован. Сколько бы на это ни ушло времени. Давайте посмотрим, это третье его дело...

Деккер сморгнул, отец ничего не говорил о том, что бывал под судом раньше.

- ... так что маловероятно, что он быстро выйдет отсюда. Могу сказать, что он останется в заведении по меньшей мере на три месяца, а скорее на шесть или даже восемь, если будет причинять какие-либо неприятности. Возможно, обойдется и без этого. Он не достанет здесь никакого алкоголя, а все выглядит так, как будто он умеет держать себя в руках, когда трезв. Полагаю, вы хотите повидать его.

- Да, за этим я сюда и приехал.

Клерк удивленно подняла бровь, но сказала лишь:

- Можете получить десятиминутную беседу в комнате для посетителей. Впрочем, не прямо сейчас. Проходящим реабилитацию не позволено покидать своих отсеков во время часов цикла, поэтому вам придется подождать его окончания. Это будет в половине седьмого.

- В половине седьмого?

- Вы ведь хотите увидеться с ним, разве не так? - а

потом, почти доброжелательно она добавила: - У его смены сейчас обед. Если хотите, можете взглянуть на них. Поднимитесь на два пролета до надписи «Столовая», но не ходите никуда больше, повсюду установки сигнализации. Там увидите смотровое окно.

Окно там было. На самом деле, это была целая смотровая галерея с зеркальным стеклом, позволяющим смотреть лишь в одну сторону на огромный обеденный зал. Около двадцати человек смотрели в зал. В основном это были посетители, такие как Деккер, но кроме них здесь стояло четверо охранников, которые о чем-то шутили, но при этом не спускали глаз с узников в ожидании нарушений.

За длинными деревянными столами на скамьях без спинок сидело, по меньшей мере, пятьсот узников. Если среди них и был Болдон Де Во, Деккер не смог отыскать его. Реабилитируемые отличались друг от друга: здесь были и старые, и молодые, мужчины и женщины, люди всех цветов кожи, - но почти все они казались одинаковыми по ту сторону одностороннего окна: молчаливые, с быстрыми движениями, со взглядами, никогда не покидающими тарелок. По резкому свистку все они встали и покинули комнату.

Именно тогда Деккер наконец узнал отца, когда тот встал, собираясь уходить. Хотя старик сутулился и хромал, он все же был намного выше остальных, чтобы выделяться в толпе, хотя, что Деккеру показалось неожиданным, здесь было еще трое или четверо марсиан. Болдон Де Во выглядел старым и больным.

Тут Миротворцы встали.

- Спектакль окончен, - сказал один из них. - Потопрапливайтесь, нам еще нужно здесь убратсья.

Казалось, каждый знает, что ему теперь делать. Посетители повернулись и направились к выходу, но Деккер задержался.

- Простите, - обратился он к Миротворцу, - я ожидаю свидания с отцом.

Миротворец смерил его холодным взглядом.

- Реабилитируемым запрещено покидать территорию до окончания цикла, - сказал он.

- Я это знаю.

Миротворец пожал плечами.

- Там есть помещение для посетителей. Этажом ниже, и не пытайтесь пойти куда-либо еще, кругом сигнализация.. Но он не сможет повидаться с вами до шести или около того.

- Это я тоже знаю, - сказал Деккер.

Большинство посетителей уже ушли, но пристроившись в хвост уходящей группы, Деккер увидел еще одну открытую дверь. Там со щетками и швабрами в руках ждали шесть мужчин и женщин в одежде реабилитируемых, головы их были опущены. Ни один из них не был его отцом.

- Уходите, - сказал Миротворец. - Они не могут войти сюда, пока все не вышли из помещения, а им еще нужно выполнить свою работу.

Помещение для посетителей свободно могло бы вместить в себя несколько дюжин человек, но единственным ожидающим в нем была пожилая женщина, поглощавшая свой ленч. Она три или четыре раза взглянула на Деккера, прежде чем сказать:

- Разве вы не принесли ничего поесть?

- Я не знал, что задержусь здесь так надолго.

- Они никогда не говорят ничего заранее, правда?

Она с минуту подумала, а потом предложила ему половинку сладкого рулета. Ценой за это оказалась беседа, но Деккер был счастлив расплатиться и этим. Женщина неплохо знала здешние порядки. Все эти люди, пришедшие сюда посмотреть на то, как заключенные едят? Они затем и пришли, чтобы посмотреть на своих близких, проходящих теперь реабилитацию. Каждый из заключенных ограничен одним свиданием в месяц, но все же хочется на них поглядеть время от времени, правда? Тот, с кем она собиралась повидаться сегодня, была ее

дочь, она сама все знает об этом месте - сама в молодости дважды здесь побывала. Здесь не так плохо. Хорошо здесь, правда, тоже не было, поскольку надзиратели все время пытались заставить тебя затеять ссору или по крайней мере, ответить грубостью - когда не выбрасывали все на пол или не расшвыривали стопку только что выстиранного белья, чтобы заставить вас делать все сначала. Но в основном, это можно было выдержать. И едва ли кто-нибудь оставался здесь больше года.

Закончив свой ленч, она подобрала крошки:

- Знаете ли, если я их не уберу, они заставят подбирать это их, - и сдвинула вместе два стула, устраиваясь спать.

Оставив тем самым Деккера наедине с его собственными мыслями. Но последние совсем ему не нравились, и потому неохотно он вытащил свой экран и углубился в планирование траекторий и анализ приземлений, в то время как комната вокруг него постепенно заполнялась... а его время куда-то утекало.

Когда Миротворец пролаял наконец его имя, его пропустили в крохотную каморку для посетителей, где уже сидел его отец, казавшийся, насколько мог судить Деккер, еще более старым и больным. Им предоставили два деревянных стула, поставленных на расстоянии полутора метров друг от друга, и касаться друг друга им было запрещено. В помещении не было надзирателя, который мог бы навязать им соблюдение этих правил, но в одну из стен было вставлено стекло, и Деккер не сомневался, что за ним кто-то есть.

- Здравствуй, папа, - сказал он. - Как ты?

Это был риторический вопрос. Глаза Болдона Де Во были красными, и он выглядел на годы старше самого себя сорок восемь часов назад. Он по-прежнему чихал, но все что он сказал, это:

- Ничего, - и остановился, предоставляя Деккеру выдумывать, что сказать еще.

Десять минут - не так много времени, но и теперь слишком мало имелось под рукой тем для беседы, чтобы

заполнить их все. В конце концов, что тут можно было сказать? Отец признавал, что был виновен в предосудительном поступке, за который его судили - на это ушло несколько секунд. А Деккер повторил, что продолжает заниматься, и говорить было почти что не о чем. Лишь расставание вернуло Деккеру дар речи.

- Слушай, - в отчаянии сказал он, - все не так плохо. Ты выйдешь отсюда через пару месяцев и позаботишься о здоровье. К тому времени я уже буду учиться, так что тебе не придется за меня беспокоиться.

- Конечно, Дек, - ответил отец.

- Я выдержу экзамен, обещаю.

Отец кивнул.

- И тогда ты сможешь вернуться в Найроби, убраться из этого холодного влажного климата...

- Точно.

Деккер покачал головой.

- Пап, я действительно беспокоюсь за тебя.

Отец с минуту молчал, а потом сказал:

- Я это знаю.

Оглянувшись по сторонам, он быстро подошел к сыну, обнял его и поцеловал в щеку. На прежнее место он вернулся, ухмыляясь.

- Это добавит дней десять к моему сроку, - сказал он, - но это того стоило.

20

На следующее утро по возвращении в меблированную комнату в Болотном Городе Деккера разбудил стук в дверь. Когда, одев на ноги браслеты, он прохромал к двери, за ней с видом обвинителя стоял Маркус Хэглэнд.

- Что это вы спите так поздно? - потребовал он ответа. - Где вы были вчера?

Объяснения Деккера Хэглэнда, казалось, одновременно разозлили и позабавили.

- Естественно, они его заперли, - сказал он. - Он -

марсианин, ведь так? Готов поспорить, что тот парень, с кем он дрался, был японцем или янки или еще какой-нибудь землянин, и уж будьте уверены, его-то не арестовали. Вам действительно стоит разуть глаза и посмотреть, что происходит, Де Во.

Деккер на это ничего не ответил. Прислонившись к панели отопления, он спросил:

- Хотите кофе?

- Почему бы и нет?

Но Хэглэнд внимательно наблюдал за ним и прежде, чем Деккер успел разлить кофе, сказал:

- Сначала лучше поговорим о деньгах. Вы должны мне за вчерашнее занятие, даже если вас тут не было. Я свое дело сделал, я пришел. Так что давайте рассчитаемся, прежде чем перейти ко дню сегодняшнему.

Это заявление застало Деккера врасплох.

- О, - сказал он, - хорошо. Я вижу, что вы имеете в виду. Но я ничего не могу поделать. На моем амулете осталось недостаточно куэс.

- Что?

- Ну, это ведь мой отец платил вам, не так ли? - смущенно сказал Деккер. - У меня было немного на всякий случай, но большую часть денег я потратил на поездку.

- О Господи! - фыркнул Маркус. - Как можно быть таким тупицей! Вы его видели? Разве вам не пришлось в голову заставить его перевести деньги на ваш счет?

- Я позабочусь об этом прямо сейчас, - пообещал Деккер.

- Да уж пожалуйста. Не забудьте о кофе, вам оно нужно больше чем мне. Завтра утром я приду за деньгами.

Проблема заключалась даже не в том, чтобы заплатить Хэглэнду за работу, сообразил Деккер, ему понадобятся деньги на еду. Поспешно одевшись, он направился на поиски банка отца.

Когда наконец он выяснил, где этот банк находится, ассистент менеджера был любезен, но толку от него оказалось мало.

- Видите ли, сложность заключается в том, что вашего отца здесь нет, и он не в состоянии засвидетельствовать изменение баланса, - объяснил он. - С ваших слов я понял, что он в реабилитации.

- Это так. Он в Пуэбло. Вот и вся проблема.

- Ну, права подлежащих реабилитации защищаются законом, - строго сказал ассистент. Возможно, вы - сын того самого Болдона Де Во, а возможно, и нет. Скорее всего, вы им являетесь. Нет, мистер Де Во, не пытайтесь это доказать. Не в этом дело. Какое это имеет значение, являетесь ли вы им или нет? Нам необходимо помнить, что вашему отцу, возможно, нежелательно, чтобы вы получали его кредитный баланс.

- Но у меня нет никаких других денег!

Ассистент соболезнующе пожал плечами:

- Если больше ничего... - предложил он.

- Но у меня не хватает даже на еду.

- Если бы вы могли получить нотариально заверенное заявление вашего отца...

- Ему не позволено ничего подобного! Я был у него, и он не может получить никаких больше свиданий до конца месяца.

- А судебное постановление?

- Как мне получить судебное постановление?

- Естественно, нанять адвоката. Это - довольно просто, - с удивлением сказал ему ассистент менеджера, однако он не мог объяснить, каким образом «нанять адвоката», не имея для этого денег.

Вернувшись в ставшую теперь вдвойне пустой комнату, Деккер был уверен, что есть какой-то способ, какое-нибудь общество помощи при найме или бесплатная юридическая служба для неимущих, хоть что-нибудь.

С другой стороны, ему не хотелось предпринимать ничего подобного. Это было равноценно просить Землю о милостыне, а он - марсианин. Марсиане сами разбираются со своими собственными проблемами, и сама мысль о том, чтобы выпрашивать помощь, заставила его почувствовать себя вывалившимся в грязи.

Во всяком случае, напомнил он себе, дело лишь в четырех днях до даты вступительного экзамена.

Деккер произвел подсчет своих ресурсов. Квартирная плата внесена до конца месяца. В холодильнике есть какие-то продукты - на четыре дня недостаточно, но поскольку из едоков остался только один, быть может, на первые два дня их хватит. И хотя поездка в Пуэбло нанесла смертельный урон его кредитному балансу, на амулете осталось еще несколько куэс - если он не будет обедаться.

То есть если он не станет обедаться и не будет тратить деньги ни на что, кроме еды, и если он будет достаточно осторожен, чтобы сэкономить деньги на проезд до входа в академию, и в особенности, если он откажется от услуг Маркуса. Это, в любом случае, следовало принять как данность. Плата Маркусу за один только день полностью обанкротит его. Один день, за который ему остались должны, оставался в глазах Маркуса такой потерей, что наставник сразу же отказался предоставлять свое время в обмен на оплату в будущем по выходу Болдона Де Во из реабилитационного заведения.

Таким образом Деккер сделал единственно возможное. Он заперся в маленькой комнатке и стал заниматься. Когда он испытывал голод, то пытался выбросить из головы мысли о еде. Иногда ему это удавалось.

К сожалению, как обнаружил Деккер, его стал мучить и другой все растущий голод.

С воскресного посещения поселка масаи и Шилы прошло немало времени.

Миротворец, принимавшая его в центре в Пуэбло, не показала ему тогда особенно привлекательной, но по каким-то причинам воспоминания о ее ногах, закинутых одна на другую, витали у него перед глазами, в то время как им следовало видеть только экран. Даже некоторых более полезных частей тела Шилы, хотя воспоминания Деккера о ней не были визуальными, поскольку в хижине было темно.

В мире так много женщин, размышлял он. Даже в этом

жестоком неприятном мире. Конечно, есть в нем где-нибудь одна женщина - быть может, даже здесь в Денвере, если бы только он знал, где ее искать, - которая не отказалась бы провести время в постели со здоровым и недурным с виду молодым марсианином?

Но не для марсианина без centa. Это были долгие четыре дня.

Когда тест был завершен, и ему сообщили, что он прошел и сможет переехать в общежитие академии на следующий день, Деккер поблагодарил наставников и ушел. Другие кандидаты танцевали от радости или погружались в мрачную депрессию. Деккер не стал разговаривать ни с одним из них.

Он не нуждался в сообщении о том, что прошел. Он понял это, как только увидел экзаменационные вопросы и утвердился в своем мнении, что они идентичны тем, что дал ему для работы отец.

21

Оживить мертвую планету - стоит немало. Это требует невероятной мобилизации талантов и ресурсов.

Сокровища здесь - физическое имущество, а оно довольно значительно: космические станции, корабли-корректировщики, транспорт, Аугенштейны, выводящие кометы с их орбит в Оортовом облаке и поставляющие их как восстановителей атмосферы на Марс и все прилагающиеся инструменты и механизмы контроля.

Человеческий фактор однако еще более важен, поскольку талантливых людей не только необходимо много, но и постоянно требуется пополнение. Для начала, в самом Оортовом облаке несут постоянную вахту несколько команд: шестьсот взрывателей и тех, кто работает с Аугенштейнами, плюс механики, контролеры, повара и врачи и прочий персонал, поддерживающий жизнь взрыва-

телей, то есть к членам основных команд следует прибавить еще двести пятьдесят человек. На каждой из Со-Марс станций еще по две сотни контролеров, плюс пятьдесят человек обслуживающего персонала, и то же самое на станциях каждой из орбит Марса. Таким образом общий состав персонала по проекту в любой данный момент насчитывает около тысячи восьмисот пятидесяти человек.

Конечно, это и в сравнение не идет с аппаратом корпорации. Тут и администраторы, и инструкторы и их помощники на базе в Денвере - их около пятисот. Тут и пилоты и команды грузовых кораблей, которые кормят космические станции, не говоря уже о десятках тысяч служащих поставщиков станции, тех, кто строит Аугенштейны и налаживает «змей» и все прочие механизмы и их части оборудования, поддерживающего работу станций. Корпорация «Оорт» - безусловно крупный работодатель.

Но именно в космос получают назначение выпускники ее академии, за вычетом команд, это составляет тысячу четыреста человек посменных операторов, плюс еще пять-шесть сотен операторов в отпусках или в пути к месту назначения или обратно. Все эти мужчины и женщины - почти две тысячи человек - проходят подготовку на базе в Денвере.

Как и те, кто приходит им на смену, операционные команды не вечны. Рано или поздно, они уходят на покой, или их отзывают, или они погибают. В среднем трудовая жизнь оператора - менее десяти лет, так что академия не устает поставлять пополнение. В месяц здесь готовят только пятнадцать или двадцать человек, не больше, чем необходимо.

Не больше, чем необходимо, и каждый из выпускников получает оплату в Бонах, что дает ему возможность принять участие в разделе будущих доходов от экспорта с планеты Марс... Когда бы ни начали поступать эти прибыли.

Учеба в академии по подготовке специалистов для проекта Оорт была тяжела и требовала огромного напряжения, но это все же была всего лишь школа, и к третьей неделе занятий Деккер Де Во начал чувствовать уверенность в своих видах на будущее. Не то, чтобы ему было не о чем волноваться. У землян произошла очередная суматоха в их обмене «ценными бумагами», и экраны новостей заполняла обычная смесь скандалов, забастовок, ожесточенных судебных процессов и политических оскорблений. Время от времени, на самом деле, гораздо чаще, чем просто случайно, - у него возникало неприятное ощущение, связанное с приемными экзаменами. И всегда к нему примешивалась мысль об отце, заточенном в Реабилитационном Заведении Колорадо.

И все же, учитывая все это, Деккер был почти счастлив.

Объективные факты оправдывали его радость выпавшей ему судьбе. Он находился там, где всегда хотел находиться, учился тому, что необходимо ему, чтобы служить родной планете. У него прекрасное место, где жить, приличная еда, и даже стипендия в пятьдесят куэс в неделю от корпорации «Оорт» на все те мелочи, которых он мог бы пожелать. И каждый час тренингов еще на шаг приближает его к тому, чтобы выйти в космос помогать вновь вернуть жизнь Марсу.

Конечно, этот торжественный день может для него так никогда и не настать. Как не настанет он для значительного числа его сокурсников. Деккер Де Во прекрасно сознавал возможность этого. Всем было известно, что в среднем по десять процентов студентов уходило после каждой из шести фаз курса, а то, что он за это время выучил из математики, без труда предоставляло ему возможность прикинуть, что это значит. А значило это, что статистически вероятно то, что половину студентов его курса выкинут до конца обучения.

Деккер Де Во просто решил, что он не войдет в число этих все возвращающихся десяти процентов.

На самом деле, непосредственная опасность ему не угрожала. Деккер профланировал через Первую фазу, поскольку этот этап не заключал в себе ничего, кроме повторения основ теории и идеологической обработки. Для Деккера повтор основ теории был просто отдыхом, - сказались все те часы занятий, с помощью полезных путешествий Болдона Де Во в Неизвестно-Куда. Идеологическая подготовка была отдыхом для всех, поскольку требовалось лишь присутствие на занятиях, во время которых их инструктор, худой сутулый мужчина по имени Сахад бен-Ясиф объяснял, как будто кто-нибудь в классе нуждался в объяснении, какой катастрофой грозит падение кометы в не положенном месте на Марсе или, упаси господи, ударит в космический корабль, или обитант, или, хотя, конечно, ничего подобного на самом деле произойти не может, не на ту планету.

В общем и целом, для Деккера Де Во Первая фаза была не более чем оплаченными каникулами. Его апартаменты были прямо скажем роскошными. Никогда за всю его жизнь у него не было такого жилья. Ему не только предоставили собственную спальню, но общую комнату для занятий и ванную ему пришлось делить только с одним человеком.

Конечно, это был землянин; из тридцати четырех учащихся на его курсе оказалось лишь еще трое марсиан. Но новый сосед Деккера, судя по всему, был неплохим парнем. Он принадлежал к тому виду землян, который они называли «японцами» - стройный, хорошо одетый, светский и ленивый парень со слабостью к позднему подъему и скотчу с одним кубиком льда. При первой их встрече, он сразу же протянул руку со словами:

- Привет. Я - Торо Танабе, и я не храплю. А ты?

И умолк, когда его взгляд упал на амулет из нержавеющей стали на груди Деккера. От удивления Танабе широко распахнул глаза и, покручивая в пальцах свой собственный - золотой - с некоторым смущением сказал:

- Ах, черт побери, деньги ведь это еще не все? Думаю, мы поладим.

Как выяснилось, они поладили. Очевидное богатство Танабе нисколько Деккера не беспокоило, а Деккер Де Во был в достаточной степени марсианином, чтобы не делать ничего, что могло бы побеспокоить Танабе. Для соседей они на удивление редко виделись, поскольку, когда Деккер не занимался в их общей комнате, он предпочитал сидеть у себя, а Танабе вообще редко бывал дома. Казалось, он никогда не утруждает себя учебой, а на уик-энд, когда студентам позволялось покидать базу ради развлечений Денвера, Танабе просто нигде не было видно.

И в самом деле, по первому впечатлению Деккера, его сокурсники казались вполне порядочным народом, и не последнюю роль в этом играло то, что среди них было не менее четырнадцати, по-видимому, свободных, но вполне привлекательных женщин.

Деккер отметил их присутствие, в особенности одной; по имени Крести Эмман, поскольку у нее не только были очаровательные рыжие волосы и симпатичное личико, но и сама она оказалась марсианкой. И все же он не тратил большей части своего времени на то, чтобы привлечь к себе одну из этих женщин, даже Крести Эмман, по крайней мере, поначалу. Они обменялись адресами - она была из маленького дема, который назывался Шиапарелли и находился на склоне Альба Петеры.

Пару раз они безнадежно пытались отыскать общих знакомых. Вот и все. Деккер на забыл сексуального голода, заполнявшего его мысли в последние несколько дней в Болотном Городе. Но Крести, казалось, в основном занимали занятия. Во всяком случае, голод перестал быть столь всеохватывающим теперь, как был тогда, когда, казалось, что нет никакой возможности отыскать партнера. Сексуальный голод никуда не исчез, однако стих до выносимого уровня в великом приключении найти себе наконец свое истинное место в мире.

О, мир Деккера отнюдь не был совершенным. Танабе

не упускал случая рассказать Деккеру, когда отец писал ему об этом из Осаки, что Боны на рынке снова упали. И оставались еще прочие мелкие тревоги, которые так никогда и не исчезали до конца. Но его жизнь и с ними виделась в розовом свете, и Деккер не сомневался, что ей предназначено становиться все лучше и лучше.

В последний день Первой фазы состоялся «окончательный» тест. Деккер проскочил его без малейших хлопот, как, ко всеобщему удивлению, и все остальные. Сахад бен-Ясиф только горестно покачивал головой:

- Это рекорд, заявил он. - Должно быть, я просто никудышный учитель, поскольку трое или четверо с курса обязательно вылетают на этом этапе. Вот что я вам скажу. Вы хороший курс, поэтому я предлагаю вам награду. Возвращайтесь после ленча, и мы отправимся на экскурсию.

У соседа Деккера зародились какие-то подозрения.

- А что это за экскурсия? - осведомился он.

Звали его Джей-Джон Бельстер, и он тоже был с Марса, но с тех пор, как покинул свою планету, стал совсем землянином и не особенно дружелюбным.

- Возвращайтесь и узнаете, - выходя из класса, ответил бен-Ясиф.

В столовой зарождались самые дикие домыслы.

- Он собирается отвести нас на дополнительное «тол-кай-ворчи»-занятие, - предположил один из студентов.

- Или тур по десяти лучшим публичным домам в Болотном Городе, - был другой вариант.

Джей-Джон Бельстер покачал головой.

- Что бы там ни было, пусть он оставит это при себе. У меня собственные планы на уик-энд. За неделю я достаточно рассмотрел на это место.

Но во всяком случае Бельстер после ленча явился в класс, как и Торо Танабе, хотя последний и ворчал на то,

что упустил шанс начать развлекаться пораньше. Когда все собрались в аудитории, появился бен-Ясиф.

- Хорошо, - приветствовал их он, - давайте посмотрим, насколько вы сообразительны. Как контроллеры на орбитальных станциях следят за новыми поступлениями?

Поднялись две руки, и инструктор указал на худенькую восточную женщину, что сидела к небу ближе всех. Это была Сяопин Йе.

- У них есть виртуалы солнечной системы, чтобы отслеживать продвижение комет. Комету проверяют каждые двенадцать часов, чтобы в случае необходимости произвести корректировочный взрыв.

- Верно, как вы выясните во время Четвертой фазы, если доберетесь до нее. Но здесь в академии не используются шлемы виртуалов, а что используется?

Голос с задней парты:

- Там на холме большой бункер.

- Верно. Мы используем его в тренинговых целях, так чтобы каждый мог увидеть, что делает учащийся, когда пришла его очередь. Именно туда мы и направляемся. Я получил разрешение отвести вас на экскурсию в секцию подготовки к операционному контролю.

Все оживились. Довольным выглядел даже Торо Танабе. По пути к огромному подъемнику, который должен был доставить их к вершине горы, бен-Ясиф добавил:

- Есть одно правило, которое вам обязательно следует запомнить: ни к чему не прикасайтесь. Второе правило: не заговаривайте ни с одним из операторов, если они первыми не заговорят с вами. Правило третье: не стойте ни у кого на дороге. Данные по комете поступают непосредственно из отчетов станций контроллеров, и все они самые, что ни на есть, настоящие. То, что вы увидите в бункере, и есть именно то, как ведут себя кометы в данный момент своего движения, и нам не хотелось бы, чтобы посетители напутали что-нибудь. Так что повторяю, ничего не трогать. Если кто-то нарушит это правило, тот сию минуту выле-

тит из академии. Только, - серьезно добавил он, - я сперва кое-что ему скажу.

В его словах Деккеру почудилась угроза непосредственного физического насилия, сколь бы она ни была неуловима. Но это было в духе Сахада бен-Ясифа. Некоторые студенты говорили, что бен-Ясиф был выслан из самого Оортова облака потому, что не прошел психологического теста по причине склонности к ссорам, так что возможно...

А потом история бен-Ясифа совершенно вылетела у Деккера из головы, поскольку подъемник остановился на уровне секции контроля, и тридцать человек его сокурсников сгрудились у входа.

Секция контроля располагалась в отличие от других учебных помещений комплекса не на одном, а на нескольких уровнях. Уровней было два: гигантское внутреннее пространство окружали балконы вдоль белых стен. Вдоль балконов помещалось по меньшей мере пятьдесят рабочих мест, каждое из которых было оснащено всеми инструментами, которые могут понадобиться оператору в его работе. Из них заняты были не более двадцати, а то, что занимало все внутреннее пространство было.... космосом.

Перед ними лежала раскинувшись Солнечная система.

Это была только модель, и не очень точная. Пропорции были нарушены, так как, если планеты - и в особенности, такие малые тела, как кометы - были бы указаны здесь в их правильном размере в сравнении с расстояниями между ними, в бесконечной пустоте Солнечной системы - они были бы просто невидимы. Но здесь было все, что имело бы значение. Светящийся оранжевый шар, размером со спелый грейпфрут висел в центре пространства; это было Солнце. Красные шары меньшего размера представляли собой планеты, вплоть до Нептуна. Плутона в бункере, естественно, не было. В помещении для него просто не хватило бы места, и, если бы Плутон представлял собой какую-нибудь проблему, что было

маловероятно, разбираться с ней пришлось бы тем, кто запускает кометы в самом Оортовом облаке. Каждая планета слабо мерцала, согласно собственному коду пульсации, так же вспыхивали и гасли луны и спутники. Деккер не мог прочесть эти коды, но, естественно, различал планеты - в конце концов, их в бункере было всего восемь. Пять белых ярких звезд, две крупные и три поменьше, и рядом друг с другом обозначали расположение контрольных станций. Крупные в опознавательном коде не нуждались - это были те, что делали орбиту Марса вокруг Солнца, и по местоположению их мог бы опознать даже новичок. Три станции на аэроцентрических орбитах Марса были кодированы, но коды не играли здесь особой роли. Не было особой необходимости отличать одну от другой, поскольку чрезвычайно плотный коммуникационный луч, направленный на одну из них, был бы принят всеми тремя. Наконец, - или почти наконец, - здесь вспыхивали сотни голубых огоньков, представляющих корабли, движущиеся в настоящее время в космосе, некоторые по внутренним орбитам планет, а один или два, судя по всему грузовые корабли, стрелились к Оортовому облаку.

И затем тут были предметы, ради которых все это и было затеяно: кометы.

Из-за комет создавалась в свое время корпорация «Оорт». Точки комет были окрашены в два цвета - пурпурный и желтый. В бункере их было сотни; и неслись они двумя гигантскими потоками. Деккеру не надо было говорить, какая из них была какой. Поток пурпурных точек состоял из комет, принципиально контролируемых Со-Марс станцией номер Один; они все еще падали из Оорта по орбите, огибающей Солнце. Желтые принадлежали Со-Марс Два, которая висела в шестидесяти градусах за Марсом; эти кометы завершали свой критический маневр прохождения по периферии и находились - с Божьей помощью! - на траектории пути навстречу с Марсом. И все время их продвижения их подстраивали операторы Со-Марс Два.

Конечно, на самом деле не было необходимости окрашивать кометы для идентификации. Как в случае всех основных планет, они идентифицировали сами себя просто по положению в бункере. Каждый предмет, не являющийся кометой, лежал близко к плоскости эклиптики, этого огромного диска неба, в котором вращались все планеты, луны и астероиды Солнца. Все, что не принадлежало к эклиптике, можно было считать кометой. Естественные кометы, которыми тысячи лет восхищалось все человечество, могли приходить из любого направления на небе, поскольку Оортово облако представляло собой сферическую оболочку вокруг всей солнечной системы. Те, которые до времени были вырваны из Оорта, чтобы восстановить Марс, являли собой особый случай. Они исходили из общей точки, где-то вокруг скопления Киты. Это был тот самый выделенный регион Оортова облака, где трудились, отбирая, обрабатывая и запуская кометы, взрыватели.

По мере того, как сокурсники Деккера заходили в помещение, бен-Ясиф жестами указывал им, куда проходить по нижней галерее, бормоча каждому, кто проходил мимо него:

- Рассредоточьтесь. Выберите контрольный пункт и встаньте за ним, но если кто-то за ним работает, не разговаривайте с этим человеком. И ни к чему не прикасайтесь.

Деккер обнаружил, что усмехается - ему внезапно вспомнилось, как в детстве он был на экскурсии в шахте и обходчик говорил ему то же самое.

А потом оказалось, что вместе с еще одним из сокурсников, которого звали Фец Мехдеви, он стоит за студентом пятой фазы, нервно изучающим панель управления. Казалось, ничего не происходит. Все студенты лениво сидели в креслах, большинство обернулось посмотреть на новоприбывших. Все они находились на нижнем ярусе, но Деккер уловил, как на верхнем что-то шевельнулось.

Когда все заняли свои места, к ним снова обратился бен-Ясиф:

- Помните, вас здесь только терпят, а потому никаких глупостей. Я не спускаю с вас глаз, и не я один.

Он кивнул инструктору пятой фазы, который заговорил в микрофон:

- Начинайте, Торрес. Ваша смена. Начинайте проверку.

Их курс пробыл в бункере не более получаса, когда инструктор пятой фазы зашептал что-то бен-Ясифу, и бен-Ясиф вывел всех из помещения.

Мало, думал Деккер Де Во, но просто чудесно! И каждую из них ведут к его родной планете, и каждая из них пусть самую малость, но приблизит Марс к обещанному раю.

Большая часть курса была так же возбуждена, как и он, и никто не спешил возвращаться в общежитие. Крести Эмман болтала о паре комет, 64-А4 и 65-ВК, которые как раз вступали в перигелий:

- Вот тот отрезок, что меня так пугает. Вот тут-то и можно все испортить.

А Джей-Джон Бельстер качал головой.

- Для этого и существует Со-Марс Два, - говорил он. - Если комета уйдет куда-нибудь от своей траектории, Два вернет ее в ее конверт.

Кто-то еще жаловался на взрывателей в Оорт.

- Видели эту малышку, 67-ЈУ? Она меньше километра в поперечнике. К чему тратить «змею» на нечто столь малое?

- И на перигелии с ней будут проблемы, - предсказывала Крести Эмман. - Слава богу, она пройдет прежде, чем я здесь закончу!

Все это были приятные разговоры, студенческая болтовня, и чуть ли не впервые Деккер почувствовал, что он член группы, которая могла бы быть почти что марсианской. Когда он наконец вернулся к себе, то не удивился

тому, что Торо оказался в их комнате раньше него. Торо как раз выходил из душа, собираясь одеваться.

- Ну, Де Во, - заявил, натягивая брюки его сосед, - как тебе это понравилось?

- Великолечно, - с энтузиазмом отозвался Деккер и ушел бы, если бы Танабе не протянул руку, чтобы задержать его.

- Скажу тебе, что мне в этом не понравилось, - сказал Торо. - Мне не понравилось, что эта психолог делала какие-то заметки о нас. Видел ее?

Деккер нахмурился.

- Психолог? О черт, - вспомнив, сказал он. - Роза Мак-Кьюн, так? На верхней галерее?

- Вот именно. Она наблюдала за всеми и каждым и делала пометки на своем экранчике.

- Думаю, я ее не узнал, - признался Деккер. - Я хочу сказать, в одежде. Во всяком случае, она наверное проверяет этих с пятой фазы, ты так не думаешь?

- Они всегда проверяют всех, - кисло сказал Танабе. - Остается надеяться, что ты не совершил какой-нибудь глупости, Де Во, потому что она вышвырнет тебя отсюда, как только захочет.

Тут он закончил застегивать рубашку, и вид у него был задумчивый.

- Впрочем, слишком поздно волноваться. А как насчет тебя, Де Во? Ты едешь в город на уик-энд?

- Не думаю.

- А, - понимающе проговорил Танабе и потрогал амулет, - ну может быть, в другой раз. А я жду не дождусь покинуть это место хотя бы на пару дней.

- А разве ты не собираешься сперва поесть?

- Это пошло?

Танабе передернуло, хотя Деккер не мог бы сказать, почему. Что касается его самого, пища была съедобна и изобильна.

- Нет, спасибо, - добавил Танабе.

- А как насчет «толкай-ворчи» сегодня вечером?

- Придется пропустить на этот раз, если я хочу сбежать

сегодня пораньше, - сказал Танабе, оглядывая себя в зеркале.

Он провел пару раз расческой по коротким, жестким, непослушным волосам и повернулся, чтобы уйти. Потом остановился и оглянулся на Деккера.

- Де Во? Знаешь, что я думаю об этой маленькой комете?

- О... 67-Ю, так? А что с ней?

- Есть у меня одно предчувствие, - с видом мудреца изрек Танабе. - Отец говорил мне как-то, что фермеры на обитантах хотят заполучить себе собственные кометы - знаешь, чтобы самим взорвать их для получения воды и газов и сэкономить на импорте с Земли. Готов поспорить на обед в Денвере, что корпорация пытается протащить несколько комет, предназначенных им.

Сегодня, после возбуждения от посещения учебного центра контроля, сносным показалось даже «толкай-ворчи»-занятие. Спеша туда, Деккер пребывал в отличном настроении.

Едва ли какому-нибудь марсианину могут понадобиться подобные тренинги, но марсиан не освобождали от этих занятий точно так же, как самых мрачных и подверженных депрессиям землян. И все же сплетни Танабе об обитантах оставили у Деккера слабый привкус атавистической потребности совершить что-то насильственное. Как они могут? Эти же кометы предназначены для Марса? Они оплачены Марсом - или по крайней мере, будут оплачены, когда проект по экопоэзису продвинется настолько, чтобы выращивать там урожай, и начнется неустрашимое экономическое рабство выплат по кредитам.

Его обычный на этих занятиях партнер был довольно крупным человеком - это был марсианин Бельстер. Но когда Деккер переоделся и направился туда, где ждал его марсианин, его остановил наставник:

- Новый партнер сегодня, Де Во, - сказал он. - Эмман

жалуется, что Вен Купферфельд слишком сильна для нее, поэтому мы даем ей другого партнера, тебя.

Это было достаточно приятной новостью, чтобы вернуть Деккеру хорошее расположение духа, поскольку он как раз подошел к той черте, чтобы желать поближе познакомиться с Крести Эмман. До сих пор все ограничивалось одним-двумя совместными завтраками, или сличением записей, поскольку Крести немного отставала от курса и не желала терять времени на свидания.

И все же осталось подумать и о партнере.

- А что скажет на это Бельстер? - спросил Деккер.

- А что он может сказать? Во всяком случае, Бельстер намного, гм, тяжелее тебя, так что он может взять другого партнера. В конце концов, он ведь уже давно на Земле, разве не так? Иди сюда, Эмман ждет.

Она действительно ждала. И неплохо выглядела в спортивном костюме, приятно высокая и худая, как и следует быть женщине, и эта падающая на лицо рыжая челка...

Когда они схватились в первом упражнении, заключавшемся в том, что необходимо повалить на мат соперника, выбив упертую в пол ногу, осязать ее было еще приятнее, чем на нее смотреть.

А потом, когда все оделись и курс направлялся назад в общежитие, совершенно естественно было, что они пошли вместе. Когда Деккер предложил выпить пива попозже вечером, Крести поджала губы, помедлила, а потом сказала:

- Почему бы и нет?

Так бы и случилось.

А помешал этому некий импульс в последнюю минуту. Выходя из их с Танабе блока Деккер остановился, чтобы проверить сообщения.

Сигнал сообщений не горел, но иногда Танабе забирал сообщения на свое имя и забывал снова включить систему для своего соседа.

Так было и на этот раз.

Деккера Де Во ждало одно единственное сообщение,

но ужасное. Лицо на экране принадлежало женщине в униформе Миротворца из Реабилитационного Заведения Колорадо, а сказала она, безлично будто читала биржевой курс: - Деккер Де Во, Реабилитационное Заведение Колорадо с прискорбием сообщает вам, что ваш отец Болдон Де Во скончался от респираторного заболевания и осложнения на сердце сегодня, в двенадцать часов двадцать минут.

Поскольку рабочие часы давно кончились, у Деккера ушло два часа двадцать минут на то, чтобы дозвониться до кого-нибудь в Реабилитационном Заведении Колорадо, способного ответить на его вопросы. И этот кто-то вовсе не был вдохновлен подобной идеей.

- Административный офис закрыт на уик-энд, - сказали Деккеру. - Если вы позвоните в девять утра в понедельник, - кто-нибудь рассмотрит ваш запрос.

- У меня, черт побери, нет никакого запроса! - оскалив зубы, бросил Деккер, - У меня черт побери требование! Я хочу знать, что случилось с моим отцом. Сейчас.

Это не сработало, не совсем сработало, потому что прошло еще пять минут, прежде, чем этот идиот понял, что хотел от него Деккер.

- Ну ладно, - сказал чиновник достаточно враждебно, но явно покоряясь судьбе, - я проверю базу данных. Вы сказали, Болдон Де Во? Подождите минутку.

Деккер ждал. И не одну минутку. Ждал он, как ему казалось целую вечность - впрочем недостаточно, чтобы гнев его прошел, но достаточно для того, чтобы загнать свои чувства в настолько отдаленный уголок сознания, чтобы иметь возможность мыслить связно о том, что ему предстоит сделать. Первой проблемой, которую предстояло решить, было время. Ему понадобится увольнительная. Вероятно, это принесет ему одни только неприятности, поскольку академия Оорт едва ли благожелательно отнесется к его отъезду с горы. И все же должны же быть какие-то исключения, позволяющие отпуск в чрезвычай-

ных обстоятельствах. А что делают земляне при организации похорон? Марсианские обычаи здесь не распространены. И сколько это будет стоить? И что с квартирой в Денвере? И что...

На экране появилось лицо чиновника.

- Да, - сказал он, изучая невидимый экран, - Болдон Де Во. Умер от респираторного заболевания с осложнением на сердце вчера утром в двенадцать часов двадцать минут. Если вы ничего больше...

- Подождите! Что мне следует делать, чтобы позаботились о теле?

Человек выглядел озадаченным.

- Теле?

- Теле моего отца, - взорвался Деккер. - Мне нужно организовать похороны.

- Но знаете ли, вам не нужно этого делать, - разумно ответил чиновник. - Не нужно ничего предпринимать. Были проделаны стандартные процедуры. Кремация состоялась в двенадцать часов тридцать минут, пепел уже уничтожен. Нет никакого тела.

И только через час после того, как Деккер повесил трубку, он вспомнил, что Крести Эмман ждет - или конечно, давно уже не ждет, - что он придет на свидание.

23

Тренинги Оорт не покрывают всего, что может оказаться необходимым. Прежде, чем кандидат будет допущен к вступительному экзамену на курсы подготовки, он - или в 47 процентах она - должен удовлетворять определенным условиям. А эти последние включают в себя три года курса колледжа по математике, два - газовой химии и хроматографии, три года физики, по меньшей мере один из которых должен быть посвящен ядерной физике с особым упором на процессы и продукты реакций антиматерии, и прочие курсы, которые бы предо-

ставили закончившему их научную степень бакалавра или ее эквивалент. И это еще не конец. Необходимо также иметь лицензию пилота, желательно, хотя и не обязательно, космического судна.

Сам курс подготовки рассчитан на двадцать четыре недели и разделен на шесть ступеней по четыре недели каждая. Первая фаза - обзор и ориентация. Вторая фаза - силовые установки и инструментарий антиматерии. Третья фаза - поимка и подготовка кометы. Четвертая фаза - планирование орбиты. Пятая фаза - контроль орбиты. И Шестая фаза - обзор и специализация - для тех, кто получает назначение на орбитальные спутники Марса, она включает дробление и контроль падения.

Но на этом подготовка не заканчивается. Это всего лишь то, чему возможно научиться в школе, а курс по мере своего продвижения становится все сложнее и сложнее.

Вторая фаза - вот где начинаются трудности. Работающим в Оорте обычно не приходится иметь дела с механикой Аугенштейнов. Просто, если им придется встретиться с неполадками и не окажется никого, кто мог бы их устранить, от них требуется быть действительно хорошими специалистами.

24

Вторая фаза была посвящена техническому оснащению. Началась она с практического курса по аварийному устранению неполадок в двигателе Аугенштейна, моторе, на котором работал маленький корабль-корректировщик в Оорте. И Деккер понял, что настали тяжелые времена. Это его не расстраивало. Чем тяжелее была работа, тем меньше времени у него оставалось на мысли о смерти отца, которого он потерял на столь долгое время и на столь короткое обрел вновь.

К третьему дню Второй фазы, когда под руководством инструктора они сняли оболочку своего Аугенштейна,

партнер Деккера засунул голову внутрь и вынырнул с выражением отчаяния на лице.

- Все эти части такие тяжелые, Де Во, - пожаловался он. - Я не понимаю, зачем нам делать эту грязную работу, когда достаточно понимать теорию.

- Корпорация думает иначе, - сообщил ему Деккер. - Подвинься. Дай взглянуть.

Но заглянув внутрь, он был просто поражен невероятной грудой компонентов. Конечно, Деккер знал теорию работы Аугенштейна. Впрочем, то, что он знал, было всего лишь теорией. Он никогда не видел настоящего двигателя и оказался совершенно не готов к лабиринту трубок и вместительной оболочке магнитного контейнера, который не давал всему механизму взрывом снести им головы.

Конечно, в классе ничего подобного произойти не могло, потому что это был не настоящий запущенный Аугенштейн. Ни у кого ни на Земле, ни на Марсе не было настоящей антиматерии, за исключением, быть может, мельчайших ее количеств в исследовательских лабораториях. Никто не был настолько безрассуден, поскольку антиматерия не остается оной, когда вокруг столько материи обычной, с которой она может вступить в реакцию, и никому не хотелось бы оказаться поблизости, когда эта реакция произойдет. В мастерской на самом деле находились муляжи двигателей. Их было около пятнадцати штук, чтобы хватило на всех в классе, и каждый из них был размером с гидрокар.

Поскольку топлива в них не было, запустить их было невозможно, но что касается механизма, они пребывали в полном порядке и представляли собой огромные тяжеленные агрегаты, в которые, если сорвать пломбу, спокойно можно войти, не нагибая головы. На Земле это само по себе было достаточно тяжелой работой, так как в условиях гравитации необходимы рычаги и домкраты, чтобы поднимать пятисоткилограммовые детали и убирать их с дороги.

От учащихся требовалось разобрать Аугенштейн и

собрать его заново. В космосе домкраты бы не понадобились. С другой стороны, никому не пришлось проделывать нечто подобное на практике, ни в космическом пространстве, ни где-либо еще. Каждый, кто попытался бы разобрать действующий Аугенштейн, вскоре умер бы от радиации. Впрочем, смысл этих тренировок заключался в том, чтобы знать, как работают детали, просто на тот случай, если откажет какой-нибудь компонент - что на практике, к счастью, маловероятно - и случайно окажется так, что его возможно починить - что уже чистая фантазия.

Это была тяжелая грязная работа, и ничто в предыдущем опыте не подготовило Деккера к такому труду в условиях земной гравитации. Впрочем, он оказался подготовлен к ней даже лучше, чем напарник, назначенный ему инструктором Второй фазы. Деккеру в его жизни хотя бы приходилось выполнять тяжелую работу - что было вполне естественно: он же марсианин. Фец Мехдеви, очевидно, с ней никогда не сталкивался. Насколько мог понять Деккер, этот человек никогда не утруждал себя чем-либо более утомительным, чем протянуть руку, чтобы нажать на кнопку запуска механизма, и то нечас 'о.

- Для этого, - стонал Мехдеви, посасывая костяшку пальца, которую только что ободрал о край трубки, - мы в Тегеране нанимаем механиков.

- А ваши механики способны справиться с системой магнетических контейнеров?

- А кто-нибудь может?

Мехдеви с тоской оглядел сваленные детали.

- Это, должно быть, опасно, - пожаловался он. - Посмотри, насколько это непрочно. Без магнетического контейнера антима́терия, конечно же, коснулась бы стенок сосуда и взорвалась. И при этом, если Аугенштейн не подключен, то неоткуда взяться энергии, чтобы запустить магниты.

- Вот почему им придают дополнительную энергию, - сказал Деккер, вглядываясь в нагромождение остывающих элементов.

- А что если все это рухнет? - с отвращением поглядев на сооружение, Мехдеви взмолился: - Разбери эти трубки, Де Во, пожалуйста. Я поранился.

Вот так Деккер, несмотря на ограничения своего марсианского телосложения, выполнял большую часть до тоски тяжелой работы, пока демонтировал этот ненавистный грязный механизм, а потом собирал его снова. Добравшись этим вечером до своей комнаты, он чувствовал себя слишком усталым, чтобы волноваться о чем-то еще.

Что, на самом деле, вовсе не избавляло его от беспокойства.

Ночь за ночью, слушая слабое похрапывание, а иногда и ворчание и стоны, доносящиеся из комнаты Торо Танабе, Деккер Де Во лежал в постели и думал. До сих пор Деккеру никогда не приходилось сталкиваться с бессонницей. На Марсе просто не было такой проблемы. Деккеру это не нравилось. Ему не нравилась черная депрессия, которая наваливалась на него, когда он задумывался о последних днях отца, запертого в обесчеловечивающих стенах Реабилитационного Заведения Колорадо, или, если уж быть точным, о последних годах отца, одолеваемого болью инвалида без будущего, когда-то отважного первопроходца Оорта.

Фец Мехдеви, по меньшей мере, предложил свои соболезнования потере Деккера - это была основная причина, почему Деккер не попросил о замене партнера - но, казалось, что всем остальным в классе совершенно было все равно. Конечно, он тут же передал сообщение о смерти Болдона Де Во матери, но все что Герти Де Во могла сказать в своем обратном сообщении - только звуковым, никакого изображения, - было:

- Жаль, Дек. Думаю, важно запомнить, что он сделал все, что мог.

Это было более краткое и безличное сообщение, чем ожидал Деккер. Ему не пришло в голову, что матери не хочется, чтобы сын видел ее плачущей. Он согласился, что да, жаль. Но похоже в этом мире истощились запасы

жалости, чтобы их хватило еще и на трагедии и неудачи Болдона Де Во.

Впрочем, была в его жизни еще одна проблема, из-за которой не было смысла более волноваться. Звалась она Крести Эмман. Крести перестала фигурировать в видах Деккера на будущее. Она не сердилась на то, что ее заставили ждать, по крайней мере, не сердилась после того, как Деккер объяснил, что случилось. С другой стороны, прощение Крести перестало иметь какое бы то ни было значение. Пометки психолога в секции контроля имели свои последствия. Крести зачем-то поймали, и никто не знал зачем. На следующее утро на экранах каждого из апартаментов появился советник корпорации, чтобы сказать, что трое из сокурсников Деккера, включая Крести, отчислены за «недостаточное прилежание». Число курсантов сократилось до тридцати одного, а Крести Эмман отошла в историю.

Что удивительно, Торо Танабе остался.

Несмотря на тот факт, что Деккер никогда не видел, чтобы тот занимался, Деккер был просто изумлен, когда узнал, что на самом деле японец вышел на второе место на курсе, на полдюжины впереди собственной, вполне respectable, но не блестящей восьмой позиции марсианина.

- Как, черт побери, тебе это удастся? - однажды вечером поинтересовался Деккер, растирая мускулы, которые ныли после перетаскивания по мастерской стокилограммовых деталей в течение всего дня.

Танабе выглядел удивленным.

- Что ты имеешь в виду? Мои отметки? О, Первая фаза - это, пожалуй, результат хорошего образования. Я заметил, что ты сам недурно прошел, Де Во.

- Это была теория. Но я говорю о том, что мы делаем сейчас. Аугенштейн. Твоя команда сегодня прошла проверку контейнера вдвое быстрее моей.

Танабе только развел руками.

- Но и это тоже не более, чем тренировка и практика, Де Во. Конечно, вся эта часть программы - сплошная глупость. Если хоть что-нибудь случится с двигателем в открытом космосе, когда ты или я будем в корабле-корректировщике за десять - двадцать миллионов километров от базы, мы не станем его ремонтировать. Мы просто умрем. Но когда мы осознали, что это необходимая составляющая курса, мы с отцом договорились об особом инструктаже.

- А откуда ты знал? - спросил Деккер, а потом остановился.

По лицу Танабе пробежало облачко, и Деккер вспомнил интересный факт, что его отец откуда-то заранее знал, какими именно будут вопросы вступительного экзамена.

- Я хотел сказать, - поправился он, - что ты имел в виду под «договорились»? У вас ведь не могло быть Аугенштейна, чтобы на нем практиковаться?

- Но он у меня был, - улыбнулся Танабе. - Деловые интересы моего отца включают космические предприятия. По причине этого удачного обстоятельства он смог снабдить меня муляжом, очень похожим на те, что находятся в нашей мастерской, а также техником, который помог мне учиться. Правда, - с сожалением добавил он, - отец не одобрил моего решения учиться здесь. К сожалению, отец больше не придерживается мнения, что проект Оорт экономически состоятелен. И все же, раз мне удалось убедить его, что подготовка по этой программе это то, что мне нужно, и он дал свое разрешение на это, он помогал мне как мог.

Закончив шнуровать ковбойские ботинки, Танабе встал.

- Конечно, - добавил он, - твоя команда добилась бы большего, если бы твоим напарником был не этот Мехдеви.

Деккер ничего на это не ответил. Дело не в том, что он не желал с этим соглашаться, но просто испытывал

некую лояльность к своему партнеру. Танабе не настаивал. Он обернулся на свое отражение в настенном зеркале.

- Ну, - солнечно сказал он, - пора, как вы говорите, пропустить пару кружек пива. Не хочешь ли присоединиться ко мне?

Деккер, который никогда в жизни ни о чем не говорил «пропустить», покачал головой.

- Завтра тест, - напомнил он.

- Конечно, - согласился Танабе. - Тогда учись прилежно, Де Во. Увидимся.

Все эти физические упражнения вкупе с инъекциями изменили тело Деккера Де Во. Он не нуждался более в полистероидах; утолщаясь и усиливаясь. Его мускулы реагировали на земную гравитацию, пока ему не перестало казаться, что он носит на закорках еще одного человека. Вливания кальция повысили плотность костей, ему не под силу было бы соревноваться на «толкай-ворчи»-занятиях с более крупными и сильными землянами-мужчинами, но браслеты-опоры он давно забросил.

После того, как он достиг этого уровня, прогулки просто ради прогулок снова стали удовольствием. И гораздо интереснее. Если погода была хорошей, Деккер позволял себе отдыхать, прогуливаясь по склону горы между многочисленными зданиями центра «Оорт».

Это было приятное место, больше, чем осознавал это Деккер, напоминающее кампус колледжа - впрочем он никогда до того не видел земного колледжа. Здания различной величины, изначально предназначенные для самых различных целей, были по мере разрастания проекта приспособлены корпорацией под свои собственные нужды, а параллельно с этим возводились здания особого назначения. Его собственное общежитие, как выяснилось, изначально строилось как санаторий для больных легочными заболеваниями. Административное здание было когда-то роскошным курортным отелем, и от прежних времен там остались плавательные бассейны и теннисные корты, с которых все и начиналось. Центральная аудитория начала свою жизнь как «кинотеатр», чтобы

это там ни было. Дальше по склону горы, ниже аудиторий, мастерских и офисов рассыпалась горстка жилых домов и других мелких отелей, хотя ни один из них не остался более «частным». Теперь в них проживали служащие сектора администрации корпорации и ассистенты учебного центра. Так чертовски много служащих, с горечью указал как-то Джей-Джон Бельстер - и оклады каждому из них выплачиваются из денег, собранных Бонами, которые рано или поздно придется выплачивать Марсу.

На вершине горы, хотя вне пределов видимости, находилась сама действующая штаб-квартира корпорации. Конечно, снаружи ее не было видно. Все помещения не только были новыми, но и находились под землей - по причине страха богатеньких землян перед толпами и демонстрациями. Вершину горы венчал венок коммуникационных антенн, одна гигантская всегда была ориентирована на юго-восток, чтобы поддерживать на конце Небесного Крюка геостатический спутник, висящий над западным побережьем Южной Америки, а другая, поменьше, в несколько метров в поперечнике, представляла собой специальную антенну, отслеживающую дюжины специализированных спутников корпорации «Оорт».

И повсюду, во всех направлениях утешением для глаз вставали прекрасные пики Скалистых Гор. В самих по себе горах для человека, всю свою жизнь прожившего на склоне Олимпус Монс, нет ничего, но эти были великолепно зелеными и иногда даже покрыты захватывающими снежными шапками. Деккер Де Во просто наслаждался их видом.

Когда появились результаты тестов по теории Аугенштейна и антиматерии, Деккеру удалось перебраться на более высокую пятую позицию в списке. Но номером первым по-прежнему оставалась все та же женщина с Земли, некая Вен Купферфельд, а сразу за ней шел Торо Танабе, крепко держась за второе место на курсе.

Возможно, мрачно думал Деккер, выключая экран, что конкретно этот землянин просто гораздо умнее его.

Эта мысль ему не понравилась. Впрочем, много времени на копание в этом вопросе у него не оставалось. Курс перешел к темам, касающимся технического обслуживания самих кораблей-корректировщиков и уходу за вставным скафандром, в котором взрывателю приходилось жить в Оорте по двадцать дней, а то и по месяцу.

Когда прошедшие испытания тестами перебрались в мастерскую скафандров, то обнаружили в ней шесть настоящих скафандров кораблей-корректировщиков, которые были развешаны по комнате в ожидании студентов. Выглядели они при этом, как полдюжины безголовых манекенов из витрины магазина для толстяков. Костюмы имелись шести различных размеров, причем каждый из них был слишком короток для взрослого марсианина. Старые пары распались по размерам.

- Проклятые земляне, - ругнулся Деккеру в ухо Джей-Джон Бельстер. (Как раз составлялись группы, в группе Деккера, которой выдали самый длинный скафандр, оказалось два оставшихся марсианина и трое наиболее художавых и высоких землян.)

- Могли бы завести приличный скафандр, но им здесь плевать на марсиан.

Деккер ничего не ответил, потому что на стул взобрался инструктор мастерской, чтобы обратиться к классу. Женщина была Деккеру незнакома. Это была «европейская» землянка, по имени Лизелотта Дерч, и она была намного старше всех находящихся в комнате. Волосы у нее были седыми, голос хрипловатым, а лицо бороздили многочисленные морщины.

- Не трогайте скафандров без моих указаний, - приказала она. - И не жалуйтесь, если, когда вы их примерите, они вам не подойдут. Я уже знаю, что они не подойдут. Если вы и в самом деле получите направление в Оорт, вы получите именной скафандр, сработанный под ваше собственное тело. И это не потому, что к вам пытаются подольститься. Это потому, что вам придется неделями жить в этом скафандре. Когда вы вылетите в космос на корабле-корректировщике, вы и плевать и мочиться

будете в этот скафандр, возможно, кто-то из вас, мальчики, решит даже попытаться мастурбировать в нем, однако, должна вас сразу предупредить, это не пройдет. Перед вылетом с базы вы подвергнетесь катетеру, а если, находясь в скафандре, вы все же дадите волю себе и своей эрекции, будет больно.

- Единственной функцией скафандра, - продолжала она, рассказывая то, что они уже знали, - действовать как прокладка между крохотным, почти пустым кораблем-корректировщиком и человеческим телом. Скафандр не даст им умереть. Он станет кормить их, подавать им воздух и избавляться от выделений; вспомогательные механизмы будут вытягивать из этих выделений воду, и возвращать ее для питья. Только для питья.

- Пить - это все, для чего вам необходима вода, - сказала она, - потому, что вам не удастся вымыть что-либо или употребить ее на что-то еще. Естественно, к тому времени, когда вы вернетесь на базу, от вас будет безбожно вонять, но, черт побери, вы же знали, на что шли.

Она бросила им вызывающий взгляд, как будто ожидая протестов. Однако голоса никто не подал, потому она продолжала:

- Теперь, по одному человеку в каждой группе, раздевайтесь и забирайтесь в скафандр. Контрольные механизмы отключены, но тем не менее не касайтесь их и не надевайте шлемов. Де Во? Кто из вас Де Во? Хорошо, Де Во, оставь свою группу и подойди на минутку сюда.

С удивлением Деккер послушался. Дерч сперва на него не смотрела, она наблюдала за тем, как спорят группы, кто из них пойдет первым. Когда наконец добровольцы стали раздеваться, она перевела взгляд на Деккера.

- Тебя зовут Де Во. Ты не родственник Болдону Де Во?

- Это мой отец, - ответил Деккер. - Он недавно умер.

Она кивнула, как будто печальная новость ничуть не удивила ее.

- Я что-то слышала об этом. Плохо. Знаешь, он и вправду попал в ужасную передрыгу, - сказала она, как будто существовала такая возможность, что Деккер не знал о состоянии своего отца. - Я знала его в Оорте. Умный человек, он мне нравился. И хороший пилот, хотя никак не мог обойтись без допинга. Надеюсь, ты не пойдешь по его стопам.

- Перед тем как вы отправитесь отслеживать кометы в Оортовом облаке, - сообщила им Лизелотта Дерч, - в скафандр вам помогут втиснуться натренированные профессионалы, и они позаботятся об установке подводящих питание трубок ко всем жизненно важным частям вашего организма, проверке малейших складок в ткани и приспособлении скафандра к вашему телу перед каждым вылетом.

Вот как это будет в Оорте. На тренировке все было несколько иначе. Во время тренировки требуется просто раздеться до белья и стоять спокойно, пока ваши товарищи натягивают на вас костюм и делают все, что в их силах, чтобы его застегнуть.

- На самом деле, - продолжала инструктор, - необходимо помнить, что на вас не только скафандр, но и весь корабль.

Что правда, то правда, судя по ощущениям, это и был целый корабль. Когда Деккера заключили в плотную оболочку, пытаясь при этом его чуть сплюснуть, чтобы втиснуть его тело в пространство на добрый десяток меньшее, чем следовало, он чувствовал себя беспомощной куклой. Трудно было пошевелиться, но ведь в настоящем корабле едва ли придется вообще двигать конечностями. Заостренные контрольные трубки, которые в космосе будут введены в тело, теперь болезненно впивались в кожу. Вся эта конструкция, казалось, весила не одну - сотню килограммов или даже больше, и Деккеру приходилось прилагать все усилия, чтобы удержаться на ногах.

Но если другим удавалось справиться, справится и Деккер. А кроме того, для Деккера Де Во заключался в этом и его личный вызов. Как напомнила ему инструктор, его отец очень давно и миллионы километров отсюда носил именно такой скафандр.

Так что Деккер оттолкнул поддерживающие его руки и выпрямился.

- Готов, - сказал он.

И когда Лизелотта Дерч отдала приказ, Джей-Джон Бельстер поднял шлем и надел его ему на голову. Потребовались усилия всей группы, чтобы установить шлем в надлежащее положение и подсоединить провода.

На какую-то минуту Деккер оказался в полной темноте. Это было нечто совсем иное, чем надеть жаропонижающий скафандр, чтобы побродить по холмам вокруг Сагдаева. Этот скафандр был гораздо тяжелее и гораздо больше стеснял движения, и воздуха явно не хватало. На какое-то мгновение его охватила паника. Потом внутрь прорвался воздух из системы подачи, и он почувствовал, как по его лицу пробежал мягкий освежающий ветерок.

А чуть позже включились заранее записанные виртуалы.

Он больше не был большим. По-прежнему, куда бы он ни посмотрел, его окружала тьма, но эта тьма была усеяна целой вселенной звезд - ярких и тусклых, бриллиантово-белых или светящихся голубым, желтым, красным. Это был лишь частичный виртуал, отсутствовали звук и, естественно, запах или осязание - но в пустоте Оорта нет никаких внешних звуков. Впрочем, это было неважно. Вполне хватало зрения. Деккер видел то, что видели глаза его корабля или, по крайней мере, то, что увидел бы в Оорте корабль-корректировщик. Звезды, которые окружали его, куда бы он ни повернул голову, конечно, не были настоящими. Это лишь спектакль, который когда-то какой-то корабль наблюдал, записал, а теперь его репродуцировали на занятиях. Но звезды были просто чудесны. Он там.

Из раздумий его вывел голос Лизелотты Дерч, которая шепнула ему в ухо:

- Все в порядке? Воздух поступает?
- В порядке, - ответил Деккер.
- Тогда начинай упражнения, - приказала она.

Деккер принялся за дело, следуя списку процедур. Его пальцы нашли панель управления, которая контролировала движения корабля, и перед его глазами возникли данные с инструментов: уровень топлива, ускорение, данные проверки функций всех частей его воображаемого «корабля». Еще прикосновение, и радары сообщили расстояние до ближайших движущихся по орбитам комет - по меньшей мере, в несколько миллионов километров, так как Оорт очень тонкое облако. Прикосновение - и избранная комета подскочила ближе. Серая бугристая картофелина, без малейшего признака огромного светящегося хвоста, который разовьется, если он, Деккер, решит вырвать ее с орбиты, обработать инструментами и отправить обогащать атмосферу Марса.

На пребывание в скафандре ему отвели только десять минут. Мало, но вылезая, Деккер счастливо ухмылялся. Следующей в его группе была женщина, та самая умная - а также, по-земному, очень красивая - блондинка, которую звали Вен Купферфельд. Она бросила на Деккера странный взгляд, потом улыбнулась и стала раздеваться.

- У тебя довольный вид, - сказала она.

Деккер не ответил, на лице его по-прежнему сияла улыбка, и такого ответа было вполне достаточно. Джей-Джон Бельстер и другой из команды помогли ему стянуть скафандр с ног и готовили его для женщины, на которой теперь не осталось ничего, кроме яркой расцветки скудного белья.

- Это - лучшая часть, - пробормотал Бельстер Деккеру, пока они смотрели, как она готовится войти в скафандр. - Я бы не отказался от кусочка.

Деккер неопределенно хмыкнул, хотя вполне разделял подобное настроение. Белье Вен Купферфельд не

только было весьма незначительно, но к тому же еще и прозрачно. Для землянки она была очень высокой и худой, что в глазах Деккера Де Во делало ее еще более привлекательной. Когда она была уже в скафандре и спектакль на какое-то время окончился, Деккер и Бельстер вместе подняли шлем со всеми его проводами и трубками подачи воздуха и питания и подождали, пока остальные члены группы затянут пресловутый скафандр.

Деккер поискал глазами инструктора. Лизелотта Дерч стояла возле своей лекторской кафедры, разговаривая с еще одной женщиной, которая показалась Деккеру смутно знакомой.

- Бельстер? - спросил он марсианина. - Ты не знаешь, кто эта женщина?

Бельстер посмотрел в сторону двери, но женщина уже поворачивалась уходить.

- Не могу сказать, - ответил он. - Скорее всего, тоже инструктор. Но послушай, Де Во, я все собирался спросить тебя. Старая госпожа Дерч сказала, что знала твоего отца в Оорте?

Деккер кивнул.

- Ну, тебе чертовски повезло. Думаю, время от времени тебе удастся получать немного помощи.

- Мой отец дал мне все, что мог, Бельстер, - сказал Деккер. - Много лет назад он получил увечье в Оорте и умер от него несколько недель назад.

Странно, но марсианин ничуть не удивился. Он сказал только:

- Ну, я не имел в виду помощь именно от твоего отца, но теперь, когда ты об этом упомянул, думаю, я об этом что-то слышал. Проклятые земляне просто оставили его гнить?

Деккер пожал плечами, а Бельстер проницательно кивнул.

- Проклятые земляне, - повторил он. - Плевать им на Марс. Все это затеяно только для того, чтобы они могли выдоить нас до капли, а теперь они поговаривают о том, чтобы свернуть весь проект.

- Они не могут этого сделать, - с убеждением проговорил Деккер.

- Могут, если мы ничего не предпримем.

Деккер взглянул на него с удивлением.

- У них нет права, - убежденно сказал он.

Бельстер, казалось, вполне одобрил такое суждение.

- Молодчина, - сказал он. - Слушай, Купферфельд готова для шлема. Давай подадим ей руку - только не помни ее красивые волосы.

Деккер на самом деле более, чем протянул руку Вен Купферфельд на «толкай-ворчи»-занятии этим вечером. Скорее у него появилась возможность сделать ей основательный массаж. Когда он входил в комнату, к нему подскочил худенький коротышка Фец Мехдеви.

- Пожалуйста, - сказал он, - ты не смог бы быть моим партнером сегодня вечером?

- Но у меня уже есть партнер для снятия стресса, Мехдеви.

- У меня тоже, но она решила, что я слишком слаб для нее, так что она поговорила о замене. Она... но вот она идет, она сама скажет тебе.

Эта «она» оказалась Вен Купферфельд, ожидающая Деккера с широкой улыбкой на губах.

- Забудь его, Мехдеви, - сказала она. - Я сама его испробую. Пойди поищи кого-нибудь другого.

Деккер как никогда наслаждался занятием по снятию стресса, хотя стрессы, от которых оно освобождало, безусловно перевешивали те, что оно создавало. Спортивный костюм Вен не был столь прозрачным, как ее белье, но однакоставлял напоказ достаточно тела, и когда они боролись, Деккер не раз имел возможность к нему прикоснуться.

Это было удовольствие, но не без ложки дегтя. Само собой разумеется, что марсианин, такой как Деккер, как бы хорошо он ни приспособился к инъекциям и упраж-

нениям, никогда не станет достаточно сильным, чтобы бороться со студентом-землянином, за исключением, быть может, таких невысоких и нетренированных людей, как Фец Мехдеви. Деккер же начал задавать себе вопрос, достаточно ли он сильный партнер для Вен Купферфельд. Дело было даже не в том, что его полистероидные мускулы были не столь крепки, как мускулы землянки. Проблема заключалась в скелете. Когда он попытался перебросить ее отчаянно сопротивляющееся тело на мат, он подумал: не сломается ли какая-нибудь хлипкая марсианская косточка.

Но обошлось без катастроф, и пока они шли к душевым, Вен, тяжело дыша, усмехалась.

- Хорошо поработали, Де Во, - сказала она. - Слышала, перед тем, как приехать сюда, ты был в Кении.

Деккер уже перестал удивляться, что, похоже, все на курсе знают о нем даже больше, чем он сам.

- Точно, Вен.

- Великолепное место, - объявила она. - Я сама там однажды была много лет назад. Ты видел стада для охоты?

- Некоторые. У родителей моего друга ферма в Маре.

- Танзания лучше. О, черт, Танзания просто чудесна. Мой дед возил меня туда, когда мне было пятнадцать, и мы видели всех этих слонов, и львов, и жирафов - и все они бегают на свободе и убивают прямо у тебя на глазах.

Деккеру никогда не приходило в голову, что убийство - зрелищный вид спорта. Так он и сказал, а Вен снова в ответ усмехнулась.

- Все зависит от того, кто убивает, а кто оказывается убит, не так ли? Пожалуй, стоит как-нибудь встретиться и обсудить это.

Что-то внутри Деккера пело и кричало от радости и триумфа, но он старался не подавать виду.

- Я не против, - сказал он. - Когда?

- О, - отозвалась она, - скоро. Послушай, Де Во, я слышала о твоём отце, мне действительно очень жаль.

- Спасибо.

С минуту девушка внимательно изучала его.

- Многие из вас, марсиан, винят нас - как вы нас называете? Грязевиками?- грязевиков, в подобных вещах. Я хочу сказать, вроде того, что стряслось с твоим отцом. Я хочу сказать, я рада, что ты не такой.

А поскольку Деккер отнюдь не был уверен в том факте, что он не винит грязевиков, он почувствовал, как у него сжимается горло. «Может быть, это гнев?» - подумал он. Или он проводит столько времени с землянами, что сам становится таким, как они.

И понимая, что ощущение неверно, не смог удержать-ся, чтобы не сказать резко:

- А что заставляет тебя думать, что не виню?

Она не обиделась, а только кивнула, как будто такой ответ не только естественен, но и в какой-то степени даже единственно верен. Поворачивая к женским душевым, она сказала:

- Не забудь, когда-нибудь мы поговорим.

Голова Деккера тут же остыла, и он окликнул ее:

- Неделя кончается, быть может, на уик-энд? Скажем, в субботу?

Она задержалась ровно настолько, чтобы улыбнуться ему через плечо.

- Только не в эту субботу, я уезжаю на уик-энд. Но скоро, Деккер. Нам о многом нужно поговорить.

25

Уик-энды были для Деккера Де Во островком тишины. Половина студентов куда-то исчезали, в основном по барам Денвера, а остальные отчаянно занимались, стараясь нагнать курс. Деккер относился к тем, кто учился, но не особенно отчаянно: следующая часть Второй фазы посвящалась коммуникационным приборам, тем самым, какие им придется использовать в кораблях-корректировщиках или, коль уж на то пошло, повсюду в контрольной системе проекта Оорт. Деккеру не требовалось особен-

но зубрить этот материал - в конце концов, сходные комсеты применялась на дирижаблях Марса.

А потому он позволил себе передышку не для того, чтобы заняться чем-то конкретным, на самом деле для того, чтобы вообще ничего не делать, или, по крайней мере, возможно ближе к ничего, как это вообще может удастся здоровому активному марсианину. Он смотрел сводки новостей, пока они не стали вызывать у него отвращение: забастовщики в Халистане сдались, но теперь какие-то неприятности возникли в месте под названием Бразилия. И рынок вновь стал нестабилен. Деккер гулял по кампусу, закаляя ноги и вдыхая сладкий горный воздух: растет чудесная трава, чудесные цветы. Даже чудесные насекомые, перелетающие с цветка на цветок - это место полно жизни. Он болтал с сокурсниками, остававшимися в кампусе, за неспешными обедами и ужинами в столовой. Написал длинное, теплое письмо матери. Дремал и спал допоздна, слушал музыку - вообще, радовался жизни.

Все заботы отлетели куда-то далеко на этот уик-энд от Деккера Де Во. Вен Купферфельд предложила возможность будущих удовольствий, быть может, Деккер не позволял себе рассчитывать на что-либо, когда это касалось землян, особенно женщин с Земли. Мысль о том, что в число студентов он попал довольно спорным образом, копошилась где-то на задворках его сознания. Но конечно же, это не имеет никакого значения, пока он хорошо занимается... и даже смерть отца отдавалась теперь все стихающей болью.

В воскресенье вечером он мирно отправился в постель без малейшего намека на бессонницу. Деккер проснулся лишь отчасти, чтобы услышать, как к себе спотыкаясь пробирается Торо Танабе - естественно, в последний момент после долгого уик-энда в городе - и быстро снова погрузился в приятный сон, в котором фигурировала некая женщина, очень похожая на Вен Купферфельд.

И час спустя внезапно вырвался из сна, злой и ошеломленный.

Было едва за полночь. Свет у него в комнате горел. У кровати стоял человек, которого он никогда до сих пор не видел.

- Вставай, - бросил мужчина, срывая с Деккера простыню. - Нет, не пытайся одеваться. У тебя на это нет времени. Да вытаскивай же из кровати свою задницу! Тебе предстоит работа, и сделать ее надо сейчас!

Это было непростительным вмешательством в его личное время. И он был не единственный, кто так считал. Яростные крики из комнаты Торо Танабе сказали ему, что японца разбудили сходным образом, правда, с еще большим сопротивлением с его стороны. Но когда Танабе, спотыкаясь, в странном шелковом халате, который он называл «кимоно», выбрался из своей комнаты, Деккер увидел рядом с ним ту женщину-психолога, Розу МакКьюн.

Тут все стало ясно.

С запозданием Деккер понял, что происходит. В голове у него всплыло давно забытое предупреждение. Это случайная психологическая проверка. На их рабочем столе лежал набор инструментов и модель компонента Аугенштейна - модуля охлаждения.

- Принимайтесь за работу, - скомандовала женщина. - Разберите. Проверьте все детали. Снова смонтируйте. И быстро. У вас есть двенадцать минут, и время пошло.

Посреди ночи, безо всякого предупреждения это было отвратительное занятие - в особенности для Торо Танабе, который, судя по всему, еще не проспался и не пришел в себя. Деккер никогда прежде не работал со своим соседом в качестве партнера, и мрачно начав поворачивать запоры открывающим устройством, понадеялся, что никогда больше ему делать этого не придется. Главной его проблемой было держать подальше от прибора дрожащие пальца Танабе. Он едва не пожелал, чтобы на его месте оказался Фец Мехдеви. И уж точно ему хотелось, чтобы эти два психолога хотя бы заткнулись, но естественно, об этом не

могло быть и речи. Они неустанно поддерживали поток отвлекающей болтовни, сдобренной нелестными замечаниями в адрес напряженных попыток Деккера разделить сопротивляющиеся трубки и потребность Танабе постоянно хвататься за край стола в поисках поддержки.

- По крайней мере, - простонал Танабе, - отпустите меня сперва в туалет.

- В Оорте у тебя не будет на это времени, идиот, - отрезала доктор Мак-Кьюн. - Пошевеливайтесь! У вас осталось семь минут!

Семь минут пробежали быстрее, чем Деккер поверил бы, что это возможно, но каким-то образом с минимальной помощью Танабе он закончил работу. Потом женщина потребовала, чтобы он протянул ей руку, чтобы она могла взять анализ крови - Деккер не мог бы угадать зачем - и все кончилось. Когда команда психологов забрала свои железки, чтобы отправиться мучить других студентов, Деккер и Танабе потирая следы, оставленные жгутом для перетягивания вен, посмотрели друг на друга.

- Дерьмо, - сказал Танабе.

Это было все, что он мог сказать. Одно слово включало в себя все от возмущения тем, что его вытащили среди ночи из постели после отвратительного похмелья, до страха.

- Зачем им понадобилась кровь? - спросил Деккер.

- А что, черт побери, ты думаешь? Наркотики, - простонал Танабе. - Если они найдут в твоей крови стимуляторы, ты тут же вылетишь из академии. Слава Богу, что все, что я принял в этот уик-энд - это спиртное. Это у них не считается. Но дерьмо.

- Я думаю, мы скорее всего прошли, - предложил в утешение Деккер.

- А ты откуда знаешь? - осведомился Танабе, отчаянно желая, но боясь поверить.

- Потому что они не сказали, что мы провалились, - отозвался Деккер. - Именно так предложил мне относиться к этому отец и до сих пор бывал прав.

...Подобное обращение пришлось вытерпеть всему курсу.

- Да, - печально сказал Фец Мехдеви, когда они начали копаться в тайнах коммуникационного прибора, - и со мной так поступили. Не такой уж он и приятный, этот курс.

- Ну, - справедливо возразил Деккер - утренний свет несколько рассеял смятение ночи, - на мой взгляд, это не такая уж плохая идея. Я хочу сказать, проверять нас подобным образом. Если бы нам действительно пришлось заниматься аварийным ремонтом только из постели, напряжение было бы гораздо большим, чем тот стресс, который они устроили нам.

- Надеюсь на Аллаха, со мной такого не случится, - с мольбой в голосе сказал Медхеви. - Ну, а что теперь делать с этим транспондером?

Неделя проходила для Деккера довольно благоприятно, в основном. Единственным провалом оказалась Вен Купферфельд. Деккер не сомневался, что в словах женщины определенно звучало приглашение, даже обещание. И тем не менее, каждый раз, когда он находил шанс подойти к ней поближе, она казалась разумно дружелюбной, но занятой гораздо более важными проблемами.

Вероятно, думал Деккер, просто таковы все земные женщины. Без сомнения, ошибкой было полагать, что она действительно в нем заинтересована. Может быть, потому, что он марсианин? Нет, решил он, дело не в этом, или по крайней мере, не на этот раз. У Вен Купферфельд, похоже, никаких предубеждений против марсиан не было. Когда бы она не углублялась в частную беседу с кем-то из студентов, с той же вероятностью это мог быть как землянин, так и марсианин (хотя теперь не очень на него походивший), Джей-Джон Бельстер. Эти двое, полагал Деккер, проводили значительное время за разговором вдали от остального класса.

Деккер находил утешение в том факте, что во всех остальных отношениях дела его идут прекрасно. Занятия по коммуникации оказались для него столь простыми,

как он и ожидал, и что еще более важно, он пережил психологический тест Розы Мак-Кьюн. Чего нельзя было сказать о двух студентах с их курса. Будь то наркотики, или несоответствие стандартам, двое исчезли.

Однако Торо Танабе это не утешало. Вечером этой пятницы он остался в общежитии, но выглядел при этом возмущенным и несчастным. Естественно, он не проводил время за учебой. Это было бы слишком большой переменной, но в свою комнату он удалился рано. Весь следующий день он тоже провел в кампусе, но с наступлением вечера мрачно обратился к Деккеру:

- Я должен попросить тебя об одолжении. Не думаю, что дела мои шли хорошо эту неделю.

- Тебя же не отчислили, - указал на это Деккер.

- Нет, но есть одна проблема. Я не хочу проводить все свои уик-энды в этом тоскливом месте, и я не могу рисковать второй подобной... ситуацией. Я едва-едва успел вернуться прошлой ночью.

- Я не знал.

- Ну, так это правда. Я пил, а водитель такси отказался помочь мне вернуться в общежитие.

Деккер ждал, понимая, что за этим последует что-то еще. У Танабе ушло несколько секунд на то, чтобы решиться перейти к делу.

- Чего бы мне хотелось, - сказал он необычным для него извиняющимся тоном, - чтобы ты составил мне компанию в Болотный Город завтра. Только на день. Я решил, что мне не стоит болтаться там весь уик-энд. О, из-за денег не беспокойся, я заплачу за проезд. Я даже позабочусь о там, чтобы ты пообедал и, если тебе захочется, выпил чего-нибудь. Но я хочу, чтобы ты гарантировал, что я доберусь назад самое позднее к двенадцати. Я, возможно, не захочу возвращаться, но ты должен настоять. Думаю, то, что произошло в прошлое воскресенье, было мне предупреждением.

- О чем ты волнуешься? Я думал, с твоими оценками ты можешь чувствовать себя уверенным.

- Ни в чем, - траурно сказал Танабе, - нельзя быть

уверенным здесь. Иногда мне кажется, что лучше бы я послушался отца. Во всяком случае, ты удостоверишься, что я попаду на последний автобус или хотя бы на такси? Тогда давай поспим, а завтра пораньше отправимся вниз.

Сразу после завтрака, они сели в автобус, отправлявшийся в город, причем Танабе, как обещал, заплатил за оба билета. Деккер неожиданно для себя обнаружил, что Денвер, если иметь деньги, чтобы их тратить, совсем иное место чем то, когда этих денег у тебя нет. Танабе подождал такси, блеснул золотым амулетом и дал водителю адрес.

Это была церковь. Когда их такси проезжало мимо, Деккер во все глаза рассматривал огромное мраморное распятие.

- Я не знал, что ты, ну, христианин, - сказал он, пока Танабе расплачивался с водителем.

- Христианин? Конечно, я - не христианин, - возмутился Танабе. - Церковь - великолепное место, чтобы там встретить женщин, а мне говорили, что в этой немало привлекательных, - он сверился с часами и удовлетворенно кивнул. - Как раз кончается утренняя служба, и мы просто выпьем кофе и побродим в толпе.

Деккер никогда раньше не бывал в церкви. Поэтому, когда они вошли в преддверие, украшенное цветами, он с любопытством стал оглядываться по сторонам. Заглянув в распахнутые двойные двери в саму церковь, марсианин был захвачен зрелищем почти сотни землян, мужчин и женщин в праздничных одеждах, которые пили кофе и болтали друг с другом.

- Подожди, - сказал Танабе. - Прежде, чем мы войдем внутрь, мы должны подтвердить, что принадлежим к общине.

Он остановился у стола и взял две пластиковые именные карточки. Одну из них он протянул Деккеру.

- После своего имени напиши: «Марс», - приказал он, надписывая свою.

- Зачем, ведь всем и так видно, что я марсианин, разве нет?

- Напомни им об этом, - посоветовал Танабе. - Мне говорили, что люди в церквях любят иностранцев. Если нам повезет, то, возможно, от женщин просто отбою не будет.

Однако ничего такого не произошло. В церкви оказалось немало земных женщин, но очень немногие из них были молоды и мало кто интересовался чем-то большим, чем простое замечание о погоде. После того, как его вежливо отослали во второй раз, у Танабе появилась новая идея.

- Смотри, что я буду делать, - велел он и направился к мужчине в развевающихся одеждах.

- Мне бы хотелось сделать пожертвование на вашу церковь, - сказал он.

Заинтригованный Деккер придвинулся ближе.

- Очень любезно с вашей стороны, мистер... Танабе, - сказал священник, всматриваясь в табличку Танабе.

- Быть может, даже значительное, - добавил Танабе, оглядываясь по сторонам, чтобы удостовериться, что его заметили. В самом деле хорошенькая женщина рядом со священником с одобрением закивала.

- Чудесно, - отозвался священник. - Элси? Ты не проводишь мистера Танабе к месту регистрации пожертвований?

Улыбаясь, женщина подошла к Танабе, который, уходя, хитровато подмигнул Деккеру, и повела его жертвовать деньги. Но когда через несколько минут японец вернулся, вид у него был ошарашенный и возмущенный.

- Это стоило мне двадцать куэс, а женщина замужем за святым отцом! - пожаловался он Деккеру. - Скандал, не правда ли? Я думал, священникам запрещено жениться.

- Некоторым, наверное, можно, - утешающе сказал Деккер.

Танабе нахмурился.

- Здесь нас ничего не ждет. Думаю, это, возможно,

потому, что со мной ты. Быть может, они все же любят не всех иностранцев. Пойдем, давай убираться отсюда. По крайней мере, поищем что-нибудь поесть.

Так, капризная и жалуясь, Танабе повез Деккера в отель в центре города перекусить. Для Деккера и это оказалось совершенно новым. Вестибюль отеля больше напоминал кафедральный собор, чем церковь, которую они только что покинули, а ресторан был почти столь же величественным. А еда! Деккер никогда не видел ничего похожего на прилавки, заставленные горячими, накрытыми крышками блюдами, подносами с фруктами, свежими салатами, паштетами, тарелками с хлебом всех видов. Самое близкое, что приходило ему на ум, это завтрак на семейной ферме Нгемба или воспоминание из туманного детства о вечеринке у Аннеты Каши в Сан-пойнт-Сити, когда упала первая комета - но здесь все было раз в сто изобильнее.

Однако, так же безуспешно для Торо Танабе. И здесь все потенциально интересные женщины, похоже, пребывали с мужчинами, которых находили интересными сами. Те немногие, кто завтракал в одиночестве или с другими женщинами, никак на пасы Торо не реагировали.

Он вновь хмурился, возвращаясь к столу, где Деккер эксперимента ради пробовал первые в своей жизни яйца-бенедикт.

- Скажи мне, Де Во, - спросил он, - у тебя были успехи у женщин здесь, на Земле?

- Пользовался у некоторых, - ответил Деккер, вспомнив Шилу в хижине Масаи.

- Нет, Крести Эмман не в счет, - сказал Танабе, очевидно, неправильно оценив ситуацию. - В конце концов, она сама тоже была марсианкой, ведь так? - он поглядел в тарелку Деккера и добавил: - Выглядит неплохо. Принеси и мне тоже.

Если Деккер Де Во и выучился чему-то на Земле, то это тому, что тот, кто платит куэс, тот и отдает приказы. Он не особенно возражал, но к тому времени, когда он

вернулся к столу с заказом Танабе, его собственные яйца-бенедикт уже остыли, а Танабе сердито смотрел в карманный экран.

- Что случилось? - спросил Деккер.

Танабе с полным ртом яиц с паштетом и соусом сказал:

- Я снова проиграл в лотерею. Так, ничего.

Деккер рассмеялся.

- В этом и состоит смысл лотереи, не так ли? Так что практически каждый теряет?

- А вы разве на Марсе не играете?

- Нет. Во всяком случае, немного и не в лотерею. Некоторые старики играют в карты.

- Нет-нет. Я имею в виду азартные игры. Так чтобы победитель становился по-настоящему богат.

Деккер всеми силами старался не рассмеяться снова.

- Стань марсианин богат, - объяснил он, - на что ему тратить деньги?

- Как на что? На безделушки! На предметы с Земли!

Деккер покачал головой. Слишком сложно было объяснить землянину, что едва ли какая-нибудь марсианская лотерея сможет выплачивать выигрыш в земных куэс. А если такое и случится, ни один марсианин не захочет отдавать Земле больше куэс, чем существенно необходимо для выживания.

- А как у вас это делают? - спросил он, скорее из вежливости, чем из интереса, и тут же пожалел об этом.

Поскольку Торо Танабе тут же углубился в подробности. Лотерея проводится каждую неделю, сообщил он Деккеру. Требуется выбрать десять чисел от нуля до девяноста девяти, а потом будут тянуть шары, и если угадать все десять, то можно заработать миллионы.

- Ты имеешь в виду, настоящие миллионы? - спросил ошеломленный Деккер.

- Ну, если тебе не придется их с кем-нибудь разделить, - снизошел японец. - Иногда немало людей угадывают одни и те же числа, и тогда приходится делить с ними прибыль. Но у меня есть система. Смотри, у всех чисел

- Вот каковы шансы на то, что выиграют десять случайных номеров, приблизительно шесть на миллиард

или что-то около того. Но если играть на те же числа, что и все остальные, придется разбивать выигрыш.

Он пригвоздил Деккера взглядом к стулу.

- А я не хочу ни с кем делиться, - сказал Танабе.

Деккер постарался, чтобы в его голосе не прозвучало никакого суждения:

- Я думал, ты и так богат, Танабе.

- Конечно.

- Тогда зачем?

Теперь Танабе просто смеялся над ним.

- О, Де Во, - хихикал он, - вы, марсиане, так эксцентричны. Ты что не знаешь, что денег никогда не бывает достаточно? - тут он посерьезнел. - Во всяком случае, ни в чем нельзя быть уверенным. Рынок не стабилен, Де Во. Многие люди, кто раньше был богат, как мы, теперь бедны, как марсиане. Или почти как марсиане. Мой отец избавился от большей части своей доли ценных бумаг корпорации «Оорт», это правда, но кто знает, ждет ли успех даже обитантов!

- Если только они не заполучат себе комету? - предложил Деккер.

- Или даже если они заполучат комету. Это - неопробованная технология, и кто знает, что может выйти не так? Но, Деккер, пожалуйста, помни, что это у меня просто вырвалось. Это - конфиденциальная информация.

- Кому я мог бы рассказать?

- Надеюсь, никому.

Танабе печально взглянул на пустые тарелки, потом также печально оглядел комнату и вдруг повеселел.

- А появились новые женщины. Посмотрим, не повезет ли мне.

Но ему не повезло и, вернувшись, японец сказал:

- И это место бесполезно, и если мне требуется женское общество, то я не желаю терять больше времени. Я ухожу.

- Хорошо, - сказал Деккер. - Куда мы отправляемся теперь.

Танабе покачал головой.

- Мы никуда не идем. Я иду один. У меня нет времени играть в игры с этими американскими кривляками в этот уик-энд, так что, думаю, придется за это заплатить, - кисло сказал он. - А платить за тебя я не собираюсь.

- Платить за что? - спросил Деккер.

Ему никогда не приходило в голову, что проституция может существовать и за пределами поселка Масаи. И пока Танабе объяснял, марсианин смотрел на него с недоверием.

- Так что найди, чем тебе заняться в эти несколько часов, - закончил Танабе. - Сходи в музей или еще куда-нибудь. Потом встретишься со мной там, где я собираюсь пообедать. Место называется «У Тирли», это дальше по главной улице. Там будет и народ с базы. В сущности, место для служащих, - сказал он, слегка кривя губы, - но американцам подобные вещи нравятся. Мы там выпьем, а потом ты сможешь отвезти меня домой.

Таким образом Деккер вновь оказался в Денвере один.

Он, конечно, ни в коей мере не был обязан следовать указаниям Танабе. И конечно же, у него не возникло никакой более привлекательной идеи. В Денвере он никого не знал, если не считать Маркуса Хэгланда. В какой-то момент он подумал, не попытаться ли ему отыскать наставника просто для того, чтобы поговорить с человеком, знавшим его отца. Но встреча с Маркусом ничего хорошего не сулила.

Оставался также вопрос денег.

Скромные сбережения Деккера из академической стипендии едва ли сильно помогут ему в большом городе. Когда, за отсутствием лучших идей, он все же последовал приказу Танабе, то обнаружил, что платить необходимо даже за вход в музей. Даже входная плата в музей искусств или планетарий была большей, чем готов был заплатить Деккер из своего худого кредита. И все же, утешал он

себя, ему не надо волноваться о деньгах на обед. После роскошного ленча желудок у него все еще был полон. И марсианин пообещал себе, что обед его будет еще более обильным.

И попытался не думать о сексуальных приключениях, в которые пустился Танабе, в то время как сам он рассматривает столетней древности картины.

В планетарии было очень мило, хотя экспонаты с Марса печально устарели, а музеи современного искусства, если не привлекательны, то очень любопытны. После осмотра очередной экспозиции интерактивных голограмм у Деккера отчаянно заболели ноги. И не только ноги, но и все тело, поскольку все кости от ступней до шеи жаловались на заданную им дополнительную работу.

Деккер устроился в сквере, размышляя над картой города Денвера. Он поглядел в небо, пытаясь вычислить, где будет север, но не увидел в нем ничего, что могло бы ему помочь. Солнце пряталось за облаками. А ниже их вереница вертолетов, направляясь к порту Денвера, тащила за собой огромные грузовые контейнеры. Это, конечно, несколько облегчило ему задачу, как только на карте он отыскал порт.

Деккер заключил, что для того чтобы попасть в то место, где он должен встретиться с Танабе, ему предстоит двигаться на север. И вот, похоже, есть автобусный маршрут, который отправляется в нужном направлении и, быть может, привезет его в «бар сдельщиков» - чтобы ни означало слово «сдельщик» - где он встретит Танабе.

Конечно, было еще слишком рано. Но сидеть на лавочке тоже было не так уж весело. Он попытался вызвать в себе интерес к нечеловеческой фауне Земли, например, насекомым, - на Марсе никакие насекомые вокруг не летают, и кто знает, какие из них вдруг захотят тебя укусить? - и голубям. Голубям он бросил несколько кусочков от захваченного с ленча рогалика, и тут же пожалел об этом. Определенно, давал знать о себе голод.

Деккер уставился на уличное движение по обеим сторонам сквера. Сейчас уик-энд, так? Так что же делают

все эти люди вокруг за рулем гидроавтомобилей, из выхлопных труб которых неустанно вырываются облачка пара? Или земляне никогда не ходят пешком? Или не сидят дома? Выхлопные газы насыщают воздух, подумалось ему...

А потом почувствовал - о господи, конечно, - что как какая-то жидкость намачивает его одежду, перестав быть просто результатом выхлопов автомобилей, из-за которых Болотный Город получил такое название. Снова полил дождь.

Земные автобусы, похоже, никогда не шли в том направлении, какое было указано в расписании. Пришлось сменить маршрут и долго еще ехать во втором, набитом автобусе, а потом еще и остановка оказалась в нескольких кварталах от «У Тирли», а дождь все лил и лил. К тому времени, когда Деккер отыскал наконец ресторан, он и опоздал, и промок до нитки.

- Почему ты не смог поспеть сюда вовремя? - проворчал Танабэ, недоуменно оглянувшись, когда Деккер тронул его за плечо. - Мы уже съели почти все, что заказали. Я не знаю, осталось ли что-нибудь, так что сам посмотри, не найдешь ли ты чего-нибудь.

Он стал уже поворачиваться к чернокожему землянину, с которым вел разговор, но потом придумал, на что еще пожаловаться Деккеру.

- Почему ты так вымок? - обвиняющим тоном спросил он. - Тебе следовало взять с собой плащ или, по крайней мере, зонт.

- Прости, - ответил Деккер.

Он собирался было, но потом раздумал упомянуть о том, что он не привык к планете, где иногда жара настолько сильна, чтобы заставить вспотеть и марсианина, а иногда такой мороз, чтобы заставить тосковать по сапогам на меху и перчаткам, и всегда слишком влажно. Кому придет в голову запасаться таким количеством одежды?

Танабэ на его тон только сморгнул, потом пожал плечами.

- Садись куда-нибудь, - раздраженно сказал он. - Думаю, ты всех тут знаешь.

- Нет, не знаю, - ответил Деккер.

Но Танабе уже углубился в разговор со своим темнокожим собеседником. Человек этот был из класса, проходящего следующую фазу, и Деккер смутно помнил, что он вроде бы откуда-то из Африки. К сожалению не из Кении - это предоставило бы Деккеру хоть какую-то тему для беседы, но из какого-то другого места в Африке, которое называлось Верхняя Вольта. Во всяком случае, эта пара казалась занятой сравнением впечатлений от сексуальных приключений прошедшего дня, в которых Деккер никак не мог бы с ними состязаться.

Чуть дальше он отыскал свободное место за столом и сел. Видение обильного обеда испарилось, остатки выглядели скудными и малопривлекательными. Деккер нашел стакан, который показался ему чистым, и из кувшина в центре стола налил себе пива. Попивая пиво, он с отвращением смотрел на остатки какой-то еды, которую здесь называли «пицца» - холодные и вязкие.

- Ты голоден? - спросил его женский голос.

Деккер обернулся, чтобы увидеть, что на него сверху вниз смотрит Вен Купферфельд.

- Да, - просто ответил он.

- У тебя был такой вид. Вон там бесплатный ленч, - она махнула в дальний конец комнаты, почти скрытый завесой сигаретного дыма. - Ты замерз, так ведь?

Марсианин кивнул, только сейчас осознав, насколько она права.

- Ну тогда тебе лучше взять на время мой свитер, - сказала она.

Вен сняла завязанный у нее вокруг талии свитер. Сама она, подумалось Деккеру, вообще никогда не мерзнет. Одежда Вен явно служила не для тепла, поскольку на ней были лишь кружевной топ и едва прикрывавшая бедра юбка.

- Знаешь, марсиане легко простужаются, - продолжала она.

- Марсиане не болевают, если у них сделаны все прививки, - поправил он ее. - А у меня они есть.

И все же просторный свитер приятно согревал промерзшие кости - на ней он должен был казаться огромным - не говоря уже о том, что натягивая его через голову, Деккер уловил очаровательный, заманчивый запах Вен.

К несчастью, этот ход мысли вел в никуда. Как только ее миссия милосердия была завершена, она оставила его, чтобы вернуться к напряженной в полголоса дискуссии с каким-то неизвестным Деккеру студентом. На стол Деккер смотрел безо всякого удовольствия. От стола пахло пролитым пивом и табачным дымом, который заставлял его испытывать тошноту, не уменьшая при этом голода. Он встал и отправился посмотреть, что такое «бесплатный ленч». Это оказалось немногим привлекательнее отвратительной холодной пиццы: на стойке не было ничего, кроме заготовок для сэндвичей и странно выглядевшего паштета из какого-то убитого животного, намазанного на крекеры. Деккер изучил все это с некоторой тоской, оплакивая роскошные выставки блюд в утреннем ресторане: предлагаемое здесь едва ли могло стать им заменителем.

Ему пришло в голову задать себе вопрос, что он вообще делает в этом месте. Танабе не проявлял к нему никакого интереса. Казалось, единственной причиной его пребывания здесь была возможность допить до потери сознания, но у Деккера были хорошие семейные причины не желать делать этого. Все было бы гораздо интереснее, если бы он мог поболтать с Вен Купферфельд, но она его к этому отнюдь не поощряла. Большинство присутствующих в баре были ему незнакомы или заняты разговором с кем-то еще. У стойки бара он заметил Джей-Джона Бельстера, болтавшего еще с одним марсианином. Потом Деккер вновь посмотрел на них, поскольку, что удивительно, собеседник Бельстера не был учащимся. Без сомнения, это был бывший наставник

Деккера, Маркус Хэглэнд. Бельстер поглядел в его сторону, но Деккер отвернулся.

Когда Деккер сооружал себе из жирных ломтиков мяса убитого животного и сырого хлеба сандвич, Бельстер подошел к нему.

- Привет, - сказал он, сворачивая вдвое ломтик мяса и запихивая его себе в рот.

- Привет, - ответил Деккер, - я и не знал, что ты знаком с Маркусом Хэглэндом.

- Маркус? Так его зовут? Я на самом деле почти что с ним незнаком. Он просто ошивается здесь. Думаю, раньше он проходил подготовку по программе, но, говорят, корпорация его вышвырнула за обман, - он какое-то время задумчиво жевал, а потом добавил: - Твой приятель Танабе действительно решил набратся.

- Это его дело, - отрезал Деккер.

Впрочем, в словах Бельстера была определенная доля истины. Японец был красен и отчаянно потел, и Деккер заметил, что с пива он переключился на скотч.

Прожевав, Бельстер сглотнул.

- А разве и не твое заодно? Я думал, ты будешь его нянькой, возвращая его на базу?

Деккер не ответил. Для него Бельстер оказался немалым разочарованием - учитывая, как мало собратьев марсиан было в их группе, им следовало бы быть друзьями. Но этот человек, похоже, не мог ничего сделать, не задев при этом ближнего.

- А есть здесь что-нибудь выпить, кроме алкоголя? - осведомился он.

- Быть может, безалкогольные напитки, - сказал Бельстер, - но за них придется платить. Я слышал, твоя мать стала важной шишкой там, дома?

- Она - представитель от дема в Совете общин, если ты это имеешь в виду.

Бельстер коротко резко рассмеялся.

- Проклятый Совет. Это они пустили все насмарку, пытаюсь сэкономить несколько куэс, чтобы подольститься к землянам.

- Моя мать действительно много работает на благо Марса, - натянуто ответил Деккер.

- Да уж, конечно. Только она ведь в комитете по Бонам, не так ли? А знаешь ли ты, что именно они вышвырнули меня?

- Вышвырнули откуда? - с удивлением спросил Деккер.

- Я работал здесь на торговую делегацию - знаешь, не такая уж дурная работа. А потом они создали эту проклятую парламентскую комиссию, а та стала направо и налево вышвыривать людей с работы - сокращая расходы.

- Но им пришлось урезывать! Долг просто выходил из под контроля...

- Да знаю я все об этом чертовом долге, - фыркнул Бельстер. - Все, что я хочу сказать, это то, что не будь сейчас комиссии твоей матери, я бы сейчас преспокойно работал в Сан-Франциско, - он хмуро поглядел на Деккера, но потом уступил: - Думаю, это - не твоя вина.

Тут он кивнул через плечо на Танабе:

- Вот он - плохой мальчик, а не ты или я. Его отец вложил огромные деньги в фермы на обитантах. Почему ты общаешься с ним?

- Не я его выбирал. Я всего лишь получил его как соседа по общежитию, - сказал Деккер, но потом честно добавил: - Во всяком случае, сегодня он пригласил меня с собой в Денвер. Сам я этого не мог бы себе позволить.

- Естественно, он тебя пригласил, - согласился марсианин. - А почему бы и нет? Все деньги у япошек, да у русских и так далее. И сдается мне, не так уж он щедр со своим приглашением.

Бельстер глядел на Танабе с нескрываемой ненавистью и, не отрывая взгляда от японца, спросил Деккера:

- А тебе бы не хотелось это все у них отобрать?

- Да, наверное, - отозвался Деккер.

Он не совсем понимал, о чем идет речь, но при этом ему не хотелось обрывать разговор с этим малоприятным

человеком, который хотя бы пытался казаться дружелюбным.

- Но ведь именно это мы и собираемся сделать, не так ли, Бельстер? Когда результаты проекта станут уже видны, у Марса появится своя собственная атмосфера, и мы сможем начать развивать планету...

- Господи Боже, не имею в виду через пятьдесят лет. Я имею в виду сейчас.

Деккер пожал плечами. Выглядело все так, как будто Бельстер куда-то клонит, но Деккер не мог понять в чем дело.

- Предположим, что ты прав, что нам тогда делать?

Бельстер глянул на него с очень странным выражением.

- Быть может, есть способы, - сказал он. - Увидимся, - и вновь оставил Деккера в одиночестве.

Сложность положения гостя заключается в том, что невозможно уйти, пока этого не пожелает хозяин. Деккер не получал от происходящего никакого удовольствия. Каждый из сидящих за столом, казалось, собирался провести за ним остаток жизни, споря и дискутируя на грани, как представлялось Деккеру, опасно близкой к открытой ссоре. И его не удивляло, что голоса становились все более раздраженными. Уже не мало было выпито спиртного, и все больше его появлялось на столе с каждой минутой. Хотя Деккер уже вычислил, что возможность напиться представляла собой шанс на время сбежать от тирании навязанного режима, держать при себе свою неприязнь к кому-либо, если уж нельзя избежать питать ее. Он все же задавался вопросом, как далеко успеют зайти некоторые из эти людей, прежде чем появятся Миротворцы.

Теперь, когда он обсох, в баре ему было отчаянно душно. Он стянул свитер и, оглядывая комнату, завязал его на талии. В помещении стало еще больше народу, хотя Маркуса Хэгланда он отыскать не мог. Ну и ладно, решил он, и еще раз с возмущением подумал, что не видит никакой разумной причины своему здесь пребыванию.

Здесь не было никого, с кем ему бы хотелось поговорить, за исключением, может быть, Вен Купферфельд, а она казалась погруженной в беседу с другим человеком.

Быть может, думал Деккер, нет вообще никакой причины, почему ему вообще стоит оставаться на Земле. Да, конечно, помогать своей планете. Но если весь проект настолько шаток, как это, судя по всему, представляется всем вокруг, вполне может случиться и так, что он закончит обучение как раз к тому моменту, когда окажется, что работы для него нет. И что тогда станется с его карьерой?

Что, если уж на то пошло, станется с Марсом?

Эта мысль совсем ему не понравилась. За отсутствием чего-то лучшего, он вновь направился к стойке бесплатного ленча.

Еды там осталось немного. Пока он пытался набрать себе ломтиков чего-нибудь на следующий сандвич, кто-то толкнул его под локоть.

- Простите, - сказал женский голос.

Обернувшись, Деккер увидел женщину инструктора, которая разговаривала с Лизелоттой Дерч.

- Все в порядке, - ответил он и стал уже поворачиваться к стойке, когда женщина коснулась его рукава.

- Подождите минутку, - сказала она. - А ведь я вас знаю.

- Скорее всего вы видели меня на занятии. Я прохожу подготовку. Мое имя - Деккер Де Во.

- Я знаю, что ты проходишь подготовку, - нетерпеливо оборвала она его. - Я не это имела в виду. Я хотела сказать, что ты немного похож на ... о господи, ты марсианский парнишка, не так ли?

Пока он смотрел на женщину, на Деккера вдруг нахлынули воспоминания.

- Да, из Санпойнт-Сити, - ответил он. - А ты... ты - та, у кого была вечеринка, прямо перед приземлением первой кометы, - сказал он успевшей повзрослеть Аннете Каши.

...Она не сильно изменилась. Да, конечно, стала взрослой: выступающие груди принадлежали теперь совершенно взрослой женщине, и макияжа на ней было гораздо больше, чем она решилась бы на вечеринке родителей. Но все же недостаточно, критично решил Деккер, чтобы скрыть паутину лопнувших кровеносных сосудов вокруг глаз. Когда-то Аннета Каши попала во взрывную декомпрессию.

Имело место и еще одно значительное изменение: ее фамилия перестала быть Каши. Она стала Бэнкрофт.

- Это имя моего бывшего мужа, - объяснила она. - Я давно бросила его... нет, это неправда. Это он бросил меня, когда узнал, что я не унаследую нескольких миллионов куэс. Думаю, я сохранила его фамилию, чтобы позлить его.

Деккер был поражен, обнаружив, какого маленького она роста - по меньшей мере, на двадцать сантиметров ниже его. Стоя рядом с Лизеллотой Дерч она была роста инструктора на подиуме преподавателя, поднятого над студентами. Вблизи он, опустив глаза, видел ее макушку. На голове у нее было странно посаженный берет, который располагался высоко слева, заставляя волосы падать на левое плечо. Но берет немного сполз на сторону, потянув за собой часть волос, и под ним Деккер разглядел неровный белый шрам в шесть или семь сантиметров длиной.

Уловив его взгляд, Аннета подняла руку поправить берет.

- Сувенир со Станции Два, - сообщила она.

- А, - кивнул Деккер. - Той, что на орбите Марса. На самом деле, я надеюсь попасть в сам Оорт.

- Конечно. Все рекруты считают, что это единственно стоящее место, но, не будь контроля с Со-Марс станций, как бы им удалось доставить кометы на планету? - улыбнувшись, она покачала головой. - Во всяком случае, у нас появилась проблема со стыковкой, на дороге оказалась моя голова, вот оттуда я и увезла эти маленькие сувениры. Впрочем, на Станции Два не так уж плохо. Я пробыла там год, пока они не послали меня назад. Не

из-за несчастного случая. Медицинская проблема, - добавила она, хотя Деккер ни о чем не спрашивал. - Физическая, а не из этого психологического хлама.

- Я ничего такого не говорил, - отозвался Деккер.

- Ну, - почти извиняясь, сказала Аннета, - я знаю, но я становлюсь излишне чувствительной из-за всех этих разговоров о том, как люди срываются на станциях. Я к ним не отношусь. Во всяком случае, приятно увидеть тебя снова. Как тебе нравится на Земле?

- Прекрасно, - уныло ответил Деккер, подбирая остатки сэндвича.

Аннета внимательно изучала его, но спросила только:

- Зачем ты ешь эти куски? О, подожди минутку. Ты голоден?

- А ты думаешь, стал бы я иначе это есть?

Внезапно она улыбнулась.

- Я бы тоже что-нибудь съела. Пойдем, как насчет отбивной?

Деккер не двинулся с места.

- Я не могу себе этого позволить.

- Черт, и я тоже, но мы же не собираемся платить за это, - она потянула его к бару. - Две отбивных, сыр и пару бутылок приличного пива, - заказала она, - и запишите это на счет вон того парня, - она указала на Танабе, а потом повернулась к Деккеру: - Так ты хочешь помочь привести в порядок твою планету?

Деккер не готов был шутить по этому поводу, даже за бесплатный обед, а потому просто пожал плечами.

- О, - сказала Аннета, - мне не стоило так шутить. Я знаю, что это для тебя значит.

- А для тебя?

- Ты хочешь сказать, тебя интересует, что я делаю в этой программе? - на мгновение она задумалась. - Отчасти потому, что этот проклятый проект едва не смел отца, когда дела пошли плохо. Он все еще держится за эти Боны, но это только потому, что не может позволить себе взять на себя убытки от их продажи. Отчасти, думаю,

потому, что на меня так повлияли ваши люди, когда я ребенком была на Марсе. Вы, марсиане, все немного сумасшедшие. Марс просто не стоит всех этих трудов.

Появились заказанные ими блюда, на которые Аннета посмотрела довольно холодно.

- Когда я думаю о том, что мы ели тогда... ладно, Деккер, полагаю, мы живем и учимся на собственном опыте, разве нет? Скажи, Деккер, ты не в родстве с этим марсианским сенатором, которая все время попадает в сводки новостей?

Деккер не сознавал, что его мать становится настолько знаменитой, но кивнул.

- Моя мать.

Аннета с минуту смотрела на него, а потом тоже кивнула.

- Да, конечно. Я ее помню. Это она позвонила моим родителям после вечеринки и отругала их за то, что они напоили ее сына... Но чудное это было время, правда, Деккер? Я имею в виду всю эту ночь, а не только вечеринку... я хотела сказать, фейерверк и так далее.... смотреть, как падает первая комета? Я никогда этого не забывала. А что ты делал потом, после того, как я уехала на Землю?

- Рос, - улыбнувшись, ответил он.

Но Аннете хотелось узнать подробности, как, в сущности, и ему.

Как выяснил Деккер, пока они обменивались историями своей жизни, он начал получать удовольствие. Помогла еда. Как и бутылочное пиво, импортированное из Японии и, судя по знаку на этикетке, гораздо лучшего качества, чем в кувшинах на столе. Покончив со своим мясом, Аннета допила остатки пива и встала.

- Мне нужно возвращаться на базу. Рада была тебя повидать. Но помни, что когда попадешь в класс, что я все же учитель, никакой фамильярности.

- Конечно. И спасибо за отбивную.

- Я же сказала тебе, что плачу не я. Все пошло на счет твоего японского друга.

- Танабе? Но почему он станет за это платить?

- Не беспокойся об этом. За ним должок, - она посмотрела в сторону длинного стола, голоса возле которого становились все громче. - Похоже, пора пытаться доставить его назад, прежде чем он впутается в какие-нибудь неприятности.

Она была права. Деккер вздохнул и пошел туда, где с Вен Купферфельд и несколькими другими студентами сидел Танабе. Сняв с себя свитер, он протянул его Вен.

- Спасибо, - сказал он.

Вен подняла на него безразличный взгляд, но приняла свитер и вернулась к своему разговору. Теперь он стал трехсторонним, и Вен была столь же увлечена им, как и остальные двое.

- Вы, западные люди, - говорил Танабе, едва выговаривая слова, - вы отошли в историю.

Он любезно улыбнулся Вен, но взгляд сузившихся глаз, казалось, прожигал насквозь.

- Некоторое время вы играли какую-то роль, но никогда столь важную, как вам это казалось.

- Правда? - отрезала Вен. - Но похоже вы, японцы, думали, что мы очень важны. Учитывая то, как вы копировали нас.

- Моя дорогая Купферфельд, - хихикнул японец, - так вот вы как думаете? Но это же вы были такими увлеченными миссионерами, Купферфельд. Это ведь вам так хотелось, чтобы каждый в мире научился быть как вы во всех ваших мелких привычках - сделать это было лишь проявлением хороших манер с нашей стороны.

Он налил себе еще виски.

- Особенно русские. Помнишь, как происходило дело. Вы так отчаянно старались заставить русских копировать вас. Да, и китайцев тоже. Вы хотели, чтобы они перешли на американский образ жизни: американские выборы, американские церкви и американские автомобильные пробки и, прежде всего, американская свобода предпринимательства. А вам никогда не приходило в голову, что произойдет, когда русские и китайцы со всем

их населением и всеми их ресурсами станут копировать вашу экономику? Они же едва не обставили Японию, не говоря уже об Америке!

Один из студентов недобро сказал:

- У нас все шло хорошо, пока вы, ублюдки, не бросили нас в этой сделке с Марсом.

- Бросили? - Танабе снова засмеялся. - Но мы только лишь немного сменили портфель наших инвестиций. Очевидно, обитанты показали лучшей перспективой.

- Вы бросили нас на произвол судьбы! - выкрикнул его противник.

- Какая жалость, что вы не разобрались тогда в ситуации, - соболезнующе отозвался Танабе.

- А теперь мы застряли с проклятыми марсианами! - воскликнул другой.

Из-за спины Деккера раздался хриплый голос Джей-Джона Бельстера:

- Думай, что говоришь о марсианах!

Танабе пьяно устался на него. Он, казалось, силился подняться на ноги - как будто, с ужасом подумал Деккер, собирался полезть в драку - но потом оглядел стол. Вокруг не было ни одного дружеского лица. Другой студент выглядел столь же враждебным, как и Бельстер, и комплекции был почти той же.

Танабе рухнул обратно на стул и снизу вверх усмехнулся Деккеру.

- Сдается мне, - сказал он, - самое время тебе отвезти меня домой.

И тем не менее, к немалому удивлению Деккера, когда они оказались на открытом воздухе, Танабе тряхнул головой и выпрямился.

- Не нравятся мне эти люди, совсем не нравятся, - сказал он совершенно трезвым голосом. - Эй! Такси!

А когда они оказались внутри, японец, откинув голову на спинку сиденья, закрыл глаза и попросил Деккера:

- Разбуди меня, когда будем на базе, - и тут же уснул.

Третья фаза тренингов по проекту «Оорт» посвящалась тому, что в академии называли «управление змеей». И относилась она к одной из самых важных, поскольку наиболее умелыми рабочими по программе Оорт были не контролеры комет и не пилоты, улетающие, чтобы отыскать кометы. Самая тяжелая работа выпадала на долю тех, кто обслуживал «змею» или, как называли этих людей, «змеевиков». Именно они оказывались лицом к лицу с задачей подтащить и подготовить комету к захвату.

Для того, чтобы поймать требуемую комету и послать ее в дальнейший путь, прежде всего ее следовало опутать длинной цепью инструментов, Аугенштейнов и механизмов. А это не так-то просто. Это как высекать скульптуру из пыли. Потому что, что такое комета, как не пыль и снег. Снег - это застывшие газы, и структурной прочности у него не больше, чем у сахарной ваты. Для того, чтобы провести сквозь него цепь, управляемая с расстояния в тысячи, а иногда даже миллионы километров, требуется умение. А то, что требуется оно и для того, чтобы усилить прочность кометы настолько, чтобы она выдержала рывок ускорения двигателя Аугенштейна, даже не стоит упоминать. Цепочка инструментов называется змеей, а тех людей, что прошивают этими цепями ломкие оболочки комет, называют «змеевиками».

Змеи, с которыми им приходится справляться, вероятно, самые неподдатливые во всей вселенной. Гораздо меньше проблем было бы с укрощением кобры.

Когда они завершили Вторую фазу, отсеялось еще трое, включая бывшего партнера Деккера, Феца Мехдеви, но собственная позиция Деккера в списке класса улучшилась до третьего места. Как всегда впереди шла Вен Купферфельд. Торо Танабе с другой стороны спустился

на четвертое место. То, что он выиграл на двигателях Аугенштейна, Танабе потерял на системах коммуникации и сенсорах, поскольку, к несчастью, его отцу не удалось заполучить их дубликаты.

- Четвертое место. Немного, - глядя в экран, сказал Танабе. - Отец сказал бы, что мне больше следует прилагать усилий, так что я, пожалуй, останусь на весь уик-энд дома. Быть может, даже позанимаюсь.

- Тогда, - сказал ему Деккер, - ты вполне можешь пойти со мной в столовую обедать.

- Нет, - со вздохом ответил Танабе, - так далеко я еще не зашел. У меня есть еще немного сухой лапши, которую мать так любезно прислала мне. Нужен только кипяток, а подогреть воду я могу и здесь.

Пожав плечами, Деккер повернулся, собираясь уходить, но помедлил:

- Танабе, - начал он, - мне все хотелось спросить тебя. Ты слышал что-нибудь о людях, которых посылают на Землю с контрольных станций в связи с психологическими тестами?

Танабе удивился.

- А ты разве не знаешь? Это туда отправилась доктор Мак-Кьюн, на Со-Марс Два. И естественно, как только она прибыла туда, то сразу стала отсеивать людей.

- Я даже не знал, что она уехала, - с раскаянием ответил Деккер.

- Согласен, это не из таких вещей, о которых много говорят, хотя тот, кто ее заменяет, едва ли будет добрее. А теперь позволь мне заняться обедом, - он помедлил, а потом с некоторым смущением добавил: - Думаю, я даже помолюсь.

По дороге Деккер наткнулся на сидящего подле своих сумок в вестибюле Феца Мехдеви.

- О черт, - сказал Деккер, догадавшись о том, то произошло. - Что за невезение, Мехдеви.

- Вот уж точно, - горько ответил Мехдеви. - Мой отец будет просто в ярости. Быть младшим сыном - не самое лучшее, что может с тобой случиться.

Деккер на это ничего не ответил, поскольку повсеместная предрасположенность считаться с мнением отцов была ему еще слишком нова, чтобы он мог решить, что он об этом думает. Вместо этого он спросил:

- Что ты собираешься теперь делать?

Мехдеви глянул на потолок в поисках ответа, как будто этот вопрос никогда раньше не приходил ему в голову.

- Ну, - сказал он, - наверное, вернусь к жене в Басру. Что бы там не собирались сказать мне отец и братья, полагаю, она будет рада получить меня назад. Или точнее, - поправился он, - я не воображаю себе, что она вообще будет довольна, но, по крайней мере, о моих физиологических нуждах достойно позаботятся.

Это у Деккера, который вновь стал понимать настойчивость потребностей физиологии, вызвало любопытство, если не сочувствие.

- Я думал, ты обращался в службу знакомств.

Мехдеви криво усмехнулся.

- Здесь нигде не найти уединения, - заявил он, - нигде. Как бы то ни было, это правда. Обращался. Но никто не ответил. Это, конечно, потому, что я мусульманин. Как держатся друг за друга все эти американцы, европейцы и японцы! Они относятся к нам, как к собакам.

Деккер как мог старался, чтобы ответ его прозвучал утешением.

- Они и ко мне относятся в сущности также, Мехдеви, - предложил он.

- О, но ведь ты же марсианин, - с удивлением отозвался Мехдеви. - Не обижайся, Де Во, но это совсем не одно и то же.

Таким образом к началу Третьей фазы число студентов сократилось до двадцати девяти, а у Деккера появился новый партнер, женщина по имени Сяопин Йе с черными волосами и золотистой, как песок на пляже, кожей.

Сяопин все быстро схватывала, оказалась решительной и неглупой - но при этом она была намного старше Деккера и, как давным-давно дала понять всем одиноким мужчинам курса, замужем. Эти соображения исключали в глазах Деккера ее кандидатуру на какие бы то ни было личные взаимоотношения, но тем не менее женщина ему нравилась. И после неловкого Фена Мехдеви она казалась просто подарком судьбы. Она занимала твердое и уважаемое место - где-то между шестым и девятым - в классе, и бывало даже несколько раз, когда она могла помочь Деккеру со сложной моделью.

А Деккер нуждался во всей помощи, которую мог получить.

Первая неделя Третьей фазы была не такой уж и страшной. Инструктором здесь была женщина, которую звали Эва - она произносила «Эйва» - Мануэла Мартина, и первую неделю она преподавала спектрографическую идентификацию составляющей кометы. Что здесь требовалось, так это зубрежка учебников. И Деккер не ленился. У него не возникало никаких сложностей при сведении компьютерных данных, появляющихся на экране, когда воображаемый «лазер» разрезал поверхность искусственной «кометы», отчего кругом разлетались радуги цветов и линий. Компьютеры помечали долины и хребты. И Деккер вполне был в состоянии диагностировать ценность означенной модели: вот эта нерентабельна, слишком много одноокси углерода и силикатов; а эта - настоящее сокровище, она вся просто пронизана аммонием, то есть редким и драгоценным водородом.

Потом они перешли к «управлению змеей».

Для того, чтобы справиться с контролем «управления змеей», требовалось нечто большее, чем просто знания. Необходимы были сноровка и практика. Даже в первые несколько дней, когда все, что от них требовалось, это ознакомиться с пультами и экранами на каждом из обслуживаемых командами по двое рабочих мест, это было непросто. Необходимы были острый глаз и твердая рука, чтобы управлять контролерами, которые отправят

«змею» инструментов на шестьдесят миллионов километров в сердце кометы и установят каждый из кометов, диагностических сенсоров и Аугенштейнов на полагающееся ему место.

Самое сложное было работать на подобном расстоянии. Конечно, «расстояние» было не более реально, чем сама «комета» или «змея инструментов»; они представляли собой всего лишь программные продукты базы данных академии. Но это были отличные программы, и эффект достигался вполне убедительный. Данные инструментов давали в точности двести или около того секунд, необходимые для прохождения электромагнитным импульсом шестидесяти миллионов километров, и столько же на доставку инструкций обратно к «змее». Невозможно было непосредственно реагировать на то, что происходило на самой комете, вы находились слишком далеко. Необходимо было предвидеть то, что должно произойти, и Сяопин Йе гораздо лучше удавалось предчувствовать возможные неприятности, которые еще не произошли в далеком сердце кометы, чем Деккеру.

Иногда Деккеру хотелось, чтобы она была свободной и, может быть, выглядела чуть лучше. Конечно, не ее бы он выбрал в первую очередь в своих более интимных упованиях, которые не переставал питать. Наиболее многообещающей целью оставалась Вен Купферфельд, но и она оставалась лишь дружелюбной. Иногда она обращалась с ним почти по-сестрински тепло, как скажем, когда сидела с ним рядом за обедом и рассказывала, как она восхищается марсианами. Но единственным прикосновением к себе, какое она позволяла ему, оставались занятия «толкай-ворчи».... и теперь большую половину времени он оказывался во время этих занятий с другим партнером.

Деккер питал некоторую надежду что, когда курс перейдет от поражения цели к управлению змеей, его партнером может оказаться Вен Купферфельд. Еще одно из этих психологических испытаний отсеяло еще двоих студентов. Это означало перегруппировку среди учащихся

ся, а совместная работа могла привести к совместным занятиям, а совместные занятия - к чем-то большему. Такого не произошло. Да, конечно, у Вен Купферфельд появился новый партнер, но им оказался Джей-Джон Бельстер.

Таким образом возле Деккера, когда они готовились к своей первой «настоящей» - а на самом деле, симулированной - подготовке кометы, сидела Сяопин Йе.

- Вы двое начнете первыми, - постановила инструктор, указывая на Деккера и Йе, - а все остальные соберутся вокруг и станут смотреть. Это будет вас нервировать? Да, но подумайте о том, как вы будете нервничать, имея дело с настоящей змеей и настоящей кометой, а ставки там гораздо выше, чем при выполнении обычного упражнения. Во всяком случае, поскольку это - ваша первая подготовка, расстояние я установлю на полмиллиона километров, так что все будет гораздо проще, чем в нормальных условиях облака. Вы оба поняли?

Йе и Деккер кивнули, и преподаватель продолжала:

- Хорошо, давайте! Я активирую ваш дисплей.

И она наклонилась, чтобы нажать на кнопку активации, и на экране появилось изображение тела кометы.

Хвоста у нее не было - естественно, в Оорте, где вырывают и готовят кометы, - его и не могло быть. В скоплении было не достаточно солнечно-теплового излучения, чтобы заставить закипеть застывшие газы в серовато-белом неправильной формы шаре на экране. Подле него зависла «змея» - теперь она совсем не походила на змею, поскольку все еще была упакована в свой передвижной модуль.

- Готов, - сказал Деккер, готовясь к первому шагу.

Рядом с ним Сяопин Йе сделала глубокий вдох. Потом...

- Развернуть змею, - приказала она.

Деккер послушно набрал на клавиатуре инструкцию распаковки модуля и перевода его в режим проникновения. Секунды спустя неопрятный сверток развернулся, и Деккер смотрел, как разворачиваются кольца в то

время, как его партнер начала набирать программу вставки. Деккера это не касалось. Его задачей в данный момент было убедиться, что змея распутана и каждый элемент свободно перемещается в цепи. Все компоненты змеи были «умны» и сами по себе - конечно, должны были быть таковыми на тот случай, когда рабочее расстояние превышает пятьсот тысяч километров и любое изменение от управляющего змеей скорее всего опоздает спасти сломанное звено или даже потерянную комету. Но иногда, как знал Деккер, в автономных составных частях цепи может случиться неполадка.

- Укус завершен, - отрапортовала Йе.

На экране голова змеи вцепилась в оболочку кометы и данные показывали, что сидит она прочно.

- Начинаю проникновение, - сказал Деккер, запуская программу, которая поведет работающий на антиматерии бур змеи, пока он станет выплавлять себе дорогу в комковатом, хрупком теле кометы. И несколько секунд спустя увидел, как он начинает втягивать за собой длинный хвост инструментов и полимерных цистерн.

- Не так быстро, - предостерегла его Йе.

Деккер бросил на нее быстрый взгляд. Это был первый раз, когда она проявила малейший признак нервозности. Деккер ободрительно подмигнул ей, и она смущенно улыбнулась в ответ.

В предостережении не было необходимости, Деккер не терял головы. Нельзя позволить себе быть неосторожным, проводя термальный бур, растапливающий слои и карманы застывших газов и тянущих за собой всю змею.

Как только вся змея втянулась в комету, Деккер запустил полимезаторы змеи. Именно они позволяли приложить мощный рывок Аугенштейнов к объекту столь хрупкому, как комета. Продвигаясь вместе со змеей, полимезаторы запускали в расплавленный лед семена органических молекул с длинной молекулярной цепью. По мере прохождения бура и инструментов, они создавали вторичное замораживание - теперь это был уже не простой лед. Теперь это крепкая стена полимеров, кото-

рые будут удерживать комету в целости и сохранности, когда дадут залп Аугенштейны.

Все это было лишь предварительной работой, необходимой для того, чтобы подталкивать комету. Нельзя однако доверять структурному единству кометы. Будучи чем-то вроде щербета из застывших газов, кометы таковой не имеют. Каждую из них необходимо прошить не только одной цепью полимеров, но опутать целой паутиной сдерживающих поясов, чтобы она удержалась при рывке ускорения Аугенштейна, поскольку иначе она просто распадется на части. В сущности, попытки сдвинуть с места комету напоминали чем-то усилия срыть гору Джелл-О в три километра высотой.

Деккер бросил еще один краткий взгляд на Сяопин Йе. Она вполне успокоилась, нервность ее исчезла, и теперь женщина запускала программу по установке двигателей. Это было хорошо, потому что то, чем она занималась, было на самом деле наиболее сложным этапом управления змеей. От нее требовалось изучить все данные, поступающие от всех этих сенсоров и измерительных приборов в цепи, и вычислить наиболее выгодные точки для установки двигателей Аугенштейна в этой хрупкой массе. Йе сделала выбор и голубовато-зеленой окружностью быстро пометила нужное место.

- Прошу проверить, - сказала она, откидываясь на спинку кресла.

Деккер всматривался в данные.

Выглядело это неплохо.

- Подтверждаю, - сказал он, и Йе принялась за введение поддельной змеи на требуемую позицию.

И тут Деккер ощутил сладкий запах духов за спиной, когда та, которой они принадлежали, произнесла:

- Хорошая работа, Йе, - дружелюбно сказала Вен Купферфельд.

Деккер нахмурился и приложил палец к губам - совсем не время нарушать сосредоточенность Йе. Понизив голос, Купферфельд сказала:

- Хотела бы я иметь ее твердую руку.

- Это мягкость, - прошептал Деккер в ответ. - Нельзя дергать ее. Просто плавно вести туда, где ей место - знаешь, это как вышивать иглой с очень рыхлой нитью.

Вен бросила на него странный взгляд.

- Не знаю, - сказала она. - Никогда не брала в руки иглы.

После того, как змея была установлена, Деккер и Йе принимали поздравления сокурсников, и даже преподаватель сказала, что упражнение было выполнено удовлетворительно.

По дороге обратно в общежитие и Йе, и Деккера окружали небольшие группки студентов. Что особенно радовало Деккера так это то, что Вен Купферфельд была одной из тех, кто присоединился к нему. А меньше удовольствия доставляло ему то, что с ними потащился и Джей-Джон Бельстер, но к счастью, долго так не продлилось. Большая часть студентов повернула в сторону гимнастического зала. Бельстер помедлил, взглянул на Вен Купферфельд и, махнув рукой, тоже проследовал к гимнастическому залу. Что оставило Деккера и Вен Купферфельд наедине.

- Ну вот, мы и одни, - сказал Деккер.

- Самое время, - тепло отозвалась Вен. - Мы не спешили с разговором, который пообещали друг другу. Тяжелые были пара месяцев, правда?

- А я и не думал, что они могут быть тяжелыми для того, кто неизменно держит пальму первенства в классе.

Вен усмехнулась.

- Думаю, мне по большей части везет, - скромно сказала она. - Но во всяком случае, все идет к тому, что я останусь с вами на следующий модуль. Как и ты, Де Во. То, что ты делал на практическом занятии, - это просто фантастика.

Он попытался отмахнуться от похвал, но жест этот был не совсем искренним. Кому как не ему знать, сколь хорошо он поработал.

Потом Вен раздумчиво поглядела на него.

- Скажи мне кое-что. Ты женат?

Деккер был совершенно ошарашен, но ответ дал ей честный.

- Нет. Как-то не случилось.

- Понятно, - ответила Вен. - Так почему бы нам не выпить пива или чего-нибудь еще?

Это действительно было что-то еще, но определенно не пиво.

И было это не в студенческой столовой. У Вен была машина - личный автомобиль! - припаркованная у ограды академии, что разъясняло вопрос, постоянно висевший в сознании Деккера. Причиной, почему он почти не видел ее по вечерам в общежитии, было то, что она в нем не жила. Она поехала вниз по склону горы, показав какую-то карточку охраннику у периметра, который просто махнул им проезжать.

Остановились они на автостоянке возле группы зданий, которых Деккер до тех пор никогда не видел.

- Что это? - осведомился он, оглядываясь по сторонам.

- Говорят, раньше тут была горнолыжная база, пока проект не занял весь холм. Вон там до сих пор видны башни подъемника, - она махнула в сторону цепочки металлических вышек, поднимавшиеся в гору, хотя провода и сиденья с них давно уже исчезли. - Здесь я и живу.

А жила она в квартире, окнами выходившей на склон холма и далекий Денвер. Из окна открывался восхитительный вид.

- Будь как дома, - сказала она, исчезая в другой комнате.

Ее квартира была вдвое больше жилища семьи Де Во, не крохотной каморки, в которую переехала его овдовевшая мать, когда ее сын отправился на Землю, но просторных двухкомнатных апартаментов, в которых вырос Деккер.

- Это то, что они называли «кондо». Мне подарил его дед, - сказала Вен.

Комбинезон она сменила на юбку и свободную блузу и выглядела как никогда хорошенькой. Указывая на полку, она сказала:

- Это - его портрет.

Полка оказалась гораздо интереснее деда, поскольку помещалась она над самым настоящим камином, местом, где горючие материалы можно сжигать внутри самого дома! Но когда он всмотрелся в картину, то был крайне удивлен.

- А почему он в таком странном костюме? - спросил марсианин.

Девушка собиралась подать ему напиток, но остановилась на полпути, как будто размышляя, а действительно ли ему место в этой комнате. Потом она снизошла:

- Мой дед был генералом, - сказала она. - Это его мундир.

- Мундир, - повторил Деккер, пробуя напиток.

Половина его сознания билась над разгадкой проблемы, почему «мундир» должен быть столь вычурным, половина оценивала вкус незнакомого ликера, последний был полон оттенков: дымчатых, глубоких и сладких.

- Все люди в армии носят мундиры, Деккер. Таким образом они показывают, что они солдаты. Конечно, больше ничего подобного не делается. Дедушка оказался не у дел в последние тридцать лет своей жизни, с тех пор как они разделались со всеми армиями. У него было полно времени, он возил меня повсюду.

- Это он возил тебя в Африку? - с любопытством спросил Деккер.

Она помедлила.

- Ну, один раз он. Во всяком случае, в первый раз. Мой отец был никчемным человеком, но мне все восполнил дедушка Джим. Он возил меня в разные страны, - Вен с нежностью поправила портрет. - Но в Африке было лучше всего.

Казалось, ей хотелось, чтобы он спросил почему, поэтому так он и сделал. Вен в ответ улыбнулась заговорщицкой улыбкой.

- Не думаю, что мы достаточно хорошо знакомы, чтобы я рассказала тебе об этом сейчас. Ты голоден?

И когда Деккер признался, что да, Вен сказала:

- Тогда помоги мне.

У этой женщины не только жилого пространства было больше, чем хватило бы на две семьи, и еды в холодильнике хватило бы на шестерых, но и на стол она поставила ее почти для такого же числа человек.

- Обычно я ем здесь, - сказала она, как будто Деккер об это еще не догадался. - Тебя это устроит?

Ухмыльнувшись, Деккер кивнул и принялся за сандвич - это была свинина с маслом и перцем и ягодным вином, чтобы промочить горло.

- Марсианская еда, так ведь? Я думала, тебе понравится.

Деккер ухмыльнулся вновь, на этот раз мысли о том, что она все это время планировала пригласить его сюда - зачем еще ей закупать то, что они обычно едят в демах? Конечно, решил он после краткого раздумья, он - не единственный марсианин на их курсе. Впрочем, эта вторая мысль ему не понравилась.

Вен ела с тем же удовольствием, что и он, и между делом сказала:

- Если бы не дедушка Джим, ничего этого у меня бы не было. Мой дурак отец потерял все свои деньги. Я так же бедна, как и ты, Деккер.

- Это не так уж плохо, - предложил он, надеясь не быть воспринятым всерьез.

Так и произошло. Вен усмехнулась в ответ.

- О, не так уж это было и плохо, а путешествия - это просто прекрасно. Дедушка возил меня не только по туристским местам. Мы были в Гетеборге и Волгограде, и на побережье Нормандии и подобных местах. Он любил поля старых сражений, мой дед, и, по-моему, я сама переняла это у него немного. Маленькой девочкой я хотела, когда вырасту, тоже стать генералом, но...

Тут она остановилась и задумчиво поглядела на него.

- Тебе это не кажется странным? - спросила она.

Деккер неопределенно пожал плечами, поскольку это действительно представлялось ему несколько странным.

- Ну во всяком случае, старомодно, - признала она. - Но ведь ты и сам несколько старомоден, не так ли, Деккер?

Он задумался, как ей на это ответить, и выбрал наиболее простой способ.

- Я же - марсианин, - сказал он.

Вен кивнула.

- А Джей-Джон Бельстер говорит, что к тому же хороший. Ты хочешь, чтобы твоя планета получила все, что ей причитается, не правда ли? Здесь нечего стыдиться, Деккер.

Деккер, которому никогда в голову не приходило стыдиться чего-либо, связанного с тем, что он марсианин, отнюдь не был польщен тем, что его оценивает Джей-Джон Бельстер, и только сказал:

- Нет, конечно.

- А еще Бельстер говорит, что твоя мать - большая шишка на Марсе.

Тон ее изменился, и от этого Деккер почувствовал себя неуютно.

- Она - сенатор. Наверное, это самое большее, чего можно добиться на Марсе, но, конечно, Марс - не такое уж большое место - пока.

- Но тебе бы хотелось сделать карьеру?

- О черт, Вен! Конечно. А зачем, ты думаешь, я здесь?

На это она не ответила.

- По-моему, - сказала она, - быть марсианином довольно тяжело... я хочу сказать, когда ты так беден, а большинство кругом так богаты. Я имела в виду... - она обвела рукой кондо. - Я - нищая, если смотреть на это с точки зрения твоего приятеля Танабе, и все же у меня есть гораздо больше, чем у тебя. Тебя когда-нибудь это возмущало?

Эта женщина задает странные вопросы, подумалось

Деккеру. Он попытался найти такой ответ, который ее бы не обидел, и наконец остановился на:

- Думаю, это нечестно, - сказал он. - Марсиане работают гораздо упорнее, чем вы, земляне, а у нас гораздо меньше того, чем хвастаетесь вы.

Это, казалось, ее удовлетворило. Вен сменила тему.

- А почему у тебя такое странное ухо?

- Это - трансплантант. А свое собственное я отморозил.

Мечтательно она потянулась коснуться его уха. Прикосновение было приятным.

- Но все остальное у тебя на месте? - спросила она.

В ответ на его подтверждение она в салюте подняла стакан. Минуту спустя к изумлению Деккера Вен встала, подняла юбку и через голову стянула ее.

То, что носила она под юбкой, было иной версией ее белья, которое он видел, когда они примеряли скафандры, тонкое, почти прозрачное и забавно украшенное цветами и сердечками.

- Ну, - почти по-деловому спросила она, - и ты не покажешь мне, как это работает?

- Да, конечно, - ответил Деккер, поскольку это, очевидно, было тем ответом, какого она ожидала, и немногим отличалось от того, о чем думал он сам.

Просто это застало его врасплох, вот и все. А когда очень быстро они оба разделись и, обнявшись, лежали в мягкой пружинящей кровати Вен Купферфельд, прежде чем они впервые поцеловались, Деккер еще успел удивиться теплой силе ее плотного мускулистого тела.

Соитие - как соитие, бесконечно иное и всегда все то же. Насколько Деккеру Де Во позволял судить его собственный опыт, их секс был успешен. И согласно любому разумному стандарту длился он адекватно долго. Конечно, он освободил его ото всех болей и стрессов, и то, как сонно обнимала его Вен, когда они израсходовали все, что могли израсходовать, указывало на некое удовлетворение и с ее стороны.

Впоследствии они говорили мало. На самом деле Вен

спала, когда чуть позже Деккер встал, оделся и тихо прикрыл за собой дверь в квартиру.

На автостоянке он печально оглядел ее маленький гидроавтомобиль, но, конечно, обратно придется добираться без него. Дорога пешком, безусловно, пойдет ему на пользу. Прежде чем начинать долгий подъем, Деккер поднял глаза к небу. Над склоном горы стояла ясная ночь, немногие видимые с Земли звезды затмевала четвертинка Луны, но само небо прочерчивали яркие черточки комет, движущихся к своему свиданию с Марсом. Для Деккера Де Во, который в этот момент был вполне удовлетворен окружающим миром, это было отрадное зрелище. Одна огромная комета раскинулась как растекшееся серебро, чуть ли не на полнеба, а за ней виднелось еще несколько более отдаленных, но все они имели отчетливо видимые хвосты.

- И вот, - сказал самому себе Деккер, - для чего все труды.

Он едва ли был против долгой дороги вверх к обществу.

Впрочем, к тому времени, когда он достиг скопления спальных зданий базы, его марсианские кости и мускулы начали отчаянно возмущаться.

Однако это того стоило. Оттягиваемое удовольствие - удовольствие вдвойне. Соитие только подтвердило то растущее в сознании Деккера впечатление, что секс с Вен Купферфельд может оказаться тем, что стоит повторять вновь и вновь.

Быть может, до конца его жизни.

А потом Деккер стал задаваться вопросом, не мог ли он, что называется, «влюбиться». Это был интересный вопрос. Долгая дорога до дома превратилась в слишком короткую.

Деккер не был до конца уверен, каковы должны быть диагностические признаки данного состояния. Во всяком случае, он был вполне уверен, что у него присутствуют не все из них. Например, он не считал, что Вен Купферфельд

единственная возможная для него женщина на какой бы то ни было планете. Он даже не считал ее совершенством. О, на самом деле, она очень была близка к нему, поскольку у этой женщины действительно эксцентричные представления о жизни - генералы! поля сражений! - и у Деккера не было сомнений, что значительная часть той личности, что звалась Вен Купферфельд, так ему и не открылась, как бы полно она ни предлагала ему свое физическое тело.

И все же, хромая через вестибюль своего общежития, он был исполнен радости. Нет, не переполнен ею. И головы он не потерял; он отнюдь не был готов зарубить для этой женщины дракона или покончить с собой, если потеряет ее, но все же счастлив.

Деккер был удивлен обнаружить, что в вестибюле отнюдь не столь тихо, как он привык по субботам ночью. Вселялся новый курс. Несколько новичков с Первой фазы несли на плечах сумки, направляясь к спальным комнатам, и, широко раскрыв глаза, с любопытством оглядывали все вокруг. Деккер, ветеран Третьей фазы, терпимо им улыбнулся и открыл дверь в свою комнату.

Внутри было темно. Торо Танабе отправился на уик-энд в Болотный Город, и не успел Деккер дойти до того места, где находился выключатель, как споткнулся о посылку на полу.

Посылка предназначалась ему.

Отправителем на штампе значилось Реабилитационное Заведение Колорадо. Приклеенная к внешней обертке записка, с его именем и адресом, гласила, что Реабилитационное Заведение Колорадо имеет удовольствие переслать ему, ближайшему родственнику Болдона Де Во, личные вещи его скончавшегося отца. В свертке оказалось немного одежды, предметы туалета и письмо.

Деккеру до сих пор не приходило на ум ничего, что могло бы прогнать из его головы мысли о Вен Купферфельд, и вот эта посылка...

Он присел на краешек дивана в общей комнате и долго сидел там, держа в руках письмо. Об этом письме он

как-то не думал, поскольку мысли его в основном были заняты отцом. Он думал о печальном конченном человеке, который решил доживать остаток своих дней там, где не было никого, кого ему бы хотелось видеть, и о том, каким бы мог быть мир, если бы там в Оорте с Болдоном Де Во не случилось несчастного случая.

Деккер не плакал. Хотя мог бы. И не стыдился бы этого. Он просто испытывал нечто более глубокое, чем то, что случалось ему испытывать раньше, и наряду с печалью в его душе был также и мир.

Он еще раз перечел письмо отца. Оно гласило:

«Мой любимый сын!

Поскольку все идет к тому, что я вскоре умру, они позволили написать мне это письмо. Я пишу его затем, чтобы сказать тебе, что я сожалею, что не вернулся. Я хотел. Мне хотелось смотреть, как ты растешь и взрослеешь, и мне хотелось быть рядом с твоей матерью. Я просто не нашел в себе мужества лицом к лицу встретиться с жалостью.

У меня нет никаких прав давать тебе отеческие советы, но тем не менее дам их. Сделай все, что в твоих силах, чтобы позаботиться о матери. Держись подальше от Маркуса и подобных ему людей, потому что они больны. Или, быть может, просто злы - я не мог бы сказать, в чем различие. И самое важное: пожалуйста, не завидуй землянам, и превыше всего, не пытайся быть таким, как они.

Мне бы хотелось быть тебе лучшим отцом, Дек. Ты этого заслуживаешь.

Твой отец».

К письму прилагался постскрипtum:

«Позаботься о Храбром Мишке. Я рад, что ты сохранил его. Будь это в моих силах, я дал бы тебе больше».

Это взрыватели в Оорте - разведчики, те, кто управляет змеей, канониры и корректировщики - считают себя самой важной частью проекта, потому что они были теми, кто запускал кометы в долгий путь от облака до падения на Марс. Однако, дальше этого они не шли. Изначально их программы только направляли объекты в сторону Солнца.

В первые три-четыре года это всех устраивало. Затем возникла ситуация, когда требовалось поймать и откорректировать курс каждой поступающей кометы, и это было гораздо сложнее... или, по меньшей мере, сложно в совсем ином отношении.

Кометы поступали из Оортова облака под самыми различными углами и из самых разных направлений, и все они были неверны. Правильная траектория провела бы комету близко к Солнцу по перегелиону - достаточно близко, чтобы получить максимум делт солнечной гравитации, но не настолько близко, чтобы Солнце расплавало большую часть массы кометы. А также искривление этой траектории должно быть таково, чтобы она привело комету точно на Марс. Вот тут-то и начинались проблемы.

Эту часть задачи брали на себя спутниковые станции Со-Марс на орбите планеты. Они анализировали траектории каждой из поступающих комет и руководители взрывали корректирующими эти траектории. А такого не сделаешь за один раз. Весь путь долгого падения кометы за ней следовало присматривать и даже нянчиться с ней, когда она проходила по оптимальной кривой вокруг Солнца. Требовалось до пятисот исправлений корректировок курса, чтобы уловить тот момент, когда притяжение Солнца вырвет комету с ее изначального курса, и поместить в плоскость эклиптики, одновременно замедляя ее движение в требуемую долю секунды, чтобы она доползла именно в требуемую точку на орбите Марса.

Вот чему учились студенты на протяжении Четвертой фазы. Некоторые говорили, что это - самая важная часть

всего курса подготовки. Другие - что примечательно, это были те, кто побывал на кружащих вокруг Марса станциях или в самом Оорте, - полагали иначе, но в действительности правы были и те, и другие. Не было этапов, которые не были бы важны в тяжелом и утомительном деле проведения кометы из Оорта до приземления на Марс.

29

То, что он был «влюблен» или, по меньшей мере «увлечен», - или, как поправил себя Деккер, наверное, просто «в пылу», - безусловно, давало немало пищи для размышлений, но не настолько много, чтобы заставить его забросить занятия. Не забывала о них и Вен. На самом деле, они много занимались вместе в те вечера, которые она была готова провести с ним, по крайней мере, часть этих вечеров.

Сосредотачиваться Деккеру помогало и то, что Четвертую фазу он нашел очень интересной. Дело было даже не в подлежащем изучению материале, хотя и он, конечно, интересовал Деккера Де Во. Другим увлекательным моментом, в более или менее личном плане, было то, что инструктором здесь оказалась его приятельница с давней вечеринки в Санпойнт-Сити Аннете Бэнкрофт.

Деккер уважал официальное положение Аннеты и никогда не обращался к ней по имени и не делал никаких попыток сблизиться со своей преподавательницей. Впрочем, избежать фамильярности было не так уж и трудно. Они все время были заняты. По прошествии первых нескольких дней, заполненных лекциями и тестированиями, они вернулись в тренировочный контрольный отсек, который кратко посещали несколькими неделями раньше.

Деккер рад был обнаружить, что у него оказался природный дар управления кометами. Вен этим восхищалась - может быть, даже немного завидовала, - а Аннета Бэнкрофт поощрительно похлопала его по спине.

- Тебя следовало бы отправить на одну из Со-Марс станций, - сказала она.

На заявление Деккера о том, что он на самом деле намеревался отправиться в сам Оорт, инструктор окинула его задумчивым взглядом. Но в глубине души Деккер знал, что она права. В жизненно важных задачах по удерживанию планеты на курсе, решению орбитальных проблем и управлению корректировочными взрывами он был столь же хорош, как и любой другой студент их курса. Или это следствие его опыта как пилота? Деккер так не думал. Общие проблемы были одни и те же - руководить и продумывать все заранее - но, конечно, здесь большая часть планирования курса выполнялась компьютером. Это компьютер разрабатывал позиции и траектории каждой поступающей кометы, опрашивал приборы каждой из них и каждые десять секунд всех тех лет, какие требовались комете для того, чтобы достичь места назначения, выдавал новую разработку. Таково писание: компьютеры редко допускают мелкие ошибки, но требуется человеческий разум, чтобы вовремя отследить крупные.

И в тренировочном контрольном центре, когда Деккер набирал свои предполагаемые траектории и смотрел, как золотая линия вычисленного им пути тянется от кометы к той точки сети, где она достигнет перигелиона, а потом программу «нормативной» проверки, чтобы сравнить свой выбор с действительным решением контролера, раз за разом эти линии совпадали. Один раз даже наблюдавшие за его работой сокурсники взорвались шквалом спонтанных аплодисментов. Конечно, Аннета Бэнкрофт немедленно шикнула на них, но Деккеру пришлось в голову, что его отец был бы доволен.

Впрочем, об отце он думал не часто. Он не забыл Болдона Де Во; в сердце его оставалось большое место, в котором хранилась память об отце. Но у Деккера было немало непосредственных забот, и одна из них присутствовала подле него значительную часть времени лично и в его мыслях большую часть остающихся часов: Вен Купферфельд.

Проводить столько времени, размышляя о Вен Купферфельд или в сущности о женщине, было чем-то совершенно новым в жизни Деккера. Она не была единственной женщиной, с которой он когда-либо занимался любовью. Но он никогда не видел снов наяву о каком-либо другом человеческом существе. Когда они были вместе, он целиком и полностью сознавал разделяющие их различия: землянка - марсианин, богатая - бедный, умудренная - наивный - по большей части, наверное, женщина - мужчина. За время своего пребывания на Земле Деккер пришел к выводу, что здесь основополагающие различия между мужчиной и женщиной выражены гораздо более, чем когда-либо он имел возможность наблюдать на Марсе.

Но когда он оказывался вдали от нее, различия эти, казалось, не играли особой роли. Мысль, доминирующая в его сознании, заключалась в желании вновь оказаться рядом с ней.

Во время практических занятий они гораздо реже оказывались рядом, чем этого хотелось бы Деккеру. Однажды открыв ему доступ в свою постель, предположил Деккер, она решит повторять это шоу *ad lib*. Так оно, до некоторой степени, и было, но не столь часто, как предпочел бы марсианин. Время от времени, когда Деккер подходил к ней по окончании дневных занятий, его встречали та теплая улыбка и непроницаемый взгляд, которые заранее говорили Деккеру, что она сейчас скажет: есть нечто иное, что она просто обязательно должна сделать сегодня вечером.

И все же недостаток в совместных вечерах не было, что через какое-то время заметил даже Торо Танабе. Великому эгоцентристу Танабе понадобилось больше недели, чтобы заметить, что они поменялись ролями: теперь Деккер возвращался в их комнату очень поздно и очень довольный собой. Тогда у Танабе ушло не более нескольких секунд, чтобы догадаться почему. Он отключил экран и во все глаза уставился на Деккера.

- Это ведь Вен Купферфельд, не так ли? - ошеломленно спросил Танабе.

- Да, мы иногда занимаемся вместе.

- Ну да, конечно, я наверняка знаю, чем вы занимаетесь. Но эта женщина совсем не твоего круга, Де Во.

- Поскольку мысли Деккера не раз бежали по этому пути, ответ его оказался гораздо горячее, чем могло бы быть в противном случае.

- Она так не думает. Если уж тебе это так хочется знать, она так же бедна, как и я.

Танабе покачал головой.

- Круг - это не просто вопрос денег, - заявил он. - По крайней мере, раз в сто лет деньги могут и не играть тут особой роли. Купферфельд происходит из очень высокопоставленной семьи, в то время как ты...

Танабе вовремя спохватился, чтобы не сказать «марсианин». С минуту он просто молчал. А потом, побуждаемый каким-то минутным импульсом доброты, сменил тему. Он жестом указал на свой экран. •

- С ума я сойду с этими интегралами, - простонал он. - Так легко рассчитывать их здесь на экране, но когда мы на деле пытаемся вести комету, все оказывается во много раз сложнее.

- Ты этим и занимался сейчас? - с любопытством спросил Деккер, поскольку то, что он успел уловить прежде, чем Танабе отключил экран, вовсе не походило на учебное задание.

Вид у Танабе сделался хмурый.

- Не в данный момент, - признал он. - Нужно же иногда расслабиться. Честно говоря, это был фильм на марсианские темы.

- О черт, - расхохотался Деккер.

- Мне просто хотелось понять, что из себя представляет твоя планета, - заявил Танабе.

- Этого ты из шоу не узнаешь.

Сам Деккер видел лишь одно-два этих популярных шоу, поскольку они его оскорбляли - кровавые приключения на Марсе, невероятно злобные марсианские поселенцы, как звери, ютящиеся в своих подземных укрытиях, крадут земных женщин. Драки!

- Знаю, - покорно отозвался Танабе. - Там, конечно, все крайне преувеличено, но все же... А новости настолько скверные, что я просто их отключил. Токийские индексы упали сегодня ночью на полтора пунта.

- Я не знаю, что это значит, - сказал Деккер вежливо, но без малейшего любопытства.

- А значит это, что мой отец сегодня почти на пол-миллиона куэс беднее, чем был вчера, - с горечью проговорил Танабе. - О, осталось еще немало - пока. Но когда все это кончится?

Деккер подавил зевот.

- Это только деньги, Танабе. Это из-за этого ты теперь так усердно учишься?

- В то время как ты с этой женщиной изучаешь совсем иные предметы? - Танабе помедлил, но потом все же добавил: - Я знаю, что меня это не касается, Де Во, но послушай, что я скажу. У Вен Купферфельд не только большие связи, но она к тому же гораздо сильнее тебя. Она съест тебя заживо, старик.

- Да, и мне бы этого хотелось, - согласился Деккер, чтобы заставить замолчать этого надоедливого человека.

Танабе замолчал. Не проронив больше ни слова, он удалился в свою комнату, и когда они встретились на следующее утро, японец был вежлив, но ни одним словом не упоминал о том, как опасна Вен Купферфельд.

Однако, упомянул об этом сам Деккер.

В следующий же раз, когда он оказался в кондо Вен, когда они приканчивали приготовленный в микроволновой печи обед из ее запасов, «чтобы сэкономить время для занятий», Деккер не смог удержаться и не рассказать ей забавную историю о том, как Танабе предостерегал его против нее.

Вен, казалось, отнюдь не удивилась. Она даже не обиделась. Девушка просто задумчиво протянула Деккеру свою грязную тарелку и столовые приборы. Вен смотрела, как он относит посуду к очистителю, а потом сказала:

- А что ты думаешь, Деккер? Я причиняю тебе вред?

- Конечно, нет, - сказал он с намерением убедить ее. - Я даже не думаю, что Танабе действительно полагает, что ты можешь каким-то образом мне повредить. Он просто пытался сказать, что ты очень отличаешься от меня.

- Да?

Деккер собирался уже уверенно ответить «нет», а потом на секунду задумался.

- Ну, конечно, отличаешься. Хотя, по-моему, в этом нет ничего дурного. Ты мне и так нравишься.

- Чем отличаюсь? - настаивала она.

Деккер с улыбкой развел руками.

- С чего ты хочешь, чтобы я начал?

- С чего хочешь. Начни с первого, что приходит тебе в голову.

- Ну, - он на мгновение задумался и, отказавшись от первых трех «первых», все же начал: - Ну, просто опыт. Ты была в стольких местах, о которых я только слышал. С твоим дедом, я хочу сказать.

- Каких местах?

- Я имею в виду во всех. Или скажем, эти поля старых сражений. И Африка. Кстати, а почему ты туда поехала? В Африке не было никаких битв?

- Не было, черт побери, - сказала она. - Африка - континент столь же кровавый, как и все остальные в мире, а это говорит о многом. Но я не поэтому люблю ее больше всего.

Вспоминая, Деккер произнес:

- Но тогда ты отказалась сказать мне почему. Сказала, что еще слишком мало меня знаешь. А теперь?

- Наверное, нет, - ответила она, целуя его в щеку.

Но когда они рядышком сидели на ее диване, она все же стала рассказывать.

- Дичь в Африке хорошо охраняется, ты это знаешь? Деккер кивнул.

- Но нам все же удалось поохотиться.

Деккер сел, чтобы взглянуть на нее.

- Как?

- Как? Дедушка Джим подкупил рейнджеров, а ты что подумал?

И пока она рассказывала ему всю эту историю, Деккер с недоверием смотрел на нее во все глаза. Но, похоже, то, что она говорила, было правдой. У ее отца были «контакты». Его «контакт» взял деньги и тайком провез деда и внуку подростка в заповедник, находящийся под охраной рейнджеров. Он даже дал обоим оружие - магнитные винтовки тридцать восьмого калибра. Едва ли из них возможно было бы убить слона - даже подкупленные рейнджеры не решатся на нечто столь серьезное - но их вполне хватало, чтобы убивать, если вам удастся отыскать дичь поменьше.

Даже льва.

- Дедушке хотелось, чтобы мне повезло именно с ним, - сказала она, отчасти яростно, отчасти сентиментально. - Льва. Старого, злобного, с черной гривой. Того, что убивает людей. Так что, когда рейнджеры отыскивали необходимые следы и мы поняли, что где-то вокруг бродит лев, рейнджеры отчалили. Дед пристрелил одну из газелей Гранта в качестве приманки - нет не убил, а только ранил в плечо, чтобы она не смогла быстро удрать - и мы следовали за этой чертовкой, пока на нее не вышел лев. О Деккер, - сказала она, тяжело дыша. - Я так испугалась. Огромный лев, а у меня только эта маленькая хлопушка! Но я дала льву забить его добычу, а потом убила самого льва. Одним выстрелом. Пуля прошла через глаз прямо в мозг. Дед поднял меня на руки и поцеловал прямо там.

Она остановилась, всматриваясь в лицо Деккера. Потом рассмеялась, не пытаясь обидеть - это был веселый доброжелательный смех, как будто выражение лица Деккера ее позабавило.

- О Деккер, - сказала она, - хорошо, что вы марсиане лучше занимаетесь любовью, чем деретесь. Ну так что ты скажешь? Почему бы нам не вернуться к тому, в чем мы хороши?

Все было как всегда прекрасно, но в то время как Деккер еще тяжело дышал, Вен Купферфельд уже спустила ноги с постели.

- Думаю, мы еще не допили вино. Не стоит ему пропадать зря.

Деккер, не одеваясь, последовал за ней - но она ведь была обнажена тоже. Вен задумчиво глядела на него.

- Это тебя шокирует, не так ли, Деккер? Я имею в виду, нелегально застреленный лев? Прости. Наверное, Танабе был прав...

- Да пошел он, - с нажимом сказал Деккер, тем более, что сам совсем не был в этом уверен.

- Признаю, это - не то, что вы бы назвали послушанием закону. Но я ничего не могу поделать. Мой дед был прекрасным человеком, а они разрушили его карьеру.

Деккер подошел к ней, пытаясь отыскать почву для соглашения между ними.

- Думаю, - сказал он, сам не будучи уверенным, что это правда, - что устранение войн повредило многим хорошим людям.

- Они не устранили войны, Деккер. Они просто устранили армии, а их будет очень не хватать, когда грянет следующая война.

Деккер в изумлении уставился на девушку.

- Как может произойти следующая война? Чем в ней станут сражаться?

Вен покачала головой.

- Никогда не стоит недооценивать способность человечества отыскивать средства и способы воевать. Быть может, это атавизм, но я скучаю по прошедшим временам. Деккер? Разве вы, марсиане, никого не ненавидите?

- Ненавидим? Не думаю, - сказал он, копаясь в памяти. - Хотя немало есть людей, которые мне не нравятся.

- Нет, я имею в виду ненависть. Мой дед ненавидел япошек.

- Но Торо Танабе.... - начал он, но Вен нетерпеливо оборвала его:

- Я не говорю о твоём проклятом соседе, я говорю о них всех. Дед говорил, что именно они избавились от войн, они и их Миротворцы. А теперь они всему хозяева.

Вен остановилась и посмотрела на него, как будто ожидая, что он что-нибудь скажет, но сказать Деккеру было нечего. Подобные разговоры были решительно немарсианскими, и таким образом не входили в его опыт - ну, если не считать семьи Нгемба из Масаи. Но ни один из Нгемба никогда не произносил слова «ненависть».

- А как насчет нас? - спросила она. - Я имею в виду землян? Разве все марсиане не ненавидят грязевиков?

- Есть определенная доля страха, как мне кажется, - натянуто ответил Деккер, - и возмущения по поводу стоимости Бонов, и...

- Не страха. Ненависти. Разве ты не испытал бы удовлетворения, если бы с землянами что-нибудь случилось? Я не имею в виду убийства, может быть.

- Нет, - он с минуту подумал, а потом с нажимом повторил: - Нет.

- Ну, а я испытала бы, случись что-нибудь с япошками. Однажды мы надрали им задницу, и как бы мне хотелось, чтобы мы могли это сделать снова.

С минуту она сидела, погрузившись в задумчивость, потом ласково погладила его по щеке.

Для Деккера это простое прикосновение к его лицу изменило весь характер дискуссии.

- Понимаю, что ты хочешь сказать, - неопределенно сказал он.

На самом деле Деккер откровенно лгал, но, готовясь к повторению обычных их развлечений, сел рядом с ней и обнял за плечи. Оказалось, он ошибся в ее намерениях. Она не придвинулась к нему, как он того ожидал. Впрочем и не отстранилась. Она просто сидела, опираясь о край кушетки, и внимательно разглядывая Деккера. Потом Вен внезапно сказала:

- Почему ты так боишься войн?

Это заставило его выпрямиться.

- Я не боюсь войн, Вен. Просто на мой взгляд это - варварство. Всем нам лучше живется без них.

Но Вен настаивала.

- А ты уверен, что знаешь, о чем говоришь? Ты видел войну?

- Конечно, нет. Как я мог? Никто не видел.

- О, я не говорю о реальной, - нетерпеливо перебила она. - Я говорю о военном вирте.

Это его откровенно удивило.

- Я не знал, что существуют виртуалы войн.

- У тех, кто может себе это позволить, есть все, Деккер. Даже у тех, кто этого себе позволить не может, если у них были богатые дедушки, - с минуту она, размышляя, смотрела на него. - Конечно, они гораздо лучше, если сперва прийти в соответствующее настроение...

Он недоуменно поглядел на нее, потом просиял:

- О, ты хочешь сказать, если мы выпьем еще вина?

- Не совсем. Впрочем, думаю, вино тоже сойдет. Вопрос в том, хватит ли у тебя смелости испытать войну?

Если бы она не употребила слово «смелость», Деккер мог бы и отказаться. Без сомнения, именно поэтому она его и употребила; несколько минут спустя они уже были в ее спальне. Из шкафа она достала шлемы виртуальной реальности, надела ему на голову один из них и помогла распределить складки по плечам.

Шлем и плащ виртуальной реальности совсем не походили на марсианский тепловой скафандр, как обнаружил Деккер. На самом деле, были гораздо хуже. Как и в скафандре корабля-корректировщика, забрала у этого шлема не было. Хотя и здесь по его лицу пробегал поток свежего воздуха, но у него возникло все то же ощущение, как будто он задыхается в темноте. Когда Вен обратилась к нему, голос ее звучал невнятно и приглушенно:

- Ты готов? - спросила она.

- Как никогда.

- Тогда давай попробуем. То, что мы сейчас увидим,

относится к Гражданской войне в Америке, к тому, что называется, Битвой Семи Дней. Начали...

Они действительно начали.

Не было никакого щелчка, никакой предупреждающей вспышки. Просто Деккер вдруг обнаружил, что смотрит на берега потока в десять метров шириной с топкими зарослями вокруг. Шлем давал впечатление полного погружения: задействовались не только зрение и слух, но и другие чувства. Поступающий к его ноздрям воздух был влажным и наполненным запахом горящей древесины - очевидно, от лагерных костров? - равно как и другим запахом гари, химическим, неприятным запахом, которых он не мог идентифицировать. Он слышал звуки отдаленных взрывов, врывавшихся в пение птиц и жужжание насекомых.

Услышав что-то позади себя, он оглянулся. Хотя вся сцена - он прекрасно это сознавал - была всего лишь создана компьютером, рисующим электронные образы на внутренней стороне его шлема, угол обзора изменился с движением тела. У излучины реки он увидел людей в синих мундирах, погонявших упряжку лошадей, которая пыталась вытянуть из воды пушку на противоположный берег.

Пушка. Это была настоящая война.

- Это - река Чикамони, - зазвучал у него в ушах голос Вен. - Перед нашими глазами разворачивается начало Битвы Семи Елей.

Деккер про себя нахмурился.

- Мне показалось, ты сказала Семь Дней.

- Не упрямясь, Деккер. Семь Елей - одна из битв, составивших Сражение Семи Дней. Давай посмотрим на генералов.

Видение качнулось и сместилось. Теперь он смотрел на двух мужчин в серых мундирах, которые, стоя в стороне, склонились над картой. Один был высок и неопрятен, другой - не столь неряшлив, хотя его мундир был покрыт пятнами пота. За спиной генералов в лагерь в неровном строю въезжала на лошадях группа белокожих

солдат, за спиной у каждого - винтовка. Сорок или пятьдесят темнокожих мужчин в гражданской одежде - в основном рубашки, хлопчатые штаны, босиком - тяжело дыша и покряхтывая, копали ров, чтобы создать земляные укрепления. Им в бурдюках подносили воду три чернокожие женщины в длинных юбках и шaliaх.

- Эти двое - командиры конфедератов, - говорила Вен. - Высокий - генерал Томас Джексон. Позже он прославится, и они назовут его «Каменной стеной», но пока он всего лишь командир одного из отрядов под началом генерала Роберта Е. Ли. Ли стоит рядом с ним. Он окажется величайшим из генералов этой войны, а сейчас ему только-только поручили командование армией Северной Вирджинии. Смотри дальше.

Еще одна быстрая смена панорамы. Деккер обнаружил, что смотрит на следующую группу, эта подле грязного тракта. По тракту по направлению к реке громыхали груженные повозки - той же самой Чинамоки? Деккер решил, что так; и эти люди тоже изучали карты.

- Это - противник, Деккер. Красивый моложавый мужчина в голубом - Джордж Мак-Клеллан. Он командует армиями северян, и они оккупируют Юг. Смотри, Деккер, сейчас он подвел свои войска на расстояние около ста километров от Ричмонда - это столица Конфедерации - и если Мак-Клеллану удастся прорваться и взять Ричмонд, война будет окончена.

- А он сможет?

- Нет, - сказала Вен, в голосе ее звучало превосходство. - Он бы мог, но не сделает этого. Ублюдка было для этого все необходимое, но он отступит потому, что его одурочит Ли. Если хочешь знать, как это произошло, это был просто позор. Северянам не удавалось взять Ричмонд еще в течение трех лет, да и впоследствии взял его не Мак-Клеллан. Знаешь, почему это сражение так интересно, Деккер? Потому что у Мак-Клеллана были все преимущества, а Ли тем не менее наподдал ему.

С минуту Вен молчала. Деккер заметил, что и здесь поют птицы и жужжат насекомые, и воздух столь же тепл

и влажен, как и на противоположной стороне. Все шло не так скверно, как он предполагал. Леса были красивы. И эти древние люди не казались такими уж монстрами. Никто не казался раненым, и если это правдивый пример того, что такое война, то он, Деккер, не понимает, почему все считают их столь ужасными.

Но Вен Купферфельд продолжала:

- А теперь смотри. Помни, вся эта череда боев тянулась семь дней, так что, естественно, всего мы не увидим. Все, что нам удастся ухватить, это несколько самых жарких сцен...

Так Деккер Де Во впервые в своей жизни испытал войны.

Пики, горячие точки сражения, как называла их Вен Купферфельд, отнюдь таковыми для Деккера не были. Они раскрывали для него пропасти, о каких раньше он даже не подозревал.

Война - дело не вежливых мужчин, мирно дискутирующих над причудливыми карами. Война была кровавой жестокостью и грязной смертью. Война была исполнена вони крови, экскрементов и паленого мяса. Война - это кричащие люди и пытающиеся встать на ноги лошади, у которых из распоротых желудков свисают мускулы. Война - это раненые солдаты, скорчившиеся за редутами, в то время как противник накатывается с бангонетами, а кавалерия рубит артиллеристов, прижатых к своей пушке. Война - это убийство, отвратительное, многообразное, не имеющее конца.

Вен почти наугад переключала вирт с одной сцены бойни на другую, не обращая внимания на время и последовательность событий. В какой-то момент Деккер увидел яростно палящее с пронзительно голубого неба белое солнце, в другой - людей хлестали потоки дождя, и укрытое тяжелыми тучами небо рвали молнии, или через промокший лес, отстреливаясь на ходу, отступали солдаты; а в следующий - в полумночной тьме оранжевые языки пламени из установленных на холме пушек лизали черные стволы, изливались на орущую массу людей на темных склонах под ними.

В первые несколько секунд Деккер успел увидеть все, что ему когда-либо хотелось знать о войне, но заставлял себя смотреть еще десять долгих минут. Ему требовалась уверенность в том, что он понял все, что следовало понять в этом древнем и забытом - но, очевидно, не окончательно забытом - отчете о воинственности из варварского прошлого человечества.

Потом он решил, что с него хватит. Быть может, узнать можно и больше, но Деккер Де Во не желал этого знания. Ставив с головы шлем, он положил аккуратно его рядом с собой на кровать, стараясь не запутать провода панели управления.

Рядом с ним в напряженной позе сидела Вен Купферфельд, руки судорожно сжаты на коленях, голова скрыта под массивным шлемом вирта. Убийства на земле Виргинии исчезли из поля зрения Деккера. То, что он видел вокруг себя, снова было теплой уютной спальней. Но, что было здесь совершенно неуместно, он продолжал слышать звуки продолжающейся битвы внутри шлема, слабые и отдаленные, но марсианин не знал, как от них отключиться. Он даже не попытался отключить звук с панели. Просто сидел на кровати.

Физически Деккеру не было дурно, просто тошнило от увиденного. Он терпеливо ждал, не произнося ни слова и не шевелясь, пока наконец Вен не сняла шлем и слабые звуки бойни смолкли.

Вен сердито глянула на него.

- Ну, - спросила она. - Что ты думаешь?

Деккер подумал прежде, чем ответить.

- Я думаю, мне стыдно за человечество, - сказал он.

Прежде чем ответить Вен встала и аккуратно убрала шлемы. Потом с жалостью поглядела на него.

- Ну да, ты ведь истинный марсианин, не так ли? - сказала она. - Ты не желаешь смотреть в лицо тому, что на самом деле есть человечество.

- Мне не нравится, когда убивают людей.

- Почему это тебя так волнует, Деккер? - спросила она, становясь разумной. - В смерти нет никакого отклонения.

Рано или поздно все умирают, и зачастую люди умирают гораздо более ужасной смертью, чем просто получить пулю в голову во время боя. Что плохого в том, что люди погибают во имя какой-то цели... потому что они настолько во что-то верят, что готовы отдать за это свою жизнь?

- А во имя чего умирали эти люди? Ты сказала, что эта война тянулась годами. Насколько я успел увидеть, - сказал он, - они умирали ни за что.

- Это нет так, - ответила Вен, - потому что в этих сражениях победил Юг. Не важно, что произошло потом, на этот раз они победили. Естественно, были потери. В те семьдней Юг потерял двадцать тысяч человек, а Мак-Клеллан, быть может, немного больше.

Деккер посмотрел на нее в упор.

- Сорок тысяч убитых, - ошеломленно сказал он.

- О черт, не все они были убиты. Всего из потерь, на самом деле, были убиты или умерли от ранений около половины, но господи, Деккер, что с того? Это было очень давно. Какая разница, убиты они или нет? К сегодняшнему дню они все равно были бы мертвы, разве нет? Во всяком случае, не в этом дело.

- А в чем тогда?

- Победа, Деккер! Дело в победе. Победа - вот, что главное, потому что если ты победил, ты можешь взять все, на что у тебя есть право, не важно, если кто-то говорит тебе, что ты не можешь этого сделать.

Она посмотрела на марсианина, и выражение ее лица несколько смягчилось.

- Хорошо, не будем больше теперь об этом говорить. Доверься мне, ты еще передумаешь, Деккер, когда немного подрастешь. А теперь не хочешь ли отправиться в постель?

Он внимательно смотрел на женщину, в которую, может быть, был влюблен. Она была очень красива, когда лежала, опираясь на локти, в постели, которую они делили. Она не улыбалась, но ее лицо покрывал румянец, и дыхание было учащенным.

Деккер покачал головой и встал.

- Думаю, не на этот раз, - сказал он трезво и вежливо. - Спасибо за обед и за вирт, но я думаю, я просто вернусь в общежитие.

30

Деккер некоторое время не виделся с Вен Купферфельд - то есть, видеть-то он ее видел, и даже когда приходилось, разговаривал с ней во время занятий, и она довольно дружелюбно отвечала ему тем же. Вот и все. Вен, казалось, вполне готова была ждать, пока выветрится дурное настроение Деккера. Никто из них не упоминал вирт Гражданской войны, который они смотрели вместе, и ни один из них не делал ни одного шага к тому, чтобы снова провести вечер вместе. Все шло своим чередом, как будто никакого их романа и в помине не было.

Однако, он все же имел место. Он оставил Деккера в смятении, это не прошло без последствий. Это даже мешало его работе, так что Аннете Бэнкрофт приходилось одергивать его перед всем классом за то, что он видит сны наяву. После одного из таких занятий она остановила Деккера, когда он уже собирался уходить.

- Что с тобой, Де Во? - спросила она не без озабоченности.

Деккер в ответ пожал печами.

- Есть о чем подумать, - сказал он.

С минуту она молча смотрела на него.

- Я знаю о твоём отце, - сказала она и выжидающе замолкла.

Деккер не ответил. Она еще помолчала, потом тон ее стал деловым:

- Что бы оно там ни было, лучше с этим разобраться. Согласно твоему делу, подходит время твоего интервью с психологом, так что я договорилась о твоей встрече с ним на сегодняшний вечер. Отметься у доктора Келем. Если что-то тебя беспокоит, дай ей возможность попытаться

помочь тебе. До сих пор у тебя все шло хорошо. Не пускай всего на ветер.

Деккер с минуту подумал, потом сказал:

- Спасибо.

Он говорил почти серьезно, поскольку прекрасно видел, что Аннета старается помочь ему. Не ее вина, что она не в состоянии этого сделать.

Деккер не ожидал от интервью с доктором Мерседес Келем ничего особенного, и не получил большего, чем ожидал. Просто рутина. На этот раз от него не потребовали раздеться, а к обычным проверкам и помехам во время тестирования он был вполне готов. Когда Келем после всех тестов велела ему сесть и стала выспрашивать о проблемах, какие могли у него возникнуть, Деккер и к этому оказался подготовлен. Используя подсказку, содержащуюся в словах Аннеты, он выдал готовую историю о смерти отца и своем беспокойстве о возможной конкуренции со стороны ферм-обитантов, так что имя Вен Купферфельд в этом разговоре даже ни разу не всплыло.

Как не была затронута и тема войны. И когда доктор отпустила Деккера, он был вполне уверен, что женщина не собирается вносить никаких резко отрицательных записей в его личное дело. Ему удалось даже, как он успел заметить, застать конец обеда в столовой.

Поел Деккер быстро и в одиночестве, и по окончании еды почувствовал себя гораздо лучше. Нет ничего реального, о чем стоило бы волноваться, думал он. Ну хорошо, в характере Вен Купферфельд есть свои отвратительные стороны, и что с того? есть они и у большинства людей - если они не марсиане, - и при этом они никак не относятся к тем тайным, извращенным животным потребностям, на которые действительно следовало бы обращать внимание. Ведь именно с ними, как полагается, должны разбираться на занятиях по общественному поведению и снижению враждебности. Очевидно, занятия делали свое дело. Они не были столь успешны, как тренинги мягкости на Марсе, но что в таком случае было? А результаты совершенно ясны. Даже земляне не воюют больше.

Он настолько убедил себя, что разобрался со всеми своими проблемами, что был удивлен, когда, вернувшись к себе, обнаружил, что ожидающий его Торо Танабе смотрит на него с нескрываемым беспокойством.

- Ну и как все прошло? - спросил Танабе.

Деккер пожал плечами.

- Обычная рутина. В любом случае, Келем - не такая дрянь, как Мак-Кьюн.

- Да уж, таких, как она, немного, - согласился Танабе.

Но даже такой эгоцентрик, как Танабе, не пожелал оставить все, как есть. Какое-то время он внимательно изучал лицо Деккера, а потом снова спросил соседа.

- Совершенно очевидно, что тебя что-то беспокоит. Что?

- Ничего, - ответил Деккер, но потом передумал. - Я кое-что видел прошлой ночью, - сознался он. - Танабе, ты когда-нибудь слышал о виртуалах войн? Я имею в виду те, которые содержат действительно кровавые сцены... там, где у людей взрывом вырывает кишки... прямо у тебя на глазах?

Сперва Танабе удивился, но потом слова Деккера его, казалось, позабавили.

- Ну, конечно, Де Во. Иногда я почти забываю, что ты марсианин и не знаешь того, что известно всем. Такие виртуалы естественно существуют, их еще называют «по-нюшки». Поступают они в самых разных видах. Не только войны, но истории, наполненные всевозможными видами пыток и смерти, и насилием толпы, и убийствами, и изнасилованиями... Послушай, Де Во, мне не хотелось бы, чтобы у тебя создалось неверное представление. Сам я ими не увлекаюсь, но, к несчастью, похоже, существует значительное число людей, которым они нравятся. Нет такого города на Земле, где нельзя было бы купить подобные виртуалы.

- Это просто шокирует! Там же убивают людей!

На это Танабе громко расхохотался. Подняв руку, чтобы прикрыть рот, он сказал:

- О, Де Во, ты просто бесценен. Ты думаешь, всех этих людей на самом деле убивают? Но ты просто недооцениваешь специалистов по виртуалам. Естественно, большая часть самых жестоких сцен смоделирована компьютером. Примечательно, насколько они могут казаться реальными.

- Большая часть?

Танабе явно испытывал неловкость.

- Ну, конечно, это противозаконно - действительно убивать людей для изготовления вирта. И все же - но, пожалуйста, помни, что я повторяю слухи - говорят, что некоторые из этих убийств... как бы это сказать?... неотредактированы. То есть, может быть, только может быть, часть этих смертей настоящие. Хотя, конечно, я полагаю, актеры об этом не подозревают, когда нанимаются на работу.

Танабе помедлил, а потом деликатно спросил:

- Ты сам видел такой вирт?

Деккер кивнул, на что Танабе тяжело вздохнул.

- Я же говорил тебе, что эта женщина тебя съест, Де Во, - сказал он.

Проблема заключалась в том, что Деккер наслаждался обществом Вен Купферфельд. Ему не хватало ее. И даже не в том дело, что ему не хватало их очень впечатляющих занятий любовью, хотя с течением времени он начал тосковать по ним все больше и больше. Ему не хватало ее прикосновений, ее голоса, разговоров, встреч и знания, что они встретятся, чтобы заняться любовью и снова говорить. Он тосковал по тем самым различиям, которые разделяли их: не так часто ему выпадал шанс интимно поговорить с кем-то, кто столь же отличался от него, как Вен Купферфельд. Нет, он не перестал считать, что она не права. Но увлекательно было наблюдать, насколько глубоко уводило ее сознание своей правоты на кривую дорожку.

И к тому же она всегда была поблизости. В классе он мог видеть ее за назначенным ей пультом, на полпути через бункер от его собственного. Макушка ее светлой

головы всегда была видна, когда она наклонялась над пультом управления. С того места, где сидел он, она казалась окруженной сиянием, испускаемым Сатурном, и несколько комет кружили вокруг ее головы. Она никогда не смотрела в его сторону, по крайней мере, он никогда этого не замечал. Вен с головой уходила в работу. Какой бы ни была Вен Купферфельд, напоминал себе Деккер, она отличный студент и трудяга. Она заслуживает получить то, чего хочет...

Хотя, как думал он, не все, чего ей бы хотелось.

Над его головой из динамика раздался голос Аннеты Бэнкрофт:

- Твоя очередь, Де Во. На слове «цель» твой пульт будет подключен. Цель.

Пульт перед глазами Деккера в дюжине точек мигнул разноцветными огнями, потом стало тихо. Ему предстояло теперь контролировать в этом бункере огромный виртуальный планетарий, представляющий собой солнечную систему. Он знал, что она движется, каждый объект следует своей собственной орбите, хотя, конечно, движения самих планет оставались ему невидимы. Даже Меркурий, обращающийся вокруг Солнца всего лишь за восемьдесят восемь дней, на дисплее полз совершенно незаметно. Во всем огромном бункере лишь немного было признаков движения. Деккер мог видеть две естественные луны Марса и его три орбитальных станции, которые медленно ползли вокруг планеты, и три кометы - вот они-то действительно двигались - вблизи перигелиона.

Эти кометы были первыми объектами, которые Деккер стал проверять со своего пульта. Обе траектории были оптимальными.

Это давало небольшую передышку, поскольку именно у перигелиона контролю следовало быть особенно точным. Если комета не выйдет из своего падения к Солнцу с правильным вектором и скоростью, это может привести к серьезным неприятностям. Тогда контролерам Со-Марс Два придется приложить все силы, чтобы выпра-

вить последний этап ее полета к встрече с Марсом. Иногда это не удавалось, и целая дорогостоящая комета, со всеми затратами времени и инструментов, оказывалась безвозвратно потеряна - ну, не совершенно безвозвратно, поскольку когда-нибудь она достигнет агелиона и начнет падать обратно.

Но до тех пор возможно придется ждать около сотни лет.

К тому времени, когда объявили перерыв на ленч, Деккер послал приказы на четыре взрыва, причем два из них пришлось на одну и ту же комету - орбитальные элементы проклятой ЗР-Т38 оставались неверны и после первого корректировочного взрыва. Деккер с помощью компьютеров подтвердил, что остальные восемнадцать подконтрольных кометы не нуждаются в корректировке курса. Проходя мимо нее к двери, он кивнул Аннете Бэнкрофт.

- Простите за этот дополнительный взрыв.

Она пожала плечами.

- Тебе попалась нестабильная комета, - сказала она. - Я сверилась с контроллером Со-Марс. У нее тоже были проблемы с ЗР-Т38.

Это принесло Деккеру немалое облегчение. Деккер знал, что иногда установка змеи инструментов оказывалась недостаточно точна или в самой комете могли оказаться пустоты или скопления свободно связанного материала, пропущенные сенсорами. На следующем занятии надо будет внимательнее присматривать за этой кометой.

Аннета подняла руку, чтобы удержать его.

- Доктор Келем пропустила тебя, - сказала она.

Деккер кивнул. Так он и предположил, раз он все еще в классе. Впрочем, Аннета не собиралась заканчивать разговор. Аннета сказала:

- Ты ведь не позволишь оргазмам вытеснить у тебя из головы занятия, Де Во. Мне ведь не нужно об этом тебя предупреждать, не так ли?

- Нет.

- Но я тем не менее тебе об этом говорю, ясно? -

продолжала она. - Вен Купферфельд хороша. Мне бы хотелось, чтобы вы оба прошли, потому что вы как раз того сорта люди, какие нам нужны в космосе. Скоро я сама вернусь туда обратно, и я была бы счастлива работать с любимым из вас. Но, - добавила она, - быть может, не с вами обоими в одном и том же месте.

На том их беседа и закончилась. После того как Бэнкрофт отпустила его, Деккер прокручивал их в голове всю дорогу в столовую, пытаясь сообразить, какое именно скрытое сообщение пыталась передать ему инструктор. Что за земные штучки! На Марсе люди просто выходили и говорили, что лежало у них на сердце, во всяком случае, если это не было оскорбительно. Почему земляне не могут вести себя также?

К тому времени, когда он добрался до столовой, его сокурсники уже заполнили три стола и ни у одного из них не оставалось свободных мест. Сяопин Ёе, как бы извиняясь, улыбнулась ему, но это было более чем компенсировано неприкрыто враждебным взглядом Джей-Джона Бельстера.

Он сел в одиночестве и был удивлен несколько минут спустя, когда кто-то поставил свой поднос наискосок от его собственного. Когда Деккер поднял глаза на этого вновь подошедшего, им оказалась Вен Купферфельд.

- Привет, - весело сказала она.

Деккер хмыкнул в ответ, на что девушка улыбнулась.

- Ты все еще злишься на меня. Тебе и вправду не понравился мой вирт. Он, пожалуй, был слишком кровавым для первого раза. А ты думал это реально?

Деккер только пожал плечами, а она, уговаривая, продолжала:

- Но, Деккер, это ведь не могло быть реальностью, правда? В шестидесятых годах девятнадцатого века не было никакого оборудования для записи виртуалов. Знаешь, это - просто инсценировка. Вроде тех, что они делают для коллекционеров.

Деккер положил вилку на стол и уставился на девушку.

- Но люди покупают подобные вещи?

- Конечно, люди покупают подобные вещи! Не каждый. Слабак, не способный выдержать... - она оборвала себе на середине фразы. - Прости. Я не хотела тебя обижать. Я просто хотела сказать, что у людей бывают различные вкусы.

Деккер снова принялся за еду, обдумывая ее слова. Потом он проглотил ложку картофельного пюре и жаркого из убитого-животного и сказал:

- Ну, то, что видели мы, было реально, не так ли? Авторы не все инсценировали. Если люди достаточно больны, чтобы хотеть смотреть на разыгрываемое перед ними убийство, это печально. Но когда это происходило на самом деле, это было реально.

- Но это же - история, Деккер!

- Это - та история, которую, как предполагается, мы переросли, - поправил он.

Вен покачала головой.

- Деккер, ты просто не понимаешь. Война - это не просто убийство. Конечно, во время Семи Дней было немало потерь - вот почему это столь прославленная битва - но не все сражения таковы. Некоторые величайшие в истории победы были одержаны без единого выстрела. Взгляни на то, как Адольф Гитлер завоевал Австрию и Чехословакию. Он просто ввел свои танки. Никто не был убит, вообще не было никакого сопротивления, поскольку все знали, что ничего хорошего из этого все равно не выйдет. Взгляни на то, как американцы уладили русских. Ни единого выстрела. Один только факт, что они могли бы это сделать, добыл им победу.

Деккер с минуту это обдумывал, потом покачал головой.

- Это не играет никакой роли. Я мало знаю о войнах, но с точки зрения статистики, сколько войн было выиграно без гибели людей? Одна из десяти, может быть?

- И того меньше, - признала Вен. - Обычно обе стороны несут потери. Но войны возможны.

- Предположим. Но даже и в этом случае, единственной причиной, почему побеждают какие-то люди, остается то, что они способны убивать. Делают ли они это на самом деле или нет, не играет особой роли. Убийство - это неверно, Вен. Сила - это неверно.

- Даже ради правого дела?

Деккеру, когда он глядел на сидящую через стол Вен, казалось, что она стала еще красивее, защищая свою точку зрения. Чувство справедливости заставляло его дать ей шанс выговорить все, что у нее накопилось. Честность и, быть может, до какой-то мельчайшей степени слабый запах духов, доносящийся через стол.

- Кто может судить, какое дело правое, какое нет.

- Естественно, каждый сам должен решать это для себя. Даже если это всего лишь ты, и весь мир полагает, что ты сошел с ума - быть может особенно, если это так. Деккер, ты знаешь, кто такой террорист?

Марсианин смотрел на нее с кривой улыбкой. Как женщины умеют переключаться в подобных спорах!

- Конечно, я знаю, кто такие террористы. У вас на Земле их было когда-то немало. Я знаю также, кто такие динозавры, и те, и другие вымерли.

Вен поставила локти на стол по обе стороны тарелки с остывающим ленчем и подалась вперед, чтобы взглянуть прямо ему в глаза.

- Быть может, меня это не привлекает в той же степени, что тебя. Разве так уж было бы плохо, если бы время от времени вокруг бродил плезиозавр? Разве ты не в состоянии представить себе, как этакая громадина продирается где-то через джунгли?

Деккер рассмеялся.

- Так, чтобы ты могла пристрелить его, как льва.

Вен выглядела пораженной, потом едва ли не рассердилась.

- Черт побери, Деккер! Слушай, что говоришь, кто-то ведь может подслушать. Нарушавшие этот закон подлежат экстрадикции.

- Прости. Просто у меня создалось такое впечатление, что убийство примешивается почти ко всему, о чем тебе хочется говорить.

- А почему бы и нет? Убивать - вполне естественно. Мы сами это делаем или платим мясникам, чтобы они делали это за нас. Иначе у нас на столе не было бы никакого мяса. И террористы тоже вполне естественны.

- Да, нет же, черт побери, - запротестовал он. - Я читал достаточно по вашей истории, чтобы это понять. Террористы подбрасывали бомбы, угоняли самолеты, убивали ни в чем не повинных людей.

- Верно, - отозвалась она, - но это ведь и твоя история, не так ли? Откуда пришли марсиане?

Деккер поерзал, ему было неуютно.

- Думаю, ты обязательно должна настоять на своем. На чем же?

- Смысл в том, что терроризм - это то, что ты делаешь, когда все шансы решительно против тебя, что у тебя просто нет иного выбора. Ты знаешь, где находится Израиль?

- Где-то около Египта? - наугад спросил он.

- Приблизительно. Это - великая маленькая страна, Деккер. Дедушка Джим и туда меня возил, потому что ему хотелось посмотреть, во что превратились террористы после того, как победили. Террористы управляют этой страной, Деккер, или, по крайней мере, террористами были их предки. Теперь их перестали называть политиками. Теперь их зовут государственными людьми. Но это были террористы - Иргун Цвай Леуми и им подобные, - кто подбрасывал бомбы и убивал невинных людей, но именно прежде всего они подарили им эту страну. Ты же сам был в Кении! Так что ты знаешь о мао-мао и Йомо Кеньятта - отце этой страны, как они стали называть его позднее. После того, как перестали звать его пришедшим к власти убийцей.

Прежде чем заговорить, Деккер доел картофельное пюре. Вен терпеливо ждала. Наконец он сказал:

- Мне все равно, как ты их называешь. Убийцы

остаются убийцами. Прости, Вен. Мы просто не придем к соглашению.

Через какое-то время Вен произнесла:

- Жаль, - и ушла, оставив нетронутым свой ленч.

31

На этапе Пятой фазы усилия начинали приносить плоды. К тому времени, как комета завершала свое долгое падение к Солнцу, пробегала по перигелиону, и вектором направлялась к Марсу, курс ее был уже установлен и относительная скорость падала до нескольких километров в секунду. Этот последний шаг мог быть убийственным.

Вот тут-то и подключались орбитальные станции Марса.

Последние несколько дней жизни кометы они контролировали ее путь. По мере того, как комета нагоняла планету, контролировать ее становилось все легче, так как уменьшалось расстояние, и время ответа и реакции инструментов становилось все короче и короче. Корректировочные взрывы происходили почти сразу же после отдачи команды. Но в то же время становилась все более существенной точность наведения. Не может же комета рухнуть просто так куда-нибудь на старую ломкую поверхность Марса. Не должна она упасть и в радиусе пятисот километров от дема или индустриального центра. Не должна она ударить в Валлес Маринерис или Олимпус Монс, или любую другую из сотен особенностей поверхности Марса, потому что они, как было постановлено, являются местами значительной ценности. Короче, комета должна приземлиться в предназначенном для этого месте, с вероятностью радиусной ошибки не более, чем в двести километров - а это касается девяноста девяти процентов ее осколков.

Так что последние часы жизни планеты оказываются для нее самыми заполненными за все время ее существо-

вания. Необходимо установить окончательное место удара. Ее Аугенштейны должны быть вырваны из ее же тела и отосланы на безопасное расстояние на орбите для последующего возвращения - естественно, никакая антиматерия не может войти в атмосферу Марса, как бы скудна она не была. Разбивающие планету на части заряды должны взорваться точно в заданной последовательности, с точно заданной силой, чтобы при приземлении превратить единый, все разрушающий шар в дождь осколков. И нигде нельзя допустить ошибки.

32

К Пятой фазе из курса Деккера Де Во осталось только двадцать девять человек. Это было не хуже, чем можно было того ожидать, исходя из нормального процента отсева, но другой факт оказался гораздо более неприятным. Сам Деккер в списке классе упал до одиннадцатого места.

Этого он и вовсе не ожидал. Во всем виновата Вен Купферфельд, мрачно говорил он самому себе. Если бы он не тратил столько времени на разыгрывание одуревшего от любви Ромео перед этой кровожадной Джульеттой, он был бы сейчас на самом верху, там, где ему место. Но слава Богу, все кончено, и теперь он может вернуться к тому, что действительно имеет значение.

Несколько раздражало, впрочем, видеть, что имя Вен Купферфельд по-прежнему красуется номером первым.

Еще более неприятно было глядеть в лицо тому факту, что он не перестает о ней думать. Ему не хватало Вен Купферфельд. Он тосковал по ней: по ее болтовне, ее прикосновению, светлым волосам, запаху духов, теплу ее тела рядом, когда они дремали в ее более чем комфортабельной постели - да, ему не хватало даже ее поразительно жесткого взгляда на мир, который был, конечно же, неверным и даже по всем разумным стандартам отврати-

тельным? Но все же ее собственным. Конечно, они безоговорочно разошлись во взглядах на основополагающие вопросы человеческих ценностей. И все же их разногласия были интересны.

Деккер смутно чувствовал себя обманутым тем, как эта женщина вновь и вновь пробиралась в его мысли. Это было нечестно. Ему казалось, что при сложившихся обстоятельствах тот факт, что они перестали быть любовниками, должен быть воспринят очень легко. В конце концов, это же он принял решение о разрыве. Но все было не так просто.

Хорошим было то, что Пятую фазу от Шестой отделяло только четыре недели, а Шестая фаза окончится тем, что Деккер на самом деле отправится укрощать кометы для Марса - в том случае, если его отметки поднимутся на полагающуюся им высоту. Этому марсианин и посвятил все свое время.

Упрощало ему учебу то, что во время Пятой фазы он действительно видел, как происходит озеленение Марса. Каждый рабочий пульт в учебном центре был снабжен своими собственными моделями, точнее двумя их наборами. Если студент выбирал один из них, на дисплее перед ним возникала поверхность Марса. Если он выбирал другой, то видел бункер, такой же, как на Со-Марс станциях, но гораздо меньших размеров; он не показывал ничего, кроме региона вокруг тянущегося сегмента орбиты Марса. Остальная часть Солнечной системы в данном случае значения не имела. Если не считать какого-нибудь корабля поблизости, контролеры на орбите заботились лишь о Марсе, его лунах и трех орбитальных станциях... и цепочек неспешно ползущих точек, обозначающих кометы - теперь все они были отмечены желтым. Теперь задачей орбитальных станций становилось контролировать последний участок их пути до приземления на Марс.

Инструктором Пятой фазы оказался марсианин по имени Мерик Чопфард.

- Чоп-хард, - произнес Деккер, в первый раз обращаясь к преподавателю.

Но тот довольно дружелюбно исправил его:

- Чоп-фард, - сказал он.

Однако, как бы он ни произносил свое имя, Деккер был рад ему. Чопфард был единственным, сколько помнил Деккер, марсианином, занимавшим сколь бы то ни было серьезный пост в предприятии, посвященном возрождению Марса. Ну довольно серьезный - сколько власти может быть у преподавателя? По крайней мере, это доказывало, что марсиан не всегда ограничивали самым низким уровнем этого кланового учреждения, где главенствовали земляне.

На первом же занятии Чопфард начал с распределения рабочих пультов.

- Выбирайте любой. Просто садитесь и ознакомьтесь с приборами контроля.

Особой конкуренции в выборе мест не было. Курс сократился до всего лишь двадцати одного выжившего, и оставшихся едва хватило на то, чтобы занять половину имеющегося пространства.

Требуемой наибольшей концентрации частью работы стала показанная на модели орбита: именно там формировалась окончательная траектория подхода кометы к поверхности планеты и производились работы по разделению гигантской кометы на управляемые куски.

Впрочем, Деккера это не особенно увлекало. Когда позволяло время, он наслаждался, переключая дисплей с экрана поступающих данных на экран с панорамой поверхности планеты. Вид был просто восхитительный. Орбитальные станции Марса располагались на пятичасовой орбите, кружа к планете даже ближе, чем две небольшие луны. И на экране Деккеру был виден медленно проплывающий под ним марсианский ландшафт. Он без особого труда мог распознать географические особенности, вне зависимости от того, что происходило в данный момент на поверхности - день или ночь. Работу сенсоров станции не ограничивало наличие или отсутствие видимого света. Деккеру даже удавалось разглядеть местоположение отдельных демов, хотя при грубом разрешении

экранов модели едва ли можно было различить крохотные строения. У Деккера даже перехватило дыхание, когда из-за горизонта к нему медленно поплыла панорама горы, на склоне которой располагался Сагдаев.

И он видел, как на самом деле происходит приземление комет. Ну, не действительно «на самом деле». Как и все в учебном центре, это были или модели, или записи последовательности событий, которые уже имели место, но менее увлекательными от этого они не становились. На одном из занятий ему посчастливилось увидеть два, одно за другим, таких приземления: одно произошло точно на линии восхода, другое - на расстоянии восьмисот километров и полчаса спустя. Он видел, как облаками из пяти десятков точек поднимаются кипящие газы, выпускаемые при приземлении каждым из фрагментов.

Облака газов напоминали вырастающие в небо грибы... и с изумлением Деккер вдруг осознал, что они не рассеиваются сразу. У него не было больше Вен Купферфельд, но взамен нее появилось нечто гораздо более важное: Марс стал возвращаться к жизни.

Когда он тем вечером вернулся домой, его ожидали два сообщения. Сначала он проиграл то, что пришло по времени первым. К глубокому его удивлению оно оказалось от его старого соученика из Найроби, Уолтера Нгемба.

Странно, думал Деккер, что Нгемба послал ему заранее записанное сообщение вместо того, чтобы просто позвонить. Из-за разницы во времени? И уж конечно же, не для того, чтобы сэкономить на стоимости двустороннего разговора. Когда изображение кенийца вспыхнуло на экране, Деккеру показалось, что Уолтер совсем не изменился - та же хорошо сидящая, отглаженная рубашка, те же старательно расчесанные волосы, та же открытая улыбка, - но когда Уолтер заговорил, улыбка погасла.

- Деккер, друг мой, как ни печально это говорить, но я все же должен сказать тебе, что не смогу присоединить-

ся к тебе в Денвере. В свой день рождения я рассказал отцу о своем желании подать заявление на обучение по проекту. Отец просил подождать, пока он не сделает несколько запросов, и я согласился. Когда ответы пришли, он пригласил меня в свой кабинет и дал прочесть информацию с экрана.

- Деккер, боюсь, для меня нет никакого смысла подавать заявление. Мне не позволили сказать, с каким детективным агентством консультировался отец, но я убежден, что их отчеты вполне надежны. В них говорится, что необходимость в экопоззисе Марса постоянно снижается, поскольку оправдывающая его продукция гораздо быстрее и дешевле может быть произведена иными способами. Я полагаю, здесь имеются в виду те фермы-обитанты, которые сейчас строят японцы. В отчетах также сказано, что в течение ближайших двух месяцев весь проект будет пересмотрен. Боюсь, это означает, что он будет свернут. В данных обстоятельствах, сказал отец, нет никакого смысла подавать заявление. Я был вынужден согласиться. Так что, как это не печально, мы там с тобой не увидимся. Но, Деккер, пожалуйста, помни, если учебный центр закроется, мы всегда будем рады видеть тебя у нас на ферме.

Когда сообщение закончилось, Деккер еще какое-то время глядел в пустой экран. Это, по крайней мере, думал он, объясняет, почему Уолтер не воспользовался прямой почтой: ему не хотелось, чтобы Деккер задавал вопросы об этих источниках информации. Но насколько они надежны?

Заметив какое-то движение у дверей комнаты Торо Танабе, Деккер поднял глаза. У двери с виноватым видом стоял японец. Увидев обвиняющий взгляд Деккера, Торо, как бы извиняясь, кашлянул.

- Пожалуйста, прости меня, Де Во. Я не собирался подслушивать.

- Но все же подслушал.

- Да, я слышал, - он помедлил, а потом поспешно добавил: - По-моему, со стороны этого африканца некра-

сиво обвинять японцев. Ты же знаешь, не мы одни этим занимаемся.

- Но ведь твой собственный отец вложил деньги в обитанты, разве нет?

- Да, он вложил и не мало, - признал Танабе. - Но пожалуйста, помни, что мой отец бизнесмен. В бизнесе требуется практичность. Обитанты смогут производить продукцию в значительных количествах и менее, чем через десять лет. А сколько этого придется ждать от Марса? В лучшем случае, еще лет сорок, а то и все пятьдесят. Так что, боюсь, в этих отчетах может быть значительная доля правды, хотя я не стал бы со всей определенностью говорить, что свернут весь проект.

- ... но Деккер, - умоляюще добавил он, - не думай, что мы, японцы, не желаем помогать твоей планете. И я тоже не хочу, чтобы проект свернули. Я ведь, в конце концов, здесь.

Он не стал ждать ответа, удалившись к себе в комнату и прикрыв за собой дверь. Через минуту однако Танабе появился вновь с перекинутым через локоть пальто и удалился из их комнаты, не сказав Деккеру больше ни слова.

Деккер вздохнул. Ну, подумал он, он уже достаточно наслушался слухов о том, что проект в опасности. Если предположить, что все они правдивы, то что ему делать? Ничего, кроме того, что он делает сейчас: продолжать учиться и надеяться, что все эти слухи окажутся ложными.... Потом он вспомнил о втором сообщении. Это была аудиопочта и, как тут же сообразил Деккер, пришла она от матери.

Деккеру захотелось увидеть мать, поскольку доносившийся из динамика голос Герти Де Во был очень усталым.

- У меня есть хорошие новости и плохие новости. Хорошие - в том, что я, может быть, вскоре увижусь с тобой, Дек, потому что мне придется приехать на Землю на конференцию по вопросу Бонов. Плохая же новость - в том, что я вынуждена присутствовать на ней.

Меня назначил Совет Общин. Земляне тянут с новым выпуском. Они хотят пересмотреть условия, и основательно давят на нас по этому поводу. Но раз уж я еду на Землю, я собираюсь украсть немного времени для себя самой и попасть на вручение аттестатов академии.

Вот и все.

Через пару минут Деккер выключил экран, встал, умылся и отправился в столовую. Шел он один. То, что Торо Танабе ушел, не дожидаясь его, Деккера ничуть не беспокоило. В данный момент ему не особенно хотелось разговаривать с Танабе. Наоборот, марсианину хотелось в одиночестве привести в порядок свои мысли.

А мысли эти были безрадостны. Действительно, большим удовольствием было думать, что вскоре здесь, возможно, окажется Герти Де Во - быть может, даже увидит, как он получит назначение. Но остальные мысли, заполонившие его голову, были гораздо менее приятными. Пересмотреть условия! Но Марсу просто нечего больше дать. И так ближайшие шесть поколений марсиан по уши в долгах у Земли! Как бы ему хотелось, чтобы мать была уже здесь, чтобы можно было обсудить все это с ней. Или с отцом. Или даже, если просматривать список тех, с кем бы ему хотелось поговорить, с Вен Купферфельд. Вероятно, фактов ей известно не больше, чем ему самому, но, возможно, она смогла бы ему помочь понять, что кроется за всем этим, или просто сказала бы, чего, на самом деле, добиваются земляне. У них и так уже все есть. Разве не могли бы они выделить немного помощи своим собратьям на Марсе?

То, что Деккер задал себе правильный вопрос, дало ему ответ. Он точно знал, что бы сказала Вен и как бы она смеялась над ним, говоря ему это. Земляне, без сомнения, добиваются того, чего они добиваются всегда. Они хотят больше.

Аппетита у Деккера не было, но он все же забрал со стойки поднос. Когда он устроился в том углу столовой,

где обычно собирался его курс, он задумался, не поговорить ли с кем-нибудь из них о мучающих его вопросах.

Однако такой возможности ему не представилось. Весь курс был занят болтовней о чем-то еще, какой-то новой истории, которая разворачивалась у всех на глазах. Говорили, что студенты только что выпущенного курса уже получили свои назначения. Все они отправляются на Со-Марс Два вне зависимости от квалификации и поданных заявлений.

Подходя к столу, Деккер услышал голос Танабе.

- Это из-за психологического тестирования, - говорил японец, размахивая вилкой. - Де Во, ты слышал? У них там, должно быть, есть своя собственная Роза Мак-Кьюн. Со-Марс Два послала на Землю половину своего персонала по причине «нестабильности», и теперь у них не хватает рабочих рук.

Сяопин Йе подняла глаза от тарелки с супом.

- Это значит, что мы сразу отправимся в космос, - сказала она. - Это хорошо.

- Но это совсем не то, к чему я стремлюсь. Я собирался направиться напрямиком в сам Оорт, - проворчал кто-то еще.

Этого хотел и Деккер Де Во. Этого хотелось большинству из них, поскольку в Оортовом облаке оплата была гораздо выше и слава громче.

Потом, обдумав складывающуюся ситуацию, Деккер решил выжать из нее все возможное.

- Пожалуй, - сказал он, - я подам заявление на орбитальную станцию.

Чем больше он об этом думал, тем больше нравилась ему эта идея.

- Да, определенно я бы хотел отправиться туда.

У орбитальных станций было одно существенное преимущество. Они находились на расстоянии каких-то нескольких сотен километров, на нескольких световых дней от самого Марса, и можно питать надежду, что время от времени ему удастся ездить домой. У обслуживающего персонала орбитальных станций бывают отпуска. Много

ведь и не требуется: недельный отпуск позволит ему проводить пять дней в Сагдаеве.

Тут Деккер увидел, что Джей-Джон Бельстер смотрит на него через стол с каким-то чуть насмешливым, чуть презрительным выражением. Однако на его слова ответил не Бельстер, а Танабе:

- Ты прослушал, Де Во. Об орбитальных станция я ничего не говорил. А говорил я о Со-Марсе. Вот там-то у них проблемы, и туда-то все и отправятся. По-моему, люди на орбитальных станциях не ломаются так быстро, поскольку оказались под гораздо меньшим напряжением.

- А вот это и странно, разве нет? - раздумчиво сказала Йе. - Я имею в виду не команды на орбите Марса, а других. С командами в Оорте ничего подобного ведь не случалось, так? Я ничего не слышала о том, чтобы их пачками высылали на Землю из-за каких-то психологических проблем. А ведь взрыватели переживают гораздо больший стресс, так что логичнее было бы, если бы там люди ломались быстрее.

Тут вмешался сидевший через стол Джей-Джон Бельстер:

- А они и ломаются. Можешь на это рассчитывать, потому что там, в облаке, всем приходится нелегко. Выдержать это под силу только сильным людям, а не тем, кто напивается или накачивает себя наркотиками. Вспомните отца Де Во.

Когда Деккер уходил из столовой, с ним вышла Сяопин Йе.

- Прости меня, Деккер, - предложила она начать разговор через пару минут, - но мне кажется, тебя что-то беспокоит.

- Ничего особенного.

Она покачала головой.

- Этот человек, - сказала она, - Бельстер - нечестный человек. Он - не чета тебе.

- Но он ведь марсианин?

- Нет, - отрезала она. - Не думаю. Он был когда-то

марсианином, а теперь он - такой же жадный хапуга, как и все остальные. Он хочет большего, чем у него есть на то право, и ничто его не удовлетворит.

Деккер остановился посмотреть на женщину. Она что, читает его мысли?

- Но это не так, - сказал он, роясь в памяти в поисках чего-то забытого, что объяснило бы, что именно не так. И найдя, добавил: - Это - Закон плота, - с триумфом выговорил он.

- А что такое Закон плота?

- Он говорит, что не стоит стремиться к нечестному преимуществу друг над другом. Каждый должен быть удовлетворен, или у всех дела станут идти скверно.

- Разумный закон, - сказала Сяопин. - Жаль, что Джей-Джон Бельстер этого не понимает. Доброй ночи.

Она оставила его стоять посреди коридора. Деккер был недоволен самим собой и всем миром, и ему совсем не хотелось возвращаться в свою комнату и к Торо Танабе. И учиться ему не особенно хотелось. Он и так занимался достаточно с тех пор, как его перестала отвлекать от этого Вен Купферфельд.

Стемнело, и откуда-то тянуло холодом. Деккер на мгновение задумался, оглядываясь по сторонам. Он был удивлен, заметив, что у входа в столовую стоит Джей-Джон Бельстер и смотрит на него в упор. Но Бельстер не сделал никакой попытки подойти к нему, а Деккеру совсем не хотелось идти к Бельстеру. Повинуясь минутному импульсу, Деккер повернулся и направился вверх по склону к учебному центру. Если он не собирается заниматься, то можно занять себя, по крайней мере, чем-то полезным, а библиотека виртуалов при учебном центре обычно была открыта до поздней ночи. Неплохо было бы заранее посмотреть, что ожидает его на Шестой фазе - особенно если учесть, что проверка чего бы то ни было на виртуале доставит ему определенное удовольствие.

Полчаса спустя Деккер сидел со шлемом виртуала на голове, в зале библиотеки никого кроме него не было. Поскольку вполне вероятно, что он отправится на Со-

Марс Два, Деккер решил заказать виртуал с путеводителем по станции. И пока он бродил по ее коридорам, его сопровождал голос экскурсовода.

- Станции Со-Марс, - говорил ему в ухо низкий с богатыми интонациями голос, - предоставляют условия практически нулевой гравитации, и первое, чему следует научиться новому члену команды, это обходиться без прижимающего его к поверхности тяготения.

Смена кадров, показывающих новичков, отчаянно мечущихся по широким коридорам в попытке ухватиться за поручни в ярко красных стенах.

- Поскольку тут нет никаких «вверх» или «вниз», все проходы прямолинейны и помечены разными цветами: красным, желтым, зеленым. Это контрольный пункт.

Изображение пульта и бункера, очень похожих на те, что находились в их учебном центре, с оператором, проводящим проверку траекторий четырех комет.

- Именно на контрольном пункте производятся собственно манипуляции контролеров, но пультов только четыре, и обычно в каждый данный момент активированы лишь два из них. Остальная часть станций Со-Марс, массой пятнадцать тысяч тонн, представляет собой системы обеспечения, необходимые для работы контролеров. Но системы обеспечения также очень важны, потому что без них контролеры не в состоянии функционировать. Давайте взглянем на жилые помещения команды, где вам предстоит научиться спать в условиях микрогравитации, когда закончится ваша смена...

Виртуальное «я» Деккера остановилось перед закрытой дверью. Как всякое помещение на станции оно могло быть моментально загерметизировано, на случай падения давления при катастрофе. Вне зависимости от желания Деккера, его виртуальное «я» вошло внутрь и огляделось. В сооружении, напоминающем стульчик младенца, обнимая себя руками за талию, спала молодая женщина.

Деккер критически оглядел комнату. Конечно, она была очень мала, но не настолько, чтобы причинить

какой-либо ущерб. Все же помещение было гораздо больше каюты, какую он занимал в косматее по дороге на Землю - и, если говорить честно, не многим меньше той комнаты, какую он вдвоем с матерью занимал когда-то в Сагдаеве. Марсианину в подобной комнате было бы вполне комфортно, подумалось ему. Потом его провели в другую большую комнату, где находились две удерживаемые ремнями друг против друга «кровати», а голос разъяснил, что это совместные апартаменты.

Как приятно было бы, подумал Деккер, если бы ему удалось жить с кем-то «совместно» на станции. Конечно, не с Вен Купферфельд, это было вне всяких вопросов. Но ведь там же есть и другие женщины.

Остаток тура был гораздо менее развлекательным - быть может потому, что где-то на краю его сознания маячила женщина. Конечно, тур был познавательным. Деккер впервые на самом деле осознал, что такое поддерживать функционирование дюжины контроллеров на расстоянии ста миллионов километров от остальных человеческих существ. А требовалось для этого то же самое, что и для выживания человека: системы тревоги, системы автоматической безопасности, коммуникационная сеть для связи воедино всех частей станции, кухни, туалеты, комнаты «отдыха» с виртуалами, играми или просто местами, где можно спокойно посидеть и поболтать. И конечно, соки, чтобы заставить расти все это: электростанция с двумя постоянно работающими Аугенштейнами, задачей которых было в основном давать не тягу, а тепло, и таким образом генерировать магнитно-гидродинамическое электричество, необходимое для работы всех систем.

И даже это еще не все. На антенне, выросшей на внешней оболочке станции, располагалась грибная ферма; тут были и «ремонтные шлюпки», напоминающие корабли-корректировщики суденышки, способные двигаться вдоль внешней оболочки на тот случай, если одно из незаменимых блюд тронет коррозия. Был здесь и больничный отсек, поскольку некоторые заболевания

требуют немедленно лечения, и больные не могут ждать несколько недель, пока их доставят на ближайшую планету. Со-Марс Один и Два - не просто космические станции. Это - города в миниатюре, которые просто случайно оказались не на твердой земле, а в открытом космосе.

Все это было слишком сложно, решил Деккер, чтобы осознать за раз. А потому он отключил виртуал задолго до окончания экскурсии, но снимать шлем не спешил. Он на мгновение задумался, взглянул на станцию-базу в скоплении Оорт. Она отличалась от станций Со-Марс, но не намного, за исключением может быть, того факта, что команды заступали на смену в открытом космосе, а не на контрольном пункте. Потом Деккер решил взглянуть на орбитальные станции - почти идентичные, как ему подумалось, станциям Со-Марс - а потом от тоски и ностальгии стал смотреть виртуал с медленно вращающимся шаром Марса.

Немало еще пройдет времени, думалось ему, прежде чем он вновь попадет туда.

Он коротко просмотрел учебную запись с бункера Со-Марс просто, чтобы проверить, что ничего не изменилось. Даже докучливая 67-Ю была отчетливо видна, она уже вышла из перигелиона и теперь неторопливо ползла назад к Марсу. Или, по меньшей мере, он надеялся, что к Марсу. Возможно ли, что ее украдут для спутниковых ферм?

Выключив устройство, Деккер снял шлем и понял, что виртуалы едва ли его успокоили. Но поднимая взгляд, марсианин был немало удивлен тем, что у него появился гость.

Со своего сиденья на невысокой перегородке, отделяющей один учебный пульт от другого, за ним наблюдала Аннета Бэнкрофт.

- А я-то думала, кто здесь, - сказала она. - Мне пришло в голову, что это можешь быть ты, но я не знала, собираешься ли вообще когда-нибудь оттуда выйти.

На это Деккер не смог найти ответа.

- Простите, что беспокоил вас, Бэнкрофт.

- Брось, Деккер. Я - больше не твой инструктор. Мы ведь давно знакомы, не так ли? А кроме того, вполне может так случиться, что в будущем месяце нам придется работать вместе. Попробуй еще раз. Как меня зовут?

- Аннета. Хорошо, Аннета, рад тебя видеть, - вежливо сказал он, собираясь пожелать ей спокойной ночи.

Однако, когда он собрался встать, Аннета остановила его.

- Куда тебе спешить? Знаешь, судя по твоему виду, в последнее время в твоей жизни немного было веселья, Деккер. Это из-за Вен Купферфельд, которая запустила в тебя когти?

- Конечно, нет!

- Что означает, это не твое дело? Хорошо, быть может, не мое. Только интересно, каково это будет, когда вы оба окажетесь на Со-Марс Два, - она пожала плечами. - Поскольку, судя по всему, я тоже буду там, - добавила она. - А если у кого-то в космосе есть проблемы, проблемы возникают у всех.

Это напомнило ему разговоры с Сяопин Йе.

- Вот именно. Закон плота.

К удивлению Деккера Аннета кивнула.

- Это - вполне по-марсиански. Ты что-то говорил об этом на той вечеринке, когда мы были детьми.

- Разве?

Аннета рассмеялась.

- Я не сказала, что ты говорил связно, Деккер. Этот маленький мерзавец Эван просто извел тебя, не так ли? Поделом ему; он женился на той идиотке, с которой он везде ходил, а они терпеть друг друга не могут. Но я потом проверила откуда это. Это из книги Марка Твена.

Соскользнув с сиденья на перегородке, она взяла его за руку и повела к двери.

- Так скажи мне, - ей пришлось наклонить голову, чтобы заглянуть ему в лицо, - как по-твоему тебе понравится на Со-Марс Два?

- А это уже известно, что я отправлюсь туда?

Аннета скорчила гримаску.

- Настолько известно, насколько может быть известно заранее. Это то, чего тебе хотелось?

- Нет, я собирался в облако.

- Ну, не могу тебя за это винить... и оплата там лучше. Если ты в состоянии вынести одиночество. Так ты будешь пытаться выбраться с Со-Марса?

- Нет, - ответил Деккер, осознав вдруг, что только что принял решение, и задумался, какие привести ему причины. - Станции Со-Марс - самое важное место. Кому-то нужно гарантировать, что кометы попадут на Марс по траектории, с которой смогут справиться люди на орбите, и я был бы рад быть одним из контролеров.

- Слова истинного марсианина. Только, - серьезно добавила Аннета, - это, знаешь ли, может оказаться ошибкой. Марсиане обычно не выдерживают на Со-Марс станциях.

Деккер остановился как вкопанный и уставился на Аннету.

- Ты это о чем?

- Не набрасывайся на меня, Деккер, это - данные статистики. Знаешь, что единственные двое или трое марсиан на Со-Марс Два оказались в группе, которую только что отправили на Землю? Не спрашивай меня, почему. Для землян процент составляет один из десяти. Быть может, это случайность, но шансы не в пользу марсиан, таковы факты. Я ничего не выдумываю. Ты сам можешь посмотреть отчеты.

- Ты - не марсианка, - указал Деккер, - а тебя послали на Землю.

- Это совсем другое дело! Я попала в катастрофу, - резко ответила она. - Не надо говорить мне гадости, Деккер. У меня свои проблемы.

- Да, я знаю, Аннета. Богатые люди всегда думают, что у них проблемы, даже если не знают, что такое на самом деле неприятности.

Аннета нахмурилась, услышав горечь в его словах, потом смягчилась и едва не рассмеялась.

- Я не богата, милый. Ты живешь в прошлом.

- Но тогда в Санпойнт-Сити...

- Тогда в Санпойнт-Сити, - терпеливо повторила она, - мой отец был представителем крупного банка, но это было тогда. Он не успел достаточно быстро переместить капиталовложения, и банк выкинул его на улицу. Это было много лет назад.

Аннету явно знобило, она обхватило себя руками - они стояли в открытом воздухе, а ветер с вершины горы был холодным.

- Это были Боны?

- Боны, черт побери. Ему следовало убраться из этого дела первым, а потом стало слишком поздно. Так что теперь ты знаешь, почему последние четыре или пять лет я работаю на проект Оорт. Вы, марсиане, стоили мне жизни богатой маленькой девочки, так что было бы только честно, если бы вы что-то мне заплатили.

Она снова поежилась.

- Деккер, - сказала она, - мне нравится болтать с тобой. Но здесь чертовски холодно. Нельзя нам пойти куда-нибудь?

Он задумался над ее вопросом.

- Куда?

- Моя квартира там, на холме, - предложила она. - У меня даже есть пиво.

Деккер никогда не бывал в апартаментах постоянных сотрудников. И теперь он тоже не был уверен, что попал именно туда. Если бы марсианка дома в Сагдаеве пригласила его выпить стакан пива, потому что на улице холодно - предположим, что в Сагдаеве нашлось бы холодное, продуваемое место, где они могли бы стоять - он бы понял, что приглашение следует принимать, как оно есть. Здесь, возможно, все иначе. В конце концов, очень похожее приглашение Вен Купферфельд оказалось чем-то значительно большим.

Так что он держал рот на замке, оставляя выбор за

Аннетой. Во всяком случае, это было интересным приключением. Здание, в котором разместили преподавателей и обслуживающий персонал, прежде было одним из тех курортных отелей, которые заняла корпорация «Оорт». Здесь царила еще большая вычурность и старомодная роскошь, чем Деккер когда-либо видел. Шагая рядом с Аннетой Бэнкрофт, он каждую минуту ожидал, что его попросят предъявить документы. К его удивлению, ничего подобного не произошло, не спросил этого и отдаленный голос за камерой наружного наблюдения. В углу вестибюля сидело за кофе и болтовней несколько человек, которые даже не взглянули на проходящих мимо Аннету и Деккера.

Когда Аннета вела его в сторону лифта, Деккер увидел в маленькой комнатке, прилегающей к вестибюлю, еще пару преподавателей в шлемах и скафандрах. Очевидно они только что вернулись из захватывающего виртуального путешествия. Еще в одной из гостиных над моделью оригами склонилась худенькая женщина. Никто из них не поднял на Деккера глаз.

Аннета ни с кем не разговаривала, даже с Деккером. Она провела его по коридору пятого этажа и набрала код на пульте у двери. Когда дверь отворилась, она знаком предложила Деккеру войти и закрыла дверь за ним.

Деккер огляделся. Комната была чуть больше каюты на Со-Марс станции, но гораздо меньше той, что он делил с Торо Танабе. И гораздо менее опрятная к тому же. Тут была кровать - едва застеленная, одеяло кое-как наброшено на подушки, - которая была завалена юбками и джинсами.

- Я собиралась провести вечер за починкой одежды, - сказала Аннета.

Деккер не сел. Он прошел к окну и выглянул на склон горы, уходящий куда-то вниз к далеким огням Денвера. Даже над самим городом ночное небо освещали парадюжин комет. Когда Аннета махнула ему на кресло и открыла холодильник, Деккер сказал:

- А разве преподавателям не выделяют лучшие, чем эта, комнаты?

Аннета поглядела на него, прищурившись, потом рассмеялась.

- Я все время забываю, что вы, марсиане, говорите, что думаете, - сказала она. - Я могла бы получить и нечто лучшее, если бы согласилась за это платить. Но я ведь здесь только до тех пор, пока они не пустят меня обратно на Со-Марс.

Протянув ему пиво, она устроилась на краю небольшой кушетки.

- Я слышала, что ты не очень-то ладишь с Джей-Джоном Бельстером, - начала она, пытаясь завязать беседу.

- А стоит? - спросил он.

Деккера несколько раздражало, что все на свете, похоже, все знают о том, что он полагал своей личной жизнью.

- Ладно тебе, Деккер, это - всего лишь твоя старая приятельница Аннета. Чтобы ответить на твой вопрос, да. Тебе стоит поладить с Бельстером и с Вен Купферфельд, даже если ты не желаешь больше заниматься с ней любовью. И в самом деле, тебе стоит ладить со всеми, это ведь твой Закон плота, не так ли?

Это его задело.

- Не думаю, что Бельстеру есть дело до того, ладит он с кем-то или нет. Ему вообще нет дела ни до чего, что не приносит пользы ему самому.

- Ты думаешь, мне есть дело?

Деккер задумался над вопросом.

- Я недостаточно тебя знаю, чтобы у меня было какое-то мнение, - сказал он.

Аннета не стала спорить. Она подобрала блузку, посмотрела ее на свет и стала приводить в порядок шов.

- Ненавижу это все, - сказала она. - Ненавижу быть бедной. Скажи мне, что тебе не нравится в Джей-Джоне?

- Зачем?

Она пожала плечами, немного сбита с толку.

- Мы с ним друзья. Он тоже беден.

Деккер не смог удержаться от смеха.

- Так ты дружись со всеми, кто беден?

- Нет, - без улыбки ответила она, - только с теми, кто готов это как-то изменить.

- Изменить что? Бельстер - человек насилия, Аннета. Я не могу не думать...

Она подождала, а когда он не закончил предложения, кивнула.

- Кажется, я понимаю. Тебе не нравятся нечестные и жестокие люди.

- Вот именно, - ответил Деккер.

- И у тебя появилась идея, что Джей-Джон замышляет нечто преступное. Наверное, ты думаешь, что и Вен Купферфельд с ним заодно. А не думаешь ли ты, что и я с ними, Деккер?

- Откуда мне, черт побери, знать?

Аннета с минуту изучала его, потом вздохнула.

- О черт, Деккер, - сказала она, - я знаю, что тебя беспокоит. Тебе кажется, что Бельстер должен быть бойскаутом, потому что он марсианин. Тебе не хочется верить, что марсианин может пуститься в авантюры.

- Не просто авантюры! Мне не нравится то, что он все время говорит, да и Вен тоже.

Аннета снова вздохнула.

- Боюсь, я больше надеялась на тебя, чем следовало, Деккер.

Деккер нахмурился.

- О каких надеждах ты говоришь?

- Надеждах на... ну, неважно. Просто надеждах. Послушай, Деккер. Предположим, ты прав. Предположим, действительно имеет место некая преступная деятельность. Что бы ты стал делать?

- Почему.... ну, я не знаю. Зависит от того, что за деятельность.

- Но, если это какое-то насилие, ты бы чувствовал себя обязанным остановить его?

- Конечно, - Деккер был немало удивлен.

Теперь усмехалась и Аннета.

- Прости, Деккер, - сказала она. - Просто дело в том, что ты настолько марсианин. Во всяком случае, ты отчасти прав. Действительно нечто происходит, и это противозаконно, только вот ты ничего против этого не сделаешь. Когда ты беден и не желаешь отдаваться таковым, приходится иногда обходить углы. Вот, что мы делаем. Хочешь знать, какие углы?

Деккер на минуту задумался, а потом честно сказал:

- Не знаю, хочу ли я.

- Ну, так я знаю, а потому расскажу тебе. Все, что мы делаем, это продаем информацию тем, кто в ней нуждается, например, информацию о том, что войдет в тестирование. Ты думаешь, это жестоко с нашей стороны, Деккер? Я так не считаю. Мне кажется, что мы просто пытаемся сквитаться с системой, которая выбросила нас на свалку.

Деккер от возмущения поставил на пол бутылку с пивом.

- Черт побери, Аннета! Здесь не какой-то подготовительный курс! Если вы позволяете пройти тест тем, кто на самом деле не знают, что они делают, вы подвергаете опасности весь проект, не говоря уже о человеческих жизнях!

Аннета покачала головой.

- Ты не прав. Я же была там, - напомнила она ему. - Как только начинаешь работать за контрольным пультом, целый месяц за твоей спиной стоят ветераны, следят за тобой, как настоящие ястребы. Все, что ты не знаешь, попав туда, тебе придется выучить прежде, чем тебя хотя бы близко подпустят к экрану. Так что вот он, твой заговор, Деккер, - закончила она. - А теперь, почему бы тебе не пойти к себе в общежитие и не выспаться? Потому что, знаешь ли, настучать на нас ты не можешь.

- Могу, черт бы меня побрал!

- Но ведь не можешь, - совершенно серьезно сказала она, - поскольку, сделав это, окажешься в полном дерьме.

Помнишь вступительный экзамен, который ты сдавал? Тот самый, ответы для которого отец принес тебе до самого экзамена? Черт побери, Деккер? Как ты думаешь, где он их взял?

33

Некоторые студенты академии корпорации «Оорт» называли Шестую фазу «мусорной свалкой». Окончив академию и отправившись к месту своего назначения на работу по проекту, они, быть может, и меняли точку зрения, поскольку Шестая фаза была не менее важна, чем все остальные.

Причиной, почему ей придавалось такое значение, являлось то, что она так или иначе была связана с теми местами, куда эти студенты отправлялись на работу. Эти места были рассеяны на миллиарды километров космического пространства, а от студентов ожидалось исполнение самых различных функций, но у всех у них была одна жизненно важная общая особенность. Каждая из станций представляла собой металлическую оболочку, подвешенную в самых неблагоприятных условиях, в каких только пыталось выжить человечество в космическом пространстве.

Космос настолько смертоносен, что с ним не сравниться ничему на Земле. Оставленный безо всяких ресурсов, человек на Земле все же способен выжить, по крайней мере, какое-то время. Неделями можно обходиться без пищи, дни - без воды. Но без воздуха человек умирает мгновенно. А если того же самого человека безо всякой защиты выбросить в космос, его легкие просто разорвутся, вскипит кровь и умрет он через пару минут.

Единственное, что спасает космонавтов от такой быстрой и жестокой смерти, - это их комплексы насосов и очистителей воды, регенераторов воздуха, электростанций и систем жизнеобеспечения. Все эти системы прак-

тически идентичны на всех станциях проекта корпорации «Оорт».

Если что-то идет не так, как должно, - как это рано или поздно происходит с любой системой или механизмом - неполадку следует моментально устранить. В противном случае погибнут люди. И там нет никаких экспертов со стороны, которые могли бы спасти их. Невозможно позвонить монтеру или вызвать «Скорую помощь», никто не приедет на вызов через миллионы километров пустого космического пространства. Людям, работающим в открытом космосе, не на кого рассчитывать, кроме себя самих. Им самим приходится обучаться всем до последнего ремонтным профессиям, необходимым для того, чтобы поддерживать работу сложных систем станций. Вот этому и была посвящена Шестая фаза.

34

Курс Деккера начинался с полным набором тридцати четырех избранных мужчин и женщин, каждый из которых был тщательно отобран за образование, способности и интеллект. Тем не менее число их быстро таяло.

К моменту окончания Пятой фазы отсеялось почти половина первоначального состава. Деккер Де Во остался. Как остались Вен Купферфельд и Торо Танабе, Сяопин Йе и Джей-Джон Бельстер, и еще с дюжину студентов из первого потока, но тем все и ограничивалось. Шестнадцать из этих талантливых и умных студентов оказались не столь умными и талантливыми или, - как не смог удержаться и не напомнить себе Деккер, достаточно нечестно - чтобы удержать достаточно высоко оценки и психологическую подготовку, чтобы выстоять во всех испытаниях. Так что число их сократилось до восемнадцати... на одну ночь.

Когда этот вечер наступил, Деккер ничего об этом не подозревал. Он готовился ложиться в постель и, чистя

зубы, глядел на себя в зеркало, хотя ему вовсе не нравилось то, что он там видел. Беспокоило его отнюдь не физическое отражение; что касается здоровья, оно у Деккера сейчас было, пожалуй, лучшим, чем когда-либо в его жизни. Инъекции полистероидов и кальция сократились до лишь поддерживающего уровня, а браслеты-опоры лежали нетронутые под кроватью вот уже несколько месяцев. Деккеру, казалось, вполне возможным позабыть о том, что он марсианин, живущий в условиях планеты, гораздо более требовательной, чем его собственная. За исключением тех случаев, когда ему об этом напоминали капризы погоды, как, скажем, ранний снег осенью. Снег! А его прогресс в академии был... ну... оптимальным. Он заслуживает поздравлений... если предположить, что неизвестно, какой это куплено ценой.

Просто добраться до Шестой фазы - само по себе было немалой победой. Но Деккеру всю радость от нее портило сознание того, что эта победа замарана мошенничеством. И не только его собственная победа. После разговора с Аннетой Бэнкрофт Деккер едва ли разговаривал с Торо Танабе, поскольку понял наконец, каким образом удалось японцу так легко проскочить через все этапы обучения. И на остальных студентов своего курса он тоже глядел с подозрением: кто из них тоже мошенники? А когда он глядел в зеркало, то видел перед собой очень не марсианского субъекта, обманщика.

Ужасно было сознавать, что Аннета и, вероятно, Вен и, быть может, еще какое-то число людей знали всю его подноготную; но худшее заключалось в том, что он сам это о себе знал.

Даже крохи недавних добрых новостей внезапно превратились в новости дурные. Хорошо, что мать будет здесь на его выпуск.... но когда он ее увидит, что он скажет Гerti Де Во?

Когда этим вечером он услышал какой-то шум и возню в ходе за дверью, он с зубной щеткой во рту выглянул в коридор поглядеть, что происходит. Торо Танабе был уже возле двери в холл, возбужденно с кем-

то болтая. Когда Танабе обернулся и увидел Деккера, он воскликнул:

- Пойдем посмотрим, Де Во! Нашего полку прибыло на Шестую фазу!

Увидав, что Деккер медлит, Танабе не смущаясь добавил:

- Неважно, что ты собираешься ложиться, все равно идем. Скорее.

Деккер поспешил, на свой собственный лад. То есть, когда он умывался и завязывал халат, он делал это быстро. Но к тому времени, когда он добрался до двери, последние из новичков уже исчезали в дверях в дальнем конце холла. Деккер озадаченно поглядел им вслед.

- Ты сказал, они будут вместе с нами проходить Шестую фазу?

- Вот именно, Де Во. Но это еще не все. Это - не обычные студенты. Все эти люди - ветераны - их тут восемь человек, - а кроме того, они из самого Оортова облака! Они могли бы отдыхать на Земле между сменами, только вместо того, чтобы отправить их назад в Оорт, им приказали присоединиться к нам на освежающий курс, а потом их направят на Со-Марс Два.

Деккер растерянно взглянул на своего соседа.

- Никогда ни о чем подобном не слышал, - сказал он.

- А ничего подобного никогда и не было! Это из ряда вон выходящее событие. Видишь, Де Во, это говорит о том, что Со-Марс Два крайне нуждается в людях!

- Меня зовут, - сказал инструктор Шестой фазы на следующее утро, - Марти Джилепси, и до выхода на пенсию я был главой отдела обеспечения Небесного Крюка Найроби.

У него и вид был пенсионера. Это был пожилой человек с внушительной лысиной на макушке и странно белой гривой волос, завязанной в хвост на затылке. Он был невысоким и толстым, и лицо его бороздили морщины, но когда он оглядывал свой новый класс, серые глаза смотрели довольно дружелюбно.

- Здесь вы научитесь всему, что вам необходимо знать о домашнем хозяйстве на космической станции. Но прежде чем мы приступим, мне бы хотелось, чтобы все по очереди встали и назвали.

Деккер, стоявший возле инструктора, обернулся посмотреть, кто из присутствующих новенькие. Здесь было восемь человек, вернувшихся из самого Оортова облака, шестеро мужчин и две женщины, и они явно выделялись среди хорошо знакомых лиц. В них чувствовалась уверенность в себе и своих силах, которой не хватало всем остальным студентам, и они держались плотной группой. Деккер заметил, что одна из женщин, хотя на вид ей было немногим больше, чем ему, была довольно высокой и отнюдь не неприятной с виду. Он запомнил ее имя: Рима Консалво.

Джилепси тоже заметил тесную группку и покачал головой.

- Вам придется разделить на пары при распределении терминалов. И я не хотел бы, чтобы все новенькие держались вместе. Так что если вы из тех, кто вернулся из скопления, я бы предпочел, чтобы вы работали в паре с тем, кто там не был. Вы сможете рассказать ему, каково это там в полевых условиях, а студент поможет вам в том, что он только что выучил, а вы, вероятно, успели позабыть. Итак, давайте посмотрим, вы и вы, вы отправитесь с ней, вы двое вместе...

Деккер решил не упускать своего шанса. Все что для этого требовалось, - незаметное передвижение в толпе. Так что когда Джилепси подошел к Риме Консалво, Деккер оказался прямо рядом с ней. Рима бросила на него удивленный взгляд, а потом, когда Джилепси так мило предложил им работать в паре, ухмыльнулась.

- Приятно познакомиться, - прошептал Деккер, Рима кивнула.

- Запомните своего партнера, - приказал инструктор. - Теперь вам, наверное, хочется узнать, что я имею в виду, говоря о домашнем хозяйстве. Я не имею в виду уборку ваших кают, хотя вам придется делать и это тоже.

В основном я говорю о том, как остаться в живых вам самим и всем остальным на станции. Это означает - знать, как справиться с потерей электричества, несчастным случаем или огнем. Во-вторых, я имею в виду то, что станция должна выполнять свои функции: то есть техническое обслуживание коммуникационных сетей и приборов. И наконец, вам придется иметь дело с обслуживанием команды, что означает приготовление пищи, стирку одежды, уборку и общие ремонтные работы - все от смазывания скрипящей двери до прочистки засорившегося туалета. Есть какие-нибудь вопросы?

Он обвел взглядом лица студентов. Никто из них не проявлял особой радости, но первым поднял руку Торо Танабе.

- Я пошел на этот курс не для того, чтобы чинить туалеты! - сказал он.

- И никто за этим сюда не шел, - с милой улыбкой ответил Джилепси, - но иногда туалеты все же требуют починки. Вы в них ходите, вам их время от времени и чинить. Еще какие-нибудь вопросы? - он вновь коротко оглядел собравшихся, а потом продолжал: - Вы, наверное, даже не знаете, о чем спросить? Ну, тогда за дело. Пары, займите свои места - выбирайте любой экран, они все одинаковы - и давайте посмотрим, как поддерживать постоянное давление.

Когда все расселись, Рима с вопросом поглядела на Деккера, марсианин кивнул, чтобы она сама включала дисплей.

Информация, как и на всех остальных этапах программы, была полной и ясной, хотя и, по мнению Деккера, не особенно интересной. Поддержание постоянного давления не представляло особых трудностей для человека, выросшего в герметично закупоренном доме. Как и для того, кто несколько лет провел в Оортовом облаке. И все равно, они, сидя рядом, смотрели на трехмерные схемы воздушных систем станции, автоматические программы герметического закупоривания каждой двери и вентиляционного отверстия, преду-

смотренные на случай внезапного падения давления. Деккер с одобрением отметил, что Рима Консалво внимательно смотрела на все это, несмотря на тот факт, что и она должна была давным давно все это знать. Деккер решил, что ее отношение к занятиям было почти марсианским. Естественно, экран у них был интерактивный, но на этом первом инструктаже от них ничего не требовалось делать, кроме как смотреть, и оба они держали руки подальше от клавиатуры. У Деккера было достаточно возможностей отметить приятный профиль Римы Консалво, как и то, что несмотря на отличный от духов Вен Купферфельд запах, пахло он нее чем-то очень соблазнительным.

Когда программа окончилась и инструктор спросил, есть ли такие, кто что-либо не понял, прошло около минуты прежде, чем одна из студенток подняла руку.

- Может быть, мы просто еще не дошли до этой части курса, - осторожно начала она, - но что произойдет в случае тяжелого столкновения, когда электричество из автоматических систем утечет в тот же момент, когда будет проломана обшивка?

Джилепси с одобрением кивнул.

- Хороший вопрос, Кларксон. Ты забегаешь вперед. Правда, мы до этого еще не дошли. Через пару минут мы установим для вас модели для разрешения проблем на станции, и среди них будет и твоя. Еще какие-нибудь вопросы? А теперь давайте вернемся к экранам и посмотрим, какие это могут быть проблемы.

Совершенно естественно, что на ленч они пошли вместе, и у Деккера оказалось достаточно времени, чтобы рассказать Риме Консалво о себе все. Делал он это, помогая себе улыбками и оживленными жестами отчасти и потому, что Вен Купферфельд шла всего лишь на несколько шагов позади них. Консалво охотно отвечала. Деккеру подумалось, что она проявляет определенные признаки того, что заинтересована в нем, равно как и то,

что сама она довольно примечательная женщина. У нее, очевидно, было привилегированное детство - ну, а разве не было такого у любого ребенка на Земле? - но она все же подписала контракт с корпорацией «Оорт». Она описывала свое четырехлетнее пребывание в скоплении, где она специализировалась на выборочном управлении змеей, а потом, в свою очередь, на полетах на кораблях-корректировщиках.

- Это действительно изматывает, Де Во, то, что находишься там неделями. Управлять змеей гораздо лучше. Нет необходимости залезать в этот проклятый скафандр, и ты находишься на базе среди друзей, так что, когда кончится смена, тебе есть с кем поговорить. Я действительно боялась, что буду скучать по всем этим парням, - сказала она, когда они становились в хвост очереди к стойке, - но сдается мне, и здесь есть приятные люди.

Это замечание доставило Деккеру немало удовольствия поскольку, естественно, он заключил, что оно относится и к нему тоже. К сожалению, в очереди они разделились, поскольку Консалво пришлось вернуться за чистым подносом, и после столь многообещающего начала их беседа прервалась. Деккер позаботился занять для нее место, предположив, что у них в запасе весь час перерыва на ленч, чтобы узнать друг друга получше. Быть может, даже заставить ее ответить подробнее на кое-какие вопросы. Скажем, что заставило ее перескочить с комфортной жизни на Земле на тяготы облака. Как скажем, сколько ей лет. Насколько это ему удалось, Деккер приблизительно рассчитал ее возраст. Консалво было около тридцати. Земных лет, но она, похоже, как и все женщины на Земле, неохотно говорила о своем возрасте - как будто десяток лет в ту или другую сторону имеют какое-то значение. Во всяком случае, он ей, похоже, действительно понравился, и Деккер решил, что это обещает приятные перспективы на будущее на Со-Марс Два.

Но возвращаясь от стойки с подносом, Консалво

прошла мимо него, всего лишь кивнув и одарив его дружеской, но не приглашающей улыбкой, чтобы сесть на два или три стола дальше.

Это Деккера разочаровало. И совсем удивительным оказалось то, что он увидел, что человеком, к которому присела Консалво, почему-то оказалась Вен Купферфельд. Через пару минут к ним присоединился мужчина. Деккер узнал в нем одного из новоприбывших из Оорта, взрывателя по имени Берт Корман.

Потом его ожидал второй сюрприз и, пожалуй, еще более неприятный, чем первый, когда за тот же стол поставил свой поднос Джей-Джон Бельстер.

Деккер сосредоточился на своей котлете из мяса убитого животного. Нет, он не получил отставки, объяснял он самому себе. Только естественно, что Риме Консалво хочется познакомиться с возможно большим числом своих будущих товарищей - но почему именно эти двое? По крайней мере, думал он, ее выбор компании доказывает то, что она не избегает его по причине предрассудков в отношении марсиан - если, конечно, предположить, что кто-то может считать Джей-Джона Бельстера настоящим марсианином.

Когда они возвращались после ленча в учебный центр, Консалво, занимая свое место подле него, казалась как никогда благожелательной. Остальные студенты только собирались на занятие, что дало ему шанс немного поболтать. Деккер поспорил с собой, стоит ли упоминать о том, что он надеялся на ее общество за ленчем. Это, определенно, было правдой, но Деккер догадался, что не слишком хорошей идеей было бы говорить об этом. Со стороны могло бы показаться, что он ведет себя, как... ну... собственник, при этом без каких-либо на то оснований в виду краткости их знакомства.

И все же он не видел причины, почему бы как бы мимоходом не сказать:

- Я и не знал, что ты знакома с Джей-Джоном Бельстером.

- Бельстером? Ах, да. Познакомилась с ним вчера

вечером, - ответила Рима. - И с Купферфельд. У тебя горели уши? Она говорила о тебе очень приятные вещи, Де Во.

Это было еще одним сюрпризом. Похвалы Вен оказались достаточно неожиданными, чтобы позволить ему сказать что-либо прямо сейчас, а через минуту они уже углубились в очередное занятие, и все прочие замечания личного характера пришлось отложить.

- Ключ ко всем системам безопасности, - объявил Джилепси, начиная с того места, где остановился до перерыва, - системы коммуникации. Сенсоры не принесут вам ничего доброго, если их данные не будут поступать на реле безопасности, так что жизненно важными становятся коммуникационные каналы внутри самой станции. Естественно, все они трижды перекрывают друг друга, но это еще не означает, что они не могут оборваться все разом. Это то, что мы называем «общей ранимостью», имея при этом в виду то, что обрывает один из каналов, сделает то же самое и с оставшимися двумя, как только они будут подключены. А потому сейчас мы станем работать над коммуникационной сетью; начинаем со следующего шага.

Таким образом Деккер и Рима Консалво провели остаток дня, отслеживая коммуникационные цепи на модели космической станции. А выучить предстояло немало: аварийная сеть, отвечающая за такие потенциальные катастрофы, как огонь, падение давления или солнечные излучения; реле, позволяющее постоянное обновление данных на дисплеях; передаточные цепи, передающие информацию извне станции; селекторы внутри самой станции и многое другое.

Последним заданием в этот день было проверить каналы связи между приборами наблюдения за кометой и дисплеями на пультах контролеров. Как Деккер уже, конечно, знал, сенсоры Со-Марс Два непрерывно опрашивали каждую из комет и получали ответы о ее состоянии, передаваемые на дисплеи обеих станций. Затем после того, как компьютеры выдавали свой анализ и

разрешение ситуации, инструкции к взрывам контролера проходили обратный путь по тем же цепям к приемникам на самих кометах.

- Самое худшее здесь, - говорил им Джилепси, - возникает при сбое в цепи в теле самой кометы. Пример тому прямо перед вами. Посмотрите на эту маленькую кометку, 67-ЈУ. Вот уже несколько месяцев данные с нее совершенно сумбурны. У контролеров было с ней немало проблем. Завтра мы посмотрим, какие команды вы сможете использовать для установления двусторонней проверки паритета и поискового сканирования систем, что необходимо в следующих случаях. Требуется это тогда, когда вам необходимо попытаться выправить комету, когда все идет к тому, что на самой комете произошел сбой в цепи, а вы не в состоянии выслать команду, чтобы произвести необходимый ремонт. На сегодня все. Выспитесь хорошенько, а я встречаюсь с вами завтра утром.

Рима Консалво встала, потянулась и зевнула, глядя на то, как Деккер отключает экран. Деккер улыбнулся.

- Начинают возвращаться прошлые знания?

Она озадаченно поглядела на марсианина, потом поняла.

- А, ты имеешь в виду управление кометами. Думаю, да, но я рада, что нас направили на повторение курса. Думаю, мне это необходимо. Де Во? Если я где-то споткнусь, у тебя не найдется времени позаниматься со мной как-нибудь на днях?

- Ну, конечно, - ответил Деккер, ощущая приятное тепло в груди. - Как насчет сегодняшнего вечера?

Рима покачала головой.

- Не сегодня, - с сожалением сказала она, - потому что у меня уже есть планы на вечер. На самом деле, я вижу, что меня уже ждут. Но спасибо, Де Во, и увидимся утром.

- Доброй ночи, - отозвался Деккер ей вслед.

Ему особенно хотелось знать, кем окажется ожидающий ее счастливчик.

Но оказалось, что это не мужчина - еще один сюрприз о этой полной неожиданностей женщины - потому что

тот, кто стоя у двери, ждал Риму отнюдь не был студентом. Это была Аннета Бэнкрофт. Что за невезенье, думал марсианин, что все, с кем, судя по всему, интересно проводить время Рима, оказываются именно теми, кого он, Деккер, так старательно избегает.

Одним из тех людей, общения с которыми Деккеру так хотелось избежать, был его сосед по комнате, но придя к себе, он обнаружил, что Торо Танабе уныло смотрит в экран.

Все эти повторения в детстве Клятвы Содействия оставили на марсианине свой нестираемый отпечаток. Он не мог не испытывать симпатии к своему соседу. Быть может, Танабе и вправду обманщик, но так же и друг - более или менее. Во всяком случае, какое право имеет он, Деккер, критиковать другого обманщика?

- Развесились, Танабе, - довольно сердечно сказал Деккер. - У нас были тяжелые времена, но теперь мы вышли на финишную прямую.

Японец бросил на него кислый взгляд.

- Пожалуй, да, - ответил он, - но что с того? Когда мы окончим академию, чего нам ждать?

- Тебя действительно занимает прочистка туалетов, - попытался угадать Деккер.

Танабе покачал головой, и Деккер попытался снова:

- Так ты не угадал в очередной лотерее?

- На самом деле, - с достоинством отозвался Танабе, - я угадал пять номеров на одной карте в прошлый раз. Будь их шесть, я бы получил семь - восемь сотен куэс в качестве утешительного приза, - он помолчал, но потом не выдержал и признался: - Дело не в учебе. Это снова рынок, Де Во. Бумаги упали в цене за последние два месяца почти на пятьсот пунктов.

- Я не обращал внимания, - признал Деккер.

- Нет, конечно, нет. Марсианам нет дела до подобных вещей, так ведь? И все же здесь есть о чем волноваться. Если так будет продолжаться и дальше, положение моего отца станет довольно серьезным. Надвигаются сроки выполнения нескольких десятков контрактов по покупке фьючерсов.

- Ну, - весело сказал Деккер, отнюдь не в настроении еще раз выслушивать объяснения, что такое фьючерсы, - у тебя, по крайней мере, будет постоянная работа на Со-Марс Два, так что ты сможешь поддерживать его в старости, если что-то пойдет наперекосяк. Лично я собираюсь идти обедать.

- Я пойду с тобой, - вставая, сказал Танабе.

По пути в столовую Деккер ломал голову над чем-то новым в поведении Танабе и к концу очереди к раздаточной стойке осознал, что это было. Денежные заботы Танабе, похоже, были вполне основательны. Уже несколько недель тот не позволял себе проводить уик-энды в Денвере и действительно почти все завтраки и обеды ел вместе со всеми в столовой.

Из милосердия Деккер пытался развеять дурное настроение Танабе, и к тому времени, когда они вернулись к себе, тот почти оправился.

- Сдается мне, - почти радостно сказал он, отрываясь от занятий, чтобы приготовить им того безвкусного японского чая, который так ненавидел Деккер, но из вежливости пил, - что ты прав, Де Во, или почти прав. В конце концов, окончательно мой отец не разорится - станет, быть может, чуть беднее, но отнюдь не нищим - и даже если мне придется чинить туалеты, думаю, я смогу это делать. Некоторое время. Но скорее всего я вытяну что-нибудь вроде технического обслуживания электростанции. Это - порядочная работа, и, если ты помнишь, на этом этапе курса дела у меня шли неплохо. И на самом деле, - с ухмылкой добавил он, - всем известно, что с Аугенштейнами никогда ничего не случается. Просто не может; если произойдет серьезная поломка, все просто вымрут.

- Презабавная же ты личность, - улыбнулся Деккер. - Хорошо же, давай тогда еще раз просмотрим программу декодирования.

К третьей неделе Шестой фазы Деккер вычислил, что до приземления матери на орбитальный терминал земного Небесного Крюка остается всего лишь несколько дней, что было само по себе приятной мыслью. Учеба у него шла

неплохо, хотя и не блестяще, даже несмотря на партнерство с Римой Консалво. Пару раз они занимались вместе, причем Рима вела себя достаточно дружелюбно, хотя как-то безлично, и ее почти не было видно по окончании практических занятий. На деле, ее поведение немногим отличалось от того, как вела себя Вен Купферфельд в первые недели их знакомства.

Вполне возможно, сказал самому себе Деккер, что это просто обычная манера поведения земных женщин с интересующимся ими мужчиной. Однако у него не было никакого способа это проверить. Конечно, это было не по-марсиански. И все же, напоминал он сам себе, если это так, то все еще повернется так; как ему хочется, поскольку в конце концов его роман с Вен Купферфельд развивался просто стремительно. Все, что от него, вероятно, требуется, это терпение.

А тем временем он узнавал больше, чем это раньше представлялось ему возможным, о том, что может требовать ремонта в таком сложном механизме, как Со-Марс Два. На вопрос Доррис Кларксон давно уже был дан ответ: если вследствие крупномасштабной коллизии произойдет падение давления и одновременно откажет основной источник электроэнергии, станция просто переключится на аварийные источники питания. Все двери загерметизируются сами собой; воздух в отсеки станции, еще не пострадавшие от падения давления, будет продолжать поступать из резервных резервуаров, команде придется жить в герметично закрытых каютах, причем там, где их застала аварийная ситуация. Едва ли это будет комфортабельно, но все же лучше, чем умереть. Так будет продолжаться, пока не будет произведен необходимый ремонт, или не подойдет спасти их служебный корабль с Земли или Марса.

Во всяком случае, подобных масштабов столкновение маловероятно. Служебный корабль или одно из ремонтных суденышек, выполняющих ремонтные работы на внешней обшивке корабля, может врезаться в него при швартовке, но, естественно, не на большой скорости.

Бродячая естественная комета или случайный астероид, ударь он в станцию, способен, конечно, причинить гораздо больше вреда. Но такого не случится. Для начала шансы на подобное столкновение крайне не велики. И если каким-то чудом нечто подобное возникнет на курсе столкновения со станцией, она просто использует удерживающие ее на месте двигатели, чтобы уступить ему дорогу.

Гораздо более серьезную опасность представляло солнечное излучение. Вот оно-то было вполне вероятным. Подобные вспышки происходили постоянно, а дождь частиц от Солнца смертелен. Но настроенные на Солнце приборы засекут оптическое излучение задолго до того, как появятся сами частицы, и все просто укроются, чтобы переждать его в защищенной камере в центре станции. Подобными камерами, как помещениями первой необходимости, снабжались все созданные человеком объекты в космосе.

Нет, истинная опасность угрожала станции изнутри. Взрыв на любом Аугенштейне однозначно фатален - хотя, как указал Торо Танабе, маловероятен. Самым страшным однако оставался пожар.

Поначалу это немало удивило Деккера: что может гореть на космической станции? Но в ответ на свой вопрос он услышал: «Все что угодно». Не сама конструкция; станция была спроектирована с таким расчетом, чтобы ни одна из ее частей не содержала воспламеняющихся материалов. А вот люди, населяющие станцию и работающие на ней, - совсем иное дело. Неизбежно члены экипажа привозят с собой свои пожитки и, при определенных условиях, почти все они способны загореться. Сам возникший пожар едва ли будет скольконибудь серьезным - едва ли кто-то способен поджариться на костре из рубашек и спортивной обуви - но этого и не требуется. Там, где есть огонь, есть и дым. И в закрытом пространстве станции дым представлял собой вполне реальную угрозу. Дым может убить.

И от этого есть панацея, простая, но жесткая: системы

аварийной эвакуации. Эти последние в случае необходимости почти моментально могли высосать воздух из любой части станции — даже из всей станции, за исключением загерметизированных помещений. Дверь каждого отсека и прохода будет закрыта. Огонь тогда уляжется за отсутствием воздуха. Когда все утихнет, станция вновь будет герметизирована путем закрытия вентиляционных шахт, а воздух станет поступать из запасных резервуаров.

После проработки ситуации пожарной тревоги на модели Сяопин Йе подняла руку.

- Это представляется мне опасным. Что если кто-то решит выпустить весь воздух безо всякого пожара?

- Позволь я отвечу тебе следующим образом, Йе, - сказал Джилепси. - Ты готовишь еду?

- Конечно. Иногда.

- И на кухне у тебя есть наточенные ножи для нарезки?

- Естественно.

- Ты когда-нибудь пыталась перерезать себе горло одним из них? Нет, не отвечай. Я знаю, что нет. Опасные инциденты не случаются, если кто-нибудь не позаботиться об этом. Всю нашу жизнь всех нас окружают опасные предметы. Первый же водитель за рулем гидроавтомобиля, которого вы увидите, может повернуть колесо и переехать вас, но не делает этого. Нам просто необходимо научиться жить рядом с вещами, способными убить нас.

Этим вечером, когда группа ожидала начала занятий по снижению враждебности, Йе снова подняла эту тему.

- Я не удовлетворена, Де Во, - сказала она Деккеру. - Я все равно думаю, что это опасно.

- Джилепси говорил, что ничего подобного не происходит, - предложил в утешение Деккер, заметив, что Рима Консалво слушает их разговор.

- Джилепси может ошибаться. Что если кто-то захочет совершить самоубийство и потянуть за собой всю станцию? Он может выпустить воздух, или перекрыть

контроль безопасности на Аугенштейнах, или разбить оболочку один из этих ремонтных кораблей. Что его остановит?

На это у Деккера не нашлось ответа, только общее ощущение того, что инструктор был прав. Вместо него ответила Рима Консалво:

- Это - несущественная проблема, Йе. Он сам остановит себя. Как ты думаешь, для чего все эти психологические тесты? Люди с суицидальными наклонностями просто не попадают на космические станции. Их отсеивают заранее.

- Каждый раз? - с сомнением спросила Йе.

- До сих пор было так, - уверила ее Консалво. - Тебе лучше сегодня побольше поработать, Йе, чтобы избавиться от этих негативных чувств.

Потом, разделавшись таким образом со страхами Йе, Рима повернулась к Деккеру.

- Де Во, у меня такое чувство, что и мне не помешает сегодня разрядка. Не хочешь ли попытаться быть моим партнером сегодня вечером?

Естественно, он хотел. Когда они разделись до тренировочных костюмов, Деккер обнаружил то, что, собственно говоря, и ожидал: сколько бы ей ни было лет, у Римы Консалво была превосходная фигура. Они прошли через серию упражнений и спаринга.

В глубине души Деккер относился к этим «толкай-ворчи»-занятиям, как к очередной глупости землян и пустой трате времени. Никакому марсианину никогда не понадобится такая терапевтическая драка, поскольку каждый марсианин с детства приучается к необходимости терпеливо относиться к ближним, а не скрывать свою нерешимость. Но когда все эти физические упражнения продлеваются с привлекательной женщиной, которую хотелось бы узнать гораздо лучше, это - не такой уж плохой способ провести вечер.

Деккер всегда был настороже, работая с землянами, даже если это были женщины. И был немало удивлен, насколько мало сложностей у него возникло с Римой

Консалво. Ёй не удалось вытолкнуть его из круга. И когда она пыталась противостоять его попыткам перевернуть ее на спину, когда они боролись на полу, Рима внезапно вскрикнула от боли и перестала сопротивляться.

- Эй, Де Во! Ты просто руку мне сейчас оторвешь! Немного полегче, ладно? - выдохнула она.

Деккер от удивления выпустил ее. Он опустился на корточки рядом с распростертым на мате телом, чтобы убедиться, что с ней все в порядке. Рима с виноватым видом смотрела на него снизу вверх, потирая ключицу.

- Я знаю, ты - марсианин. Но пожалуйста, помни, я только что вернулась на Землю после четырех лет в Оорте. Мне точно так же, как и тебе, приходится привыкать к гравитации и терпеть инъекции - так что никаких клинчей, ладно?

- Прости, - извинился Деккер.

- Нечего извиняться, - Рима медленно поднялась на ноги, все еще с трудом переводя дыхание. - Ты заставил меня попотеть, - пожаловалась она, - от меня, должно быть, воняет, как от свиньи.

- На мой взгляд, от тебя приятно пахнет, - предложил перемирие Деккер.

Рима бросила на него подозрительный взгляд, а потом рассмеялась.

- Во всяком случае, слава Богу, занятие окончилось. О, смотри, к нам приближается кавалерия.

Деккер оглянулся по сторонам, чтобы увидеть, что все уже собираются уходить, а к ним спешит бывший коллега Консалво, Берт Корман.

- С тобой все в порядке? - спросил он Риму, не отрывая при этом взгляда от Деккера.

- Конечно, я в порядке. Он просто гора мускулов, этот парень, но никакого серьезного ущерба. Кстати, вы знакомы друг с другом? Берт был нашим асом в облаке, Деккер. Мне всегда нравилось работать с его кометами, поскольку все они были плотными и управлять ими было легко.

Деккер пожал руку Берту.

- Это ты вытащил ту малышку 67-ЖУ? - спросил он, пытаясь посредством дружеской шутки завязать светскую беседу.

Корман не понял юмора, а только нахмурился.

- А зачем тебе это знать?

- Ну же, Берт. Де Во просто болтает, - быстро вмешалась Консалво.

- Да? А почему он помянул именно эту комету?

Деккер решил отвечать за себя сам.

- Без какой бы то ни было особой причины. Просто она очень мала, и у них, похоже, неприятности с поворотом ее на нужный курс.

Деккер, может быть, сказал бы и больше, но его оборвала Консалво:

- Забудь об этом, Берт, - приказала она. - Иди, я тебя нагоню.

Когда пилот довольно мрачно удалился, она обернулась к Деккеру:

- Видишь, ты поставил его в неловкое положение. На самом деле, именно он и вытащил эту комету. Он очень тяжело все это воспринимает.

- О, - сказал Деккер, потеряв всякий интерес к разговору.

Его гораздо больше волновало то, что позднее она собирается встретиться с другим мужчиной, а не, скажем, с ним самим.

- На самом деле, если тебе так уж хочется возложить на кого-то вину, именно я управляла змеей, так что мы оба довольно чувствительны. И все же, - добавила она с улыбкой, - лучше пусть они будут слишком маленькими, чем слишком большими, правда? Тебе ведь не хотелось бы, чтобы на Марс сбрасывали плутоны?

Это замечание несколько ошарашило Деккера.

- Господи, нет!

Каждый знал, что такое плутоны - невероятной тяжести кометы, размером с Плутон, откуда они и получили свое название. Одна из них вполне могла бы сама по себе восполнить атмосферу Марса, но лишь ценой его

разрушения. Потом он осознал, что и она, вероятно, шутит.

Деккер сменил тему на ту, что действительно его интересовала.

- Тебе нравится Корман, не так ли?

- Ну, конечно, нравится. Он - хороший человек, - а потом, проанализировав несколько секунд его лицо, добавила: - Ты тоже мне нравишься, Деккер. Надеюсь, ты это уже понял.

- Правда?

Рима рассмеялась его скептическому тону.

- Ладно тебе, Деккер. Я знаю, что со мной вроде как непросто общаться. Дело не в том, что ты мне не нравишься. Дело в основном в том, что я делаю, - и пока Деккер пытался разгадать, что она имеет в виду, женщина серьезно продолжила: - Послушай, ты не знаешь каково это, быть на космической станции, даже на Со-Марс Два. Оказавшись там, ты вынужден проводить много времени с одними и теми же людьми. А это значит, что не стоит слишком быстро стремиться сблизиться с кем-либо, потому что, быть может, потом придется пожалеть об этом. Возможно что-то вроде разрыва, а это означает, что вместе с ним возникают недобрые или просто сложные чувства и отношения - то есть неприятности. А кому хочется способствовать их возникновению, когда совершенно некуда деться от очень небольшой группы людей.

- Закон плота, - кивнул Деккер.

- Ну, я не знаю, что такое Закон плота, но мне кажется, ты меня понял. Если наверху снова не изменят своего решения, мы оба отправимся на Со-Марс Два. А это означает, что мы очень много времени будем проводить вместе, Деккер. А я хочу точно знать, чего хочу, прежде чем увязну слишком глубоко. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Деккер просто светился от радости.

- Конечно, понимаю, - сказал он.

И отбросив всякую предосторожность, он притянул ее за плечи и быстро и импульсивно поцеловал ее, потом

повернулся и направился к душевым, в настроении более солнечном, чем то, в каком случалось ему пребывать в последние несколько недель.

Как правило те, кто не участвовал непосредственно в проекте «Оорт» не сознавали, что из двух сотен или чуть более человек экипажа космической станции, такой, как, скажем, Со-Марс Два, только лишь двадцать человек регулярно работают контролерами. Остальные выполняют обязанности поваров, уборщиков, занимаются техническим обслуживанием и прочими делами, которые дают возможность работать самим контролерам.

Вот на что указывал им не раз Марти Джилепси всю последнюю неделю курса.

- Вскоре вы получите свои дополнительные к основным сменам назначения, - сказал он в среду. - Так это называет администрация, как будто вы сразу же броситесь их выполнять, как только у вас выдастся свободная минутка. Не относитесь слишком серьезно к слову «дополнительные». Дело в том, что это станет основной вашей работой. Это будет занимать у вас больше времени, чем работа у пультов, по крайней мере, до тех пор, пока не завезут очередную партию новичков, которые, может быть, сменят вас на этой кухонной работе.

Торо Танабе тут же поднял руку.

- Я не для того прошел через всю эту ужасную подготовку, чтобы становиться мальчиком на побегушках, - пожаловался он.

- Разве? Какая жалость, потому что пройдет еще некоторое время, прежде чем вам удастся воспользоваться этой славной технической подготовкой. О, время от времени вас поставят на вахту, чтобы вы не забыли пройденного и на самом деле научились всему необходимому, поскольку вашим партнером всегда будет профессионал, который станет наблюдать за каждым вашим движением. Затем, если вы раньше или позже поднаберетесь сноровки, станете дипломированным оператором. А до тех пор вам придется делать то, что прикажут,

Танабе. Включая ремонт туалетов, если вас это по-прежнему беспокоит.

Джилепси вежливо улыбнулся японцу, вид у которого был возмущенный. Танабе смолчал.

- Хорошо же, - обратился Джилепси уже ко всему классу, - впрочем, вы научитесь не только чинить санитарные установки. Сейчас вы узнаете, как пользоваться вспомогательными и учебными программами в базе данных станции; они станут вас обучать, не я. Начнем.

Он остановился, пробежал пальцами по клавиатуре своего дисплея и поднял глаза на студентов.

- Только что я смоделировал поломанный туалет. Теперь вы начинаете работу. Помните, прежде всего - диагностика поломки. И посмотрим, какая команда справится первой.

Класс принялся за работу. Первыми пришли вовсе не Деккер и Рима Консалво, хотя оба они знали процедуру - у тех, кто когда-либо жил на Марсе или в Оорте, достаточно навыков в подобных вещах. Опоздали они из-за Деккера, поскольку тестеромоны возбуждали его чувства каждый раз, когда он касался локтем своей соседки или их пальцы соприкасались на клавиатуре - и что чудеснее всего, Консалво, казалось, тоже не оставалась равнодушной к его присутствию.

Тем их соприкосновение и ограничивалось. И никаких больше поцелуев, хотя время от времени Рима с шутливой нежностью клала ему руку на локоть или касалась его щеки, прежде чем упорхнуть на те, какие бы они ни были, дела или встречи, которые занимали ее вечера. В тех редких случаях, когда Деккер случайно видел ее болтающую с другими людьми, небольшая группка всегда включала Вен Купферфельд, или Аннету, а иногда Джей-Джона Бельстера или другого бывшего питомца Оорта, Берта Кормана.

Когда Деккеру удалось в достаточной степени выйти за рамки хороших манер и свой собственный здравый смысл, чтобы спросить, что они делают вместе, Консалво просто пожала плечами. Деккер не настаивал. Ему не

хотелось выяснить вдруг, что Консалво, быть может, беседует с другими кандидатами на более значительные отношения, которые могут возникнуть в космосе, и что одним из них может оказаться Джей-Джон Бельстер.

Вечером за день до выпуска некоторые наиболее нетерпеливые студенты их курса предложили устроить вечеринку. У них же есть что праздновать. Ко всеобщему удивлению, Шестую фазу благополучно прошли все, и слух уже стал свершившимся фактом: весь курс отправляется на Со-Марс Два.

Деккер решил, что это будет обычная земная вечеринка, вероятно, с пением и громкими дискуссиями - таких вещей он не любил. И все же, нет сомнения, что Рима Консалво там будет. Деккер решил пойти, но особенно спешить не стал. По пути он остановился посмотреть не пришло ли уже формальное его назначение, равно как и распоряжение о дополнительных обязанностях.

Не пришли, зато в интеркоме оказалось аудиопослание от матери.

- Здравствуй, Деккер. Я в авиолайнере где-то в районе Панамы. По крайней мере, мне так кажется, хотя все что видно из окна, это вода. Это означает, что я благополучно приземлилась и уже в пути. В Денвер я прибуду завтра рано утром. Встречать меня в аэропорту не надо; мне предоставят машину и водителя. Меня решили поместить в апартаменты корпорации для особо важных лиц, что выглядело бы очень мило, если бы не такое ощущение, что меня откармливают на убой. Во всяком случае, утром я тебе позвоню - и в конце концов, мне удастся поприсутствовать на твоём выпуске!

Таким образом на празднование Деккер попал поздно, хотя, судя по всему, это не имело особого значения. Оказалось, что настроение на вечеринке царит почему-то подавленное, да и народу тут было немного. Присутствовала только половина их курса, и даже эти немногие

тихонько сидели за столами в зале отдыха, разговаривая вполголоса. Из тех, кто больше всего интересовал бы Деккера, здесь не было почти никого - просто никого, если правильно посчитать, поскольку единственной, кого ему хотелось бы повидать, была Рима Консалво. А она, как информировала его Сяопин Ёе, ушла рано вместе с Вен Купферфельд. Торо Танабе тоже ушел, а еще несколько человек вообще не показывались.

В каком-то отношении - хотя не самом важном - это принесло Деккеру некоторое облегчение. Деккеру совсем не хотелось шума и пьяных разговоров. Обменявшись ради приличия парой слов с несколькими знакомыми, Деккер подсел к Сяопин Ёе и выпил полстакана пива. Без Римы Консалво, которая осветила бы ему комнату, вечеринка казалась бессмысленной потерей времени, а потому, когда Ёе сказала, что она, пожалуй, пойдет паковать вещи, Деккер тоже ушел.

Он ожидал найти Торо Танабе в их комнатах, причем японец, без сомнения, должен был паковать вещи, мучительно размышляя, что из своих сокровищ ему придется оставить, чтобы уложиться в лимитированный вес багажа. Все - оказалось несколько иначе, чем он ожидал. Танабе был там и упаковывал вещи, но при этом в ярости кидал все, что ни попадалось под руку, в сумки, тихо ругаясь себе под нос. Остановившись в дверях, Деккер с удивлением смотрел на проносившийся по комнате смерч.

- Тебе разве не придется что-то из этого оставить? - спросил он.

- Да я все оставляю, - гневно бросил Танабе. - Ничего не возьму, даже себя самого, потому что я не еду на Со-Марс Два! Знаешь, что назначили мне в качестве «дополнительных обязанностей»? Это даже не починка туалетов! Они ожидают, что Торо Танабе, сын Уоши Танабе, будет работать поваром!

- Черт, - сказал Деккер.

Он знал, чтобы ни говорил Марти Джилепси, Танабе надеялся на один из миллиона шансов, что он попадет

прямо в контрольный пункт. Человек, когда-то игравший в лотерею, остается игроком до конца жизни, подумалось Деккеру.

- Это просто постыдно, - попытался он утешить японца, - особенно, если учесть, насколько высокими все это время были твои оценки. Они были гораздо выше моих.

Танабе покачал головой.

- Естественно. И конечно, им следовало бы дать мне более порядочную работу вместо того, что мы оставляет хейнанским крестьянам. Но дело не только в отметках. Ничто не забывается, - страдальчески добавил он. - Помнишь, у меня были проблемы с дисциплиной?

- То что ты поздно возвращался домой пьяный? - спросил Деккер, стараясь помочь.

Танабе было нахмурился, потом пожал плечами.

- Да, вроде того. Все эти глупости занесли в мое дело, так что им наплевать на мои отметки.

- Да, - кивнул Деккер, - отметки, которые ты получил за ответы, купленные у Аннеты Бэнкрофт.

Танабе был одновременно смущен и ошарашен.

- Бэнкрофт? Так это она предоставляла ответы? Я не знал. Я получал их от твоей любимой подруги, Вен Купферфельд, а она никогда не говорила, откуда они у нее. Это для меня сюрприз. А я считал Бэнкрофт честным человеком.

Деккер тоже был удивлен, но теперь все обретало свой смысл. Танабе, понизив голос, продолжал:

- Мне жаль, что ты это про меня знаешь, Деккер.

Ма́рсианин пожал плечами, он чувствовал себя неловко.

- А впрочем, какое это теперь имеет значение, кто знает, кто нет? Они не могут больше меня исключить. Я поприсутствую на выпускном собрании, а потом сообщу, что разрываю контракт, и полечу домой в Токио сообщить отцу, что я наконец одумался.

- И все же это очень грустно, - предложил в утешение Деккер.

- Спасибо. Но может быть и нет: думаю, я отцу сейчас, возможно, понадобится. В последнем письме он сообщал, что ходят слухи о каких-то событиях, которые так или иначе окажут свое влияние на рынок. Он говорил, что дожидается прибытия делегации на высоком уровне с Марса. Это случайно не...

- Да, - кивнул Деккер. - Моя мать. Во всяком случае входит в делегацию.

- Вот как, - мягко сказал Танабе и сменил тему. - Ну, мне нужно упаковываться. А кстати, Де Во, неужто тебе не любопытно? Пришло и твое назначение. Я взял на себя смелость прочесть и его. По-моему, не такое уж плохое назначение. Специалист по контролю за повреждениями.

35

Н очью шел снег, и взбираясь вверх по склону к зданию, где остановилась его мать, Деккер дрожал от холода. Прибыв туда, Деккер поначалу было решил, что ошибся. Он знал, что никогда не бывал в апартаментах для особо важных персон раньше, но забавным было то, что когда он, оставляя за собой быстро тающие комья снега на ковре, вошел в вестибюль здания, все вокруг показалось ему знакомым. Обстановка была знакомой, а когда кто-то окликнул его по имени и он обернулся, чтобы увидеть, как из гостиной с чашкой кофе в руке выходит удивленная Аннета Бэнкрофт, осознал, почему... он пришел в бывший курортный отель, где располагалась ее крохотная комнатка.

Аннета смотрела на него довольно враждебно.

- Что ты тут делаешь, Де Во? Ты меня ищешь? - потребовала она ответа.

- Нет. Предполагается, что моя мать где-то здесь, если здесь апартаменты для особо важных лиц.

- Да, верно, - сказала она, несколько оттаяв. - Это в башне. Тебе нужно воспользоваться теми лифтами в конце холла.

Когда Деккер кивнул и повернулся уходить, Аннета его остановила.

- Послушай. Давай поговорим. Знаешь, я ведь еду с вашим курсом. Мы, возможно, и не друзья, но можем, по крайней мере, делать вид.

Деккер кивнул, ему не терпелось уйти, но то, что она говорила было вполне логично.

- Ладно.

- Тогда все в порядке. Ты уже получил свое дополнительное назначение?

Казалось, решение делать вид, что они друзья, имело мгновенный эффект, так что Деккер последовал ее примеру.

- Я вытянул контроль за повреждениями, - сказал Деккер, подумав, что они напоминают просто двух коллег, сравнивающий записи. - Полагаю, могло бы быть и хуже.

- Могло бы, - одобрительно сказала она. - Это самое лучшее, что ты мог бы получить, я хочу сказать, не считая непосредственного контроля за кометами. Ты будешь работать по всей станции, так что у тебя появится шанс со всеми познакомиться и все узнать.

- Однако это не то, к чему меня готовили.

- Черт, Де Во, кто вот так сразу получает то, к чему его готовили? Твое время все же скоро настанет. Слушай, ты знаешь кто такой Пелле Марине? Нет, конечно, еще не знаешь, но Пелле - шеф на станции Со-Марс Два, а начинал он тоже с контроля за повреждениями. Я служила с ним два года. Это неплохой человек, - она бросила на Деккера оценивающий взгляд. - На самом деле, он во многом похож на тебя, - добавила она, оставив его размышлять над смыслом этих слов, пока он шел к лифтам.

Но размышлял он недолго. Герти Де Во ждала своего сына, и дверь распахнулась при первом же его стуке. На пороге появилась сияющая мать.

- Здравствуй, Дек, - с нежностью сказала она. - Входи и дай я взгляну на то, что они тут с тобой делают.

Когда они поцеловались, мать не обняла Деккера так, как делала когда-то раньше. Она держалась за поручень, чтобы чуть уменьшить напряжение от земной гравитации, но ее губы у него на щеке были теплыми.

- Будешь завтракать? - тут же спросила она.

- Я поел, пока ждал твоего звонка, - ответил он, покачивая головой.

С минуту мать и сын изучающе смотрели друг на друга. Мать, как с беспокойством заметил Деккер, выглядела усталой, хрупкой как бы это сказать... старой. Только над ее голосом годы оказались не властны. Это было все то же мягкое, чистое контральто, которое пело ему колыбельные в детстве, а теперь жаловалось, что он растолстел.

- Это полистероиды, - ответил он. - Ты к ним привыкнешь.

Мать покачала головой и прохромала к креслу с высокой прямой спинкой у окна.

- Я не пробуду здесь так долго, - сказала она. - Надеюсь, неделю-две, самое большее. Завтра утром мне надо быть в Токио.

- Как обстоят дела?

Она скорчила гримаску. С немалым усилием Герти наклонилась к низкому столику перед креслом и из своей сумки достала фляжку. Когда она налила какую-то жидкость в стакан, Деккер с удивлением осознал, что это виски.

Он приложил все силы, чтобы у него на лице не отразилось неодобрение, но Герти Де Во нелегко было обмануть. Она рассмеялась.

- Ладно тебе, Дек, дорогой, - шутливо сказала она. - Все не так скверно, как ты думаешь. Мне нужно выпить, потому что все болит. А кроме того, то, что для тебя, возможно, утро, для меня глубокая ночь. Так что самое время выпить, не волнуйся, к твоему выпуску я буду трезва.

Она сделала небольшой глоток и откинулась на спинку кресла.

- Что касается твоего вопроса, - сказала она, - земля-

не желают изменить условия займа, а я здесь для того, чтобы попытаться убедить их держаться прежних условий, - и с минуту подумав, добавила: - Нет, это не совсем верно. Я здесь на самом деле не для того, чтобы торговаться. Я здесь для того, чтобы кланчить милостыню.

Деккер недоуменно поглядел на мать.

- О, Деккер, - печально сказала Герти Де Во, - ты что не обращал внимания на то, что происходит вокруг? Только что утром в аэролайнере я слышала сводку новостей. Теперь и русские вслед за японцами подумывают о запуске собственных ферм-спутников. Полагаю, они на это пойдут, потому что когда они посчитают затраты, спутники окажутся более выгодными капиталовложениями. Так или иначе через пять лет чьи-нибудь спутники станут поставляющими пищевые продукты фермами для Земли. Самое большее через десять. Нам с этим не сравниться, а потому некоторые из подписчиков намерены отступить.

- Но они же не могут отозвать проект, так ведь? Они уже столько в него вложили...

- Нет, не могут.... Я, по крайней мере, на это надеюсь. Во всяком случае, они не могут покончить с проектом сразу. Однако вполне возможно, что они потребуют от нас большие проценты, а этого мы не можем себе позволить, - она сделала еще глоток. - Похоже, будущее будет не столь светлым, как мы с тобой загадывали, Дек. И тогда уже дела у нас шли не очень-то хорошо.

Деккер поглядел на мать с таким шокированным выражением на лице, как мог бы посмотреть американский политик на коллегу, намекнувшего, что Джордж Вашингтон не был уж таким хорошим президентом.

- О чем ты говоришь? Марс сможет поддерживать себя сам и будет свободным!

- Марс станет их плантацией, а мы - их рабами, - поправила сына Герти Де Во. - Мы будем растить их хлопок и собирать их урожай, продавать им сырье, а покупать промышленные товары - как в старой Британ-

ской империи сидящие у себя дома люди богатели за счет колоний. Прости, что в твой великий день я говорю такие вещи, Деккер, - сказала она виновато. - Ты ведь собираешься отправляться в космос и работать на нас. Но именно так оно и будет, если я не смогу уговорить их оставить в покое условия. Видишь ли, им не просто требуются более высокие проценты, им нужны гарантии.

- Но у них же уже есть гарантии!

- Не те, каких они хотят. Они желают, чтобы их договор о займе стал основным законом Марса, предшествующим даже конституции. Они хотят, чтобы закон давал им права отчуждения марсианских земель, использования земной полиции в том случае, если мы откажемся от выплат.

- Полиции? С автоматами?

- О нет, об оружии никто ничего не говорит. Зачем им ружья против нас? Им скорее всего даже не понадобятся эти их Миротворцы, потому что марсиане всегда держат свое слово. Все что им нужно, это, чтобы мы стали их собственностью.

- Ты не можешь позволить им сделать это, - решительно сказал он.

- Боюсь, мы не сможем не позволить, если они станут настаивать. Деньги ведь у них, - в раздражении на саму себя мать покачала головой. - Во всяком случае, именно потому я и здесь, чтобы попытаться заставить их вести себя порядочно. Быть может, мне это удастся. Бог знает, я постараюсь. Земляне ведь - тоже люди, и не все из них - жестокие эксплуататоры. Все что я могу, это заставить их вспомнить, что мы части единого целого - человечества, - она снова покачала головой. - Давай сменим тему. Как твои дела?

Деккеру переход с одной темы на другую дался не так легко - не упоминая уже о том факте, что, на самом деле, ему не хотелось отвечать на этот вопрос.

- Отлично, - сказал он, вставая и переходя к окну.

Мать с трудом повернулась, чтобы взглянуть на него.

- Ожидая тебя, я смотрела в окно, - мечтательно сказала она. - Красиво.

- Да, - отозвался он и посмотрел на часы, что не укрылось от его матери.

- Нам не пора уже собираться на твоё собрание?

- В общем и целом, да. Но не сию минуту. Знаешь, роскошной церемонии не будет, - и добавил: - Здесь они не празднуют выпусков. Мы просто подписываем контракты, один из инструкторов произносит небольшую речь, поздравляя выпускников и желая им всего наилучшего, - вот и все.

- Для меня это будет большой праздник, Деккер, - ответила мать и, помедлив, добавила: - Знаешь, я собиралась привезти Тсуми в качестве ассистента.

- Тсуми?

- Ну, я бы предпочла, чтобы со мной был ты, но у тебя есть дела и поважнее. Тсуми отчаянно хотелось поехать. А мне нужен был кто-то в помощь. Кто-то с более молодыми ногами, чем у меня.

- Но Тсуми! - повторил Деккер, не в состоянии удержаться от воспоминаний о том, как тяжело было наскрести денег на проезд для него, - и, как судя по всему, легко нашлись деньги для Тсуми Горшака.

- Я знаю, что тебе он не нравится, Деккер. И всё равно я чувствовала, что обязана сделать это ради Тинкера. Но ничего не вышло. Тсуми предстоял экзамен для получения лицензии пилота, экзамен он провалил... и он пытался подкупить инструктора, Деккер. У меня не осталось выбора. Я его уволила.

- Понимаю, - сказал Деккер, понимая на самом деле, гораздо больше, чем мать.

Мать поглядела на него с любопытством.

- У тебя что-то на уме, Дек? - спросила она.

Деккер помедлил. Но что он мог бы ей сказать? Что он сам обманщик и покрывает других мошенников, и, на самом деле, немногим лучше Тсуми Горшака?

Деккер покачал головой и снова посмотрел на часы.

- Просто мне уже, пожалуй, пора идти. Нам ещё

нужно прочесть контракты и сдать анализ крови перед церемонией.

- Анализ крови? На наркотики?

И когда он утвердительно кивнул головой, мать печально сказала:

- Быть может, я была не права в отношении землян. Быть может, мы в конце концов не одной расы.

Десять часов спустя они уже были в пути: выпуск Деккера, команда из Оортрова облака и Аннета Бэнкрофт.

Церемония преподнесла только один сюрприз: Торо Танабе.

В последний момент, с краской стыда на лице и стараясь не встречаться с Деккером взглядом, Танабе сделал шаг вперед и вместе со всеми подписал контракт на работу. И лишь когда ряды смешались и все собрались уходить, Танабе заметил взгляд Деккера. В ответ японец смущенно ухмыльнулся.

- В конце концов, - сказал он, - было бы жаль зайти так далеко, и не пройти весь этот путь до конца, правда? К тому же, если я буду готовить, то, по крайней мере, обед у меня будет сносный.

36

Станция Со-Марс Два расположена на той же орбите, что и планета Марс - вот почему она называется «Со-Марс» - но отстает от планеты на шестую часть марсианского года в том, что называется «тройанской» точкой. В другой «тройанской точке» на той же орбите Марса в шестой части марсианского года, но в противоположном направлении, располагается еще одна контрольная станция. Эти две Со-Марс станции распоряжаются всем небом. Станции на орбитах вокруг самого Марса могут оказать в случае необходимости помощь, но такое случается редко. На самом деле, каждая из этих станций

способна управлять всеми кометами в одиночку, по крайней мере, теми, которые не блокирует Солнце. А работу между собой эти станции делят из соображений безопасности. Со-Марс Два направляет поступающие кометы на последнем отрезке их пути приближения к Марсу, и потому является самой важной... Так, по меньшей мере, полагает ее экипаж.

Станция Со-Марс Два отнюдь не мала. Размерами она приблизительно напоминает земной сухогруз или танкер, и если бы в условиях космоса существовала тяжесть, то весила бы она около пятнадцати тысяч тонн. Однако, располагаясь на орбите, она не весила ничего. И все, что бы ни находилось внутри нее, тоже не имело веса, поскольку на Со-Марс Два спин отсутствовал. Не было, следовательно, и центростремительной гравитации, которая удерживала бы объекты у обшивки, как это происходит, скажем, на космических станциях в самом Оортвом облаке. Со-Марс не могла позволить себе такую роскошь, как спин. Каждая из ее многочисленных антенн была с высокой точностью направлена на определенные точки неба, и им нельзя было позволить отклониться.

И люди, населяющие и обслуживающие эту станцию, тоже не испытывали ни малейшей микрогравитации, какая имеется на транзитных станциях в точках выхода на орбиту Небесных Крюков. Они вообще не испытывают на себе силы тяготения, отчего у многих сосет в желудке.

Коридоры Со-Марс Два идут во всех трех направлениях трехмерного пространства, и ничего, похожего, на лестницу здесь тоже не существует. Для удобства экипажа коридоры окрашены в красный, зеленый и желтый цвета, соответствуя без какого-либо определенного порядка направлениям «вправо-влево», «вперед-назад», «вверх-вниз».

Как только новая партия с земли привыкает к этим мелким странностям, то оказывается, что Со-Марс Два не такое уж плохое место. Здесь достаточно электроэнергии от генераторов, работающих от двигателей Аугенштейна,

для создания цивилизованной и почти комфортной жизни. А для этого требуется огромное количество электроэнергии. В конце концов, от сенсоров станции требуется считывать информацию с объектов, находящихся за орбитой Нептуна, и постоянно поддерживать с ними связь. Эти сенсоры очень мощны, и прежде чем грузовой корабль сможет подойти к станции на расстояние в десять тысяч километров, многие из них приходится отключать. Иначе радиационное излучение сенсоров моментально сожжет всех, находящихся на борту.

37

Вот и швартовка, они действительно теперь находятся на станции. Деккер Де Во стал членом экипажа Со-Марс Два и таким образом всего проекта «Оорт»! Он не мог подавить тепло, разливающееся по всему телу, радость от того, что он здесь. Однако времени на наслаждения не было, необходимость прежде всего, и прежде, чем у Деккера Де Во или кого-либо из его спутников появится шанс оглядеться в этой новой чудесной обстановке, предстояло разгрузить грузовое судно.

Это была нелегкая работа. И при этом выполнять ее было весьма неудобно. И вот Деккер в условиях невесомости, еще не научившись двигаться в ней, потный как мышь, пытается показать себя в лучшем виде.

- Подаю, - крикнет из шлюза Джей-Джон Бельстер.

И Деккеру или кому-нибудь еще придется бросаться ловить картонную коробку или мешок, или деталь какого-нибудь механизма, которые вылетают из шлюза корабля, попытаться замедлить и притянуть к ближайшей стене. Вот и вся их работа. Оказавшись у стены, предмет там и оставался, поскольку каждый артикул груза снабжен самоклеющимися ленточками, и ими же оклеены стены склада. Поток груза все никак не иссякал. К тому времени, когда удавалось плотно закрепить что-то одно, прямо на вас плыл уже другой предмет, а от вас требуется

успеть оказаться на его пути, чтобы вовремя поймать его.

Это была тупая, тяжелая работа. Деккер не раз ударялся о стены или острые углы механизмов, но его не особенно это волновало. Пока он чувствовал то самое тепло внутри. Деккер Де Во был дома. Он прекрасно сознавал, что представляет собой не более мельчайшего винтика в огромной машине размером с саму Солнечную систему. И все же, бросаясь на какой-то тюк больше него самого и хватая его за ручку, чтобы затормозить, он испытывал огромное удовлетворение. Он здесь. Он принимает пусть скромное, но участие в деле возрождения своей планеты. Когда недели или месяцы спустя осколки какой-нибудь взорванной кометы упадут на равнины Марса, это будет потому, что Деккер Де Во теперь часть экипажа, благодаря которому эти осколки попали точно в назначенное им место.

Жаль, что желудок его не наслаждался ситуацией в той же мере, что сам Деккер. Невесомость оказывала свое вполне предсказуемое воздействие. Слюнные железы под языком били фонтаном, и Деккер не испытывал никакой уверенности, что неприятности на этом кончатся. Уже двое из его сокурсников сдались на волю тошноты и отправились получать уколы, но Деккер не был еще готов оставить работу.

Он завидовал легким маневрам персонала станции, люди вплыли на склад, чтобы помочь в разгрузке. Марсианин наблюдал за ними, когда удавалось урвать пару секунд от своих собственных усилий, поскольку именно эти люди точно знали, что делают. На склад они вплыли совершенно беззаботно, одной рукой придерживаясь за поручни, другую оставив свободной для работы. Иногда, как заметил Деккер, им удавалось использовать для работы даже обе руки, отталкиваясь ногами от стены и утягивая за собой тюк, только что к ней прикрепленный. Они не затрудняли себя перебрасыванием предметов при разгрузке. Их задачей было разместить груз там, где ему следовало находиться в нишах самой станции.

Было здесь кое-что немало Деккера озадачившее. По каким-то причинам, прежде чем кто-либо из них покидал склад, ему приходилось останавливаться возле выхода. Там какая-то женщина проводила по каждому тюку каким-то инструментом, похожим на помещенный в металлический футляр литник.

Деккер не мог определить, что это за инструмент, однако он без труда узнал женщину. Это была Роза Мак-Кьюн, психолог, которая проводила его вступительный тест. Деккер сглотнул заполнившую рот слюну и притянул к себе поближе - правда, вверх ногами - проплывающую мимо Сяопин Йе.

- Что она делает? - тяжело дыша, спросил он.

- Похоже, определяет, нет ли в грузе наркотиков, - сказала Йе, вдавливая в стену что-то круглое и мягкое.

- Наркотики, - презрительно повторил Деккер.

Тут ему пришлось остановиться, поскольку мускулы его желудка стали вдруг тревожно сжиматься. Ухватившись за встроенное в стену кольцо, он закрыл глаза в надежде на то, что это вдруг поможет, - не помогло. У него было такое чувство, будто он проваливается куда-то в пустоту, волчком вертясь при падении. Внутреннее ухо громко протестовало против поступающих сигналов, а слюнные железы все быстрее вырабатывали слюну.

- С тобой все в порядке, Деккер? - обеспокоенно спросила Йе. - Посмотри, доктор Мак-Кьюн наблюдает за тобой.

Деккер открыл глаза, чтобы убедиться, что психолог занята именно этим. Она висела, зацепившись ногой за кольцо в стене, и смотрела на него в упор.

- Вы там, - окликнула она их. - В чем дело?

- Все в порядке, - несколько кривя душой, крикнул в ответ Деккер.

- Непохоже. Ты ведь Де Во, не так ли? Хорошо. Пойди приляг, пока мы тут закончим. Гаралек! Отведи его в лабораторию и сделай ему укол. Никому не хочется, чтобы его стошнило на наши запасы.

Вполне возможно, что Деккер не добрался бы сам до медпункта, хотя до последнего было не более двадцати метров. Ему и не пришлось. Человек, которому препоручила Деккера Роза Мак-Кьун, довольно быстро потащил его за собой за шиворот, и как только он сделал марсианину укол, тот сразу же почувствовал себя лучше.

Глядя на Деккера, врач ухмылялся во весь рот.

- Это пройдет, - сказал он. - Тебя зовут Де Во? А я - Ллойд Гаралек, служба здоровья.

Деккер пожал Гаралеку руку.

- Думаю, мне лучше вернуться, - сказал он.

- Спешить некуда, - ответил Гаралек. - Тебе ведь не захочется пропустить великую приветственную речь Паркера, а он не покажется до тех пор, пока с корабля не снимут весь груз.

Деккер чувствовал себя теперь настолько лучше, что полюбопытствовал:

- Кто такой Паркер? Шеф станции?

- Шеф станции? Нет. Босс здесь - Пелле Марине. Симантоне Паркер - его заместитель, знаешь ли, он - один из вас. Во всяком случае, после того как его лордство произнесет свою речь, он скорее всего объявит пожарную тревогу, просто чтобы дать новичка попробовать здешней жизни... или, - подумав добавил Гаралек, - думаю все же не сразу. Смена Пелле как раз кончилась, а у Паркера хватит ума дать ему выспаться.

Врач потянулся и зевнул. Потом он мягко оттолкнулся от пола и поплыл к двери, где остановился, чтобы оглянуться на Деккера.

- Отдохни еще пять - десять минут, - посоветовал он. - Хотелось бы мне последовать этому совету, но придется возвращаться, поскольку Мак-Кьун вечно за мной присматривает. Найдешь дорогу?

- Ну конечно, - ответил Деккер, чувствуя себя несколько оскорбленным. - Выйдя за дверь, я сразу поверну налево.

Гаралек рассмеялся.

- Повернешь налево, да? И с какой же стороны лево,

если ты висишь вверх ногами? Следи за номерами, Де Во, двигаться надо в сторону уменьшения номеров. Увидимся.

Десятью минутами Деккер не воспользовался, но три или четыре употребил на то, чтобы потренироваться пересекать комнату, мягко отталкиваясь от стены, как делал это Гаралек. Это требовало большей сноровки, чем вначале полагал Деккер, но к тому времени, когда он рискнул выйти в маркированный зеленым коридор, который должен был привести его в грузовой отсек, он чувствовал себя вполне уверенным, что ему удастся преодолеть весь путь, не раскроив себе череп. И на самом деле, ему даже не понадобилось присматриваться к номерам на дверях, отсек без труда можно было отыскать по доносившемуся оттуда шуму.

Разгрузка была почти завершена, и ветераны разобрали уже почти весь груз. Появился Симантоне Паркер, без труда опознаваемый по тому, что кричал на всех, кто попадался ему на глаза.

Деккер сразу же понял, что имел в виду Гаралек, говоря «один из вас». Он имел в виду марсиан, поскольку Симантоне Паркер определенно был марсианином, но для последнего вел себя очень странно и необычно.

- Вы, грузчики, внимание, - скомандовал он. - И новички тоже, все хватайтесь за поручни, чтобы я смог поговорить с вами минутку.

Он махнул в сторону сравнительно не загроможденной стены грузового отсека, и Деккеру удалось пристроиться там вместе со своими сокурсниками. Нашарив наконец за что бы ухватиться, Деккер обнаружил, что держится за одну петлю с Вен Купферфельд, которая одарила его дружелюбной улыбкой.

Деккер улыбнулся в ответ. Подобная реакция не была инстинктивной, наоборот, это был результат сознательного решения. Им придется провести рядом друг с другом долгое время, напоминал он самому себе, а Закон плота подсказывал, что делать.

Разговаривать они не стали, поскольку заместитель шефа как раз собирался начать свою речь.

- Я сказал, успокойтесь все, - приказал он.

Это однако не остановило ни перемещающих груз членов экипажа, ни Розу Мак-Кьюн, выискивающую контрабанду, но новые контролеры до некоторой степени все же притихли.

- Меня зовут Симантоне Паркер, - заказал заместитель шефа. - К сожалению, Пелле Марине не может сейчас поговорить с вами. Пелле - начальник нашей станции, но он уже сменился с вахты, и потому моя обязанность как его заместителя приветствовать вас на борту.

Он остановился, чтобы сурово оглядеть аудиторию, потом смиловился и улыбнулся.

- Мы очень рады, что вы здесь, поскольку испытывали значительную нехватку в людях. Не хватает их нам и сейчас, просто с вашим прибытием положение станет чуть-чуть легче. Приятное в этом то, что сейчас на станции имеется больше чем обычно мест в жилых отсеках, так что каждый из вас может получить отдельную комнату. Но это только на время. Если кто-либо из вас желает жить в одной комнате с кем-либо, это может быть улажено. Вам не обязательно делать это сейчас, комнаты можно поменять в любое время, - он опустил взгляд на ручной экран, чтобы проверить, не забыл ли он чего-либо сказать. - О да, все получили дополнительные назначения? Хорошо. Когда доберетесь до своих жилых помещений, наберите код главы своего отдела - я полагаю, все знают, как пользоваться коммуникационными системами станции? - и свяжитесь с ним. Он даст вам знать, когда появиться для получения работы, - он вновь глянул на экран, потом поднял взгляд на аудиторию. - Есть вопросы?

Рука Торо Танабе рванулась вверх первой.

- А когда мы начнем работать по основной специальности?

Паркер усмехнулся.

- Вы хотите сказать, когда выйдет срок вашего допол-

нительного назначения? Что касается этого, ничего обещать не могу, вам самим придется для этого потрудиться. Однако мы знаем, каково вам, так что как раз вырабатывается расписание смен. Мы собираемся ставить по одному каждого из новоприбывших в одну смену с нашими ветеранами, так что каждый из вас в течение - сколько там? - следующих двадцати шести дней получит возможность хотя бы один раз поработать на контрольной станции. А там посмотрим. Еще вопросы? О, подождите минуту. У вас есть что-нибудь для нас, Мак-Кьюн?

- Да, черт побери, - бросила от двери Роза Мак-Кьюн. Она стояла возле ящика, прибор в ее руках тихонько попискивал. - Это определенно наркотики, Паркер. У меня позитивные показания.

- О Господи, - фыркнул заместитель шефа. - Какой сукин сын привез на станцию наркотики? Если это один из новых ублюдков...

Но Мак-Кьюн покачала головой.

- Боюсь, это не их багаж. Подойди взгляни на табличку с адресатом.

Паркер проплыл к двери и коротко оглядел подозрительную посылку, потом поднял гневный взгляд.

- Хорошо, - сказал он. - Всем вернуться к своей работе. Багаж оставить здесь. Я сам с этим разберусь!

Деккеру была назначена комната под номером Желтый ВЗ-43, и как только он выяснил, какой коридор маркирован желтый ВЗ, у него не возникло никаких проблем с ее розыском. Несколько из его сокурсников оказались в том же отсеке. С трудом подтягивая за собой тюк и картонку своего багажа, он увидел, как из своей комнаты выходит Рима Консалво. Рима сказала, что комната Сяопин наискосок через холл.

Сама комната выглядела в точности так, как показывали виртуалы. Чуть больше шкафа, ни кровати, ни стульев - потому как, на что они, если все равно никто не собирается ни садиться, ни ложиться на них, - но в общем и целом сносно. Ниша в стене оказалась вполне адекватной для хранения его немногих личных вещей. Есте-

ственно, здесь не было отдельной ванной, но не так уж это и страшно. Марсианин никогда не заметил бы такого недостатка, не проводи он какого-то времени среди земной роскоши. Деккер достал спальные ремни, с любопытством их ощупал и решил, что поместиться в это сооружение сможет довольно легко. Другое дело, насколько удобно в нем спать. И все же если этому научились двести человек экипажа станции Со-Марс Два, Деккер Де Во тоже сможет этому обучиться. Рано или поздно.

Экран оказался довольно прост в обращении, и, когда Деккер пролистнул меню, «аварийный контроль» выдал ему код связи с главой отдела, Джаредом Клайном.

Клайн преподнес Деккеру немалый сюрприз, и не потому, что оказался черным - хотя его кожа и была столь же глубокого пурпурно-черного цвета, как и у Вальтера Нгемба - а в основном потому, что Де Во почему-то не ожидал, что он марсианин.

- Привет, - глядя на него с экрана, сказал Клайн. - Ты Деккер Де Во? Хорошо. Прости, что меня не было, когда пришвартовался ваш корабль, но мне не хотелось в очередной раз ввязываться в «все, кто свободен, на разгрузку» Паркера. Во всяком случае, я рад знакомству. Давай посмотрим, - Клайн взглянул куда-то поверх линзы экрана - на часы, предположил Деккер, - вскоре мы встретимся. Как у тебя с ночлегом?

- Думаю, все нормально, - сказал Деккер.

Учитывая поток адреналина, выброшенного при прибытии на станцию, этот вопрос вообще не приходил Деккеру в голову.

- Прекрасно. Заходи, когда появится возможность. Не прямо сейчас. Лучше подожди, пока пройдут учения на случай солнечного излучения, иначе нас без конца будут прерывать. Красный 2-11, знаешь где это?

- Нет, но найду.

Клайн рассмеялся.

- И в этом ты прав. Один из вариантов того, чего тебе не удастся сделать на станции, - потеряться.

Изображение его исчезло, очевидно Клайн отключил экран, собственный дисплей Деккера вернулся к меню «готовность». Деккер с минуту в задумчивости повисел перед ним, размышляя, что ему теперь делать. Не голоден ли он? Пожалуй, нет, подумал он, но рано или поздно проголодается. Потому он выбрал «подача пищи» и как раз выяснял, что столовые открыты двадцать четыре часа в сутки и что на станции в разных отсеках их имеется три, когда услышал за спиной знакомое вежливое покашливание.

В приоткрытую дверь заглядывал Торо Танабе. Если бы Деккер не услышал кашля, то может быть, и не узнал его поначалу, поскольку никогда еще не видел лица Танабе под углом в приблизительно сто пятьдесят градусов.

- Заходи, - сказал Деккер, указывая Танабе на петлю в стене. - Ну, как тебе нравится Со-Марс Два?

Танабе воспринял этот вопрос всерьез.

- Полагаю, здесь не так уж плохо, если, конечно, не ожидать особых удобств. Но не нравится мне эта история с наркотиками. Сам я не такой моралист, чтобы кому-то запрещать употреблять их, Де Во, но глупо провозить их на станцию, когда ты точно знаешь, что тебя поймут.

- Очевидно, кто-то думал иначе. Они уже знают, чья это посылка?

- Насколько мне известно, нет. Мак-Кьюн откажется сказать что-либо, и этот Паркер тоже. Ты с ним знаком, Деккер? Нет, думаю, нет... Это земляне всегда полагают, что все марсиане знакомы друг с другом, точно так же как американцы считают, что все японцы знают друг друга. Во всяком случае, - сказал он, настроение у него явно улучшалось, - в некотором отношении это место вполне цивилизованное. Доступна аудиосвязь с Землей. Я уже позвонил брокеру, чтобы он на эту неделю купил мне лотерейные билеты.

- Удачи тебе.

- Да, спасибо.

Танабе прокашлялся. Казалось, он несколько смущен.

- Моя дверь следующая по коридору, Де Во. Я.... я думаю, мне стоит извиниться, что я не спросил тебя, не хочешь ли ты разделить со мной комнату, как это было в академии.

- О, все в порядке, - ответил Деккер.

Ему и на минуту в голову не приходила мысль о такой возможности. Если он собирался делить с кем-нибудь комнату, желанным соседом для него был бы отнюдь не Торо Танабе. Скорее это была бы Рима Консалво. Или Вен. Или даже Аннета Бэнкрофт.

Танабе, похоже, думал приблизительно то же самое.

- Просто, если мне повезет, я, думаю, последую местным обычаям брать себе «временных жен». Похоже, у них есть, что предложить.

Деккер попытался скрыть ухмылку.

- Ты уже остановил свой выбор на ком-то конкретном?

- Нет, пока еще нет. Впрочем, что касается тебя, я не был бы удивлен. Хотя выбор здесь не такой большой, как хотелось бы надеяться. На станции мужчин гораздо больше, чем женщин, и мне сказали, что большинство из них уже разобраны.

Деккер дал себе время переварить эту новость, прежде чем задал вопрос:

- Ты не знаешь, не выбрал себе ли кто-нибудь из наших... а... временную жену?

Или не стала ли временной женой, о чем на самом деле хотелось спросить Деккеру.

- Не думаю. По-моему, у них просто еще не было времени. И все же если у тебя есть какие-то особые планы, то тебе, пожалуй следует.... о Господи милосердный! - ошарашенно оборвал свою тираду Торо Танабе, когда по всей станции зазвучал громкий, режущий ухо скрежет, - Что это, черт побери, такое?

- Наверное, тревога солнечного излучения, - сказал Деккер. - Уверен, что она всего лишь учебная, Танабе. Но

может быть, и нет, так что нам, пожалуй, лучше отправиться в убежище.

Деккеру не требовалось знать, где располагается убежище от солнечного излучения станции Со-Марс Два - все что пришлось делать им с Танабе, это следовать всеобщему неторопливому потоку людей в коридоре. Все двигались в одном и том же направлении. Но естественно, Деккер все знал. Все эти долгие часы, проведенные за изучением виртуалов, врезались в память, запечатлев в ней план станции. Убежище помещалось не в центре самой конструкции, как это было на космических кораблях и терминалах Небесных Крюков. Там наиболее безопасные места находились в центре, поскольку время от времени корабли и терминалы вращались вокруг своей оси. В случае Со-Марс Два все было иначе. Центр станции заполняли резервные танкеры с водой и тяжелые механизмы, качавшие воду и воздух по системам станции. Убежище находилось прямо за этими массивными и непроницаемыми для радиации помещениями, на стороне, дальней от Солнца, и, когда не было действительного излучения и учебных тревог, использовались как гимнастический зал станции.

Для двоих человек, только что окончивших подготовительные курсы на Земле, самым сложным было не отыскать это убежище, а попасть туда. Ни Танабе, ни Деккер не освоили еще сложного искусства перемещения по станции в условиях антигравитации, а потому они плыли, то и дело сталкиваясь друг с другом и натываясь на стены прохода.

- Слава Богу, это только учебная тревога, - выдохнул Танабе. - Как бы я ненавидел это излучение, возникни настоящая необходимость скрываться от него.

- Ну, никакой катастрофы не будет.

Деккер говорил с мудростью человека, выросшего на планете, где солнечная радиация время от времени представляет собой серьезную проблему. Он подумал было, не

объяснить ли Танабе, что солнечная радиация всегда приходит двумя волнами: сначала видимое глазом свечение самого излучения, а потом, много часов спустя, дождь частиц. Он бы это и сделал, если бы у него хватило на то дыхания. Оба они к этому времени зависли на перекрестке, и, пока они собирались с силами, чтобы изменить направление с желтого на зеленый коридор, Деккер дальше по коридору увидел Аннету Бэнкрофт и Розу Мак-Кьюн. Они не двигались в сторону убежища. Они просто висели там и явно пребывали посреди какого-то спора. Спор, судя по всему, был довольно жарким. Деккер был потрясен увидеть на глазах Аннеты слезы ярости, а психолог в ответ только с каменным видом качала головой.

Танабе с любопытством уставился на сопящую пару, но Деккер потянул его за руку, и японец неохотно последовал за ним.

- Интересно, в чем там дело? - тяжело дыша, поинтересовался он.

- Не наше дело, - как настоящий марсианин, ответил Деккер. - Они придут, когда будут к этому готовы. Вот убежище.

Прошло еще некоторое время, прежде чем они попали внутрь, потому что у тяжелой герметично закрывающейся двери ждала целая толпа. Изнутри слышались оживленные разговоры. Когда они пробились сквозь толпу, Деккер с любопытством огляделся по сторонам. Помещение оказалось гораздо большим, чем он ожидал. Все шесть стен несли на себе прикрепленные к стенам тренажеры. Каждый на станции был обязан регулярно ими пользоваться, чтобы постараться сохранить крепость костей и силу мускулов. Под всевозможными углами по всей комнате группами висел экипаж.

К тому времени, когда Деккер нашел, за что зацепиться, он увидел, что к нему плывет Сяопин Йе. По отношению к Деккеру плыла она вниз головой, но ему все же удалось разглядеть выражение беспокойства на ее лице.

- В чем дело? - спросил он.

В ответ китайка покачала головой, потом изогнулась так, чтобы они оказались в более похожем на нормальное положение для беседы.

- Не знаю, что это за место, куда мы попали, Де Во. Ты был там, когда нашли наркотики в грузе?

- Да.

- А ты знаешь, кому они принадлежат? Они находились в личных вещах шефа станции, Марине. Его разбудили, взяли анализ крови, и в крови у него оказались наркотики. Роза Мак-Кьюн отправляет его на Землю с нашим же кораблем. А шефом теперь стал этот Паркер.

- Господи, - сказал Танабе. - Шеф? И его вышвыривают со станции?

Деккер покачал головой.

- Если он употребляет наркотики, он должен уехать. Особенно, если это шеф станции.

- Но если шеф станции наркоман, - настаивала Йе, - что это говорит о Со-Марс Два?

На это у Деккера не нашлось ответа. Он извернулся, чтобы взглянуть на дверь. В убежище врывались последние опоздавшие. Деккер увидел, как по стенке с трудом пробирается Аннета Бэнкрофт, плакать она перестала, но на лице застыло выражение ярости. Прямо под ней были Роза Мак-Кьюн и заместитель начальника - нет, теперь шеф, начальник станции. Паркер отдал приказ, дверь закрылась, отрезав им выход наружу.

Шеф достал микрофон.

- Тишина, - приказал он. - У меня есть объявление. На корабле были найдены наркотики, а потому доктор Роза Мак-Кьюн приняла решение провести анализ крови у всего персонала. Никакого излучения нет. Тревога только учебная. Но прежде, чем покинуть помещение, каждый из вас оставит здесь образец крови. Можете становиться в очередь на сдачу анализов, - и потом, как будто спохватившись, добавил: - Пожалуйста.

...Очень быстро Деккер осознал, что тестирование двух сотен людей займет немало времени. Это раздражало, но вскоре он понял, что кое-что раздражает его еще больше. Было еще одно физиологическое отправление, о котором он забывал с того самого момента, как вступил на корабль. И в скором времени ему придется опорожнить мешок.

Деккер сообразил, что что-то для этого должно быть предусмотрено в убежище. Так оно и оказалось, с дюжины туалетов располагалось вдоль одной из стен зала.

Однако он находился в условиях антигравитации.

Выходил он с широкой ухмылкой, гордый тем, что ему удалось справиться с неизбежно сложным механизмом антигравитационного туалета. Тут Деккер обнаружил своего босса, Джареда Клайна, висящего поблизости. Клайн тоже ухмылялся во весь рот.

- Я увидел, как тыходишь, и решил, что лучше побуду поблизости на случай, если тебе понадобится помощь. Для тебя ведь это первый опыт, - сказал он. - Как все прошло?

- Не думаю, что мне когда-нибудь будет это нравиться. Но все в порядке.

- Хорошо, - сказал Клайн. - Слушай, нам придется пробыть здесь еще какое-то время, так что мы вполне можем поговорить здесь, и тебе не понадобится идти в мой офис. Тебя готовили на аварийные системы? Тогда мне не придется всему тебя учить. Все, что тебе, вероятно, понадобится, это обойти станцию со мной или с кем-то еще из отдела, так чтобы ощутить, так сказать, вкус этого места. Виртуалы хороши, но, не знаю как для тебя, лично мне кажется, что я ничего не знаю о вещи, пока на потрогаю ее собственными руками. У Вонга сейчас вахта, где-то через час он сменится. Если у тебя есть желание, почему бы нам втроем не отправиться обедать? Там я вас и познакомлю.

- Согласен, - ответил Деккер. - А потом мне, наверное, стоит поспать.

- Нет проблем.

Клайн извернулся, чтобы посмотреть в сторону выхода. Половина экипажа все еще толпилась у двери, ожидая своей очереди сдать анализ крови.

- Клайн? - решился Деккер, над чем-то усиленно размышляя. - Ты сказал, у того человека вахта? Ты хотел сказать, что он - контролер?

- Верно. Неполную смену. Каждый на станции раз в месяц или около того работает на контроле.

- Но что если действительно возникнет излучение? Разве контролеры не должны быть в укрытии?

- Нет, Де Во. Все пульты находятся на теневой стороне - их специально поместили туда, так как это убежище оказывается между ними и Солнцем. Там они в безопасности. В случае особенно сильного излучения они, конечно, могут получить некоторую дозу вторичной радиации, испускаемой самой конструкцией станции. Но дозы очень невелики. Конечно, и за этими дозами нужно постоянно следить, поскольку тогда учитывается общая их сумма за всю жизнь. Таким образом при следующем излучении за пультами будет работать другая смена.

Он снова бросил взгляд на дверь и устало пожал плечами.

- Придется еще подождать. Откуда ты, Де Во?

- Сагдаев. Небольшой дем на Маунт...

- О черт, Де Во. Я знаю, где Сагдаев. Я сам из Кеннеди. Знаешь, на Элизииуме? Но немало прошло времени с тех пор, как я в последний раз его видел, - он задумчиво взглянул на Деккера. - Если ты из Сагдаева, ты, наверное, имеешь какое-то отношение к Гертти Де Во?

- Она - моя мать, - ответил Деккер, ожидая услышать привычные жалобы в ее адрес.

Однако их не последовало.

- Она - замечательная женщина, Де Во, - искренне сказал Клайн. - Мой дядя работал с ней в Совете. Я рад, что ты здесь.

- Спасибо, - отозвался Деккер, испытав прилив теплых чувств к этому человеку.

Всякий, кто восхищался Герти Де Во, автоматически становился другом ее сына. И в самом деле, чем больше он узнавал Джареда Клайна, тем больше тот ему нравился. Как выяснил Деккер, после развернутой Розой Мак-Кьюн охоты на «нестабильных», Клайна повысили до контролера на полную смену, однако он тянул на себе двойной груз, выполняя обязанности начальника отдела контроля за повреждениями.

- Не в том дело, что я не доверяю другим, Де Во. Просто хочу быть на своем месте до тех пор, пока станция снова не наберется сил.

- Она еще не оправилась?

- Ну... не совсем. Но, по крайней мере, уже приблизилась к этому, - и немного помедлив, Клайн добавил: - Во всяком случае, меня теперь не так волнует, есть ли у меня свободное время, как раньше. Моя жена была одной из тех, кого сослали на Землю.

- О черт. Печально.

Клайн кивнул.

- И я так думал... И все же она была несколько нервной последние пару недель. Я просто надеюсь на то, что, чтобы там ее не беспокоило, все это они смогут уладить в клиниках, и тогда она вернется.... ну, если мне повезет.

Клайн откашлялся и, отвернувшись, стал смотреть на толпу у двери.

- Может быть, нам пора становиться в очередь, - предложил он.

- Хорошо.

Деккер внимательно наблюдал за тем, как Клайн грациозно отталкивался то от одной, то от другой стены, легко избегая столкновения с другими членами экипажа. Марсианин попытался скопировать его движения. И это ему почти удалось: всего лишь один раз врезавшись в стену, он нагнал босса и пристроился за ним.

В гимнастическом зале осталось не более тридцати человек. По словам Клайна, анализы крови брали трое: Роза Мак-Кьюн и двое врачей станции. Это была не

особенно сложная процедура: укол, пауза. Потом на крохотной ампуле выводят имя, наклеивают на руку антисептический пластырь, и пациенту позволено выйти.

Как раз подошла очередь Аннеты Бэнкрофт. Когда Джаред Клайн увидел, что Деккер смотрит на нее, он сказал:

- Нелегко ей пришлось.

- Аннете? Почему? Я хочу сказать, она, очевидно, чем-то расстроена, потому что я видел, как прежде чем войти сюда она спорила с Мак-Кьюн. Но я не знаю, о чем шла речь.

- Сдается мне, я знаю, - отозвался Клайн. - Готов поспорить, речь шла о Пелле Марине. Мак-Кьюн отсылает его на Землю, ты это уже знаешь? В его посылке с Земли нашли наркотики.

- Слышал.

- Ну, естественно, Аннета расстроена. Она была его временной женой.

38

Если вы захотели создать на Марсе такую же плотную, как на Земле, атмосферу, вам придется разыскать где-то огромное количество газов. Что значит «огромное количество»? Назовем приблизительную цифру: около 4.000.000.000.000.000 - то есть четыре квадриллиона - тонн газов.

Хорошо, в понимании отдельного человека это ужасающе много, но в терминах, которыми оперируют астрономы, - сравнительно малая величина. К счастью, не все эти газы должны происходить обязательно из Оорта. Сказочные запасы заложены и в самом Марсе.

К принципиально важным веществам, необходимым для того, чтобы позволить планете поддерживать жизнь на ее поверхности, относятся те, которые ученые

называют «летучими веществами». В основном, это вода и воздух.

Если взглянуть на расположение планет в солнечной системе, то можно убедиться, что летучие вещества распределены довольно упорядочено. Меркурий - планета, ближайшая к Солнцу, практически их не имеет. Сколько бы изначально их там ни было, все они давно уже улетучились под воздействием жара Солнца. А поскольку скорость движения молекул в горячих летучих веществах гораздо выше, таким образом они достигают достаточного разбега, чтобы преодолеть притяжение планеты, эти вещества давным-давно потерялись в космосе.

Венере и Земле, расположенным чуть дальше от Солнца и обладающим массой значительно большей, чем масса Меркурия, повезло больше. Они сохранили большую часть своих летучих веществ. Затем, если двигаться дальше, за поясом астероидов, можно обнаружить, что там сохранились практически все летучие вещества. В действительности, планеты, представляющие собой газовые гиганты, от Юпитера до самого Нептуна, в сущности - не что иное, как эти самые летучие вещества. Но верно это лишь отчасти, потому что они невероятно велики и, следовательно, обладают огромным притяжением. А также эти планеты находятся очень далеко от Солнца и очень холодны, так что у летучих веществ просто не было возможности исчезнуть.

Все это вполне упорядочено и разумно и укладывается в рамки того, как по представлениям ученых, должна называться Солнечная система - за одним исключением.

Случай планеты Марс необычен.

Судя по всему, Марс обделили летучими веществами. Там им следовало бы быть больше, чем есть сейчас. Раньше так оно и было. На Марсе возможно найти отчетливые признаки, указывающие на русла протекавших здесь когда-то рек. А это означает, что было время, когда на Марсе текла вода. Некоторые каньоны Марса, такие как, скажем Валлес Маринерис, даже больше схожи с каньонами на Земле. Они напоминают многократно увеличенный Большой Каньон. И если, как боль-

шой Каньон, они были вымыты эрозией от потоков воды, объем этих вод должен был быть поистине велик. На самом деле, его должно было хватить на то, чтобы подарить Марсу огромные океаны. Насколько велики были эти океаны? Воды в них было достаточно, чтобы она равномерно растекалась по всей поверхности, покрывая планету полукилометровым слоем. Ну, естественно, вода эта не растекалась равномерно, она бы собиралась, как в океанах земли, в наиболее низких точках. Но ее должно было быть много.

Так куда же делись эти летучие вещества?

Большая их часть, должно быть, потерялась в космосе просто потому, что слабая гравитация Марса не могла удерживать их вечно. Однако не все они пропали. То, что осталось, можно было видеть невооруженным глазом - это их количество составляло ледяные полюса планеты. А невидимыми оставалось еще большее их количество, химически связанное однако с минеральными веществами на поверхности.

Вот в этом-то и состоял главный смысл проекта Оорт. Как только достаточное число комет уплотнит поверхность Марса настолько, чтобы немного повысить давление поверхности и ее температуру, все эти невидимые связанные или застывшие летучие вещества снова станут видимы.

39

На Со-Марс Два ежедневные физические тренировки были обязательны для каждого из членов экипажа. А кроме того они были еще и тяжелой работой. И хуже того, по мнению Деккера, для марсианина, который, если ему удастся найти способ сделать это, не намеревается возвращаться на Землю, работой совершенно не нужной. Ему не нужны полистероидные мускулы, которые помогли ему выжить в течение всего курса в академии. А если из его костей исчезнет какое-то количество кальция, то что с того?

- Тогда просто для твоего сердца, - объяснил ему Джаред Клайн. - Скажу как марсианин марсианину, именно это я и повторяю себе каждый раз, когда приходится идти на тренажеры. Однако, не имеет никакого значения, почему ты это делаешь. Наилучшая причина это делать - то, что у тебя просто нет другого выбора, потому что, если ты пропустишь больше двух-трех дней в месяц, Роза Мак-Кьюн отправит тебя отсюда на первом же корабле.

Так что Деккер безропотно проводил по часу в день в гимнастическом зале, разрабатывая ноги и руки с помощью колец тренажеров, которые являлись единственным сопротивлением, с которым экипажу вообще приходилось сталкиваться на станции. Больше всего марсианин ненавидел механизм, который все здесь звали «дыбой». Если просунуть ноги в одну пару колец и, вытянувшись во весь рост, достать до двух рукоятей, то упражнение заключается в том, чтобы попытаться потянуть правую ногу и левую руку вниз, потом наоборот на протяжении предписанного минимума в десять ненавидистых минут.

После этих десяти минут у Деккера ныло все тело. Отвязывая от лодыжек кольца, он вдруг увидел, что рядом с ним устраивается на тренажере Аннета Бэнкрофт.

Увидев Деккера, Аннета в знак приветствия кивнула.

- Привет, - сказала она. - Как дела?

- Ты хочешь сказать, если не считать боли и ломоты в костях? - переспросил Деккер, растирая левую ногу. - Просто прекрасно. А у тебя?

Она ответила, что и у нее просто прекрасно. На этом разговор бы и закончился, если бы Деккер не добавил:

- Мне очень жаль, что так случилось. Я имею в виду Пелле Марине.

Аннета взглянула на него с тенью улыбки.

- В подобном месте не бывает секретов, не так ли? Верно, Пелле и я больше года были вместе. Признаю, все происшедшее застало меня врасплох, потому что, когда я

была рядом, он никогда не принимал наркотики. Но люди ведь меняются, не так ли? Думаю, Сим Паркер просто сделал то, что должен был сделать. Они сказали, что Пелле вроде как был нервным и подозрительным в последние недели до нашего прибытия.

- Ты умеешь прощать, - сказал ей Деккер.

Он действительно имел это в виду, она даже нравилась ему этим своим качеством. Многие ли земляне оказались бы способны на объективность в подобном случае?

- Однако странно. Приблизительно тоже самое сказал о своей временной жене Джаред Клайн. О той, кого послала на Землю Роза Мак-Кьюн.

Аннета бросила на него острый взгляд, потом нагнулась проверить, не плотно ли затянуты манжеты у нее на ногах.

- Быть может, по станции бродит какой-то вирус нестабильности. Осторожно, не то ты сам его подхватишь, Де Во.

Какое-то время Деккеру казалось, что на станции Со-Марс Два может быть действительно какая-то инфекция, поскольку все и каждый казались несколько нервными - или рассеянными, или просто загадочными. Некоторые из его бывших сокурсников, как например, Вен Купферфельд и Джей-Джон Бельстер, похоже, вообще исчезли из виду. Они ни единой минуты не провели с группой, с которой прибыли сюда, каким-то образом моментально влившись в постоянный экипаж станции. Не видел Деккер и Аннеты Бэнкрофт, если не считать той встречи в гимнастическом зале, или, что более важно, Римы Консалво, за исключением того, что раз или два вызывал ее по интеркому. Дозвонившись до нее, он получал в ответ лишь дружелюбный отказ. Звучал он действительно дружелюбно: Рима нежно говорила, что они, конечно же, вскоре увидятся. Но тем не менее, это был отказ.

Деккера удивляло, что в коммуне, состоящей из не более чем двух сотен человек, пятеро или шестеро из них могут настолько исчезнуть у него из виду.

Впрочем, у Деккера оставалось не так много времени размышлять над этим, поскольку, кроме инфекции, по станции ходил Деккер Де Во собственной персоной. Он сразу же стал членом команды контроля за повреждениями. Впрочем, он никогда еще не отправлялся на обход в одиночку. Если с ним не было Джареда Клайна, это был кто-нибудь другой из его отдела, как скажем Дзоуэн Вонг - или для краткости «Джо» - и временная жена Вонга, работавшая в том же отделе, маленькая смуглая женщина по имени Хэтти Хоран. Сантиметр за сантиметром Деккер и тот, кто оказывался на данный момент его партнером, обходили коридоры станции от воздушных шлюзов до подающих воду насосов. Время от времени он проходил мимо занятых собственным делом бывших сокурсников: Сяопин Йе за пультом системы внутренней коммуникации, которая присматривала за тем, чтобы сообщения доходили до отдела, которому они предназначались; мрачную Дорис Клаксон в роли смотрителя гимнастического зала; Торо Танабе - что удивительно, ради разнообразия не мрачного - усердствующего на «кухне» станции. Когда Танабе увидел, как к нему входил Деккер, он запихнул в печку запеканку, блюдо как раз было у него в руках, стянул перчатки, установил таймер и оттолкнулся от печки, чтобы приветствовать бывшего соседа.

- Это Джо Вонг, - представил своего напарника Деккер. - Мой бывший сосед, Торо Танабе. Судя по всему, ты доволен своей работой, Танабе.

Танабе зацепился ногой за петлю в стене, получив таким образом возможность вытереть о передник руки, и протянул руку Вонгу.

- По правде говоря, Де Во, - весело ответил он, - в общем и целом доволен. Как видишь, все очень просто. Для большинства блюд вся готовка заключается в том, чтобы вынуть их из морозильника и запихнуть в микро-

волновую печь. Но еда могла бы быть и повкуснее, как ты полагаешь?

Деккер на мгновение задумался.

- Наверное, - без особой уверенности ответил он.

- Да-да, - добродушно отозвался Танабе, - но ты ведь марсианин, не так ли? И все же она не столь безвкусна, как то пойло, которым пичкали нас в школе. По-моему, хуже всего то, что здесь невозможно ничего поджарить, даже темпару. Слишком много испаряется жира, чтобы с ним могла сладить система очистки воздуха. Но лапша хороша. Приходи как-нибудь в мою смену, и я приготовлю тебе особый скиюаки. Я попросил маму прислать мне рецепт. И вы тоже, - обратился от к напарнику Деккера.

- Не пытайтесь подкупить инспекторов, - ответил Вонг, а потом свел на нет всю серьезность такого замечания, во весь рот улыбнувшись. - Во всяком случае, нам необходимо проверить, не проливается ли у вас чего-нибудь и как вы управляетесь с отходами, и герметизацию кухонных модулей... пахнет выпечкой.

- Только, когда мы открываем дверцу духовки, - сказал подошедший к ним высокий марсианин.

Он оказался шеф-поваром, и пока Деккер и Вонг искали возможные инициаторы пожара, им с Деккером удалось обменяться названиями демов и школ.

- С ними, похоже, все в порядке, - прокомментировал, выходя из кухонного отсека, Деккер. - Знаешь, что меня удивило, Вонг? Я не ожидал, что здесь будет столько марсиан.

- А почему бы и нет?

- Кто-то говорил мне, что марсиане, судя по всему, просто плохо приживаются здесь.

- Глупости. Марсиане вживаются так же хорошо, как и все остальные. Во всяком случае, - совершенно серьезно сказал Вонг, - мне марсиане нравятся. Честно говоря, мы с Хэтти собираемся поселиться на Марсе, когда наш контракт истечет.

- Вас, безусловно, ожидает теплый прием.

Деккер был тронут словами Вонга: впервые ему пришлось слышать нечто подобное от землянина. Но, конечно же, напомнил он себе, он ведь на станции проекта «Оорт». Эти люди - не обычные земляне. Это - мужчины и женщины, которые вызвались оставить свои дома на Земле и отправиться на многие годы в космос, чтобы вернуть Марсу по праву ему принадлежащее богатое наследие. Не может быть, чтобы их привели сюда одни лишь высокие заработки. Здесь не обошлось без романтики.

Деккер считал, что ему очень повезло, что он оказался рядом с такими порядочными людьми. Только когда они с Хэтти Хоран проверяли аварийные системы на выходах воздушных шлюзов, где огромные космические скафандры стояли вдоль стен на тот случай, если придется совершать ремонтные работы вне пределов ремонтной шлюпки, Деккеру удалось заглянуть в помещение контроля за кометами по соседству. Он не знал ни одной из работающих там женщин, но внезапно почувствовал жар в груди. И он тоже должен быть там, подумалось ему...

И в течение нескольких минут убедился в том, что только честно, что его там нет. В конце концов, новый шеф станции человек порядочный... в этом не может быть никаких сомнений. В конце концов, он же - марсианин, и он пообещал, что для каждого наступит его черед.

Час спустя, когда он вернулся в свою комнату, Деккер увидел, что на его экран пришли предписания о новом порядке смены вахт, и вдруг его уверенность в честности Паркера значительно уменьшилась.

Паркер пообещал, что каждый день на контрольном пункте будет работать один из новоприбывших по очереди. Он сдержал свое обещание. Расписание поступило на ближайшие пять дней, и в нем стояло пять имен новичков.

Это были Вен Купферфельд, Джей-Джон Бельстер, Берт Корман, Рима Консалво и Аннета Бэнкрофт.

Трое мошенников и двое пришедших на курс чуть ли не в последнюю минуту - эти, и никто иной. Деккеру

подумалось, что если это случайное совпадение, то довольно странное.

Здороваясь на следующее утро с Джаредом Клайном, Деккер не мог удержаться и не затронуть эту тему. Впрочем только отчасти, поскольку молодому марсианину не удалось заставить себя упомянуть о мошенничестве, поэтому он сказал только:

- Как ты думаешь, на каком основании шеф станции составляет расписание вахт на контрольный пункт?

Клайн ответил ему быстрым и не особенно дружелюбным взглядом.

- Что ты имеешь в виду?

- Ну, например, Консалво и Корман. Почему эти двое, а не кто-то другой из тех, кто вернулись из облака?

Клайн заметно расслабился.

- Надо же ему с кого-то начинать, правда? И там еще Аннета Бэнкрофт. Она тоже в списке, но причина этому в том, что у нее уже есть опыт.

- Да, но...

- Да, но, - терпеливо сказал Клайн, - тебе это все равно не по нраву. Ну, ты в этом не одинок. Мне это тоже не нравится, потому что Паркер меняет таким образом все вахты. Он уже несколько дней подряд ставил меня на контроль. Кстати, через несколько часов мне придется заступать на вахту. Это уже десятый день подряд, Де Во. У нас никогда раньше такого не было.

- Тогда почему он это сделал? - спросил Деккер, удивленный тем, насколько тоскливо звучит голос его шефа.

Клайн пожал плечами.

- Он - шеф станции. Он принимает решения. Теперь не можем ли мы поработать? Дзоуэн Вонг считает, что нам следует разобрать для технического обслуживания один из насосов, так что, прежде чем он вернется, давай посмотрим отчеты по этому насосу. Взгляни, не сможешь ли ты вывести их на экран.

Конечно, Деккер мог вывести их на экран, но пока они рассматривали схемы, в углу экрана открылось окно. На них смотрело лицо Сяопин Йе.

- Клайн? Это - коммуникационный центр. У нас проблемы с солнечными оптическими приборами, и я подумала, что, может быть, вам стоит взглянуть.

Клайн нахмурился.

- Дайте мне вашего босса, - приказал он.

- Простите. Тоби Мори здесь нет, только Карлтон и я. Я сообщила не в тот отдел? Карлтон была не уверена, а я так решила, поскольку оптические приборы часть аварийной системы на случай солнечных излучений.

- Нет, - ответил Клайн, - вы позвонили, куда следует. Мы посмотрим, что там, и сразу же вам перезвоним.

Перепрограммируя экран так, чтобы он выдал цепи солнечных оптических приборов, Клайн взглянул на Деккера.

- Она - одна из ваших, не так ли?

- Да. Сяопин Йе. Она была на моем курсе. Хорошая студентка.

- Ну, лучше нам все же проверить.

Они проверили, и когда несколько минут спустя появился Дзоуэн Вонг, они вдвоем запустили программу тестирования всего комплекса сетей оптического волокна.

- Я не думал, что это относится к нашей работе, - прокомментировал Деккер.

- Коммуникации? Нет. А вот системы тревоги относятся. Но я ничего не вижу. А ты Джо?

Вонг покачал головой.

- Если дело в прерывании контакта, мы можем ничего и не увидеть.

- Верно.

Клайн набрал код коммуникационного центра и на этот раз дозвонился до начальника отдела, Тоби Мори, вид у которого был раздраженный.

- Прости, Джаред, - сказал Мори, - меня не было

только полчаса. Йе стоило подождать моего возвращения, вместо того, чтобы беспокоить вас.

- Ничего страшного, Тоби. Послушай, мы не можем найти никаких помех в сети, так что я попрошу Вонга и Де Во взглянуть на сами приборы снаружи. Я бы и сам это сделал, но мне пора готовиться к вахте. Быть может, направленные на Солнце телескопы меняют расстояние. Я скажу своим, чтобы они сообщили тебе, если найдут что-нибудь.

Отключив экран, Клайн повернулся к своим ассистентам.

- Ну, ребята, - сказал он, - что скажете? Как насчет того, чтобы прокатиться в ремонтной шлюпке?

Поскольку обходы заходили Деккера почти во все отсеки станции, он уже бывал и раньше в шлюзах. А вот, ремонтная шлюпка - это уже другое дело. Через порт шлюза ему видна была пришвартованная к борту станции шлюпка, и от мысли о том, что в нее придется войти, пусть даже в скафандре, у него защипало глаза.

В то время как Дзоуэн Вонг вводил в дисплей их данные, Деккер огляделся по сторонам. Скафандры для выхода в открытый космос, люк, аварийный контроль вентиляции, маленькое окошко, выходящее на контрольный пункт за стеной. Искушение было непреодолимым, и минуто спустя Деккер уже во все глаза глядел через это окно, желая хоть одним глазком взглянуть на счастливиц, которые сейчас несут вахту. Деккер так был занят мыслями о своем невезении, что прошло некоторое время, прежде чем он осознал, что один из контролеров ему знаком.

Это была Аннета Бэнкрофт. Она и еще одна женщина склонились над пультом, проверяя траектории. Вероятно, готовятся к взрыву, с завистью подумал Деккер. Это было одной из проблем комет станции Со-Марс Два. Кометы приходили со стороны Солнца со значительным излишком скорости, и для каждой из них требовались

дополнительные взрывы, чтобы понизить эту скорость настолько, чтобы при своем приближении к Марсу, она уже укладывалась в установленные допустимые пределы.

Деккер с тоской глядел на Аннету. Не в том было дело, что он возмущался тем, что ей так повезло, просто мечтал разделить это везение. Но тут Вонг закончил свой доклад и оттолкнулся от дисплея. Поймав Деккера за плечо, чтобы затормозить, он сказал:

- Все в порядке. Они выключат передатчики на этой стороне, так что мы не поджаримся, - через плечо Деккера Вонг заглянул на контрольный пункт. - Эй, это ведь Бэнкрофт. Интересно, каково ей там?

Деккер повернулся посмотреть на напарника.

- Каково, что?

- Ну, находиться там. Прямо рядом с шлюзом, где она попала в переделку. Слушай, на люке до сих пор видны царапины в том месте, где она об него ударилась. Разве ты этого не знал?

- Слышал что-то, - признался Деккер.

- Она едва не погибла. Она была уже в скафандре и готовилась выходить, вот только перед тем, как выпустить весь воздух, она забыла покрепче ухватиться за что-нибудь. И силой тяги ее бросило на край люка. Едва не разорвала скафандр, она действительно была на волосок от смерти. Но даже не в этом было дело, все из-за осложнений ее положения.

- Какого положения? - осведомился Деккер.

Вонг помедлил, но все же сказал:

- Думаю, это ни для кого не секрет. Она была беременна и потеряла ребенка. Это место, должно быть, связано у нее с тяжелыми воспоминаниями.

Вонг оттолкнулся от стены и поплыл к стойке со скафандрами.

- Однако пора за работу, Де Во. Они хотят, чтобы мы оставались там не более пятнадцати минут, так что давай поскорее.

В глубоком раздумье Деккер помог Вонгу натянуть

скафандр, потом позволил Вонгу помочь себе. Он все свое внимание посвятил скафандру - ему ли не знать, что значит проверка скафандра перед выходом в вакуум - но какая-то часть его сознания не переставала удивляться. Ребенок? Аннета Бэнкрофт ни словом никогда не упоминала ни о каком ребенке.

На самом деле, космические скафандры немногим отличались от тех, которые он носил, гуляя по поверхности Марса. Прочем не было никаких причин, почему бы им следовало быть иными, поскольку разница между атмосферой Марса и вакуумом открытого космоса едва ли была достойна упоминания. К счастью, пара скафандров были изготовлены на марсианские размеры, хотя подходили они лишь приблизительно.

Когда оба скафандра были застегнуты, Вонг наклонил свой шлем, чтобы коснуться шлема Деккера.

- Отойди в сторонку, пока я выкачаю воздух, - сказал он. - У тебя есть ключ?

Деккер вспомнил, что следует вынуть и предъявить ключ, но, увидев его движение, Вонг только покачал головой.

- Просто проверяю. Я воспользуюсь своим собственным.

Из кармана скафандра он вынул аварийный ключ и вставил его в пульт. На панели управления было десять независимых рычагов контроля, возле каждого из них по очереди загоралась лампочка, что означало последовательную эвакуацию каждого из десяти шлюзов станции. Все лампочки горели красным, показывая, что люки не загерметизированы. Пальцы Вонга пробежали по панели управления, и за спиной Деккера плавно скользнули, перекрывая друг друга, защитные щиты, закрывая доступ к внутренним отсекам станции.

Потом Вонг повернул ключ. Открылся внешний шлюз. Деккер почувствовал, как его куда-то потянуло: это в космос улетало небольшое количество воздуха шлюза. Затем оба они забрались в ремонтную шлюпку. Шлюпка представляла собой крохотный, хрупкий на вид скелет

корабля, не более чем каркас, снабженный двигателями и механизмами для ремонта в открытом космосе всего, что могло сломаться на внешней оболочке станции. Вонг отдал швартовы.

У Деккера перехватило дыхание. Все мысли о ребенке Аннеты или о чем-либо другом разом вылетели у него из головы от восхищения открывшейся перед ним картиной.

Они плыли в космосе. Рядом высилась громада станции Со-Марс Два - Деккер не мог бы сказать, была она справа, над или под ними. Станция - это единственное, что на самом деле было на расстоянии миллионов километров в этой необъятной пустоте. И повсюду, куда бы не взглянул Деккер, сверкали точки и пятна света: звезды, планеты и прежде всего череда ярких комет, несущих жизнь на Марс. Этих световых точек было так много, больших и близких или отдаленных и тусклых, их факелы яркого газа зажглись впервые за многие миллиарды их жизней - их согревало Солнце. Если смотреть с поверхности Марса, кометы сверкающими точками усеивали небо, даже сквозь дымку земной атмосферы видно было насколько они красивы. Но здесь в космосе они гирляндой ярчайших фонариков освещали небеса.

Однако, времени любоваться ими не было, поскольку Вонг уже начинал проявлять нетерпение. Он махнул Деккеру, предупреждая его о необходимости приготовиться к ускорению, и запустил двигатель. Ремонтная шлюпка была слишком крохотным суденышком, чтобы воспользоваться энергией чего-либо столь мощного, как Аугенштейн. Ему требовались двигатели, но это были всего лишь уменьшенные версии тех же самых машин, какие использовала сама станция для корректировки своего положения на орбите. Машины ремонтной шлюпки, конечно же, были гораздо меньшего размера, достаточные лишь для того, чтобы мягко вытянуть суденышко из шлюза. Вонг резко перевел рычаги управле-

ния в положение сравнительного бездействия, что потянуло шлюпку в сторону обращенного к Солнцу борта станции.

Деккеру было видно, что на их стороне не горел ни один из предупредительных огней сенсоров станции - иначе они бы просто напросто сгорели. Их шлюпка медленно скользила над дисками и антеннами коммуникационных приемников, сенсоров и телескопов, и по мере того, как они обходили станцию, линзы этих приборов все больше темнели, реагируя на лучи ослепительного яркого Солнца.

Вонг остановил шлюпку над приборами и поднял над головой усилитель, кивком давая понять Деккеру, чтобы тот последовал его примеру.

Через некоторое время он подплыл, чтобы коснуться шлемом шлема Деккера.

- Что ты думаешь, Де Во? Есть какие-нибудь повреждения?

Деккер не спешил с ответом. Если бы во внешних глазах станции было бы какое-либо механическое повреждение, его можно было бы увидеть - разбитое вследствие удара микрометеорита зеркало или какая-нибудь отсоединившаяся деталь.

- По-моему, все в порядке.

- Вот и мне так кажется. Все конекторы на месте. Не вижу ничего необычного. Возвращаемся.

- А мы должны это сделать? - спросил Деккер, которому так хотелось остаться.

Однако спросил он об этом лишь после того, как Вонг уже отодвинулся от него на несколько сантиметров, и к тому моменту Вонг, как прекрасно было известно Деккеру, ничего услышать не мог.

От того, что они просто вернулись на станцию, ощущение чуда не исчезло. Когда они выходили из шлюза, Деккер не мог сдержать улыбки при воспоминании об увиденном. Улыбнулся он и Аннете Бэнкрофт и

ее напарнице, когда они появились в дверях контрольного пункта, только что сменившись с вахты.

Аннета поглядела на него с удивлением, а потом улыбнулась в ответ.

- Рада видеть, что ты счастлив, Деккер, - сказала она.

Вонг поглядел на нее, потом с еще большим любопытством на марсианина, махнул им на прощание рукой и удалился. Вскоре он и напарница Аннеты исчезли в конце коридора. Аннета сказала:

- Но, кстати, спасибо, что вернули нам наши дисплеи.

- Дисплеи? - повторил Деккер.

Замечание Аннеты застало его врасплох, он никак не мог собраться с мыслями, поглощенный с одной стороны красотах космоса, а с другой мыслями о ребенке Аннеты. Потом он понял, что они имеет в виду. Конечно, дисплеи всех контролеров погасли при отключении внешних приборов станции, когда они с Вонгом были в космосе.

- Прости, - сказал он.

- Все в порядке. Нам пришлось отложить один из взрывов, но мы нашли новое решение и произвели его пять минут спустя. Никаких проблем.

Она держалась за поручень у стены, и ее тело висело под углом приблизительно в сорок пять градусов, причем казалось, что Аннете вполне комфортно, и она готова поболтать.

- Во всяком случае, - весело продолжала она, - такое происходит уже не в первый раз. У нас помехи последние день или два. Вас уже этим беспокоили?

Деккер покачал головой, вполне сознавая, что смотрит на нее в упор. Тот факт, что когда-то она была беременна, естественно, ничего не менял, не говоря уже о том, что это, конечно, не его дело. Ему казалось, что от него требуется что-то сказать, и попытался:

- Если эти помехи будут продолжаться и дальше, насколько много у нас может быть проблем с коммуникациями?

В ответ она пожала плечами.

- Ничего серьезного, если сами эти помехи не станут хуже, - сказала она. - Раздражает, а так все в порядке. У меня такое впечатление, как будто поврежден код в повторяющих устройствах, так что если изолировать прием из цепей станции, нам довольно быстро удастся отследить, что именно сбоит. Починка удаленных дисплеев займет гораздо больше времени, но если придется, мы вообще можем обойтись и без них.

Аннета переместилась вдоль стены, потом подтянулась немного, чтобы смотреть Деккеру прямо в лицо.

- Деккер? У тебя что-то на уме? Ты все время смотришь на меня так, как будто у меня две головы.

Деккер покраснел.

- Прошу прощения.

- Черт побери, Деккер, не извиняйся. Просто скажи то, что собирался сказать.

Он помедлил, но все же решился:

- Аннета, когда с тобой произошел тот несчастный случай...

- Да?

- Ну... это правда, что ты была тогда беременна?

Аннета крепче вцепилась в поручень и посмотрела на него в упор. Поначалу казалось, что эти слова ее не оскорбили. Как это ни странно, но, судя по всему, она испытала облегчение. Потом выражение ее лица изменилось.

- Черт. Кто-то распускает обо мне слухи.

Деккер снова извинился:

- Я знаю, это не мое дело...

- Вот уж точно, черт побери!

Сглотнув, он рискнул:

- Я просто... задавал себе вопрос, не был ли его отцом Пелле Марине?

Аннета взглянула на него почти враждебно.

- Есть какая-нибудь причина, почему я должна обсуждать с тобой свою личную жизнь?

Он покачал головой, и она, казалось, смягчилась, однако ненадолго.

- Учитывая, что ты только что сам сказал, это не твое дело, и нет никаких причин, почему я должна рассказывать тебе что-нибудь... ну ладно. У меня был тогда муж, и этим человеком был Пелле Марине.

- Понимаю.

- Сомнительно.

- Хорошо, - сказал он, начиная испытывать неловкость, - тогда я не понял. Забудь, что я спросил.

Он подумал было, не повернуться ли ему и не уйти ли. Слишком много кругом земных игр, которых он не понимает. Была бы она марсианкой, ему никогда не пришлось бы спрашивать, потому что она сама давным-давно упомянула бы об этом.

- Не будь букой, Деккер, - сказала она. - Думаю, наверное, все дело в том, что я не люблю, когда мне напоминают об этом. Видишь ли, Пелле и я были к тому времени бывшими супругами. Между нами все было кончено еще до этого несчастного случая. Мы просто не объявляли об этом. Я забеременела, и мы крупно поссорились по этому поводу, - она пожала плечами. - Я хотела иметь ребенка.

- А он, думаю, нет?

- Он определенно не хотел. Послушай, Деккер, я не испытываю к нему ненависти. Не испытывала и тогда, мы просто согласились прекратить наши отношения... А потом произошел этот несчастный случай, был выкидыш, возникли проблемы, с которыми просто не могли справиться здесь. Меня послали на Землю, вот и все. Если бы Мак-Кьюн не решила... - Аннета остановилась на полуслове. - Ну это совсем неважно. Она отослала его, так что этого человека здесь больше нет. Впрочем, это не имеет значения. Если бы он и был здесь, мы все равно не были бы вместе.

Она снова остановилась. Деккеру совершенно нечего было сказать, и потому он предложил:

- Мне очень жаль.

- О чем тут можно жалеть? - спросила она. - Я выздоровела, а Пелле отошел в историю.

Казалось, на том все бы должно было и кончиться, за исключением того, что она как-то... как бы это сказать... оценивающе глядела на него. Оценивая не сексуально. Если Деккер и научился чему-нибудь у Вен Купферфельд, то это тому, какое именно выражение глаз появляется у женщины, когда она с этой стороны оценивает мужчину. Взгляд Аннеты был иным, Деккеру почти показалось, что она хочет что-то сказать. Он оказался прав.

- Деккер, - заговорила она после недолгого молчания, - раз уж мы стали копаться в личных делах друг друга, у меня к тебе вопрос. Почему ты не ищешь встречи с Римой Консалво?

Деккер от удивления широко раскрыл глаза.

- О чем ты? Я пытался. Но не смог даже найти ее, - сказал он, зная, что его ответ звучит безутешно.

- Ну, - ответила Аннета, - по-моему, она поначалу была порядком занята. Все мы были заняты, но она вроде бы скучает по тебе. Если тебе захочется с ней повидаться... ну, ты точно знаешь, по меньшей мере, одно место, где она появится завтра, не правда ли? Здесь. В это же время. Когда она сменится с вахты.

40

Когда едва слышный шепот музыки из будильника разбудил Деккера на следующее «утро» - естественно, давно уже не его личное «утро», поскольку работа станции Со-Марс Два шла круглые сутки, - он пребывал посреди восхитительного сна. Естественно, в нем фигурировала женщина. Они не занимались сексом. Но его окружение во сне говорило о том, что они только что им занимались или, без сомнения, займутся, а тем временем обнимают друг друга с той чудесной беззаботностью и отсутствием напряжения, какие возможны только в условиях нулевой гравитации.

Выпутываясь из ремней спального места, Деккер поч-

ти чувствовал обнимающие его руки женщины. Или это просто было ощущение удерживающего прикосновения ремней, которое сон превратил в нечто большее? И кстати, кто была та женщина во сне?

Отталкиваясь вдоль стен по желтому коридору и направляясь к санитарным установкам, Деккер размышлял над этим вторым вопросом. Потом ему пришлось оставить эту мысль, поскольку пришлось сосредоточить все внимание на том, что он делал в данный момент. Его умение обращаться с туалетом и душем, приспособленными к условиям антигравитации на станции Со-Марс Два, все еще оставались рудиментарными, чтобы ему удавалось, используя их, не сбиться с мысли.

Когда он вернулся к себе и завис у дисплея, вопрос этот возник вновь. Это была Рима Консалво? Вен Купферфельд? Любая из них была бы вполне вероятным кандидатом на участие в эротическом сне Деккера Де Во. Но кто именно? Раздражало Деккера то, что он был совершенно уверен, что знает эту женщину. Он просто не может определить, кто это.

Важнее были однако перспективы ввести общество настоящей, а не воображаемой женщины, в свою жизнь. Аннета Бэнкрофт сказала, где искать эти наилучшие непосредственные перспективы, так что Деккер устроился перед экраном проверить расписание вахты Римы Консалво. Он вызвал окно «текущие назначения», потом «контроль за кометами», и перед ним возникло полное расписание всех смен.

Тут было немало имен. Он знал, что так и будет: на Со-Марсе Два работали два контрольных пункта одновременно, по два контролера на каждом пункте. Обе команды по очереди принимали на себя активный контроль и проверку решений второй команды. Каждый оператор в отдельности работал по два часа, два часа отдыхал, и еще да часа оставалось до окончания всей смены.

Для этого требовалось немало людей, так что в расписании указывалось двадцать контролеров, работающих

на полное время, плюс около дюжины дополнительных. Деккер отыскал имя «Р.Консалво» в точности там, где сказала Аннета, среди дополнительных. Расклад времени был удачным, как сразу понял Деккер. Он рассчитал, что без труда перестроит свой день и закончит даже чуть раньше, чем Рима сменится со второй половины своей смены. И у них будет много свободных часов. У них хватит времени на разговор, совместный обед... или что бы там ни было.

Раз уж он сидит у экрана, Деккер решил, что неплохо было бы переключиться на канал новостей, чувствуя слабое тепло удовольствия при мысли об этом «что бы там ни было».

Однако хватило этого ненадолго. Вскоре тепло разогнали новости. Он быстро пробежал основные заголовки, все они были угнетающими, и ни один из них, на самом деле, не представлял для него интереса. В конце концов, какое ему, марсианину, дело до забастовок или финансовых кризисов на Земле? Наконец спустя три или четыре все более специфических меню, наткнулся на краткое сообщение о переговорах по поводу Бонов. Кратким он был вследствие того, что сказать, в сущности, было нечего: переговоры «шли», но никакой «договоренности» достигнуто не было.

И вдруг изображение на экране мигнуло и погасло.

Деккер удивленно потянулся за пультом, но прежде чем его пальцы успели набрать комбинацию, экран загорелся вновь, показывая изначальное основное меню. Прежде чем выключить дисплей, Деккер некоторое время задумчиво глядел на него. Ничего подобного произойти не должно было.

Ему пришло в голову, что такой сбой во внутренних коммуникациях станции, сколь бы незначительным он ни был, все же может вызвать аварийную ситуацию. А если так, то он, возможно, нужен на рабочем месте. Соответственно он попытался связаться с офисом Джареда Клайна.

Клайна на месте не оказалось, а строки на экране не-

давали никаких оснований полагать, что дело серьезное. На экране высветилось лишь стандартное приглашение оставить свою информацию.

Когда Деккер вновь отключил дисплей, он уже принял решение, что ему делать. Он позволит себе потратить время на скорый завтрак, поскольку, на самом деле, нет никакой необходимости спешить. А потом пораньше отправится в офис, так как, может быть, там в нем нуждаются. Скорее, всего нет. И уж конечно, он очень надеялся, что так оно и будет. И в особенности марсианин надеялся на то, что не стрясется ничего, что могло бы потребовать его присутствия и растянуть его рабочий день - по крайней мере, не до того момента, когда со смены будет возвращаться Рима Консалво.

Однако, быстро позавтракать ему не удалось. Очередь оказалась длинной, и к тому времени, когда он добрался к ее концу, Деккер обнаружил там Торо Танабе. Японец потел и чертыхался, раздавая пакеты с едой.

- О, привет, Де Во. Только не начинай, пожалуйста. Все таймеры разом полетели, и нам пришлось устанавливать все вручную, так что я знаю, обслуживание идет медленно. И если твой омлет пригорел или не дожарен, о чем я прекрасно знаю, это не наша вина.

Деккер зацепился одной ногой за поручень и открыл коробку.

- Выглядит отлично, - сообщил он. - Так что развесились.

Танабе посмотрел на него из-под сведенных в одну линию черных бровей.

- Ты хочешь, чтобы я веселился, - сказал он, - учитывая жалобы всех этих людей. А газетные отчеты сообщают, что все ценные бумаги отца попали под угрозу давления продажи по сниженной цене. А мать говорит, что я дурак и позор всей нашей семьи, раз я работаю поваром, в то время как мог бы делать что-нибудь полезное и жить как король в Токио. И пятьдесят - только

подумай, - пятьдесят лотерейных билетов в последнем розыгрыше и близко не подошли к нужной комбинации. И учитывая все это, ты и вправду хочешь, чтобы я веселился? Конечно, Де Во. Я был бы рад повеселиться прямо сейчас ... если ты только уберешься к черту из под ног, чтобы я мог накормить всех этих людей!

Позабавленный, но и слегка ошарашенный, Деккер поплыл прочь, прижимая к себе картонку с едой и фляжку кофе, по пути оглядываясь, где бы ему пристроиться.

Он увидел, как в углу комнаты в одиночестве завтракает Сяопин Йе и направился в ее сторону.

Поднял глаза, Сяопин кивнула, но вид у нее был не особенно довольный. Привязав конец ремня к поручню, Деккер улыбнулся ей.

- Тебе с ними тоже нелегко приходится? - весело спросил он.

Она прикрыла крышку картонки, чтобы не дать вылететь из нее крошкам, и прежде, чем ответить, прожевала.

- Ты имеешь в виду потерю коммуникации, - сказала она. - Да. Винят всех нас. Но вон там, видишь, начальник отдела коммуникаций мило завтракает с доктором Розой Мак-Кьюн, так что, быть может, он и прав, когда говорит, что на самом деле не о чем волноваться.

- А, - отозвался Деккер, прихлебывая кофе, - ты, судя по твоему тону, с ним не согласна.

- Точно.

Сяопин подняла крышку картонки и палочкой подхватила еще кусочек омлета. Деккер тоже начал есть, время от времени поглядывая туда, где оживленно болтали Тоби Мори и психолог.

- Такое впечатление, что он отнюдь не взволнован, - прокомментировал Деккер. - Должен же он знать, что делает, Йе. Он - глава отдела.

- Вот именно, - кивнула Йе. - Именно это он и сказал мне не далее, как десять минут назад.

- Но ты в это не поверила.

Прежде чем ответить, Сяопин несколько секунд гляде-

ла на него в упор. Потом она закрыла картонку, и отстегнула ремень.

- Де Во, - сказала она, удерживаясь на прежнем месте только рукой, - как тебе кажется, это счастливое место?

- Счастливое?

- Я имею в виду, спокойно тут людям работается?

Он задумался.

- Все чуть более издерганы, чем я ожидал.

Она кивнула.

- Я бы сказала, более, чем издерганы. В воздухе витает какое-то напряжение, смысла которого я никак не могу понять. Мне кажется, от нас что-то скрывают.

- Ты имеешь в виду Тоби Мори?

- Не только Тоби Мори, но и его тоже. Я - квалифицированный специалист по системам коммуникации. Де Во, ты это знаешь, мы проходили один и тот же курс. И все же, когда я начинаю сама проверять системы, Мори приказывает мне прекратить. Он говорит, что сделал уже это сам.

Деккер нахмурился, пытаясь угадать логику в ее словах.

- Если ты хочешь сказать, что Мори на самом деле не хочет, чтобы системы проверили... но в этом же нет никакого смысла.

- Нет, но многое, что на первый взгляд не имеет смысла в конце концов оказывается верным, не так ли? Вот почему я хочу вернуться, когда Мори не будет на месте, и самой запустить проверку.

- Господи, что ты надеешься там найти?

- Откуда мне знать, пока я не отыщу, правда? Но я все равно проверю.

Деккер поймал ее за руку, когда она уже собиралась уходить.

- Если ты что-нибудь найдешь, скажешь мне? Возможно, это касается технического обслуживания.

Она задумалась, потом вздохнула.

- Ты мне нравишься, Де Во. Ты всегда казался мне

честным человеком. Да. Я скоро приду к тебе или оставлю записку. А вот коммуникационные экраны, - добавила она, - я использовать не стану.

По дороге в офис Джареда Деккер размышлял над разговором за завтраком. Над словами Сяопин смеяться было тяжело именно потому, что она не была человеком мнительным. Она всегда производила на него впечатление самого спокойного и уравновешенного человека у них на курсе.

Это однако еще не доказывало того, что она может быть неправа в своих подозрениях. Это даже не доказывало того, что она внезапно не сошла с ума, поскольку Деккер был глубоко убежден, что под привлекательной внешностью земляне таят немало каких-нибудь все накапливающихся отклонений, как скажем Вен Купферфельд. Деккер готов был согласиться с тем, что у Сяопин зоркий глаз. И атмосфера на Со-Марс Два оказалась гораздо более напряженной и странной, чем он ожидал: люди на целые дни исчезали из виду, ломались самые неожиданные приборы, никто не решал загадок.

И все же достигнув офиса, он не заметил никаких признаков напряженности ни в поведении Клайна, ни в манере Дзоуэна Вонга. Оба они мирно просматривали схемы системы воздухообмена. Клайн удивленно поднял глаза:

- Привет, Де Во, - сказал он. - Не ожидал тебя так рано.

- Я подумал, что быть может, я здесь понадоблюсь, - объяснил Деккер. - И хотел сказать, из-за проблемы с коммуникациями.

- Вот такое настроение мне нравится, - одобritельно отозвался Клайн. - Впрочем, коммуникации не наша забота, не так ли? Пусть люди Тоби Мори сами решают свои проблемы, - Клайн кивнул на экран дисплея. - Раз уж ты здесь, вы с Джо вполне можете начать сегодня разбирать эти воздушные насосы.

Он помедлил, потом извернулся, чтобы вновь взглянуть на Деккера, на этот раз внимательнее.

- Что заставило тебя решить, что может возникнуть аварийная ситуация?

- Ну, я так, пожалуй, не решил, за исключением того... Ты знаешь Сяопин Йе? Она, похоже, думает, что у них настоящая проблема. Она даже... - Деккер прочистил горло, смущенный невероятностью того, что собирался сказать, - ... думает, что ее босс пытается что-то скрыть.

Клайн посмотрел на него с изумлением.

- Тоби Мори? Господи, нет, Де Во! Я знаю Тоби вот уже восемь лет! Йе - просто новичок здесь; она просто еще не все понимает. Не думаю, что у нее есть доказательства, чтобы обосновать подобное замечание?

- Мне кажется, кое-что она получит. Она говорила, что собирается сама запустить проверку... то есть когда Мори не будет поблизости.

Клайн покачал головой.

- Господи всемогущий. Хочется надеяться, что никто из вас, ребята, не станет делать ничего подобного за моей спиной. Во всяком случае, - с нажимом проговорил он, - никакой аварии нет, так что это не наша проблема. Лучше бы вам заняться этими насосами, пока не стали проблемой они.

Деккер чувствовал, что ему сделали выговор. Всю дорогу до помещения, где располагались насосы он чувствовал на себя любопытные взгляды Дзоуэна Вонга, но пока они не остались одни, Вонг молчал. Оба они успели провести рутинную проверку, прежде чем Вонг заговорил:

- Что бы там ни было, с воздушной системой все в порядке.

Деккер подавленно пожал плечами, и Вонг кивнул, давая понять, что тема закрыта. Он дал Деккеру возможность связаться с офисом шефа, чтобы получить разрешение переключиться на дополнительные насосы. А потом они принялись за демонтаж насосов.

Это была тяжелая, жаркая работа в закрытом помеще-

нии, особенно если учитывать проблему перемещения тяжелейших масс металла в условиях антигравитации. И марсианский ребенок мог бы одним пальцем толкнуть огромную деталь на другой конец комнаты, но, если попасть между этой деталью и стеной, можно было тяжело покалечиться. Деккер был очень осторожен. Он старательно копировал умелые движения Вонга, то, как тот всегда держал одну руку или ногу свободной для того, чтобы зацепиться за что-нибудь и остаться на одном уровне с механизмом, и никогда не выпускал какой бы то ни было детали насоса, пока она не была надежно закреплена. На самом деле, это было именно то, что было для него нужно - настоящая, полезная, тяжелая работа, такая, какой он не занимался с тех пор, как покинул Марс.

Они сделали краткий перерыв на обед посреди смены, но Вонг спешил подключить проверенный насос. Они не говорили много и работали не покладая рук. Выяснилось, что с мотором, который они подозревали в сбое, все в порядке, но Вонг сказал:

- Все равно, давай-ка поставим новый.

И только в самом конце работы, когда они были готовы запросить разрешение на подключение основных насосов, Деккер вспомнил, что еще остались некоторые проблемы. На то, чтобы связаться с офисом шефа, им потребовалась целая минута, но и тогда изображение оставалось монохромным. Внутренние системы, совершенно очевидно, были перегружены.

Расставаясь, Вонг очень серьезно посмотрел на Деккера.

- Знаешь, - сказал он, - пока шефом станции был Пелле Марине, ничего подобного у нас не случалось. Быть может, он и наркоман... но мне бы хотелось, чтобы он вернулся.

Деккер сверился с часами. Радостно было узнать, что у него остается достаточно времени, чтобы заранее попасть на место встречи с Римой Консалво.

Он это и хотел сделать, но ему требовалось еще и спокойствие. А потому часть времени он использовал на то, чтобы заглянуть в свою комнату на тот случай, если Сяопин Йе оставила ему там записку. Честно говоря, он был уверен, что ее подозрения безосновательны, а в записке она просто извинится, что потревожила его.

Однако никакой записки под дверью не было.

Когда он позвонил в ее комнату, ему никто не ответил, он решил сделать еще один шаг и позвонил на коммуникационный центр. Ответил ему босс Сяопин. Мори казался не особенно приветливым и раздраженно бросил:

- Нет, ее тут нет, а мы все заняты.

Покачивая головой, Деккер отправился на контрольный пункт. Как люди исчезают на этой станции! Конечно, в случае Римы вполне возможно, что она старалась не попадаться на глаза Деккеру, потому что решала, нужен ли ей роман с ним. На самом деле, это была довольно приятная мысль... но Йе?

Когда он добрался до контрольного пункта, было еще довольно рано, и она целиком и полностью была погружена в работу. И все же, увидев его, Рима повернулась пошептать с напарницей, а потом жестом предложила ему заходить.

Деккер, извиняясь, впустил сам себя.

- Мне очень жаль, если я вам помешал, - извинился он.

Он обращался ко второй женщине, но за них обеих ответила Рима:

- О, черт побери, нет, Деккер, Мира не имеет ничего против, а я ждала тебя.

- Устраивайтесь поудобней и посмотрите, - гостеприимно предложила второй контролер. - Впрочем, здесь не так много интересного. В программе у нас ни одного взрыва.

- Спасибо, - ответил Деккер, привязывая себя поясом к крюку в стене.

Контролеры просто комету за кометой перепроверяли

траектории. В каждом случае компьютер какое-то время переваривал данные элементов орбиты, поделенные на гравитационные тяги, которые затем повлияют на курс, а потом золотой линией прочерчивал путь этой кометы на Марс. Внимание Деккера то и дело пререскакивало с того, что они делали за пультом, - как бы ему хотелось самому там оказаться, - на весьма интересное зрелище, а именно затылок Рима Консалво, - и конкурирующим желанием было исследовать ее феномен поосновательнее. Деккер когда-то слышал об одной земной женщине, какой-то знаменитости, которая заявляла, что влюбилась в своего мужа с первого взгляда, хотя все, что она видела, это его затылок. Деккеру это казалось нелогичным, но в данный конкретный момент отнюдь не невозможным.

Рима на секунду повернулась взглянуть на него.

- Тебе стоило прийти сюда час назад, - предложила она в качестве начала беседы. - Мы на пять или шесть минут потеряли данные. На экранах не было вообще ничего.

- Даже на аварийных дисплеях, - подтвердила ее напарница. - Испугались до чертиков.

Деккер кивнул, задаваясь вопросом, не следует ли ему поделиться с ними подозрениями Сяопин. Но удовлетворился тем, что сказал:

- У них, похоже, проблемы с системами коммуникации.

И вдруг он наклонился вперед, уставившись на пульт.

- Эй! Это же 67-JY!

Рима оглянулась.

- Да. Ну и что?

- Да ведь она же нуждается во взрыве, правда?

На его взгляд, ситуация была скверной. Золотая проекция ее траектории двигалась, конечно, по направлению к Марсу, но едва-едва укладываясь в пределы ошибки.

- Ей требуется взрыв, - повторил Деккер.

- Нет. Это не критично, - отозвалась Рима.

Деккер извернулся взглянуть на обоих контролеров.

- Что ты хочешь сказать этим «не»? Это - легкий взрыв, и смотри, Рима, ее траектория проходит слишком близко от Земли. Я знаю эту комету. Она невелика, и всю дорогу с ней у всех были неприятности.

- Я тоже ее знаю, - безо всякого выражения ответила Рима.

Тут Деккер вспомнил. Конечно, она ее знает. Она уже говорила ему, что это она управляла ей и выводила комету из Оортова облака.

- Ах да, - сказал он, - правда.

Рима несколько оттаяла.

- За эту смену один взрыв на ней уже произвели. Так что действительно все в порядке, Деккер. Если следующая смена решит, что нужен еще один, они сделают это сами, - она оглянулась на часы. - Вероятно, они уже ждут своей очереди, - сказала она. - Ты не выглянешь наружу, Мира?

Кивнув, вторая женщина выплыла в коридор. Минуту спустя она заглянула внутрь и пожала плечами, давая знать, что там еще никого не видно. Потом Мира знаком указала на конец коридора и уплыла в том направлении.

Деккер предположил, что она отправилась в лабораторию, но Рима только хмыкнула.

- Готова поспорить, она просто старается быть тактичной, - сказала она. - На тот случай, если мы захотим минутку побыть наедине. Деккер? Почему ты ставишь под сомнение решение оператора?

- Ну, наверное, это потому, что слишком многое здесь идет наперекосяк. Гораздо чаще, чем я того ожидал.

- Как системы коммуникации?

- Например, - согласился он.

- И эта комета? - настаивала она. - Или тебе кажется, что я не знаю, как управляться с пультом? Не считая того, что рядом со мной Мира и еще пара контролеров за другим пультом?

- Нет, конечно, знаешь. Только... Есть такие люди, которым понравилась бы мысль увести комету с ее курса. До тебя ведь доходили слухи, правда?

Рима смотрела на него в упор.

- Что это за слухи?

Он пожал плечами, давая понять, что, на самом деле, не говорит всерьез.

- Например, о обитантах. Я слышал, что говорят, что людям, строящим фермы-обитанты, хотелось бы получить свою собственную комету...

- И ты решил, что это может быть 67-ЈУ?

- Почему бы и нет?

Теперь Рима уже смеялась над ним.

- Ты так ничему не научился? Взгляни на эти элементы траекторий.

- Хорошо, я знаю, что ты хочешь сказать, - несколько самодовольно проговорил он. - Если бы я собирался отвести комету туда, где ее смогут взорвать обитанты, я не выбрал бы именно эту. Она движется со слишком большой скоростью, чтобы запарковать ее на той орбите, которую они могут использовать. Но к чему еще всем позволяют судачить об этом?

- Может быть, - доброжелательно сказала она, - мы еще не знаем всего, Деккер. Мы - еще только новички в этом деле, - и прежде, чем он смог подобрать новый аргумент, добавила: - Вот возвращается Мира и следующая смена вместе с ней. Так что я здесь закончила. Как насчет чашки кофе?

У Римы Консалво привлекательным был не только затылок. Следуя за ней по красному коридору, когда они пробирались от одного поручня к другому, Деккер обнаружил, что его взгляд то и дело притягивает пара стройных ног, покачивающихся прямо у него перед глазами. К несчастью, Рима была в брюках.

Естественно «чашка кофе» не была чашкой. Это была фляжка в форме электрической лампочки или груши, и зал отдыха был к неудовольствию Деккера переполнен. Один из ветеранов говорил:

- Мы потеряли службы межстанционной переадресовки, так что все теперь поступает по единому каналу. Это

значительно замедляет связь. Они посадили кого-то слушать сообщения и вручную перераспределять сообщения на каждую из основных цепей входа: Со-Марс Один, орбитальные станции Марса, Земля. От транзитных кораблей или из Оорта к нам не поступает вообще ничего, даже солярная оптика недоступна.

- Ну они нам сейчас без надобности, - ответил один из его собеседников - во всяком случае, пока. Конечно, это - немалая головная боль, но мы тем не менее функционлируем. Паркер все уладит.

Рима посмотрела на Деккера, потом наклонилась к ближайшей группе.

- Что происходит? - поинтересовалась она.

Тот, кого она спросила, немало удивился.

- Вы не включали экран последние пять минут? Это - связь между станциями. У нас осталась только аудио-связь.

- Мы не можем получать сообщений с Земли, - вмешался его сосед. - Мы читали их с экрана, а он взял и отрубился. Черт меня побери, впервые такое вижу.

- Должно быть, это случилось, пока мы шли сюда, - сказала она, понижая голос, так чтобы ее не могли услышать остальные. - На самом деле, мне не хочется больше кофе и говорить сейчас о проблемах станции тоже. Еще довольно рано, но... ну, моя комната в следующем отсеке. Почему бы нам не пойти туда?

Рима застала его врасплох.

- Пойти в твою комнату? - повторил он, как будто подобная мысль никогда не приходила ему в голову.

Она кивнула.

- Да. Пойти в мою комнату. Я хотела сказать, если хочешь.

Подобного вопроса у Деккера даже не возникало. Ему очень хотелось сделать и то, и другое одновременно: быть может, поговорить с этими людьми в зале отдыха, возможно, даже рассказать им о том, что сказала Сяопин Йе, или даже, хотя это не входило в его обязанности, связаться с Джаредом Клайном и выяснить не нужен ли он... и

если только такое возможно, в то же время принять приглашение, на которое он так давно надеялся.

Поскольку эти два дела совместить он не мог, то сомневаться в том, что выбрать просто не пришлось.

Им понадобилось очень немного времени, чтобы добраться до комнаты Римы, еще меньше, чтобы в нее войти. Наконец, Рима закрыла за собой дверь и улыбнулась Деккеру.

- Боюсь, мне нечего предложить тебе выпить, - извинилась она.

- Я в общем и целом не пью, - сказал он автоматически и, как сам подумал, довольно глупо.

- Просто здесь гораздо тише, - сказала она, глядя на настенные часы. - У нас есть немного лишнего времени, - с улыбкой добавила она. - Тебе не хочется меня поцеловать?

На это существовал только один возможный ответ, последующее развитие событий было только совершенно естественным. Так оно и произошло, причем более чем удовлетворительно, несмотря на тот факт, что отсутствия опыта занятий любовью в условиях антигравитации сделало Деккера несколько неловким, а Риму заставляло хихикать.

Но как-то им все же это удалось, причём то и дело приходилось использовать свободные руки и ноги, чтобы ухватиться за что придется и удержаться на месте. Закончив, они потные, обнаженные и расслабленные висели в воздухе, плавая посреди комнаты и держались за руки, время от времени оказываясь под разными углами друг к другу.

Это, как понял вдруг Деккер, очень походило на его сон. Единственным различием было то, что он знал, кто эта женщина рядом с ним.

Было и еще одно различие. Он почувствовал, как Рима зашевелилась в его руках, извернулась, чтобы взглянуть на настенные часы.

- О, черт, - сказала она, - через пять минут у нас будут гости. Я не против, чтобы она знала, что мы делали... но все же. Но тебя это может несколько смутить.

- Кто придет? - поинтересовался Деккер, хватаясь за поручень и ловя проплывающие мимо шорты. - Почему смутить?

Рима остановилась посреди серьезной работы - она натягивала узкий комбинезон - и ответила на оба вопроса разом:

- Вен Купферфельд.

Появившаяся Вен была явно чем-то взволнована, но не настолько, чтобы сразу же не понять, что здесь произошло.

- Что, не могла дожждаться, когда сама попробуешь его? - поинтересовалась она.

Рима выглядела умиротворенной.

- У нас было время, и я решила, почему бы нам не расслабиться, - потом резче добавила: - В чем дело?

Вен Купферфельд покачала головой.

- У нас неприятности, - сказала она, но не стала распространяться, какие именно.

Собиралась она сделать это или нет, в любом случае у нее не было бы такого шанса, поскольку Деккер прикинул причинно-следственную взаимосвязь последних событий, и ему отнюдь не понравилось то, к чему она его привела.

- Господи, - с надеждой сказал он, - вы ведь все это запланировали, так?

Вен открыла было рот, но ее опередила Рима Консалво.

- Конечно, запланировали, Деккер. Мы с Вен хотели поговорить с тобой о чем-то важном... но поверь мне, все остальное было ради удовольствия. Ты мне нравишься, Деккер.

- Ты всем нравишься, Деккер, ты и твоя мать, - беспощадно вмешалась Вен. - Вот почему мы хотели еще раз поговорить с тобой.

- Причем тут моя мать? - потребовал Деккер, все еще не в силах собраться с мыслями.

- Она - симптом того, что не в порядке с вами, марсианами, - сказала Вен. - Она - большая шишка на Марсе, так? Но прямо сейчас она ползает на коленях перед япошками, выпрашивая объедки. Что с вами, марсианами, такое, Деккер? Разве вам наплевать, когда у вас крадут вашу же планету?

Деккер едва-едва поспевал за тем, как быстро она перескакивала с одной темы на другую. Он взглянул на Риму, которая вежливо ему улыбнулась, но помощи от нее ждать, явно, было нечего.

- Марс никто не крадет, - ответил он. - Это - сделка. Вы вкладываете необходимые нам деньги, и естественно, мы вам должны...

- Господи! - с отвращением воскликнула Вен.

- Хей, - отозвался Деккер, немало уязвленный. - На чьей ты, собственно говоря, стороне? Ты же сама с Земли!

- Я - американка, Деккер, - сказала она. Деккеру в ее голосе почудилась опасность, - не забывай об этом. Нас тоже подставляют. Япошки и европейцы тоже, но в основном это - проклятые япошки. Они всю дорогу распродают свои боны Оорта, так что мы, несчастные американцы, остаемся ни с чем, а твоя мать... - она с презрением покачала головой, - ее насилуют, а она еще хочет подушку под голову.

- Послушай...

- Нет, это ты, Деккер, послушай. Дело не в том, что разорили мою семью, они разоряют моя страну. Знаешь, что если это дело с обитантами выгорит, американцам придется покупать еду у япошек? Мой дед в гробу бы перевернулся, но он-то знал бы, что делать.

- О черт, - выдохнул Деккер, наконец разозлившись, - твой дед был солдатом. Он убивал людей.

Вид у Вен неожиданно стал несчастный, но она настаивала на своем:

- Хорошо, он убивал. Бывают времена, когда убивать необходимо.

- Или просто ради веселья, - с горечью сказал он. - Как ты убила льва.

- Почему бы и нет? Разве ты сам никого не убил?

- Конечно, нет. Прежде всего, на Марсе просто некого убивать... ну есть рыбы и животные для питания, но никому это не доставляет удовольствия.

Тут вмешалась Рима Консалво.

- Вен, - предупредила она. - Хватит этих разговоров об убийстве. Никто не будет убит.

Вен, казалось, взяла себя в руки.

- Нет, конечно, нет, - сказала она. - Но, Деккер, помнишь...

Тут ей пришлось остановиться, поскольку, возрождаясь к жизни, зажуужал интерком. На экране не возникло никакого изображения, но из динамика донесся голос Синантоне Паркера, в котором чувствовалось напряжение.

- Всему персоналу, - раздался голос шефа станции, - Говорит Паркер. Мы получили переданное по реле сообщение о солярном излучении. Информация поступила с задержкой, и радиационный дождь достигнет нас приблизительно через сорок пять минут. Всему персоналу станции закрепить оборудование, отключить приборы и прибыть в убежище.

- Черт побери, - с удивлением произнес Деккер, - Послушайте, мне, наверное, стоит сообщить Джареду Клайну...

- Нет, не стоит, - веско сказала Рима Консалво. - Ты просто вместе со всеми отправишься в убежище, просто у тебя на это будет больше времени. И тем не менее, Вен, поторопись, ладно?

Вен с мрачным видом кивнула.

- Деккер, я прошу тебя только вспомнить виртуал, который я тебе показывала. Помнишь, Битва Семи Елей?

- Как я мог забыть, - с горечью осведомился он.

- Я говорю не об убийстве. Я знаю, что это идет вразрез с твоей дурацкой марсианской совестью. То, о чем я сейчас говорю, - стратегия. Ли с помощью блефа обманул янки. Он пригрозил, и они поверили.

- И многие люди погибли, - напомнил ей Деккер.

- Плевать мне на убитых! Это - всего лишь детали. В подобной ситуации нет необходимости убивать кого-либо. Если правильно использовать имеющиеся в твоём распоряжении силы, твой противник сдастся. Никакого кровопролития! Так что предположим, такой шанс существует для Марса. Предположим... Нет, черт побери, не прерывай меня! Предположим, кто-нибудь мог бы показать тебе, как использовать угрозу применения силы, чтобы заставить япошек и всех остальных держаться условий первоначального соглашения. Что бы ты сказал?

Деккер посмотрел на нее так, как будто перед ним была смертельно пьяная или бредящая женщина, но над ее вопросом подумал.

- Все что для этого потребуется, это угроза?

- Правильно.

- Но обоснованная возможностью действительного убийства?

- Ну, конечно, Деккер. Что бы ты сделал?

Он кивнул.

- Все, чтобы я сделал, это связался бы с доктором Розой Мак-Кьюн, просил бы подвергнуть этого человека психологической экспертизе и отправить на Землю. Незамедлительно.

Вен несколько секунд глядела на него с выражением крайнего отвращения на красивом лице. Потом, покачив головой, она повернулась к Риме Консалво.

- Я же тебе говорила, что это только потеря времени, - сказала она.

Рима, как это ни удивительно, казалась чем-то довольной.

- Не для нас с Деккером, - спокойно возразила она. - Однако, по моему тебе, Деккер, лучше отправиться в убежище...

- Нет, - бросила Вен.

- Да, - отрезала Рима. - Мне очень жаль, что ты так воспринял слова Вен, Деккер, но обо всем остальном, что мы делали, я не жалею. Надеюсь, когда-нибудь мы сможем к этому вернуться... и мы еще поговорим.

...На космической станции, где один отсек находится на расстоянии не более пары сотен метров от любого другого, сорок пять минут - это очень много времени. Судя по всему, Вен Купферфельд и Рима Консалво тоже так думали, поскольку, когда Деккер ушел, они оставались в комнате. Деккер и сам так считал. Ему пришло в голову, что у него быть может хватит времени принять душ, прежде, чем отправляться в убежище. Они будут находиться в закрытом помещении некоторое время, а ему не особенно хотелось сообщать всем и каждому, чем они занимались с Римой.

С другой стороны, ему необходимо все это время - ему нужно подумать.

Он задал себе вопрос, не следует ли ему, и вправду, поговорить с доктором Розой Мак-Кьюн или, что было бы еще лучше, лично с шефом станции.

Чем больше он размышлял, тем более практичным представлялось ему последнее. Приняв решение, он быстро направился туда, где наиболее логично было бы искать их или кого бы то ни было: к укрытию. Проблема заключалась в том, что он совершенно не знал, что им сказать, когда он их найдет. У него не возникло никаких сомнений, что Вен и Рима вели себя довольно странно - нет, зловеще, поправил он самого себя. Но по мнению Деккера, земляне всегда вели себя довольно странно. Нельзя правда сказать, что оземлянившийся марсианин, такой как Джей-Джон Бельстер, ведет себя не многим лучше. Ну и что это доказывает?

Проблема решилась сама собой, когда Деккер достиг убежища. Ни Паркера, ни психолога там не было.

По правде говоря, в помещении было не более половины экипажа станции. Очевидно, предупреждение о радиации для ветеранов станции Со-Марс Два не являлось ничем необычным. Деккер обогнал с дюжину человек, не спеша плывущих к убежищу. Никто из них не только не впал в панику, но даже и не казался особенно обеспокоенным. Деккер огляделся по сторонам, в поисках кого-нибудь, с кем он мог бы поговорить, но никого

не нашел. Тут не было ни Сяопин Йе, ни Торо Танабе. И его босс, Джаред Клайн, тоже отсутствовал. Не было здесь ни Аннеты Бэнкрофт, ни Джей-Джона Бельстера, ни даже главы отдела коммуникации Тоби Мори. На самом деле, единственно знакомое лицо принадлежало Дзоуэну Вонгу, лениво игравшему с мертвым экраном у стены.

Проблема заключалась в том, что Деккеру, на самом деле, совершенно нечего было сказать Вонгу, а люди, с которыми ему больше всего хотелось бы поговорить, пребывали где-то в других отсеках корабля.

Решение этой проблемы было достаточно простым. Деккер повернулся, чтобы покинуть убежище и отправиться на поиски. Смотрителю, ответственному за подсчет персонала, это не понравилось.

- Предполагается, что вы останетесь внутри, - сказал он Деккеру несколько сердито.

- Я забыл кое-что, - ответил Деккер, оттолкнулся от двери и проплыл мимо него.

- Ну так отыщите и возвращайтесь сюда, - закричал ему вслед смотритель. - У вас пятнадцать минут, не больше!

Деккер махнул рукой в знак того, что понял. Ему пришло в голову, что то, что он сейчас делает, не особенно разумно. Естественно, каждый из членов экипажа раньше или позже придет в укрытие. Все, кроме дюжины операторов, смена которых проходит за контрольными пунктами. Но хоть кто-нибудь из тех, кто ему нужен, появится. А если ему не удастся вовремя вернуться в убежище...

На какое-то мгновение пред его мысленным взором возникло видение тяжело ионизированных частиц с Солнца, скользящих сквозь станцию. Сквозь него. Он едва ли не поморщился, представляя себе шторм частиц излучения, ударяющих в его внутренние органы, глаза, мозг, поражая мириады отдельных клеток и причиняя вред каждой из них.

В этой мысли было мало радости. Деккер попытался

выбросить ее из головы и начал систематическое патрулирование ведущих к убежищу коридоров. Еще несколько отдельных членов экипажа и небольших групп не спеша плыли в сторону убежища, не спеша ответить на сигнал тревоги. Проплывая мимо него, люди смотрели на него с любопытством, но ни одно из этих лиц не принадлежало людям, которых он искал. Он заглянул в зал отдыха с его магнитными столами для игр и скафандрами виртуалов вдоль стен - тут никого не было. Никого в затемненных туалетных комнатах, двери которых также стояли нараспашку. Поток людей, продвигающихся к убежищу, все редел. Время шло.

Когда Деккер наконец увидел двух знакомых ему людей, ими оказались всего лишь Вен Купферфельд и Джей-Джон Бельстер, занятые разговором на перекрестке красного и желтого коридоров. Но видеть их Деккеру совсем не хотелось. Ему нечего было сказать женщине, прервавшей его свидание с Римой Консалво, и уж тем более Джей-Джону Бельстеру. Он повернул и, отталкиваясь левой ногой от стены, двинулся по желтому коридору.

Когда он проходил мимо кухни, из двери выглянула знакомая физиономия, глянула на него и вновь исчезла за дверью.

- Танабе! - позвал Деккер.

Когда Деккер подплыл поближе, лицо боязливо показалось вновь.

Танабе встревоженно посмотрел сначала в один конец коридора, потом в другой.

- Заходи скорее, Деккер, - взмолился он. - Мне бы не хотелось, чтобы сюда вошел еще кто-нибудь.

Деккер вплыл в кухню и, пока Танабе закрывал за ним дверь, потребовал ответа:

- Почему ты не в укрытии?

- Сейчас иду, - ответил Танабе, - пожалуйста, поверь мне. Но сначала я должен кое-что сделать. Ты не мог бы мне помочь?

- Помочь в чем?

- Открыть этот морозильник.

С этими словами Танабе потянул его к контейнерам с продуктами. Один из люков был запечатан, как запечатывают те контейнеры, где хранятся наиболее ценные запасы, но почему-то странно поцарапан.

- Я хочу посмотреть, что там внутри. Этот мерзавец Бельстер пришел сюда некоторое время назад вместе с шефом Паркером и выгнал всех из кухни. Потом когда они снова всех впустили, мой основной морозильник оказался опечатан. А я хочу знать, что они туда положили, так что возьми нож побольше и помоги мне открыть его.

- Подожди! Это - печать начальника станции!

- Плевать мне на то, чья это печать. Если ты не хочешь мне помочь, то уходи в убежище.

Деккер посмотрел на приятеля, потом на часы. У него, безусловно, проблемы поважнее, чем любопытство Танабе. Но все же...

Деккер сдался.

- Я не сказал, что не стану тебе помогать. Во всяком случае, нет необходимости его взламывать... если ты только еще не покопался в замке.

Он уже достал аварийный ключ.

- Ах, вот как, - оттаял Танабе. - Да, пожалуйста, Деккер, так будет намного лучше! А потом мы сможем убраться отсюда. Ключ уже работает?

Он работал, правда, едва-едва. Попытки Танабе взломать замок все же слегка его повредили, но Деккеру удалось вставить ключ. С третьей попытки магнитный запор сработал, и печать разошлась в стороны.

Танабе потянул за ручку морозильника. Дверца широко распахнулась. Из контейнера выплыли несколько дюжин пакетов с едой. Очевидно, вместе того, чтобы разместить их в определенном порядке, кто-то в спешке запихнул их как попало. А за ними оказалось нечто, чему здесь и вовсе было не место.

Это было человеческое тело, маленькое, сжавшееся в комок. Труп.

- Господи, - в ужасе прошептал Танабе. - Это же Сяопин Йе!

...От двери донесся резкий и неприятный голос Джей-Джона Бельстера:

- Что, черт побери, вы тут делаете?

Он держался рукой за косяк двери, из-за его плеча выглядывала Вен Купферфельд. Бельстер обернулся на девушку.

- Я думал, все будут в убежище, - пожаловался он.

Деккер выпрямился, готовясь к стычке.

- Что случилось с Йе? - потребовал он ответа.

Деккер не успел даже заметить, что Бельстер держит в руке что-то напоминающее... да, определенно, невероятно, но это был... да, пистолет.

Деккер оказался перед лицом невероятного факта.

- Ты убил ее, - сказал он.

- Нет! - воскликнула Вен. - Не преднамеренно, это был несчастный случай!

- Но, - по-прежнему усмехаясь ответил Бельстер, - возможно, будет еще парочка ему подобных.

Вен повернулась и положила руку ему на локоть.

- Черт тебя побери, нет. Мы их куда-нибудь уберем подальше... быть может, пусть посидят на контрольном пункте, чтобы за ними присмотрели операторы.

- К чему столько сложностей? - тоном разумного человека осведомился Бельстер. - К данному моменту все надежно сплавлены в убежище, так что никто не станет вмешиваться. И у нас уже есть одна смерть.

- Потому, что я говорю «нет»! - отрезала Вен.

Они больше внимания обращали друг на друга, чем на своих пленников. Справа от себя Деккер услышал глубокий вдох Танабе, а потом японец вдруг резко рванулся вперед, чтобы со всей силы врезаться в Бельстера. Бывший марсианин заметил этот человеческий снаряд слишком поздно: голова Танабе уже врезалась ему в живот. Пистолет отлетел в сторону. Охнув от неожиданной боли, Бельстер резко подогнул колено, которое попало как раз в подбородок Танабе. Сила удара отбросила японца в сторону и ударила о стену. Танабе судорожно вздохнул, а потом его обмякшее тело мягко отплыло прочь.

Оружие скользило к Деккеру Де Во.

Деккер же о нем совсем не думал. Он просто потянулся вперед, поймал и неплотно зажал в руке, целясь приблизительно в сторону двери. Он никогда до того не держал в руках убивающего оружия. На ощупь пистолет был холодным, жестким и неприятным. Ему показалась отвратительной сама мысль, чтобы держать его в руках, не говоря уже о том, чтобы использовать.

Бельстер медленно разгибался, все еще держась за низ живота. Потом ему удалось выдавить из себя визгливый смешок.

- Эй, Де Во, - сказал он почти игриво, - что, черт побери, по-твоему, ты собираешься с ним делать?

- Не приближайся ко мне, - предупредил Деккер.

- Да ну! Это почему же? - Бельстер подтягивался вдоль поручня стены, приближался все ближе и ближе. - Ты же знаешь, что не сможешь выстрелить, правда? Просто отдай его мне.

Он протянул руку.

Оружия Деккер ему не отдал. Но когда пальцы Бельстера сомкнулись на стволе, он и не нажал на курок. Потом вторая рука ударила ему в лицо, и он отпрянул.

Пистолет оказался в руках у Бельстера.

- Слишком много занятий по уступчивости, Де Во, - насмешливо бросил он. - А на Земле ты провел слишком мало времени, чтобы их преодолеть, правда? Ну, Вен, сдается мне, еще парочка в холодильник поместится...

Вен, осматривающая Танабе, подняла взгляд.

- Он жив, - возразила она. - Хотя я думаю, у него, возможно, проломлен череп. Он основательно ударился.

- Это легко исправить, - заявил Бельстер.

Она бросила странный взгляд на Деккера, затем показала головой.

- В этом нет необходимости. Мы просто их где-нибудь свяжем. Вскоре это все равно не будет играть никакой роли.

Деккер потирал шею. Он чувствовал, как натягивается кожа вокруг левого глаза, но кое-что он начинал уже видеть яснее.

- Никакого излучения на самом деле нет, так ведь? - спросил он. - Вы просто хотели, чтобы никто не стоял у вас на пути, в то время как вы собираетесь сделать кое-что... - Он застыл посреди предложения. - Комета! - воскликнул он.

- Умный мужик, - с восхищением сказал Бельстер. - Да, мы кое-что собираемся сделать с кометой. Но ты ничего не сможешь с этим поделаться, разве ты не видишь? А теперь пошевеливайся! Мы попробуем сделать так, как предлагает Вен, но без глупостей. Ты меня понял? Поскольку, по правде говоря, я не прочь и без столь серьезного повода пристрелить тебя, Де Во.

41

На Марс комету можно сбросить, не нанеся особого вреда планете, поскольку на Марсе почти нечему причинять вред. С другой стороны поверхность суши на Земле ранима в каждой ее точке. Едва ли остался хоть один квадратный километр суши, на котором бы не жили люди, не стояли бы здания, или от этого места зависели для обеспечения своих жизней еще какие-нибудь люди, даже если это было только лесное покрытие, в котором они нуждались, чтобы сохранить иначе бесполезный горный склон от оползания в их природные резервуары воды.

На Марсе взрывы при падении комет - не более чем, несколько фейерверков. А на Земле это было бы подобно Хиросиме, упади комета в застроенный участок суши... Даже если комета упадет в море, столкновение создаст огромные волны, которые в виде цунами - приливных волн, обрушатся на первое же побережье на своем пути и сметут прибрежные города, накрыв собой людей и здания. Один единственный фрагмент кометы, упади он на Землю, может лишить жизни миллионы.

Они связали Деккеру руки за спиной, завязали чьим-то черным шарфом глаза и пластырем заклеили рот. Беспомощное тело потом привязали ремнем лицом вниз в небольшом воздушном шлюзе поблизости от контрольного пульта. Деккер не пытался вырываться. Он, конечно, мог бы это сделать, и что тогда? Ему слишком много требовалось понять. Он просто прислушивался к неровному и судорожному дыханию Торо Танабе и беседам на контрольном пункте и думал.

И эти мысли совсем ему не нравились.

Время от времени до него доносились шепот и бормотание, когда в помещение входили новые люди. Он узнал несколько голосов. Женских голосов. Голос Аннеты Бэнкрофт. Голос Римы Консалво. Голос Вен. И мужские голоса - голос Джей-Джона Бельстера и голос Паркера, шефа станции.

Присутствие здесь женщин не особенно его удивило; он давно уже решил для себя, что земные женщины представляют собой тайну, не доступную его пониманию. Изумило же Деккера, даже шокировало его, что марсианин - только подумайте, марсианин! - может иметь, не говоря о том, чтобы угрожать им оружием. Он мог бы, может быть, рассчитывать на это в случае оземлянившегося Джей-Джона Бельстера, но даже начальник станции, даже его босс, такой порядочный с виду Джаред Клайн - даже он не считая землян, таких как Вен Купферфельд и Аннета Бэнкрофт, и других - все они полагали, что прибегнуть к оружию, чтобы не позволить Деккеру Де Во сделать что-то, что им не по нраву, совершенно естественно.

Когда он почувствовал, как ему развязывают руки, следующим шагом, как и ожидал Деккер, оказалось то, что с глаз у него сняли повязку, чтобы он мог видеть. Деккер поморгал, глядя на стоящих перед ним людей. Судя по всему, шеф станции ушел вместе с большей частью мужчин-землян, но Бельстер и три женщины все еще оставались здесь.

- Ты - невероятная заноза, Де Во, - сказал Джей-Джон

Бельстер, подходя поближе. - Почему ты, как полагается, не остался в убежище?

Деккер на это ничего не ответил. Бельстер пожал плечами и передал пистолет Вен Купферфельд.

- Он в твоём распоряжении, - сказал он. - А нам надо попасть на коммуникационный центр.

- Ты его слышал? - усмехнулась Вен, взмахнув пистолетом.

Деккер не смотрел на оружие. Он смотрел на обеих женщин, с которыми занимался любовью, и еще на одну, которую знал еще ребенком.

- Вы сошли с ума, - сказал он.

Это было не обвинение. Это был обдуманный диагноз.

- Все не так, как ты думаешь, Деккер, - сказала Аннета Бэнкрофт.

- Да, это уже, пожалуй, не простое мошенничество или продажа экзаменационных документов, - согласился он. - Так что же я думаю, Аннета?

Она покраснела.

- Какое-нибудь насилие, наверное, сбросить комету на Санпойнт или куда-нибудь еще на Марс...

- Нет, - решительно возразил он. - Я об этом думал, вряд ли это именно так. Для этого здесь слишком много марсиан, и на такое не пошел бы даже такой психопат, как Джей-Джон Бельстер. И дело не в том, чтобы украсть комету для обитантов, так ведь? Так что все, что вам остается, это бомбардировка Земли.

- Нет! - отчаянно воскликнула Аннета. - Никаких бомбардировок! Скажи ему, Вен.

Вен Купферфельд пожала плечами.

- Ты не думаешь, что мы достаточно времени потратили на этого слабака?

- Скажи ему!

- Ладно. Видишь ли, Деккер, у меня были большие надежды на тебя. Ты мог бы быть нам полезен, - сказала она. - Не сам по себе. Но из-за твоей дерьмовой королевы мамочки. Если бы ты был на нашей стороне, это бы нам помогло... впоследствии.

Деккер огляделся по сторонам. Рима Консалво просто висела у стены, судя по всему, вполне удовлетворенная возможностью предоставить говорить остальным. Аннета Бэнкрофт кусала губы.

- После чего? - потребовал он ответа.

- Это япошки, - просто ответила Вен. - Ты же знаешь, это они отравляют всем жизнь своими обитантами. Тебе в той же мере, как и нам. Быть может еще не так поздно образумиться, Деккер. Тебе не кажется, что ты должен помочь нам остановить их?

Деккер сморгнул.

- Остановить их, - повторил он с удивлением.

Но для того, чтобы остановить их....

Он закрыл глаза, пытаясь отделаться от страшных видений. Он прекрасно помнил, как выглядела Чрайс Планиция, когда в нее ударили первые осколки - пустая Чрайс Планиция. Его желудок свело судорогой, когда он подумал, что такой кошмар может повториться на Земле. Там, где выросли города, полные людей города, заключившие в себе миллионы беспомощных тел. Мужчины, женщины, дети - все будут разорваны в клочья или сожжены, когда встанет на дыбы и закипит сама земля у них под ногами. И на километры кругом будет падать дождь расплавленных осколков.

- Вы убьете миллионы людей, - прошептал он. Во рту у него пересохло.

- О Деккер, - всхлипывала от смеха Аннета, - ты и вправду думаешь, что мы это сделаем? Мы не собираемся позволить комете ударить Землю, правда, Вен?

- Конечно, нет, - успокаивающе сказала Вен Купферфельд. - Это - блеф, Деккер.

- Блеф?

- Военный маневр, - улыбнулась она ему. - Они сдадутся, я обещаю.

- А что, если нет?

Она помедлила, взглянула на часы и проговорила:

- Деккер, помнишь вирт Битвы Семи Дней?

- Ты все время спрашиваешь меня об этом, я же его видел.

- Господи Боже, я знаю, что ты его видел. Я не знаю, понял ли ты его. Видишь ли, Роберт Ли защищал Ричмонд...

- Вен, - запротестовала Аннета.

- Заткнись, Аннета. Я пытаюсь кое-что объяснить нашему другу. Причина, почему Мак-Келлан не взял город, заключается в том, что Ли перехитрил его. А как он это сделал?

Деккер покачал головой, глядя на пистолет в руке Вен. Правильно ли будет, задал он себе вопрос, попытаться отобрать его у нее? Станут ли Аннета и Рима вмешиваться? И как ему это сделать? И если он доберется до оружия, что ему делать дальше?

- Слушай меня, черт побери! Ли знал, что Мак-Келлан попадется на его блеф, потому что Ли прекрасно знал Мак-Келлана. Они служили вместе, и он знал этого человека. Он знал, что Мак-Келлан не станет бросать свои основные силы, если под тяжелой атакой окажется его правое крыло, и он не ошибся. Мак-Келлан бился там, где стоял, пока его не испугали потери, а потом он сдался и ушел назад в Вашингтон. И видишь ли, Деккер, здесь будет то же самое. Я знаю этих людей. Я знаю, что они сломаются.

Казалось, она в той же степени обращалась к Аннете, как и к нему самому, подумал Деккер.

- И что тогда? - спросил он.

За нее ответила Аннета.

- А тогда они подпишут договор, - с гордостью сказала она. - Они остановят строительство новых ферм-обитантов. Проект «Оорт» будет доведен до конца. Наши вложения вновь будут что-то стоить!

- А если они откажутся?

Вен задумчиво оглядела его.

- Ну тогда, - сказала она, - дела пойдут действительно паршиво, правда? Но они подпишут, обещаю.

- Лучше бы вы нашли Танабе врача, - только и сказал Деккер. - Мне не нравится, как он дышит.

- Дерьмо, - с отвращением отозвалась Вен. - Хорошо. Рима, останешься с ним?

Рима Консалво посмотрела на Деккера чуть ли не нежно.

- Не уверена, что мне этого хочется, - сказала она.

- Тогда дело за тобой, Аннета, - Вен снова посмотрела на часы. - Просто смотри, чтобы он никуда не ушел. В любое время теперь могут начать задавать вопросы остальные станции, так что нам с Римой лучше пойти помочь им отвечать.

Руки у него по-прежнему были связаны за спиной, причем связаны крепкой, неподатливой клейкой лентой, но не это было основной проблемой Деккера Де Во. Из всех земных виртуалов, которые он видел в детстве, Деккер знал, что в таком случае делать. Согнулся, с трудом протаскил ноги сквозь кольцо связанных рук, так чтобы они оказались впереди, и найдя сравнительно острый край - там, где на космический скафандр надевается шлем, - начал тереть об него ленту.

Работа с импровизированным ножом двигалась не очень быстро, но и это не было проблемой. Настоящая проблема представлялась гораздо более сложной. Во-первых, дыхание Торо Танабе стало чуть более спокойным, но он все еще был без сознания - связанный, но определенно без сознания. Во-вторых, тот факт, что он заперт в комнате, из которой не видит выхода. И наконец, самое серьезное, что ему делать с тем, что происходит вокруг, если ему удастся освободиться.

Конечно, шептал в дальнем уголке сознания предательский голосок, может просто случиться так, что нет никаких причин для него что-то делать. Вен говорила, что они борются за проект помощи Марсу, а разве не этого он хочет? И если поверить ей, поверить в то, что блеф сработает... ну тогда, можно поверить практически во все, что угодно.

Деккер не поверил предательскому голосу. Он стал тереть сильнее и все еще тер, когда открылось окошко контрольного пункта.

В окошке возникло лицо Аннеты, бывший инструктор увидела, что он делает.

- Тебе никогда ее не снять, - проинформировала она его.

Деккер не перестал тереть, Аннета вздохнула.

- О черт, - сказала она, втокнула в шлюз картонку с обедом, закрепила на столе и собралась уходить.

- Они принесли мне обед. Я подумала, что, может быть, тебе он нужнее, чем мне.

- Танабе нужен врач.

- Я приведу его, как только смогу, обещаю. А тебе, наверное, стоит поесть.

Так он и сделал. Но еще больше ему нужно было что-то, чем можно было бы утолить жажду, о которой он до того даже не подозревал. От его связанных рук было не много пользы, но ему удалось все же откинуть крышку картонки и схватить фляжку - оказалось, что в ней кофе, - и жадно напиться.

Потом он посмотрел на женщину.

- Спасибо, - сказал он.

- Не знаю, как тебе удастся поесть, если у тебя связаны руки, - с сомнением сказала она. - Но думаю, ты что-нибудь придумаешь. Мне нужно возвращаться следить за пультом.

- Подожди минутку, - настойчиво сказал он. - Мне кажется, что ты не знаешь, что происходит на самом деле.

- О Деккер, - терпеливо произнесла она, - я уже целый год об этом знаю. Как ты думаешь, кто помогал планировать все это?

- Дав возможность попасть сюда нужным людям в нужное время и не допустив сюда тех, у кого могли бы возникнуть подозрения, так? - сказал он. - А когда вы запланировали убийство Сяопин Йе?

К этому она оказалась готова.

- Это был просто несчастный случай. Тут ничего нельзя было поделать. Тоби Мори просто пытался заставить ее уйти, а она сопротивлялась.

- Правильно, - кивнул Деккер, - как и Танабе.

- Я же тебе сказала, что к нему придет врач!

- Да, Аннета, только вот возможно, он до тех пор не доживет, и я не верю тому, что ты говоришь. Слишком

многое из того, что вы здесь говорите, - ложь. Видишь ли, я над этим думал. Они делают это не для того, чтобы спасти проект, Аннета. Никто его не может остановить. Слишком много в него вложено денег и сил. Так что должна быть какая-то другая причина, и насколько я мог догадаться, они хотят снова поднять стоимость Бонов, чтобы получить назад свои деньги.

- Да, это тоже, скорее всего, произойдет. Мы все... - она помедлила, а потом быстро проговорила: - Собрали все деньги, какие у нас были, чтобы сбить цену на акции обитантов. Признаю, я сама на этом сделаю деньги. А что в этом плохого? - осведомилась она.

- Я верю тому, что ты говоришь о деньгах. А все остальное - ложь, Аннета. Или ты лжешь мне, или они лгут тебе.

- Никто не лжет!

- И ты действительно в это веришь? Ты думаешь, что те, кто решился на убийство, будут беспокоиться из-за лжи?

- Мы поступаем правильно! - отрезала она.

- Так значит, никакого солнечного излучения нет, правда?

- Это - наилучший способ убрать всех подальше, не причинив никому вреда, так ведь? У них есть пища и воздух, и с ними все будет в порядке, - она помедлила. - О, я бы предпочла другой способ, если бы у нас был выбор. Я не люблю лгать. Мне жаль всех этих людей, которые заперты в убежище и не знают, что происходит. Мне не нравится и многое из того, что здесь случилось. Я говорю не только о несчастном случае с Йе. Ну, мне не хотелось, чтобы они подставляли Пелле с наркотиками. Он был хорошим человеком. Но он - не из тех, кто согласился бы на наш план, так что его надо было убрать со станции.

- А все остальные? Те, кого отчислила с нашего курса Роза Мак-Кьюн?

Она пожала плечами.

- Они должны были освободить место для того, чтобы сюда могли попасть Вен Купферфельд, Джей-Джон

Бельстер и я. Нам пришлось немало поработать, чтобы уложиться в запланированное время. Когда бы еще мы дождались нужного расположения планет, так чтобы поступающие на Марс кометы проходили вблизи Земли? - Аннета казалась задумчивой и печальной. - Жаль, конечно, их карьеру, но, когда история выйдет наружу, я думаю, они свое получают.

- Некоторые нет. Они будут мертвы, Аннета. Одной из погибших, скорее всего, окажется моя мать.

- Я же тебе говорила, никто не погибнет, - в ярости бросила она.

Аннета захлопнула окошко, а Деккер утрюмо вернулся к своим наручникам.

Деккер как раз вернулся к картонке с обедом - руки у него были по-прежнему связаны и уже начинали болеть, когда услышал, как вновь открывается окошко. На него глядела Аннета.

- Просто проверяю, - сказала она. - Мне жаль, что у тебя столько неприятностей.

Деккер прожевал кусок рулета, который ему как-то удалось откусить. Остальная часть рулета плавала где-то позади него.

- Ты готова теперь меня выслушать? - спросил он.

- Нет! Я хотела сказать, - поправилась она, - я проверяла пульт, и у меня пока затишье. Я вполне готова поболтать с тобой минутку. Не то, чтобы тебе удалось убедить меня, что мы делаем что-то дурное, поскольку это не так. Просто, чтобы ты понял, что мы поступаем правильно.

- Убийство многих тысяч людей едва ли можно считать правильным поступком, - вежливо отозвался он.

Аннета посмотрела на него со смесью гнева и жалости.

- Черт тебя побери, Деккер! Ты раз за разом это повторяешь, а я же сказала тебе, что никто не будет убит.

- Ты хочешь сказать, за исключением Сяопин Йе. И, может быть, Танабе.

- Бельстер сказал, что с ним все в порядке!

Деккер покачал головой и указал на другой факт:

- У тебя в руках по-прежнему этот пистолет. Что бы ты сделала, если бы я сейчас прыгнул на тебя?

Аннета отодвинулась на несколько сантиметров назад.

- Ты не можешь отсюда выбраться. Во всяком случае, я не стану стрелять, чтобы убить тебя, просто чтобы заставить тебя остановиться. Я же тебе говорила...

- Ты говорила, что япошки сдадутся и пообещают прекратить строительство обитантов, - прервал он ее. - Возможно и так, в данный момент они пообещают все, что угодно. Но что случится после того, как вы отведете комету? Как по вашему, сколько времени они станут держать свое обещание?

- А ты думаешь мы этого не предусмотрели? - с презрением спросила она. - Обо всем позаботились, Деккер. Там на Земле уже готовы на подпись контракты. Как только они поймут, что нас интересует дело, наши представители направятся в Токио, чтобы подписать эти контракты. В каждом из них предусмотрены штрафные пункты и оговорки и... что?

Деккер уже некоторое время пытался прервать ее тираду.

- Ты сказала, они собираются направиться в Токио? Ты хочешь сказать, что они не в самом городе? Почему?

Аннета с минуту молча глядела на него.

- Просто мы так запланировали, вот и все.

- Нет, Аннета, не все. Подумай немного. Причина тому, что сами они не в Токио, заключается в том, что именно туда, на Японию упадет комета.

Аннета покачала головой.

- О нет, - уверенно ответила она. - Ты сам не знаешь, что говоришь, Деккер. Это невозможно.

Деккер нахмурился. Может быть, он что-то упустил?

- Почему? Тебе кажется, что Со-Марс Два может перехватить и отвести комету?

- Конечно, нет. Только не 67-Ю. Рима и Берт Корман работали с ней в Оорте, они же построили в нее

датчики. Первое, что мы сделали, это подключили их, и теперь они не будут слушаться ничего, кроме наших сигналов.

- Ага, - сказал Деккер. На место встали последние кусочки головоломки. - Вот почему они выбрали такую маленькую. Она просто разрушит то место, в котором приземлится. А местом этим станет Япония.

Деккер увидел, как взгляд Аннеты затуманился, и нанес еще один удар.

- Знаешь, почему я в этом так уверен? Подумай сама немного. Сколько японцев здесь на станции?

- Почему? - она на минуту задумалась. - Думаю, большую часть из них отослали на Землю, - признала она.

- Большую часть?

- Ну хорошо, может быть, почти всех! Откуда мне знать? Я же не считала!

- Во всяком случае, я здесь японцев не видел. За исключением Танабе, а он был последним японцем на курсе, и он едва не отказался от контракта в последнюю минуту. Как ты думаешь, почему так произошло?

- Да ты просто болен! - в ярости выкрикнула Аннета. - И я устала слушать весь этот бред. Позволь мне сказать, что тебе стоит сделать. Как только все это закончится, тебе стоит отправляться домой, Де Во. Сажай растения, отвлекись от этих дурацких фантазий, женись на какой-нибудь марсианке и заведи дюжину детей, а главное, не приставай ко мне больше!

С этими словами Аннета захлопнула окошко.

Для него, как признался самому себе, вернувшись к перетиранию импровизированных наручников, Деккер, проблема заключалась в том, что Аннета хотя бы отчасти была права. Он болен тем, что не выпадало на его долю никогда раньше, поскольку готовы были рухнуть все его представления о морали и общественном порядке.

Как люди, пусть даже они и земляне, могли задумать такое? Что уж говорить о марсианах?

Возможно ли, что он ошибается?

Деккер тщательно обдумал такую возможность, неутомимо перетирая шнур. Это правда, он в необычной стрессовой ситуации. Еще никогда он не оказывался против своей воли в заключении.

Тут ему пришло в голову, что у монеты есть еще и обратная ее сторона. Он не единственный из тех, чье зрение может быть затуманено. И другие тоже оказались под воздействием шока. Деккер попытался представить себе, каково это быть богатой землянкой, потерявшей все свое состояние. Большой шок? Без сомнения, подумал он, вспоминая ту избалованную Аннету Каши из Сан-пойнт-Сити, белое платье, золотые заколки в волосах, бесспорная наследница всего вокруг. Могло ли это породить такую обиду, которая могла бы быть заглажена чем-то подобным происходящему сейчас?

На этот вопрос Деккер ответить не мог. Он не сомневался в том, что получение денег являлось для землян жизненно важным, уж очень давно свидетельства таких представлений окружали его повсюду. И все же, могут ли они быть настолько поглощены своей безумной страстью к богатству, чтобы пойти на столь кровавое насилие?

И на этот вопрос у него не было ответа... тут ход его мыслей прервался, поскольку нечто в непосредственной близости от стертых рук поддалось.

Деккеру потребовалось не более нескольких секунд, чтобы сообразить, что это было. Его настойчивые попытки принесли свои плоды. Одна из петель шнура наконец разорвалась. Это еще не означало, что он свободен. И руки уже почти ничего не чувствовали, если не считать боли, но когда он все же ощупал шнур, оказалось, что остальные его петли держатся все так же крепко.

Однако не настолько как было раньше, а это открывало новые возможности, которые Деккер принялся исследовать незамедлительно. Если бы только удалось подтянуть руки так, чтобы они были перед ним...

Это означало попытаться изогнуть позвоночник так, как до сих пор еще никогда не пробовал Деккер, и он

заранее знал, насколько это будет болезненно. С трудом выгнув спину, он попытался опустить кисти рук вдоль бедер. Как выяснилось, это не столь невозможно, как сначала казалось. Просто очень больно, но на его стороне было преимущество сухощавого организма. Худое тело марсианина сгибалось гораздо ловчее, чем если бы на его месте был кряжистый землянин. И даже в этом случае оставалась проблема, как преодолеть препятствие в виде длинных ног.

Это было уже гораздо сложнее. На это ушло немало времени, и давалось это с еще большей болью, поскольку Деккеру пришлось вывернуть сначала одно, потом другое колено, чтобы вытащить ноги по очереди.

Но наконец руки оказались у него впереди.

Осталось только отыскать свободные концы шнура и потянуть за них зубами, пока руки не окажутся свободны. Деккер ради эксперимента осторожно сжал и разжал кисти. Кровоснабжение в пальцах никак не желало восстанавливаться. Ладони болезненно покалывало, и пальцы плохо двигались. Но ему все же удалось засунуть руку в карман комбинезона и сжать пальцы вокруг того, что лежало в нем.

Аварийный ключ по-прежнему был на своем месте. А это означало, что Деккер больше не узник.

Зажав ключ в зубах, Деккер стал растирать руки, чтобы восстановить утраченное кровообращение. Потом он сделал то, что все время откладывал последний час, он подплыл к тому месту, где покачивалось неподвижное тело Танабе, привязанное ремнем к поручню. Деккер наклонился над японцем, чтобы выяснить, как он.

Танабе больше не дышал.

Когда Деккер выпрямился, лицо у него было осунувшимся. Он висел в воздухе подле тела мертвого друга, все еще рассеянно растирая руки. Он не оплакивал смерти Танабе, на это в данный момент не было времени. Вместо этого он обдумывал то, что предстояло сделать. Это будет нелегко. Вполне вероятно, что и его могут убить. Но есть ли у него какой-нибудь выбор?

...Когда Деккер появился в дверях контрольного пункта, волоча за собой скафандр, Аннета, увидев его, судорожно вздохнула и схватилась за пистолет.

- Вернись назад! Как тебе вообще удалось выбраться?

Деккер не ответил, его занимали гораздо более важные дела. Он толкнул в ее сторону скафандр.

- Одевай, - приказал он.

Аннета одной рукой остановила плывущий к ней скафандр, в другой она все еще держала пистолет.

- Какого черта! Послушай, Деккер, если ты думаешь, что я тебя боюсь...

Деккер покачал головой.

- Танабе мертв, - сказал он.

Аннета побледнела.

- О Деккер! - растерянно прошептала она. - Бельстер же пообещал, что найдет ему врача, пока не станет слишком поздно.

- Бельстер солгал, - сказал Деккер, удивляясь, что ему приходится это говорить. - Он обо всем лгал. Мне казалось, что ты это уже поняла. Вопрос в том, смерти скольких еще людей ты готова стать свидетельницей, Аннета? Моей, например?

- Я никогда не хотела никого убивать!

- Тогда, - урезонивающе сказал он, - нам необходимо убрать эту комету прежде, чем она ударит о землю, так ведь? У нас есть еще время произвести несколько крупных взрывов, которые собьют ее с орбиты...

- Нет!

- Да, - поправил ее Деккер. - У тебя нет выбора, Аннета, потому что единственное, что тебе остается, чтобы помешать мне - это застрелить меня. Ты собираешься это сделать?

Этот вопрос занимал и его самого, но тем не менее его позабавило выражение, появившееся у нее на лице. Деккер добавил:

- Эта комета, знаешь ли, не пройдет мимо Земли. Если только мы не поможем ей в этом.

- Какой смысл говорить об этом? - потерянно спроси-

ла она. - Даже если ты и прав, это все равно не сработает. Как только мы начнем корректировочные взрывы, об этом узнают в центре коммуникаций и появятся здесь, чтобы остановить нас.

Деккер попытался говорить добрее, поскольку Аннета сказала «мы».

- Нет, они не смогут сделать этого, Аннета. Они вообще никуда не пойдут, я об этом позабочусь. Но у меня больше нет времени на споры. Так вот, ты можешь сделать одно из двух: ты можешь застрелить меня, если это то, чего ты хочешь, или ты можешь просто положить эту дурацкую пушку и начать одевать скафандр.

Сделает ли Аннета, как ей было сказано, или нет, Деккер не знал. Он отвернулся, не дожидаясь ее ответа. Поворачиваясь к люку шлюза, он почувствовал, как между лопаток у него бегут мурашки, но не обернулся, начав забираться в свой собственный скафандр. Он прикинул, что вероятность того, что она и в самом деле его застрелит, очень невелика, но не ему принимать решение.

К тому времени, когда шлем плотно был закреплен на его скафандре, выстрела еще не прозвучало, а приглушенное постукивание металла о пластик позволяло предположить, что Аннета тоже что-то делает со своим скафандром. Пока все в порядке, поздравил он самого себя, теперь пора за дело.

Деккер подобрал аварийный ключ там, где оставил его плавать в воздухе, и от ближайшей стены оттолкнулся, чтобы поплыть в сторону консоли управления шлюзами. На тело Танабе он старался не смотреть. В этом не было смысла, Танабе ничем уже нельзя было помочь, а для Земли еще оставалась надежда. Набирать комбинации неразработанными руками, на которых теперь еще были перчатки, было очень неудобно, но в конце концов, там в академии на холме он столько раз практиковался именно в этом во время учебных тревог.

Точно так же как на тренировке, как только он открыл вентиляционные каналы, через которые в случае за-

дымления из помещений откачивался воздух, по всей станции оглушительно запели сирены тревоги.

Их предупреждающий вой должен длиться в течение десяти секунд. Деккер понадеялся, что Аннета успела загерметизировать скафандр. Ему не хотелось отнимать у кого-то жизнь - даже у нее, хотя она принимала участие в этом преступном плане. В особенности у нее, поправился он и сам удивился, почему.

Десять секунд истекли.

И тут все случилось одновременно. Деккер услышал грохот, резкий хлопок, скрежет - это разом закрылись все двери на станции. Мгновение спустя всю станцию потряс огромный толчок, когда распахнулся каждый шлюз, чтобы выпустить весь имеющийся на ней воздух в вакуум космоса. До него донесся резкий вой извергающихся в космос потоков, но шум быстро стих. Через пару секунд на станции не осталось воздуха, чтобы мог доноситься какой бы то ни было звук, и вокруг него лежал тихий и мертвый Со-Марс Два.

Каждый, кто оказался за пределами загерметизированного отсека, теперь мертв, подумал Деккер и понадеялся, что никто не оказался столь глуп. И все, кто сейчас находится в безопасности внутри отсеков, не выйдут оттуда, пока он, Деккер, не решит вновь впустить на станцию воздух.

43

Когда Деккер впустил сам себя на контрольный пункт, внутренний его воздух потоком хлынул наружу. Порыв его отбросил бы Деккера к стене, не ухватись он за поручень, чтобы переждать, пока воздух выйдет весь.

Аннета ждала внутри. Она была в скафандре, сквозь лицевое стекло которого глядело на Деккера ее побледневшее лицо. Он сделал ничего не значащий успокаивающий жест в ее сторону, но не прикоснулся своим шлемом к её, чтобы что-либо сказать. Сказать ему было совершенно нечего, а дел еще предстояло немало.

Деккер сел перед пультом, еще раз мысленно прорепетировал то, что было запланировано сделать, а потом вызвал на экран элементы орбиты кометы.

Когда он набрал с клавиатуры вероятный конус кометы, ничего не изменилось. Наиболее яркий участок - угол конуса - золотого свечения все еще покрывал собой всю планету Земля.

Вот это ему и предстояло изменить. Сложно было набирать программу в перчатках, но ему удалось запустить расчет интегралов для коррекции курса и ввести команды. Как только он проверил решение компьютера и решил, что оно его вполне удовлетворяет, он послал команду на первый взрыв. А комета подходила все ближе к Земле.

Потом он вспомнил кое-что и обернулся посмотреть на Аннету. Она молча наблюдала за ним от открытой двери, и через лицевой щиток ему было видно, что она плачет.

Это его не удивило. Самая пора: немало для этого причин кругом. Он задумался на мгновение, что станет с Аннетой Бэнкрофт. Что-нибудь да случится, в этом он был уверен. Мстительные земляне не позволят ей избежать наказания за то, что она принимала участие в этой аванюре. Но это и в сравнение не могло идти с тем, что случилось бы с миллионами людей, если бы комете позволили упасть.

Он вернулся к своей важной работе. Золотой конус проекции начал медленно скользить по экрану по мере того, как модель отражала результаты производимого взрыва. Деккер внимательно наблюдал за происходящим на дисплее. Точка, изображающая Землю, все еще лежала в пределах допустимой ошибки траектории кометы, но уже не в центре ее.

Деккер нахмурился: слишком медленно. Отдав команду произвести еще один взрыв, он снова попытался скорректировать курс кометы. Компьютер подтвердил его решение, и Деккер протянул уже руку, которой очень мешала перчатка, чтобы активировать...

И замер на месте.

Он почувствовал, как вновь содрогнулась конструкция станции. Толчок был кратким и недолгим. Но со всей определенностью он мог бы сказать, что что-то произошло, что-то, что глухим звуком отдалось по всей станции.

Он до отказа выдвинул рычаг активации. Не имеет значения. Кому-то, очевидно, удалось открыть воздушный шлюз, и наружу вырвались газы. Но теперь никто не сможет передвигаться по коридорам станции без скафандра.

Тут ему пришло в голову, что, хотя вероятность того, что у кого-нибудь из заговорщиков под рукой есть скафандры, очень невелика, исключать такую возможность все равно не следует. Он повернулся к двери.

Аннета исчезла. Впрочем, и это не имело особого значения. Ей совершенно некуда было идти, а кроме того, он, как ему казалось, знал, что это был за толчок.

Деккер притворил дверь, закрыл ее с помощью аварийного ключа и вернулся к пульту.

Серия взрывов еще не окончилась. Острые вероятной траектории не накрывало более Землю и с каждой секундой отходило все дальше от нее.

Ужасная и бессмысленная потеря хорошей кометы, подумалось ему.

И все же, с поверхности Земли люди наблюдали потрясающий спектакль перемещений кометы. А кроме того, пора приниматься за долгую и медленную работу по восстановлению давления на станции, выпуская воздух из резервных танкеров.

К тому времени, когда Деккер отыскал Аннету Бэнкрофт, он был совершенно измучен. Его несколько не удивило то, что нашел он ее в коммуникационном центре, куда она, как он в общем и целом был уверен, и отправилась. Удивительным было то, что она была жива

и уныло ожидала, что ее найдут, а вокруг нее плавали тела заговорщиков.

- Я боялся... - начал Деккер, но не закончил свою мысль.

Аннета закончила ее за него.

- Думаю, ты боялся, что я убью себя. Поверь мне, я об этом думала. Быть может, мне стоило это сделать, но когда я увидела, что все они мертвы, мне показалось, что в этом нет никакого смысла.

- Я рад, что ты этого не сделала, - сказал он. - Достаточно уже смертей.

Действительно. Более, чем достаточно. Тело Вен Купферфельд проплыло на расстоянии вытянутой руки от него. Ее волосы растеклись в все стороны, невидящие глаза смотрели прямо перед собой, а на губах у нее запеклась кровь. Деккер покачал головой. Он оказался прав относительно того толчка, потрясшего станцию: увидев, что они проиграли, заговорщики просто открыли дверь коммуникационного центра и остались умирать.

Внутри авангард выпущенного им из убежища экипажа пробирался меж тел. Люди возобновляли связь, отвечая на встревоженные позывные. Деккер поежился, впервые за последние недели почувствовав холод. Вливающийся в помещения воздух был холодным от того, что слишком большие его количества хранились в резервных танкерах.

- Не все из них были землянами, - печально проговорил он.

Аннета взглянула на него в упор, и Деккер взял себя в руки. Ему не хотелось ни с кем делиться своими мыслями, однако стряхнуть эти мысли ему никак не удавалось. Не только земляне, но и марсиане, и они тоже были частью этого печального и ужасного плана. Остальные члены экипажа смотрели на нее молча и враждебно, а Деккер вдруг вспомнил, насколько он нуждается во сне. Он взял Аннету за руку.

- Пойдем отсюда, - сказал он.

Она не сопротивлялась, только вопросительно поглядела на него:

- Ты собираешься меня арестовать?

- Я? Нет, конечно, - сказал Деккер, которого привела в ужас сама эта идея. - Я - не миротворец, хотя, может быть, когда сюда придут корабли... - из вежливости он не окончил фразы.

Ему и не пришлось. Аннета сама прекрасно знала, что произойдет, когда подойдут корабли.

- Наверное, мне немало времени придется провести в реабилитации, - мрачно произнесла она. - Но не только мне. У твоих людей все еще неприятности, Деккер. Ты думаешь, им позволят забыть о новых условиях Бонов?

Деккер пожал плечами, поскольку его занимал тот же самый вопрос.

- Ну, - заключила она, - быть может, все еще обойдется. На этот раз. Потонет в общем возбуждении и тому подобном. Но что произойдет через год или два, когда все забудут, каким ты был героем? Ты что, не понимаешь, что никакие проблемы, в сущности, не были решены? - гневно потребовала она ответа.

Деккер посмотрел на нее с удивлением.

- Ничего и никогда нельзя решить окончательно, Аннета, - сказал он. - Ты просто пытаешься сделать мир немного лучше - для всех, понимаешь, а не только для себя одного, - он на мгновение задумался и добавил: - Я хочу сказать, нужно делать все, что в твоих силах. А если ты не можешь улучшить мир, то надо попытаться сделать так, чтобы он не стал хуже.

- И это все, чего можно ждать от будущего? - спросила она.

- А что еще может быть? Но этого достаточно, - сказал он. - Ты делаешь то, что в твоих силах, сегодня. А завтра, если тебе повезет, тебе, тебе быть может, удастся сделать чуть больше. Мы не спешим учиться, - закончил он, - но рано или поздно мы этому научимся. По крайней мере, мы можем надеяться, а что нам нужно еще?

РАССКАЗЫ

ПАНЧ

Рост посетителя превышал семь футов, и когда он ступил на дорожку, ведущую к дому Баффи, одна из каменных плит разлетелась вдребезги.

- Как ужасно! - с печалью в голосе сказал посетитель. - Прими мои самые искренние извинения. Подожди капельку.

Баффи с готовностью подождал: он сразу узнал гостя. Тот замерцал, потом исчез и спустя мгновение появился снова, теперь уже имея рост в пять футов и два дюйма.

- Я так неудачно материализовался, - извиняющимся тоном сказал он, моргая розовыми глазами. - Но я все компенсирую. Можно? Только дай мне подумать. Тебе не хотелось бы узнать секрет трансмутации? Приобрести лекарство от обычных вирусных заболеваний? А может, список двенадцати акций компаний, задействованных в нашей программе развития вашей планеты, которые вот-вот пойдут на повышение?

Баффи ответил, что он возьмет акции, идущие на повышение, внутренне поздравляя себя и пытаясь никак не выдать себя.

- Меня зовут Чарльстон Баффи, - сказал он, радостно протягивая руку. Инопланетянин взял ее с явной заинтересованностью и пожал, при этом у Баффи возникло ощущение, что он пожимает руку привидения.

- Ты можешь называть меня Панчем, - вымолвил чужак. - Конечно, это не настоящее мое имя, но оно вполне подходяще: в конце концов это только проекция

моего настоящего существа - особый тип управляемой куклы. У тебя есть карандаш? - И он быстрой пулеметной очередью произнес названия двенадцати фирм, о которых Баффи никогда не слышал. Но вообще-то не это было главное. Баффи знал: когда инопланетяне дают тебе что-то, то это всегда обращается в деньги, которые можно получить в банке. Достаточно было вспомнить, что они дали человеческой расе: сверхсветовые космические корабли, источники энергии, работающие на не-радиоактивных элементах; оружие страшной мощности и новые металлургические процессы. Сейчас зять тетки его жены командует находящимся где-то в глубинах космоса и оснащенным лучевым оружием космическим кораблем, который был построен благодаря их технологии.

Баффи подумал, не прошмыгнуть ли побыстрее ему в дом и позвонить знакомому брокеру, но потом решил пригласить Панча в сад, чтобы тот взглянул на его орхидеи и яблони. «Выжимай все, что только можно, из каждой секунды, пока ты находишься с одним из этих парней, - сказал он себе, - ведь каждая секунда стоит десятки тысяч долларов».

- Я с превеликой радостью осмотрел бы твой сад, - произнес Панч, он казался разочарованным. - Но, возможно, я не правильно понял? Разве ты с некоторыми своими друзьями не запланировал сегодня отправиться на охоту? Может, сенатор ошибся?

- Нет, все так и есть. Разумеется, охота состоится сегодня. Так это старина Уолт рассказал тебе об этом, верно? - Это было характерно для чужаков - им нравилось совать нос в дела людей. Прибыв на Землю, они заявили, что хотят помочь нам, прося взамен лишь одного - чтобы мы позволили им изучать наш образ жизни. «Как чудесно, что они заинтересовались нами, и просто замечательно, - подумал Баффи, - что Уолт Вензель отправил инопланетянина ко мне». - Мы отправляется охотиться на диких уток к Литлл Эгг, я и еще несколько парней.

Будет Чак - наш бургомистр, Джер - из Второго Национального банка, а также падре...

- Это будет великолепно! - закричал Панч. - Я увижу, как вы будете охотиться на уток. - Он вытащил карту автомобильных дорог, покрытую золотистыми линиями, и попросил Баффи показать то место, где находится Литтл Эгг. - Я не способен настолько хорошо сосредотачиваться, чтобы садиться в движущуюся машину, - мигая, сказал он, выказывая тем самым свое сожаление. - Но я смогу встретиться с тобой там. Если, конечно, ты хочешь...

- Конечно, я хочу! Еще бы! Вот, смотрите! - Баффи постарался точно указать это место. Губы Панча двигались молча, переводя золотистые линии рельефа в пространственно-временные координаты, а потом он исчез, как только ревя и выбрасывая из-под колес гравий, на дороге к дому появился грузовик с остальными участниками охоты.

Рассказ произвел на них очень сильное впечатление. Падре когда-то уже издали видел одного из чужаков, когда рисовал конькобежцев в Рокфеллеровском Центре, но вблизи никому из них видеть их не доводилось.

- О Господи! Какая удача!

- Ну, Баффи, получил от него какую-нибудь супер-заколку?

- Или, может, рецепт какого-нибудь сверхкрепкого «мартини», на производстве которого ты заграбастаешь кучу бабок?

- Э, да вы просто не знаете нашего Баффи, ребята! Скорее всего, он выклянчил что-то действительно классное, вроде новых шести способов... О, прошу прощения, это не для ваших ушей, падре.

- Но, признайся, Баффи, ведь эти существа неоправданно щедры. Вспомните только, какую они отгрохали плотину в Египте! Ну, так что тебе всучил этот Панч?

Баффи с глубокомысленным видом взирал на них во

время путешествия. Охотники крепко сжимали ружья, держа их между коленями.

- Проклятье! - выругался он тихо. - Забыл взять сигареты. Давайте на минутку остановимся перед «Голубой Сойкой».

Автомат с сигаретами, стоявший у придорожного ресторанчика «Голубая Сойка», не был виден с места стоянки, так же, как и телефонный автомат.

«Как ужасно, - думал Баффи, - что рано или поздно мне придется поделиться информацией, полученной от Панча, хотя, с другой стороны, я уже начал скупать акции, идущие на повышение. Но в любом случае каждый из них в накладе не останется». - Сейчас у каждой нации на Земле были свои космические корабли с кремниевыми приводами, и целые флотилии этих кораблей совершали маневры по всей Солнечной системе. С помощью людей со звезд американская экспедиция на Каллисто нашла огромные залежи радия, венесуэльцы стали владельцами бриллиантовой горы на Меркурии, Советы завладели озерами из чистейшего пенициллина вблизи Южного полюса Венеры. А ведь, кроме того, отдельным индивидуумам также перепало немало. Например, один билетер из Стиплчейз-парка объяснил им, почему струи воздуха из самолетных дюз поддували платья дам, и они подарили ему чертеж беспружинной безопасной шпильки, на которой он теперь зарабатывает за месяц миллион долларов. Одна привратница из «Ла-Скала» стала королевой косметики в Европе, только потому что показала трем инопланетянам их места в зале. Они подарили ей простую, но не раздражающую краску для глаз, и теперь 99 процентов миланских женщин пользуются ее салоном и покидают его с ярко-голубыми глазами.

Они хотели только одного - помогать людям. Утверждали, что прибыли с планеты, отстоящей от Земли черт знает насколько, что они одиноки и хотят помочь нам в развитии космических путешествий. Они заверяли, что для них это будет своего рода забавой и что они помогут покончить с бедностью и войнами между нация-

ми, а у них появятся товарищи в путешествиях по межзвездным просторам. Вежливо и уважительно раскрывали они секреты ценой в триллионы долларов, осыпая человечество золотым дождем наступающего Века Изобилия.

Панч прибыл на место раньше их и уже проверял ящик с бурбонским, который они припасли заранее.

- Я рад, что познакомился с вами - Чаком, Джером, Бадом, падре и, конечно, с тобой, Баффи, - сказал он. - Как мило с вашей стороны, что на свое развлечение вы прихватили с собой и меня, чужака. Сожалею, но с вами я пробуду только одиннадцать минут.

Одиннадцать минут! Ребята с угрюмым видом посмотрели на Баффи. Панч продолжил с грустью голосе:

- Если вы позволите мне подарить вам что-нибудь на память, то, возможно, вам захочется узнать, что три грамма обычной столовой соли, растворенные в царской водке, выставленные на девять минут под излучение одного из ваших кремниевых реакторов, убирают бородавки совершенно безболезненным способом. - Все они внимательно записывали, молча планируя основание новой фирмы, где они были бы партнерами, и Панч показал рукой в сторону залива, где на волнах покачивалось несколько маленьких точек. - А разве это не дикие утки, на которых вы собираетесь охотиться?

- Да, это они, - хмуро согласился Баффи. - Скажите, вы знаете, о чем я сейчас думаю? А думаю я вот о чем... эта трансмутация, о которой вы только что сказали... интересно...

- И что, именно этим оружием вы и будете убивать птиц? - Панч исследовал старинное ружье с серебряным стволом падре. - Какое красивое! - заметил он. - Ну как, начинаете стрелять?

- Мы начнем, но не сейчас, - возмущенно ответил Баффи. - Мы просто не в состоянии сейчас охотиться. Эта трансмутация...

- Наверное, это необычайно захватывающее зрелище, - произнес звездный человек, глядя на них бледно-розовыми глазами и возвращая ружье. - Что ж. Мне кажется, я могу сообщить вам то, о чем мы еще не объявляли. Пусть вас не удивляет: вскоре мы появимся здесь во плоти, во всяком случае, в почти физическом облике.

- Почти? - Баффи посмотрел на остальных ребят, а те - на него: газеты почти ничего не писали по этому поводу, и из их голов почти вылетел тот факт, что Панч вскоре оставит их. Чужак резко замотал головой и замигал, словно испорченная флюоресцентная лампа.

- В каком-то отношении это действительно «почти», - продолжал он. - Возможно, на расстоянии в несколько сотен миллионов миль. Конечно, мое настоящее тело, (а вы видите только его проекцию) находится в данный момент на борту одного из наших межзвездных кораблей, приближающихся к границам Солнечной системы. Американский флот, совместно с флотилиями Чили, Новой Зеландии и Коста-Рики, находящийся сейчас близ Плутона, испытывает новые кремниевые лучеметы и вскоре войдет в контакт с нами - впервые за все время в физический контакт. - Он просиял. - Но осталось только шесть минут, - хмуро закончил он.

- Этот секрет трансмутации, о котором вы нам сообщили... - снова начал Баффи, наконец-то обретя голос.

- Пожалуйста, - перебил его Панч, - можно ли посмотреть, как вы охотитесь? Это связывающее звено между нами.

- О, так вы тоже охотитесь? - спросил Падре.

Звездный человек скромно ответил:

- У нас есть дичь, но не крупная. Однако мы любим этот спорт. Так вы покажете, как вы охотитесь?

Баффи помрачнел. Ему вдруг пришло в голову, что эти акции и лекарство от бородавок - совсем незначительны по сравнению с другими подарками звездных людей -

материальными ценностями, оружием и секретом межзвездных путешествий.

- Сейчас мы не можем, - пробурчал он несколько более резко, чем хотел. - Мы стреляем только по летящей дичи.

Панч восхищенно выдохнул:

- Еще одна черта, которая роднит нас! Но теперь я должен покинуть вас и вернуться на свой корабль - мне предстоит еще много дел... И, гм-м, скоро вас, землян, ждет большая неожиданность. - Он начал мерцать, словно пламя свечи. - Ведь мы тоже не стреляем по неподвижным целям, - закончил он и исчез.

ЗВЕЗДНЫЙ ОТЕЦ

1

Норман Маршан сидел на кожаной подушечке, предложенной ему одним молодым человеком, за кулисами небольшой сцены концертного зала. Там, за занавесом, полторы тысячи человек дожидалось возможности поприветствовать его.

Маршан очень хорошо помнил этот зал. Когда-то он владел им. Сорок... нет, не сорок. И даже не пятьдесят. Шестьдесят лет назад это было, шестьдесят с лишним лет назад он и Джойс танцевали в этом зале. Отель только-только заработал, а сам он был сыном человека, который построил его, и это был прием по случаю его женитьбы на Джойс. Конечно, никто из этих людей об этом не знает. Но Маршан помнил... О Джойс, дорогая моя! Сколько лет уже прошло, как ты умерла...

Толпа шумела. Маршан выглянул из-за кулис и увидел, что места за главным столом начинают заполняться. Вице-президент Соединенных Штатов пожимал руки губернатору штата Онтарио с таким видом, словно они вдруг забыли, что принадлежат к различным партиям. Линфокс, сотрудник Института, услужливо помогал шимпанзе занять кресло, рядом с которым, судя по установленному там микрофону, и располагалось место для самого Маршана. Похоже, Линфокс испытывал некоторую неловкость, пытаясь успокоить шимпанзе.

Шимпанзе был, несомненно, смитованным*, но наложение человеческого интеллекта не удлиняло его обезьяньего роста.

Затем появился Дан Флери, поднявшись по ступеням из зала, где на своих местах оставались остальные полторы тысячи участников банкета.

Маршан не без некоторого удовольствия подумал, что Флери выглядит не слишком хорошо - тот был на пятнадцать лет моложе его. И все же Маршан ни к кому не испытывал зависти. Даже к молодому посыльному, что принес ему подушку, - ему, самое большее, было двадцать лет, и сложен он был как футбольный защитник. Одной жизни человеку вполне достаточно. Особенно когда ты осуществил все свои мечты. Или почти все.

Конечно, пришлось потратить все состояние, оставленное ему отцом. Но для чего же еще нужны деньги?

- Пора выходить, сэр. Могу ли я чем-нибудь помочь вам? - Это был тот самый посыльный с грудью защитника, огромные сильные мускулы распирали его форму. Он был очень заботлив. Одной из самых приятных вещей в этом церемониальном банкете в отеле Маршана было то, что персонал относился к нему с таким почтением, словно он до сих пор владел этим отелем. «Вероятно, именно поэтому комитет и выбрал его, - подумал Маршан, - гринчудливый и старомодный, каким он сейчас должен казаться. Хотя когда-то...»

Он пришел в себя.

- Извините, молодой человек. Я... витал в облаках. Спасибо!

Он встал, неторопливо, но не слишком тяжело, понимая, что предстоит долгий день. Когда парень вышел вместе с ним на сцену, аплодисменты стали достаточно

* smith - по-англ. ковать.

громкими, чтобы уровень громкости в его слуховом аппарате автоматически уменьшился.

Поэтому он и пропустил первые слова, произнесенные Даном Флери. Несомненно, они были очень лестными для него. Он очень осторожно опустился в кресло и, когда аплодисменты утихли, смог слышать все слова.

Дан Флери был все таким же высоким человеком, сложенным, как бочка, с густыми бровями и огромной копной волос. Он с самого начала стал помогать Маршану в его безумном проекте отправки человечества в космос. Об этом он сейчас и говорил:

- Самая величайшая мечта человечества! - ревел он. - Завоевать звезды! И вот перед нами человек, который научил нас мечтать об этом. Норман Маршан!

Тот поклонился, встреченный бурей аплодисментов.

И снова ему помог слуховой аппарат, но это стоило пропуском нескольких слов:

- ...и теперь мы на пороге успеха, - сияя, возглашал Флери, - ради этого события мы собрались здесь сегодня вечером... чтобы соединиться в братстве и в великой надежду... посвятить себя ее осуществлению... и выразить наше уважение и нашу любовь к человеку, который первым показал нам то, о чем мы должны мечтать!

Пока Американский комитет ветеранов внимал ораторскому искусству Дана Флери, Маршан излучал улыбку туманному морю лиц. Почти жестоко, подумал он, для Флери представлять все таким образом. На пороге успеха, в самом деле! Сколько лет они терпеливо ждут этого?.. А дверь до сих пор заперта перед их носом. Конечно, он криво усмехнулся, наверное, они посчитали, что торжественный банкет нужно устроить поскорее, если они не хотят иметь в качестве гостя покойника. И все-таки... Он медленно обернулся и посмотрел на Флери с некоторым недоумением. В том, как он говорил, что-то было.

Что-то... Возможно ли...

Конечно же, нет, твердо сказал он себе. Ведь ни с одного блуждающего корабля не дошло до них ни одного сообщения, никаких известий, никаких достижений, ни одна мечта еще не стала реальностью. «Я бы первым узнал об этом». Не было никаких оснований полагать, что они могли бы скрыть от него на некоторое время что-нибудь подобное. Уж он-то бы узнал об этом.

- ...и теперь, - продолжал Флери, - я не буду отвлекать вас от обеда. Потом еще будет множество речей, долгих и страстных, которые помогут вам все понять, уж это я вам обещаю. А теперь давайте есть!

Послышался смех. Раздались аплодисменты. Потом - шум и звяканье вилок.

Приглашение заняться едой, конечно же, не относилось к Норману Маршану. Он сидел, сложив руки на коленях, наблюдая за тем, как посетители рьяно принялись за еду. Он улыбался и чувствовал себя слегка обделенным с мрачным старческим сожалением. Он, право же, нисколько не завидует молодым, говорил он себе. Ни их здоровью, ни их молодости, ни их жизнерадостности и оптимизму. Впрочем, какая-то зависть была - к их бокалам со льдом.

Он попытался сделать вид, что наслаждается своим вином и огромной розовой креветкой с крекерами и молоком. По словам Азы Черны (а он должен был знать, ибо только благодаря ему он еще был жив), он мог выбрать одно из двух. Либо есть все что угодно, либо продолжать жить. Еще некоторое время. И то ли из-за своей доброты, то ли из-за отчаяния Черны сообщил ему максимальный срок, какой он может протянуть, и Маршан порою от нечего делать пытался подсчитать, сколькими из этих оставшихся месяцев он может пожертвовать ради того, чтобы один раз наесться от души. Он верил, что, когда Черны посмотрит на него после еженедельного

медицинского обследования и скажет, что остались считанные дни, он возьмет эти последние дни и обменяет их на кусок жареного мяса с жареным картофелем и кисло-сладкой капустой. Но это время еще не наступило. При удаче он мог рассчитывать еще на месяц. Возможно, на два...

- Прошу прощения? - произнес он, полуобернувшись к шимпанзе. Даже смитованное, животное говорило так плохо, что до Маршана не сразу дошло, что обращаются к нему.

Ему не следовало поворачиваться.

Его запястье онемело; ложка в руке закачалась; мокрые крекеры упали на пол. Он совершил ошибку, пытаясь отодвинуть колено. Старым выглядеть - приятного мало, не хватало еще оказаться на виду у всех заляпанным едой, так что он сделал слишком быстрое движение. Кресло стояло на самом краю небольшого возвышения. Он почувствовал, что опрокидывается.

«Девяносто шесть лет - это уже слишком много для того, чтобы удариться головой об пол, - мелькнула у него мысль. - И если сейчас это произойдет со мной, то, может быть, лучше бы мне было отведать этих креветок...» Но он не разбился.

Он только потерял сознание. И ненадолго: когда он пришел в себя, его еще несли обратно в гардеробную за сценой.

Когда-то Норман Маршан решил посвятить свою жизнь надежде.

Обладая богатством, умом, женатый на красивой и хрупкой девушке, он вложил все, что имел, в Институт колонизации внесистемных планет. Начал он с пожертвования нескольких миллионов долларов.

Это было все, что его отец оставил ему, и было далеко недостаточно для успешного осуществлени проекта. Это был лишь катализатор. Он использовал деньги для того,

чтобы нанять рекламных агентов, держателей ценных бумаг, консультантов по инвестициям и менеджеров. Он потратил их на съемку документальных фильмов и рекламу на телевидении. При помощи этих денег он финансировал коктейли для сенаторов и призы для общенациональных конкурсов учеников шестого класса. Он добился того, чего хотел.

Он добился денег. Очень больших денег. Он собрал все деньги, которые удалось выпросить и вымолить из карманов планеты, и вложил их в финансирование создания двадцати шести огромных кораблей, каждый размером с десяток океанских лайнеров, и отправил их в космос, как фермер, разбрасывающий пшеницу по ветру.

«Я пытался, - шепотом сказал он себе, возвращаясь из самой глубокой тьмы, в которой он когда-либо бывал. - Я хотел увидеть, как человечество протягивает руку и касается нового дома... и я хотел быть одним из тех, кто направит его туда».

Кто-то говорил:

- ...он знал об этом, не так ли? Однако мы пытались сохранить это в тайне... - Кто-то приказал говорящему заткнуться. Маршан открыл глаза.

И увидел рядом Черны, мрачно наблюдавшего за ним. Заметив, что Маршан пришел в себя, он произнес:

- С тобой все в порядке. - И Маршан понял, что это так: Черны сердито бросил эту фразу. Если бы дела были совсем плохими, он бы улыбался. - Нет-нет! - закричал Черны, хватая его за плечо. - Ты не останешься здесь. Тебе нужно домой, в постель.

- Но ты же сказал, что со мной все в порядке.

- Я хотел сказать, что ты еще дышишь. Тебе нельзя перенапрягаться, Норм.

Маршан возразил:

- Но банкет... я должен быть там...

Аза Черны заботился о Маршане уже тридцать лет.

Они вместе рыбачили, а разок-другой даже напивались. Черны ни за что не даст себя уговорить. Он только покачал головой.

Маршан тяжело откинулся на спинку. Позади Черны на краю кресла, наблюдая за ними, молча сидел на задних лапах шимпанзе. «А ведь он встревожен, - подумал Маршан. - Встревожен, потому что ощущает за собой вину за происшедшее со мной».

Эта мысль придала ему сил и он произнес:

- Как глупо с моей стороны было падать таким образом, мистер... простите?

Черны представил его.

- Это Дуэйн Фергюсон, Норман. Он работал на Копернике вне штата. Смитованный. Он присутствует на банкете в костюме, как обычно.

Шимпанзе кивнул, но ничего не сказал. Он следил за красноречивым оратором Даном Флери, который казался чем-то расстроенным.

- Где же эта «Скорая помощь»? - спросил Черны с тем нетерпением, с каким доктор обращается к молодым врачам, и футболист в форме посыльного молча поспешил покинуть комнату, чтобы выяснить это.

Шимпанзе издал лающий звук, чтобы прочистить горло.

- Гчдо, -- начал он (это прозвучало примерно так: немецкий звук «ich», и за ним слово «что»), - гчдо ви ибели в виду, миста Флери? Видеол?

Дан Флери повернулся и тупо посмотрел на шимпа. «Нет», - внезапно подумал Маршан так, словно не понимая, о чем говорит шимп. И словно не собираясь отвечать.

Маршан прохрипел:

- Что такое «видеол»?

- Посмотрите на меня. Послушайте, мистер Фергюсон, может, нам лучше уйти.

- Гчдо? - с трудом донесся резкий лающий звук,

преодолевая сопротивление обезьяньего тела, в которое было заключено существо, а потом звуки стали раздаваться отчетливее: - Что вы ибели... вы имели в виду?

Маршан поморщился, и на секунду ему показалось, что его вот-вот вырвет. Но потом это ощущение прошло, оставив легкую слабость. «Не может быть, - сказал он себе, - чтобы я что-нибудь сломал себе. Черны не стал бы обманывать меня насчет этого». - Но он чувствовал себя так, будто и в самом деле что-то сломал.

Он утратил интерес к разумному шимпанзе и даже не повернул голову, когда Флери подбежал к нему и в возбуждении начал шептать что-то на ухо, эти звуки напоминали стрекотание сверчка.

Если человек хотел оставить свое человеческое тело, которое ему дал Господь Бог, и вложить свой разум, мысли и - да - душу в тело человекообразной обезьяны, это не давало ему права на какое-либо особенное уважение со стороны Нормана Маршана.

Конечно, нет! Маршан повторял привычный аргумент, дожидаясь приезда «Скорой помощи». Люди, добровольно отправлявшиеся в межзвездные путешествия, для осуществления которых он столько сделал, знали, на что идут. И пока какой-нибудь супер-Бэтмэн не изобрел мифического сверхсветового двигателя, так всегда и будет. На доступных скоростях, меньших скорости света - 186 000 миль в секунду, потребуются десятилетия, чтобы достигнуть почти любой из известных планет, заслуживающих интереса.

Процедура смитования позволяла этим людям использовать их разумы для контроля тел шимпанзе - легко размножающихся, достаточно недорогих, - в то время как их тела оставались в глубоком анабиозе все эти долгие годы путешествия среди звезд.

Естественно, на это шли храбрые люди. Они имели право на вежливое к ним обращение и уважение.

Но и он этого заслуживал, и не уважительно говорить о каком-то «видеоле», что бы это ни значило, когда человек, благодаря которому стали возможны межзвездные путешествия, серьезно болен...

Если только...

Маршан снова открыл глаза.

- «Видеол». Если только «видеол» не было самым близким приближением того, что могли произнести голосовые связки шимпанзе, к... к... если только то, о чём они говорили, пока он был без сознания, не было той абсолютно невозможной, безнадежной и фантастической мечтой, которую он, Маршан, оставил, когда начал заниматься организацией кампании по колонизации планет.

Если только кто-то в самом деле не открыл способ путешествовать со сверхсветовой скоростью.

2

На следующий день, как только это стало возможно, Маршан взобрался в кресло на колесиках - самостоятельно (он не хотел, чтобы ему в этом помогали) - и направился в комнату-планетарий дома, который Институт предоставил ему бесплатно на всю жизнь. (Правда, до этого он посвятил всю свою жизнь Институту.)

На обустройство планетария Институт затратил 300 тысяч долларов. Закрепленные на растяжках звезды заполняли весь объем сорокафутового круглого зала, представляя в масштабе весь космос в радиусе пятидесяти пяти световых лет от Солнца. Каждая звезда была отмечена. Некоторые из них год назад слегка даже подвинули, чтобы скорректировать их движение. Все это было сделано очень тщательно.

Двадцать шесть огромных звездолетов, строительство

и отправку в космос которых финансировал Институт, тоже были помечены - те из них, что были еще в пути. Разумеется, их изображения были увеличены и не в масштабе, но Маршан понимал, что они собой представляют. Он подкатил кресло к центру комнаты по обозначенной дорожке и остановился там, разглядывая все вокруг, прямо под желтым Солнцем.

Вверху над ним царил голубовато-белый Сириус. Чуть выше завис Процион. С их наложенным друг на друга сиянием свет ни одной другой звезды не мог быть сравним, хотя справа от Проциона еще ярче сверкал красный Альтаир. В центре комнаты Солнце и альфа Центавра составляли ослепительно сияющую пару.

Он посмотрел слезящимися глазами на самое большое разочарование в его жизни. Альфа Центавра В. Такая близкая. Такая подходящая. И такая стерильная. Это была насмешка мироздания: ближайшая звезда к Солнцу, имеющая самые благоприятные шансы стать новым домом для человечества, так и не обзавелась планетами... или, может, когда-то и имела их, но затем потеряла в ловушках, которые возникли в пространстве между нею и ее двумя спутниками.

Но оставались и другие звезды, сулившие надежду...

Маршан принялся искать и нашел тау Кита, желтовато-бледную звезду. Только одиннадцать световых лет до Солнца, и колонисты определенно должны уже ее достигнуть. Еще лет десять, а может, и меньше - и они получают ответ... если, конечно, там есть планеты, годные к существованию человека.

Это был тот вопрос, на который они уже так часто получали ответ «нет». «Но Тау Кита все еще остается хорошей ставкой», - твердо сказал себе Маршан. Это была менее яркая и более холодная, чем Солнце, звезда. Но она

была того же типа - G - и если верить астрофизикам, то почти наверняка имеет планеты. Однако если она станет еще одним разочарованием...

Маршан обратил свой взгляд к 40 Эридана A - еще более блеклой, еще более далекой. К этой звезде направился, насколько он помнил, пятый построенный им корабль. И вскоре он должен достигнуть цели - в этом году или следующем. Точно время оценить было невозможно - ведь максимальная скорость корабля приближалась к скорости света...

И конечно, максимальная скорость могла к настоящему времени еще более возрасти.

Внезапно на него нахлынула волна разочарования от неудач, почти причинявшая ему физические страдания. Быстрее скорости света - да возможно ли такое!

Но у него не было времени на проявление каких-либо особых эмоций, да и вообще способен ли он еще что-либо чувствовать. Ему казалось, что времени у него остается все меньше и меньше, и он снова выпрямился, оглядываясь вокруг. В возрасте девяноста шести лет уже не хочется заниматься какими-то праздными делами, вроде грез наяву.

Он посмотрел на Процион и тут же отвел взгляд. Следующая экспедиция была отправлена к этой звезде - корабль, наверное, еще не преодолел и половины пути. Они испробовали все. Даже эpsilon Эридана и Грумбридж 1618, отправили даже экспедиции, несмотря на низкие шансы среды спектральных классов, к б1 Лебедя A и эpsilon Индейца; последняя отчаянная попытка на проксиму Центавра (хотя они уже почти наверняка были уверены, что она безнадежна - экспедиция к альфе Центавра не засекала ничего, что напоминало бы пригодную для жизни планету).

Всего их было двадцать шесть. С тремя кораблями была потеряна связь, они пропали, три возвратились

назад, один все еще был на Земле. А девятнадцать по-прежнему находились там.

Маршан искал утешения в ярко-зеленой стреле, которая указывала путь «Тихо Браге» в пространстве, перемещавшемся при помощи ионизированного газа. Ему показалось, что кто-то недавно что-то говорил о «Тихо Браге». Когда? И по какому поводу? Он не мог припомнить точно, но это название застряло у него в голове.

Дверь открылась, и в комнату вошел Дан Флери, и хотя он и видел разбросанные звезды и корабли, но не обращал на них никакого внимания. Эта комната никогда ничего не значила для Флери. Он мрачно проворчал:

- Проклятье, Норман, ты до смерти перепугал всех нас! Почему ты сейчас не в больнице...

- Я был в больнице, Дан. Но я не останусь там. В конце концов мне удалось вдолбить это в голову Азы Черны, так что он сказал, что я могу отправляться домой, если только буду вести себя спокойно и позволю ему осматривать себя. Что ж, как видишь, я веду себя спокойно. И я не против его осмотров. Меня беспокоит только одно: узнать правду о корабле со сверхсветовой скоростью.

- О, Норм, это просто чепуха! Честное слово, тебе не стоит так беспокоить себя...

- Дан, уж мне-то прекрасно известно, что за последние тридцать лет ты не говоришь мне «честное слово», если только не начинаешь врать. Так что давай выкладывай. Я послал за тобой сегодня утром, потому что ты знаешь ответ. И я хочу его тоже знать.

- О Господи, Дан!

Флери обвел взглядом комнату, словно впервые в своей жизни видел эти сверкающие точки света... «Возможно, так оно и есть», - подумал Маршан.

- Ну, что-то в самом деле имеется, - произнес он наконец.

Маршан ждал. Уж чему-чему, а уж этому он научился за долгие годы.

- Есть один паренек, - начал Флери, - по имени Эйзель, математик, так вот, у него есть одна идея.

Флери пододвинул кресло и сел.

- Она далека от совершенства, - добавил он.

- По правде говоря, - продолжал он, - многие считают, что она вообще не сработает. Конечно, ты слышал об этой теории. Эйнштейн, Лоренц-Фитцджеральд, прочие - все они против этого. Это называется... как это?.. полиномизация.

Он несколько секунд напрасно ждал усмешки. Потом продолжил:

- Хотя должен заметить, что у него, похоже, что-то имеется: последние опыты...

Маршан тихо и крайне сдержанно перебил его:

- Дан, прошу тебя, говори по существу. Итак, что же ты пока мне сообщил? Есть парень по имени Эйзель, у которого есть нечто безумное, но толковое...

- Ну... да.

Маршан медленно откинулся назад и закрыл глаза.

- И это означает, что мы все ошибались. Особенно я. И вся наша работа...

- Послушай, Норман! Никогда не думай так! Именно твоя работа все изменила. Если бы не ты, то у людей вроде Эйзеля не было даже шанса заявить о себе. Тебе ведь небось даже не ведомо, что он работал по одной из твоих стипендий?

- Да, я не знал. - Взгляд Маршана на секунду переместился на «Тихо Браге». - Но это мало чем поможет. Интересно, будут ли пятьдесят с лишним тысяч мужчин и женщин, которые большую часть своей жизни проведут в глубоком анабиозе из-за... моей работы... будут ли они

чувствовать то же, что и ты. Но все равно, спасибо. Ты сказал мне то, что я хотел узнать.

Когда час спустя Черны вошел в планетарий, Маршан тут же поинтересовался:

- Ну как, я уже в достаточно хорошей форме, чтобы выдержать смитование?

Поставив чемоданчик, доктор, прежде чем ответить, взял стул:

- В нашем распоряжении никого нет, Норман. И добровольцев не стоит ждать еще несколько лет.

- Нет, вы не поняли: я имел в виду не пересадку в человеческое тело. Я не хочу никакого возможного самоубийства донора-добровольца - вы ведь сами сообщили мне, что иногда после пересадки люди кончают жизнь самоубийством. Я имею в виду шимпа. Чем я хуже того молодого парня... как там его имя?

- Ты имеешь в виду Дуэйна Фергюсона?

- Конечно. Чем я хуже его?

- Выкини это из головы, Норман. Ты слишком стар. Твои фосфолипиды...

- Иль я не слишком стар, чтобы помереть, да? А это самое худшее, что может произойти.

- Это будет неустойчиво! Не в твоём возрасте; ты просто не разбираешься в химии. Я не могу обещать тебе больше нескольких недель.

Маршан обрадованно воскликнул:

- В самом деле! Я и на столько не рассчитывал. Это больше, чем ты обещаешь мне сейчас.

Доктор попытался было спорить, но Маршан, бравший вверх во множестве самых тяжелых сражений за свои девятнадцать лет, имел преимущество над Черны. Доктор даже лучше самого Маршана, знал, что, если он сильно разгневадается, то это может убить его.

В тот момент, когда Черны пришел в выводу, что риск смитовой пересадки меньше, чем риск продолжать этот спор, он нахмурил брови, неохотно кивнул головой и вышел.

Маршан медленно покатился вслед за ним.

Ему не нужно было торопиться к тому, что, возможно, станет последним событием в его жизни. Времени было достаточно. В самом институте выращивались шимпанзе, но чтобы подготовить одного, требовалось несколько часов.

Одним разумом при смитовой пересадке приходилось жертвовать. Человек-то еще мог вернуться в собственное тело (риск неудачи составлял меньше двух процентов), но вот иначе дело обстояло с шимпанзе. Маршан послушно выполнял все процедуры, начавшиеся с облучения, осторожного взятия проб жидкости из его тела, за которыми последовали бесконечные ремни, электроды, зажимы. Раньше он уже видел, как это делается, и подобные процедуры не явились сюрпризом для него... Однако он и представить себе не мог, настолько они болезненны.

3

Стараясь не опираться на костяшки пальцев (что было сложно: обезьянье тело было приспособлено к ходьбе полусогнувшись, руки были слишком длинными, чтобы удобно свисать по бокам), Маршан вперевалочку вышел на стартовую площадку и распрямил свой негнувшийся позвоночник шимпанзе, чтобы поднять взгляд на ненавистную вещь. К нему подошел Дан Флери.

- Норм? - спросил он неуверенно.

Маршан попытался кивнуть, но ему это не удалось, однако Флери понял это.

- Норман, - повторил он, - это Сигмунд Эйзель. Изобретатель сверхсветового двигателя.

Маршан поднял длинную руку и протянул ладонь, которая не желала раскрываться - она была приспособлена к тому, чтобы быть все время сжатой в кулак.

- Пождравляю, - произнес он так отчетливо, как только мог. Проявляя милосердие, он не стал пожимать руку молодого темноглазого человека, с которым его знакомили. Его-то должны были предупредить, что сила шимпанзе может покалечить людей. Вряд ли он забыл об этом, но было соблазнительно представить себе это хоть на секунду.

Он опустил руку и поморщился от накатившей на него волны боли.

Черны предупреждал его об этом.

«Нестабильно, опасно, но ненадолго, - пророкотал он своим басом, - и не забывай, Норман, наше оборудование установлено на слишком высокую для тебя мощность - ты не привык отдавать сигналы вот такому объекту ввода, и поэтому будет больно».

Но Маршан уверил доктора, что это его не беспокоит, и действительно так оно и было. Он снова посмотрел на корабль.

- Жначид, вод он, - проворчал он, и снова отклонил назад спину и всю бочкообразную грудь животного, в теле которого он находился, желая внимательно рассмотреть стоявший на площадке корабль.

Наверное, в высоту он достигал ста футов.

- Немного, - презрительно заметил он. - «Зириуз», наш первый, был добрых девятьсот футов высотой, и на нем улетело дысяча человек к альфе Зендавра.

- И сто пятьдесят вернулись живыми, - заметил Эйзель. Он ни в коем случае не хотел подчеркнуть свои слова, но выразился достаточно ясно. - Я хочу признаться вам, что всегда восхищался вами, доктор Мар-

шан. Надеюсь, вы не возражаете против моего общества. Как я понимаю, вы хотите отправиться вместо со мной к «Тихо Браге».

- А бочему я должен возражать? - На самом же деле, он, конечно, был против этого. С самыми благими намерениями этот молодой человек свел на нет семьдесят лет самоотверженного труда вместе с огромным состоянием - в него входили как его восемь миллионов долларов, так и бесчисленные сотни миллионов, которые были собраны Маршаном у миллионеров, у правительственных фондов, включая даже мелочь, жертвуемую школьниками из своих карманных расходов - все это было брошено в ночной горшок и спущено в сточные воды истории. Теперь будут говорить: «Одиозная личность начала двадцать первого столетия, Норман Маршан - или Маркан - пытался осуществить колонизацию звезд на примитивных ракетных кораблях, и, конечно, его проект ждала неудача, но заплатить пришлось человеческими жизнями и здоровьем тысяч. Однако после изобретения Эйзелем сверхсветового двигателя стало возможным... - О да, будет написано, что его предприятие провалилось. И так оно и было.

Когда «Тихо Браге» начинал свой путь к звездам, огромный оркестр из пятисот инструментов играл во время стартового отсчета, и при помощи спутниковой связи телезрители всего мира следили за его отлетом. Присутствовали президент, губернатор и половина сената.

Когда Землю покидал маленький корабль Эйзеля, чтобы догнать «Тихо Браге» и сообщить его экипажу, что все их усилия оказались напрасными, это напоминало отправление рейсового самолета, вылетавшего в 7.17 в Нью-Джерси. «Вот до какой степени, - подумал Мар-

шан, - Эйзель принизил величие межзвездного путешествия. И все же он ни за что на свете не пропустил бы его. Даже если бы это означало предложить себя в качестве суперкарго Эйзелю, хотя тот и уничтожил дело его жизни, и еще одному смитованному шимпанзе по имени Дуэйн Фергюсон, который по какой-то причине полагал, что у него есть особые привилегии в отношении «Браге».

Они установили на корабле дополнительный сверхсветовой модуль (Маршан слышал, как кто-то называл его полифлектером), но он не позволил себе спросить у кого-нибудь, что это означает, - по ряду причин. Вероятно, в пути случится поломка. И наверное, уж поэтому-то они взяли с собой запасную часть, правильно? Маршан решил не спрашивать, вдруг осознав, что это не страх, но надежда. Каковы бы ни были причины, это его не заботило; ему не хотелось даже быть здесь; он просто рассматривал это как свой неизбежный долг.

И он поднялся на борт корабля Эйзеля.

Внутри этот адский корабль был обустроен по человеческим меркам - девятифутовые потолки и широкие противоперегрузочные кресла-кушетки, но завезли также гамаки - для него самого и Дуэйна Фергюсона. Несомненно, гамаки взяли с последнего корабля. Того самого, что никогда уже не полетит - во всяком случае, не на потоках ионизированного газа. И наверное, в последний раз человеческий разум покидал Землю в теле обезьяны.

На чем летел к звездам адский звездолет Эйзеля, Маршан не знал, но только не на ионизированном газе. Как-там-его-флектор - как бы ни называлась эта проклятая штука, но она была такой крошечной. Да и весь корабль казался пигмейским.

Не было огромных топливных баков: топливо — только для того, чтобы взлететь с Земли. После этого

небольшой черный ящик - на самом деле вовсе не такой уж и маленький (он был размером с большое пианино) и не черный, а серый (но все равно это был ящик) будет создавать свою магию. Они называли эту волшебную силу «полиномизацией». Что же такое представляет из себя полиномизация, Маршан и не пытался понять, даже не стараясь слушать объяснения или делать вид, что слушает, когда Эйзель безуспешно пытался в общих чертах кратко перевести язык математики на английский. Он улавливал только отдельные фразы: пространство, имеющее № измерений... ну что ж, это-то и служило ему объяснением того, что его интересовало, и он не вслушивался к мучительным попыткам Эйзеля объяснить, каким образом происходит выход в полиномиальное измерение - или нет, точнее говоря, перемещение обычного четырех-пространственного предмета в измерения более высоких порядков, но он не слушал эти объяснения. Вообще ничего не слышал. Он прислушивался лишь к глубоким плавным ударам здорового сердца обезьяны, которое сейчас снабжало кровью его мозг.

Появился Фергюсон в теле обезьяны, которое он никогда уже не покинет. Это был еще один пункт самообвинения Маршана - он слышал, что тело Фергюсона погибло во время смитования.

Как только Маршан услышал, что Эйзель собирается сделать, он ухватился за это, как за шанс искупления вины. Проект был очень прост. Отличное испытание для двигателя Эйзеля, да к тому же и миссия милосердия. Они намеревались на огромной скорости отправиться вслед за медленно летящим, уже давно покинувшим Землю «Тихо Браге» и догнать его на полпути: даже к настоящему времени, когда минуло тридцать лет после взлета звездолета с космопорта Кеннеди, он все еще тормозил, чтобы выйти на подходящую орбиту вокруг Грумбри-

джа 1618. Когда Маршан привязался ремнями, Эйзель снова начал свои объяснения. Он говорил и одновременно занимался проверкой черного ящичка.

- Видите ли, сэр, мы попытаемся привести в соответствие курс и скорость, но, честно говоря, это будет непросто сделать. Догнать их не самое главное: мы должны иметь одну с ними скорость. И тогда мы переправим второй полифлектор на «Тихо Браге»...

- Да, спасибо, - вежливо поблагодарил Маршан, но он по-прежнему не прислушивался к словам относительно этой машины. Пока она существует, он будет использовать ее - его совесть не позволит ему отказаться от этого, но избавьте его от деталей.

Ведь из-за нее, этой штуковины, столько жизней были угроблены впустую!

Каждый год, проведенный в глубоком анабиозе «Тихо Браге» означает месяц, вычеркнутый из жизни людей, находящихся в нем. Дыхание замедлялось, но все же не останавливалось до конца. Сердце не билось, но кровь продолжала перекачиваться насосами; по трубкам в спящую кровь вводились сахар и минеральные вещества; катетеры удаляли продукты распада. А до Грумбриджа 1618 было еще девяносто лет пути.

Лучшее, на что мог надеяться сорокалетний человек, то, что по прибытии у него будет тело, имеющее биологический возраст около пятидесяти лет, в то время как там, на Земле, его семья уже давно умерла, все друзья обратились в прах.

Но путешествие стоило того. Или так думали колонисты. Червячок, что извивается в позвоночнике исследователя, непреодолимое стремление гнали их вперед - обнаружить богатство, мощь и свободу нового мира, занять место в исторических книгах - место не Вашингтона и даже не Христа. Они должны были занять место Адама и Евы.

«Это того стоит», - так думали все те тысячи добровольцев, отважившихся на это путешествие. Но что они будут думать, когда совершат посадку!

Если они высадятся, не зная всей правды, если какой-нибудь корабль, вроде эйзелевского, не перехватит их на полпути и не расскажет об этом, то их постигнет самое жестокое разочарование, которое когда-либо испытывал человек. Согласно их первоначальному плану полет «Тихо Браге» до Грумбриджа 1618 должен продлиться еще сорок лет. После появления эйзелевского сверхсветового двигателя перед ними предстанет планета, населенная сотнями тысяч людей, с работающими заводами и строящимися дорогами, где лучшие земли уже будут заняты и будет написано не менее пяти глав истории освоения планеты... И что же тогда подумают три тысячи стареющих искателей приключений?

Маршан простонал и покачал головой, но вовсе не потому, что корабль начал подъем и ускорение прижало его грудную клетку к позвоночнику.

Когда заработал полифлектер, он проплыл через пилотскую кабину и присоединился к остальным.

- Я никогда не был в козмозе, - произнес он.

Эйзель с большим уважением сказал:

- Ваша работа проходила на Земле.

- Да, проходила. - Маршан ничего больше не добавил.

Человек, чья вся жизнь оказалась ошибкой, был кое-чем обязан человечеству, в частности, на него была возложена обязанность сообщить им правду.

Он внимательно наблюдал за тем, как Эйзель с Фергюсоном прочитывали показания приборов и делали микрометрические установки на полифлектере. Он ничего не понимал в устройстве сверхсветового двигателя, но знал, что карта всегда остается картой. Здесь был изображен

курс экспедиции к Грумбриджу 1618. «Тихо Браге» был светящейся точкой, преодолевшей уже девять десятых расстояния, разделявшего Солнце и звезду системы Грумбридж, что означало примерно три четверти пути по времени.

- Масс-детекторы, доктор Маршан, - весело произнес Эйзель, указывая на карты. - Хорошо, что они не слишком близко, иначе их массы было бы недостаточно, чтобы мы могли засечь их. - Маршан понял: те же детекторы, что показывают звезду или планету, покажут также и единственный звездолет весом в миллион тонн, но только, если его скорость настолько огромна, что возможен эффект увеличения массы. - И хорошо также, - добавил Эйзель, выглядя встревоженно, - что они не слишком далеко. Похоже, у нас теперь будут проблемы с выравниванием скорости, даже если они уже девять лет тормозят... Давайте привяжемся.

В гамаке Маршан всеми силами сражался с очередной волной ускорения. Но это было что-то иное и куда хуже.

Словно какая-то мясорубка перемалывала его сердце и сухожилия, а потом выплевывала их в виде странных изуродованных форм.

Словно давящий пресс сжимал его горло, сплющивал сердце.

Словно его прокатило по американским горкам или швыряло в маленьком суденышке во время тайфуна, и теперь он испытывал головокружение и тошноту. Но что бы это ни было, звезды на курсовых картах медленно скользили и перемещались в новое положение.

Маршан, чьи мысли полностью занимал самый жестокий из всех приступов мигрени за всю его почти столетнюю жизнь, с трудом воспринимал происходящее, но знал, что через несколько часов они обнаружат «Тихо Браге», уже тридцать лет как бороздивший звездное небо.

Капитан «Тихо Браге» оказался седеющим шимпанзе с желтыми клыками по имени Лафкадио, его карие глазки были прикрыты, а жилистые руки все еще дрожали от шока после внезапно появившегося звездолета - звездолета - и людей.

Маршан заметил, что он не может отвести взгляда от Эйзеля. Уже тридцать лет капитан пребывал в теле обезьяны. И теперь это была постаревшая обезьяна. Лафкадио, наверное, думает о себе больше как об обезьяне, человеческим остались только его воспоминания, которые становились все более и более смутными, когда на них ежедневно накладывались память о покрытых шерстью руках и цепких косолапых ногах. Маршан и сам уже ощущал, как разум обезьяны возвращает себе власть над телом, прокрадывается потихоньку, хотя и знал, что это просто ему кажется.

А может, и не кажется? Ведь Аза Черны говорил ему, что пересадка может оказаться неустойчивой - что-то, связанное с фосфолипидами, - он не мог сейчас вспомнить. По правде говоря, он не мог ясно и уверенно припомнить все, что хотел, и вовсе не потому, что у него был разум девятиностошестилетнего старика.

Без всяких эмоций Маршан вдруг понял, что месяцы или недели путешествия сократились до несколько дней.

Конечно, могло быть так, что мешать ему здраво рассуждать мешала пульсирующая в висках боль. Но Маршана эта мысль только позабавила, а потом он ее отбросил: если у него хватило мужества согласиться с мыслью, что работа всей его жизни оказалась напрасной, то он может принять и то, что эта боль - всего-навсего производной второго порядка от убийцы, который подкрадывался к его обезьяньему телу. Но из-за этого ему

было трудно сосредоточиться. Словно в тумане он слышал разговор капитана со своей командой - двадцатью двумя смитованными шимпанзе, которые управляли полетом «Тихо Браге» и следили за тремя тысячами замороженных тел, лежавших в анабиозе. Сквозь низкий, приводящий в замешательство рев он слышал, как Эйзель инструктировал их относительно переправки модуля со сверх-световым двигателем с крошечного корабля в их огромный громоздкий ковчег, который благодаря этому ящичку сможет мчаться с такой огромной скоростью, что звездные путешествия станут однодневными.

И вдруг он заметил, что они время от времени бросают на него взгляды, полные жалости.

Ему было наплевать на это. Он просто попросил, чтобы они разрешили ему жить с ними, пока он не умрет - они, как и он сам, знали, что это случится вскоре, - и он погрузился в болезненные мечтания, забыв обо всем, и это продолжалось до тех пор (сколько именно, он не мог сказать) ...до тех пор, пока он не обнаружил, что привязан в гамаке в рубке управления корабля, чувствуя новую жуткую боль, и понял, что корабль снова проникает в пространство иных измерений.

- С вами все в порядке? - спросил знакомый низкий невнятный голос.

Это была еще одна, последняя жертва его ошибки - по имени Фергюсон. Маршан еле-еле выговорил:

- Да.

- Почти прибыли, - сказал Фергюсон. - Я подумал, что вам хотелось бы узнать это. Здесь есть планета. Они считают, что необитаемая.

С поверхности Земли эта звезда, именуемая Грумбриджем 1618, даже не видима простым глазом. В бинокль она казалась бы лишь крошечной мигающей точкой све-

та, почти затерянной среди бесчисленных тысяч более далеких, но и более ярких звезд. Да и с самого Грумбриджа Солнце выглядело точно так же.

Маршан вспомнил, как пытался выбраться из своего гамака, не обращая внимания на беспокойство на обезьяньем лице Фергюсона. Ему хотелось взглянуть на экран, который показывал Солнце. Фергюсон нашел его для него, и Маршан посмотрел на точку света, до которой было пятнадцать лет пути - его родину. Фотоны, которые сейчас попадали и в его глаза, окрашивали Землю в закатные цвета, когда ему было семьдесят, и прошло всего несколько лет, как умерла его жена. Он не помнил, как возвратился в гамак.

Не помнил он и того момента, когда кто-то сообщил ему о планете, которую они надеялись превратить в свой новый дом. Она кружилась на низкой орбите вокруг небольшого оранжевого диска Грумбриджа 1618 - по стандартам Солнечной системы, по крайней мере. По предварительной оценки капитана, ее орбита была несколько неправильной формы, но на самом минимальном расстоянии до этого сверкающего огненного уголька будет меньше десяти миллионов миль. Достаточно близко. Достаточно тепло. В телескопы на поверхности планеты были видны океаны и леса, рассеивая последние сомнения капитана: вода не застывала даже тогда, когда планета находилась на самом далеком расстоянии от звезды, а леса не сгорали и на минимальном удалении, иначе бы они не смогли снова вырасти. Спектрометр, термопары, филарометры показывали больше - приборы неслись впереди корабля, уже вращаясь на орбите, медленно проползая последний дюйм своего путешествия на ракетных двигателях. Дышать воздухом атмосферы оказалось возможным: папоротниковые леса поглощали яды и наполнили воздух кислородом. Сила тяжести превышала земную - что, несомненно, явится обузой для

первого поколения, в ногах и пояснице появятся боли, от которой будут страдать и многие последующие, но все это можно было пережить - этот мир был прекрасен.

Маршан не помнил ни о том, как узнал об этом, ни о посадке, как и о том, как торопливо и радостно открывали анабиозные камеры, чтобы разбудить колонистов и начать новую жизнь на планете... он только и запомнил тот миг, когда обнаружил себя свернувшимся клубочком в мягком теплом гамаке, посмотрел вверх и увидел небо.

5

Над ним склонились вытянутые волосатые губы и нависающие надбровные дуги шимпанзе. Маршан узнал молодого паренька Фергюсона.

- Привет, - сказал он. - Сколько времени я пробыл в отключке?

Шимп смущенно ответил:

- Ну... вообще-то вы сознания и не теряли. Вы... - Его голос замолк.

- Понятно, - произнес Маршан и попытался приподняться. Он был благодарен своему короткорукому телу, с его покатыми плечами и короткими ногами: мир, в котором он оказался, имел слишком сильное тяготение. От этих усилий закружилась голова. Бледное небо и легкие облака завертелись вокруг него; он почувствовал странные вспышки боли и удовольствия, вспомнил вкус, которого никогда прежде не испытывал, почувствовал радость, никогда до этого не ведомую ему... С трудом ему удалось подавить в себе остатки обезьяны.

- Ты хочешь сказать, я был... - начал он, - как это называется? Нестабильным? Смитованная пересадка не до конца удалась. - Впрочем, ему не требовалось подтверждение Фергюсона. Он знал... и знал, что в

следующий раз, когда случится подобный провал в сознании, это произойдет в последний раз. Черны предупреждал его. Фосфолипиды, правильно? Пора уж возвращаться домой...

Неподалеку он увидел мужчин и женщин, человеческих мужчин и женщин, занимающихся различными делами, и тогда он спросил:

- Ты все еще остаешься обезьяной?

- И пробуду ещё некоторое время, доктор Маршан. Ведь мое тело погибло, как вам это известно.

Маршан некоторое время поломал голову над этим. Его мысли блуждали. Он вдруг поймал себя на том, что облизывает предплечье и чистит свой круглый живот.

- Нет! - закричал он и попытался встать.

Фергюсон помог ему, и Маршан с благодарностью ухватился за сильную обезьянью руку. Он вспомнил, что беспокоило его.

- Почему? - спросил он.

- Что «почему», доктор Маршан?

- Почему ты отправился сюда?

Фергюсон с беспокойством ответил:

- Я хочу, чтобы вы посидели здесь до прихода доктора. Я отправился сюда потому, что на «Тихо Браге» был кое-кто, кого я хотел увидеть.

«Девушка?» - удивленно подумал Маршан.

- И ты увиделся с нею?

- Не с нею - ними. Да, я встретился с ними. Моими родителями. Понимаете, мне было два года, когда отправился в полет «Тихо Браге». Мои родители происходили из хороших крепких семей (добровольцев тогда было немного) ...да вам, конечно, лучше меня это известно. Как бы то ни было, они... я воспитывался теткой. Они оставили мне письмо, которое я прочитал, когда стал достаточно взрослым... Доктор Маршан! Что с вами?

Маршан зашатался и упал; он не мог ничего с собой поделать; он знал, что ведет себя театрально, неуместные слезы текут из его звериных глаз, но этот последний удар оказался таким резким и неожиданным. Он оказался перед фактом пятидесяти тысяч разрушенных жизней и принял на себя вину за них, но один оставленный на попечение тетки ребенок и письмо с извинениями нанесли удар в самое его сердце.

- Интересно, почему вы не убили меня? - произнес он.

- Доктор Маршан! Не понимаю, о чем вы говорите.

- Если бы только... - начал осторожно Маршан. - Я не жду ни от кого снисхождения, но если бы только был способ, чтобы заплатить за это. Но я не могу. У меня нет ничего, нет даже жизни. Но я крайне сожалею, мистер Фергюсон, и это должно помочь.

- Доктор Маршан, - произнес тот, - если я не ошибаюсь, вы приносите извинения от лица института. - Маршан кивнул. - Но... - он вздохнул, мне вовсе не нужно говорить это, да и вообще никому другому. Послушайте. Позвольте мне попытаться прояснить этот вопрос. Первым делом, что сделали колонисты вчера, так это выбрали имя для этой планеты. Все проголосовали единогласно. Не хотите узнать, какое это имя?

Маршан лишь тупо смотрел на него.

- Пожалуйста, послушайте, доктор Маршан. Они назвали ее в честь человека, который вдохновил их на подвиг. В честь самого великого из героев. Они дали планете имя Маршан.

Тот уставился на собеседника не сводил с него глаз, а потом, не меняя выражение на лице, закрыл глаза.

- Доктор Маршан! - неуверенно произнес Фергюсон, после чего, уже серьезно обеспокоенный, повернулся и быстро побежал на своих обезьяньих ногах, опираясь о костяшки пальцев, по земле, к корабельному доктору,

который приказал ему в случае, если пациент придет в себя, немедленно позвать его.

Когда они вернулись, шимпанзе не было. Они посмотрели на ветвистый лес, а потом друг на друга.

- По всей видимости, ушел, - сказал доктор. - Может, это и к лучшему.

- Но ведь ночью холодно! Он простудится. И умрет.

- Уже нет, - сказал доктор, вкладывая в эти слова столько мягкости, сколько мог. - Он уже мертв - мертв в том смысле, который только и имеет значение.

Потом он наклонился и потер заболевшие бедра, которые уже устали сражаться с гравитацией этого нового Эдема, после чего распрямился и посмотрел на звезды в темнеющем западном небе. Ярко-зеленая звездочка была еще одной планетой Грумбриджа 1618, расположенная чуть дальше, вся покрытая льдом и солями меди. И на-верное, одной из самых тусклых точек на небе было Солнце.

- Он дал нам эти планеты, - сказал доктор и повернулся в сторону города. - Ты знаешь, Фергюсон, что означает быть хорошим человеком? Это означает быть лучше, чем ты являешься на самом деле - и поэтому даже твои ошибки для кого-то оборачиваются успехом - и именно это он и сделал для нас. Надеюсь, что он слышал то, что ты пытался рассказать ему. Надеюсь, он будет помнить об этом в момент смерти, - добавил доктор.

- Если и нет, - очень отчетливо произнес Фергюсон, - то мы-то точно никогда не забудем.

На следующий день они обнаружили скорчившееся тело.

Это были первые похороны на этой планете, и в анналах истории это так и было записано. Вот почему на планете Маршан на постаменте в космопорте есть небольшой барельеф над табличкой:

«ЗВЕЗДНЫЙ ОТЕЦ»

Барельеф имеет форму шимпанзе, который лежит скорчившись и смотрит невидящим испуганным взглядом на мир - именно таким и было найдено тело шимпанзе, которое они захоронили под этим памятником. И тело, и барельеф - обезьяны. Но над ними возвышается статуя Бога.

СОДЕРЖАНИЕ

Кометы Оорта	5
Рассказы	
Панч	375
Звездный отец	383

Литературно-художественное издание

Фредерик Пол

Кометы Оорта

Ответственный за выпуск
И. Гусейнов

Издательство «Сигма-Пресс»
107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

Лицензия ЛР № 061867 от 03.12.92.

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.12.95. Формат 84×108/32.

Бумага типографская. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,16. Тираж 30 000 экз. (1-й завод — 1—15 000 экз.).
Зак. № 910.

Издание осуществлено при содействии издательства «Фактор», г. Тверь.
170037, г. Тверь, ул. 2-я Лукина, 9.

Диапозитивы изготовлены в издательстве «Сигма-пресс»,
107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

Отпечатано на АООТ «Тверской полиграфический комбинат».
170024, г. Тверь, пр. Ленина, 5.

Книготорговый отдел издательства

«СИГМА-ПРЕСС»

предлагает книжную продукцию в ассортименте.

*Покупая книги по нашим ценам,
Вы покупаете их у себя в городе.*

Если Вы получаете книги
в железнодорожных контейнерах,
ЗНАЙТЕ — так работали **ВЧЕРА**.
СЕГОДНЯ есть более оперативный
способ доставки.

**В ЛЮБОЙ ГОРОД РОССИИ
МЫ ДОСТАВИМ
КУПЛЕННЫЕ У НАС КНИГИ
В ТОЧНО ОГОВОРЕННЫЙ СРОК.**

Форма оплаты по договоренности.
Минимальная партия — 500 пачек.

По вопросам реализации книг
серий «Англо-американская фантастика»
и «Криминальный экспресс»
оптовым покупателям обращаться в книготорговый
отдел издательства «Сигма-пресс»
по тел.: 264-29-76, 264-99-54
факс: 268-66-20

